

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

К 850-летию Москвы

Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей

Советско-германский пакт: замысел и реализация

О планах Сталина, связанных со Второй мировой войной

Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны

Продолжение разговора о причинах трагедии 1941 года

Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях

Русские в государствах Центральной Азии: проблемы и перспективы

Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой

Конец уделов на Руси

май
июнь

1996 * 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. В. ТЮТЮКИН (*главный редактор*)

**А. И. АКСЕНОВ, Ю. С. БОРИСОВ, В. Я. ГРОСУЛ, В. П. ДМИТРЕНКО,
П. Н. ЗЫРЯНОВ, А. П. КОРЕЛИН, Ю. С. КУКУШКИН, В. С. ЛЕЛЬЧУК,
Л. Н. НЕЖИНСКИЙ, Ю. А. ПЕТРОВ, Е. И. ПИВОВАР,
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН** (*зам. главного редактора*),
А. Н. САХАРОВ, С. С. СЕКИРИНСКИЙ, В. А. ФЕДОРОВ, К. Ф. ШАЦИЛЛО, Я. Н. ШАПОВ

Адрес редакции:

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 123-90-10; 123-90-41

Ответственный секретарь *Ю. В. Мочалова*, тел. 123-90-10

EDITORIAL BOARD

S. V. TIUTIUKIN (*Editor-in-chief*),

**A. I. AKSIONOV, Yu. S. BORISOV, V. Ia. GROSUL, V. P. DMITRENKO,
P. N. ZYRIANOV, A. P. KORELIN, Iu. S. KUKUSHKIN, V. S. LEL'CHOUK,
L. N. NEZHINSKII, Iu. A. PETROV, E. I. PIVOVAR,
Iu. A. POLYAKOV, M. A. RAKHMATULLIN** (*Assistant editor-in-chief*),
A. N. SAKHAROV, S. S. SEKIRINSKII, V. A. FEDOROV, K. F. SHATSILLO, Ia. N. SCHAPOV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 123-90-10; 123-90-41

Managing Editor *Ju. V. Mochalova*, tel. 123-90-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 2-х АВТОРСКИХ ЛИСТОВ (48 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ТРИ ЭКЗЕМПЛЯРА, ОДИН ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ

К 850-летию МОСКВЫ

© 1996 г. М. М. ГОРИНОВ*

БУДНИ ОСАЖДЕННОЙ СТОЛИЦЫ: ЖИЗНЬ И НАСТРОЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ (1941—1942 гг.)

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать изменения, во-первых, численности, половозрастного и социального состава москвичей, во-вторых, основных условий их жизни, в-третьих, самих настроений жителей столицы с 22 июня 1941 г. по май 1942 г. При сопоставлении этих изменений получается некий, возможно, спорный, результат. Спорность его связана также с неравномерной исследованностью ключевых параметров.

Изучение настроений москвичей в период Великой Отечественной войны только начинается. В силу цензурных установок в мемуарной и исследовательской литературе советского периода рассматривались почти исключительно проявления героизма столичных жителей. Перелом наметился лишь в самые последние годы. Появились новые работы очерково-популярного характера¹, мемуарного жанра², публикации источников, отразившие динамику настроений жителей Москвы в годы войны³ на основе новых, ранее недоступных данных.

Демографическая ситуация. Что представляло собой население Москвы изучаемого периода в демографическом и социальном отношении? Сводные сведения о демографической динамике военной Москвы, обобщенные на базе ранее закрытых документов Центрального муниципального архива г. Москвы (бывший ЦГАОР и СС г. Москвы), были введены в научный оборот О. К. Матвеевым⁴. Согласно этим данным, перед началом войны население Москвы насчитывало 4 215 800 человек. В течение июня, июля, августа численность его оставалась стабильной, а в сентябре даже увеличилась до 4 236 200 человек (за счет беженцев из захваченных немцами западных областей страны), но уже начиная с октября стала сокращаться. Главными причинами этого были: мобилизация мужчин в Красную Армию (всего за годы войны столица направлена в вооруженные силы свыше 850 тыс. человек); эвакуация детей, женщин, промышленных рабочих на Восток⁵. В октябре, по данным Московского карточного бюро, численность населения Москвы составила уже 3 148 000 человек, в ноябре — 2 476 700, в декабре — 2 243 900, в январе 1942 г. — 2 027 818 человек, т. е. по сравнению с июнем уменьшилась к рубежу 1941/42 г. более чем наполовину. Зимой в столицу стали возвращаться отдельные организации, в конце 1942 г. реэвакуация приняла массовый характер, и к 1943 г. население города насчитывало уже 2 743 649 человек⁶.

Но данные О. К. Матвеева требуют уточнения. Детей из Москвы фактически эвакуировали дважды: летом и осенью 1941 г. Начиная с 24 июня вывезенных из столицы юных москвичей размещали в Московской, Рязанской и Тульской областях⁷. Согласно справке, поступившей от председателя исполкома Моссовета В. П. Пронина председателю Совета по эвакуации Н. М. Швернику от 10 сентября 1941 г., на «24 часа 9 сентября 1941 г. всего вывезено из Москвы детей из детских садов, яслей, школ и взрослого населения г. Москвы — 2 млн. 178 тыс. 511 человек»⁸. Эта информация, очевидно, не учтена О. К. Матвеевым (вероятно, она не отражена в использованных им данных Статистического управления Мос-

* Горинов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра научного использования и публикации архивного фонда объединения «Мосгорархив».

горисполкома, поскольку вывезенных на лето детей из Москвы не выписывали). Второй раз детей эвакуировали осенью: «По мере приближения линии фронта дети по возможности возвращались родителям для индивидуальной эвакуации (...); часть детей, в основном не имеющая родителей, и детские учреждения закрытого типа (детские дома) были эвакуированы в глубь страны, в восточные области Союза. Детская эвакуация закончилась в ноябре»⁹. Цифры этой эвакуации, судя по всему, вошли в сводную статистику, использованную Матвеевым.

Отток эвакуированного населения из города не мог быть существенно восполнен за счет беженцев из оккупированных западных районов. Как правило, они не задерживались в Москве: их прибытие и последующая отправка из столицы строго контролировались¹⁰. Был также установлен жесткий контроль за нарушителями паспортного режима, дезертирами. В результате только с октября 1941 по июль 1942 г. было выявлено 10 610 дезертиров; в ходе массовых проверок документов задержано 20 626 человек, проживающих без прописки¹¹.

С учетом вышеизложенного представляется сомнительным, чтобы в июле — августе 1941 г. реальное население Москвы оставалось стабильным. Очевидно, его численность была значительно ниже «списочной» — к началу сентября приблизительно на 2 млн. человек. Обратим внимание и на то, что за счет эвакуации детей (в июне — августе, а также в октябре 1941 г.) город значительно «повзрослел».

Одновременно вырос удельный вес женщин в составе населения. К сожалению, мы не располагаем соответствующей статистикой, однако факт этот зафиксирован в огромном количестве источников. В частности, в бюллетене германского Штаба полиции безопасности и СД от 8 мая 1942 г. отмечалось: «Молодых мужчин в Москве можно встретить очень редко, так как уже перед Рождеством прошла большая мобилизация в армию. Многие профессии стали женскими. Не только общественный транспорт обслуживается женским персоналом, но и тяжелый и самый тяжелый мужской труд нередко выполняют женщины»¹².

Резко сократилась в 1941 г. численность Московской городской партийной организации: со 173 тыс. в июне до 50 тыс. человек в декабре, т. е. более чем на 70%. Коммунисты ушли в действующую армию, составили костяк добровольческих формирований, налаживали работу эвакуированных на восток страны предприятий¹³.

Итак, с 24 июня (очевидно, даже раньше — с первых чисел июня, когда обычно начинался дачный сезон) имеет место процесс «старения» и «феминизации» москвичей: количество социально и политически активного, воспитанного при коммунистическом режиме классово привилегированного населения (рабочие крупнейших предприятий) сокращается. Резко уменьшается и доля наиболее политически активных граждан — членов ВКП(б). Таким образом, социально-политическая основа собственно коммунистического режима постепенно размывается, и увеличивается удельный вес не адаптировавшихся к этому режиму (а то и ущемленных им) возрастных (сформировавшихся до революции) и социальных (рабочие мелкой местной промышленности, в основном социально дискриминированные бывшие кулаки и крестьяне) групп, отличающихся низкой социально-политической активностью.

Проанализируем теперь основные условия, которые определяли динамику настроений москвичей.

Факторы материального характера

П и т а н и е. До середины июля 1941 г. в Москве продолжала функционировать довоенная система торговли. С 17 июля в городе вводится карточная система распределения основных продовольственных и промышленных товаров¹⁴. Одновременно открывается коммерческая торговля в 97 магазинах¹⁵.

Вначале новая система обеспечения продуктами, вероятно, функционировала сносно (правда, результаты проверок зафиксировали случаи разбазаривания талонов, продуктов и т. д.), хотя качество сервиса снизилось по сравнению с довоенным временем. Из дневника врача скорой помощи *А. Г. Дрейцера* от 8 августа:

«Продукты питания труднее получить. Мороженое еще продают везде. Изящные московские кафе превратились в трактиры: исчезли скатерти, появились оловянные ложки, подавальщицы стали грубее»¹⁶.

По мере приближения линии фронта ситуация с продовольствием в столице ухудшается. С середины октября 1941 г. мы имеем возможность отслеживать ее буквально по дням благодаря дневнику журналиста *Н. К. Вержбицкого*, в котором скрупулезно фиксировались «мелочи быта»: ситуация со снабжением, цены на рынках и т. д.¹⁷ Из его записей: *17 октября*. «В овощных магазинах только картошка (очереди) и салат (без очереди). Есть еще уксусная эссенция. В газетах сообщения о богатом завозе овощей в Москву». *18 октября*. «С 4 час. ночи стоял за хлебом. Получил его в 9 час.» *21 октября*. «В Сокольническом ПКЮ, около Зеленого театра, с ночи собираются многотысячные очереди с мешками. Дают муку. По пуду на рабочую и служащую карточку. Люди складываются и берут прямо мешками по 70 кило». *22 октября*. «У меня цифры, сделанные на ладонях, на запястьях, на тыловой стороне ладони: 31, 62, 341, 5004... Это места, которые я занимал в разных очередях. Посмотришь, и у всех такие же „знаки антихриста“». *2 ноября*. «Продажа по коммерческим ценам всюду прекращена. В „Гастрономе“, который ломился от товаров и людей, совершенно пусто. Только несколько коробок крабов (консервы) по 7 руб. 60 коп. Коробочки хватит, чтобы закусить одну рюмку водки. Крабы по карточкам. Спор с женой: по каким карточкам будут отпускать крабов — по мясным или рыбным? Вопрос сложный, ибо краб — ни рыба ни мясо». *7 ноября*. «Огромная очередь за картошкой, за керосином, за хлебом». *9 ноября*: «У колхозников мясо средней упитанности стоит 45—50 руб. (по карточкам 10—12 руб.) <...> привоз на колхозные рынки ничтожен». *24 ноября*. «В столовой еще дней 5 тому назад меню состояло из десятка блюд, были и мясные, и каши... Сегодня — один рисовый суп <...> У колхозников свинина 100—120 руб. Лук — 20 руб., картошка — 8 руб., молоко (кружка) — 7—8 руб., морковь — 7 руб.» *26 ноября*. «На рынке колхозник продавал мороженую индюшку за 320 руб.— средний месячный заработок рабочего»¹⁸.

Выступая *6 декабря 1941 г.* на пленуме МГК ВКП(б), *первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков* отмечал: «...особенно в октябре месяце у нас крайне ослаб контроль за торговлей и расходованием продуктов со стороны партийных и советских органов <...> В ноябре месяце мы столкнулись с рядом фактов, которые свидетельствуют, что у нас в Москве происходит разбазаривание продовольствия, и прежде всего хлеба. Торгующие организации продавали хлеб без карточек, по запискам, по спискам и т. п. <...> Сотни тонн хлеба разбазаривались при прямом попустительстве Госторготдела. Если к этому прибавить отсутствие скольконибудь серьезного учета талонов продовольственных карточек или хотя бы какой-либо элементарной отчетности, то станет понятным, почему происходило прямое разбазаривание хлеба. <...> В последнее время в Москве имеют место значительные очереди. Явление совершенно нетерпимое. Наличие очередей лишь в самой малой степени можно объяснить перебоями в доставке продуктов. Основная же причина возникновения очередей — плохая и неорганизованная работа торговой сети и отсутствие надлежащего руководства торговлей со стороны московских и районных организаций. Приведу такой пример: картофелем по той норме, которую мы установили, в течение ряда месяцев мы можем торговать совершенно нормально, а между тем из-за картофеля вдруг возникли очереди. А сколько таких фактов, когда товары, имеющиеся у нас в достаточном количестве, завозятся всего в несколько магазинов, а не во всю торговую сеть. Разумеется, при таких порядках и при такой неорганизованности очереди неизбежны. <...> Очереди в магазинах и столовых в значительной мере — прямой результат нашего невнимания, отсутствия нашего контроля за работой торговых организаций. Очереди должны быть ликвидированы».

Контроль за распределением при опоре на население был усилен. Из выступления на том же пленуме *начальника Управления торговли г. Москвы*

И. А. Фадина: «Мы провели прикрепление к булочным, и это многое дало. Население знает, в каком магазине кто получает, и требует с магазинов. Сейчас директор магазина несет ответственность, к нему придет покупатель, и он требует обеспечения. Этот момент дал положительный результат. Мы были у т. Микояна с т. Прониным, мы говорили, что прикрепление к магазинам дает хорошие результаты. Он дал указание прикрепить к магазинам и столовым»¹⁹.
В. П. Пронин впоследствии вспоминал: «Нам удалось провести прикрепление населения к конкретным магазинам. Это позволило ликвидировать очереди и повысило ответственность работников торговли»²⁰. В декабре продовольственная ситуация была терпимой. Свидетельствует *Вержбицкий: 17 декабря*. «У Елисеева открылась коммерческая продажа. Кило мяса — 80 руб., кило сахара — 50 руб. Кило масла — 120 руб.» *31 декабря*. «На каждого москвича выдано по 2 бутылки вина. Но мясо и масло многие в декабре недополучили».

Ухудшение происходит в январе вследствие сокращения подвоза продуктов в Москву. *Вержбицкий: 6 января*. «Никакой продажи по коммерческим ценам нигде не производится»²¹. С 16 января 1942 г. вводится практика отрыва талонов на крупу при отпуске обедов в столовых. Ранее в аналогичных случаях сдавали только талоны на хлеб и мясо²².

Но и оставшиеся у населения талоны государство не могло отоварить. *Вержбицкий: 16 января*. «Хлебная норма для рабочих снижена до 600 г, для служащих — до 500 г. Дети и иждивенцы получают по 400 г.» *24 января*. «В ресторанах, торгующих по коммерческим ценам, можно получить обед за 4—5 руб. (Суп мясной, жареная вобла с картошкой). Люди стоят в очереди по 3—4 часа». *11 февраля*. «Кило редьки у колхозников — 25 руб.! <...> Служащие, иждивенцы и дети еще не получали мясо за вторую декаду января. Керосин выдают еще по талону № 1 январской карточки. Картошка еще не выдается за вторую половину января. Становится жестковато». *22 марта*. «За март еще ни одной крошки продуктов не выдано по карточкам. (Только 200 г соли и полкило соленых огурцов.)» *26 марта*. «По-видимому, до апреля продукты выдавать по карточкам не будут. За весь месяц получили 800 г соли и 400 г рыбы. Все! Ездил в Малаховку. Картошка у колхозников 50 руб. кг — хорошая <...> и 20—25 руб. — мороженая, то есть слизь. <...> Продается барахло, и все цены приравнены к картошке. 1 кусок хозяйственного мыла — 2 кило, пара ботинок — 8 кило, штаны — 10 кило, пила — 5 кило, носовой платок — кило. За колхозными санями с картошкой очередь вьется змеей»²³.

Записка А. С. Щербакова и В. П. Пронина заместителям председателя СНК СССР Н. А. Вознесенскому и А. И. Микояну о состоянии снабжения населения г. Москвы продовольственными товарами *от 2 апреля 1942 г.* полностью подтверждает наблюдения Вержбицкого: «В марте месяце населению г. Москвы были выданы по февральским продовольственным карточкам полностью только крупа и сахар. По мясопродуктам не объявлялись (т. е. не выдавались. — М. Г.) талоны февральских карточек: рабочим на 1500 г из нормы — 2200 г; служащим на 700 г из нормы — 1200 г; иждивенцам на 200 г из нормы — 600 г. Жиров недодано по февральским карточкам: рабочим — 100 г и служащим — 100 г. Не выдавались населению по февральским карточкам рыба и рыбопродукты. В марте месяце по мартовским карточкам продукты совсем не выдавались, за исключением сельдей по 200 г всем группам населения. Чай не выдавался ни в феврале, ни в марте. По системе Мосглавресторана для предприятий общественного питания, обслуживающих рабочих и служащих, в феврале месяце получено:

мясопродуктов	— 462 т	вместо 830 т
рыбопродуктов	— 38 т	» 282 т
жиров	— 171 т	» 229 т
сахара и кондитерских изделий	— 102 т	» 551 т

В марте для общественного питания получено:

мясопродуктов	— 532 т	вместо 1250 т
рыбопродуктов	— 112 т	» 700 т
жиров	— 222 т	» 315 т
сахара и кондитерских изделий	— 100 т	» 349 т. <...>

По состоянию на 1 апреля остатков у поставщиков продовольственных товаров в наличии не имеется. Запас зерна, годного для переработки, всего лишь 1500 т, то есть на один день, и муки — 1000 т».

В этой связи МК ВКП(б) и Исполком Мосгорсовета просили СНК СССР принять кардинальные меры: «...Обязать НКПС эшелоны с мукой, зерном, крупой, вагоны с мясом, сахаром, рыбой быстро подтянуть в Москву на правах воинских поездов. Просим также дать распоряжение о немедленной подаче вагонов для погрузки для Москвы и Московской области зерна, муки, крупы, мяса, сахара, рыбы <...> И, наконец, в Москве в УГР (Управлении государственных резервов.— М. Г.) находится на хранении мяса — 1416 т и масла животного — 1300 т. Просим из этого количества на ближайшие два—три дня выдать 700 т мяса и для ликвидации задолженности за февраль — март отпустить 580 т масла. В целях обеспечения завоза в Москву продовольственных заказов: а) создать правительственную комиссию в составе т. Микояна (председатель), т. Любимова, т. Щербакова, т. Пронина, т. Ковалева; б) назначить в важнейшие пункты погрузки продовольственных товаров для Москвы уполномоченных Комитета Обороны СССР»²⁴.

Эти меры, очевидно, были приняты и дали положительный эффект. *Вержбицкий: 27 апреля.* «Большой завоз продуктов в магазины. Давали кету, красную икру, сало. Мартовская задолженность покрыта». *1—7 мая.* «Продмаги уже рассчитались по карточкам за апрель, кроме 200 г сахара, которые, видимо, аннулируются, ибо на май сахарная норма сокращена (рабочим вместо 800 г — 500). Но, в общем, снабжение заметно улучшилось»²⁵.

Т е п л о с н а б ж е н и е. Крайне тяжелая ситуация сложилась в Москве зимой 1941/42 г. с топливом. В докладной записке В. П. Пронина и А. С. Щербакова Н. А. Вознесенскому от 26 мая 1942 г. отмечалось: «Из-за острого недостатка топлива в Москве зимой 1942 г. были серьезные перебои в работе промышленных предприятий и отоплении жилых домов, больниц, бань и прачечных. Из-за отсутствия угля и дров простаивали месяцами сотни промышленных предприятий; 2400 крупных жилых домов три месяца не отапливались из-за недостатка угля; часто не отапливались больницы и госпитали, бани и прачечные»²⁶.

Свидетельства очевидцев подтверждают эту информацию.

Ученица 7-го класса 29-й школы *Оксана Собчук:* «Зима 1941 г. Холодная была зима в этот год. Холодная, неприятная. Вначале наш дом еще отапливался, горел свет. Жизнь походила немного на нормальную. С января отопление прекратилось, в комнате наступил нестерпимый холод. Я каждый день ходила на занятия в группу, где тоже было холодно. В это время мою маму взяли в госпиталь, и мы остались жить в доме втроем: я, мой двухлетний братик и кот Барсик. Забыла золотых рыбок, оставшихся в живых. Мне одной надо было спасать все эти живые существа от холода и голода. Уходя на занятия, я укладывала моего брата в постель и опускала маскировочные занавески. Рыбок укутывала одеялом. Барсик лежал в подушках. <...> После занятий домой не иду, а лечу и застаю такую картину: кот Барсик лежит под одеялом с Валериком. <...> Аквариум с рыбами совсем примерз, но рыбы остались живы, хотя они и золотые. Всю эту ораву надо кормить. Обед был скромный. Мы ничего не варили: было не из чего и не на чем. Сидели на диван один около другого и получали по порции хлеба. Каждый день ходил на другой, и так дожили мы до весны. И никто не замерз до смерти. Я закончила занятия в группе и начала сдавать экзамены за 6-й класс».

Ученик 7-го класса 29-й школы *Игорь Опарин*: «Дома стояли темные, неотапливаемые, с выбитыми окнами от взрывных волн вражеских фугасок. Люди в комнатах сидели в шубах, перчатках и изредка выходили на улицу немного пройтись. В комнатах было от 5 до 7 градусов. Электричество было выключено на всю зиму, и люди сидели в темноте, некоторые — с маленькими коптилками. Но эти люди были счастливыми для того времени. Газ в дома не подавался за отсутствием топлива. Жители пили холодную воду и ели хлеб, остальное, если и было, то не на чем было разогреть. В домах, где не было газа, выдавали керосин, но в таком малом количестве, что его не хватало и на половину месяца».

Из дневника врача *Е. Сахаровой*: «16.XII 41 г. В воскресенье ездил домой. В комнате плюс 4 градуса. Цветы живы. <...> Пришлось туда же втащить ящик с дровами, так как милые соседи начали жечь уже и дрова, после того, как сожгли четыре доски, которыми он был закрыт». «12.I 42 г. Зашла домой, истопила ванну и приняла душ с большим наслаждением. В комнате у меня температура плюс 5 градусов». «1.III 42 г. Была дома. В комнате по-прежнему температура минус 4 градуса. Цветы померзли»²⁷.

Бомбежки. До сих пор наблюдается разноречивость в данных о количестве прорвавшихся к Москве немецких самолетов, об ущербе, нанесенном вражеской авиацией городу. По данным Московского корпусного района Противовоздушной обороны (ПВО) — системы, отвечавшей за безопасное небо над Москвой, за шесть месяцев войны в налетах на столицу участвовало 7146 самолетов противника, из них к городу прорвалось 229 самолетов. По данным же Местной противовоздушной обороны (МПВО) — системы, созданной для ликвидации последствий налетов, над городом за то же время побывало 700 самолетов. Разброс цифр объясняется как ведомственной заинтересованностью информаторов, так и сложностью подсчета самолетов противника, осуществлявших налеты преимущественно в ночное время.

Первый налет произошел в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. За время войны в Москве 141 раз объявлялась воздушная тревога. Прорывы немецкой авиации к городу имели место в 1941—1942 гг. (попытка налета в 1943 г. не увенчалась успехом). Во время воздушных налетов пострадало 7708 человек, из них 2196 человек погибли. При тушении пожаров, во время ведения других спасательных работ пострадало 476 бойцов и командиров подразделений и формирований МПВО. Вследствие бомбардировок за все время войны были разрушены и сгорели полностью 226 жилых домов и частично — 641, пострадали от пожара 179 зданий общественного и культурно-бытового назначения.

Эти цифры²⁸ требуют уточнения. Согласно недавно рассекреченным данным Управления НКВД г. Москвы и Московской области от 24 ноября 1941 г., «за пять месяцев войны <...> на г. Москву было совершено 90 налетов. <...> В результате бомбардировки пострадало 6380 человек, из них: убито — 1327, тяжело ранено — 1931, легко ранено — 3122. От сброшенных зажигательных и фугасных бомб в городе возникло 1539 пожаров, в том числе наиболее крупных — 671. В результате бомбардировки уничтожено 402 жилых дома и частично повреждены 858 домов. Из этого количества 245 жилых домов сгорели и частично пострадали от огня 110 домов.

На промышленных объектах возникло 130 пожаров, из них в 40 случаях заводским и фабричным цехам и сооружениям были причинены значительные повреждения. Бомбардировкой разрушено 22 промышленных объекта, из них: 3 завода, 12 фабрик и 7 предприятий городского и железнодорожного транспорта. <...> Частичные разрушения причинены 102 промышленным объектам, в том числе: 51 заводу, 26 фабрикам, 22 предприятиям городского и железнодорожного транспорта и 3 электростанциям. <...>

От бомбардировки пострадали 83 культурно-просветительных, учебных, научных и общественных учреждения, из них разрушено 18 и повреждено 65. Разрушены: 2 театра, 3 клуба, 1 библиотека, 1 выставка, 5 школ, 1 вуз, 3 поликлиники,

1 детский сад и 1 детские ясли. Частично разрушены: 6 театров и кинотеатров, 2 клуба, 3 библиотеки, 2 музея, 1 выставка, 19 школ, 6 вузов и научных учреждений, 8 больниц, 3 поликлиники, 3 родильных дома, 12 детских садов и яслей»²⁹.

Получается, что только за пять военных месяцев было уничтожено 402 жилых дома. Раньше же фигурировала цифра — 226 за всю войну.

Об интенсивности воздушных налетов можно судить по статистике укрывавшихся в метро в 1941 г.: в июле — 2,9 млн. (суточный максимум — 350 тыс.); в августе — 2,8 млн. (370 тыс.); в сентябре — 1,4 млн. (220 тыс.); в октябре — 2,1 млн. (220 тыс.); в ноябре — 2,7 млн. (270 тыс.); в декабре — 0,4 млн. (80 тыс.)³⁰.

В 1942 г. немцы были отброшены от Москвы, число налетов резко сократилось.

Репрессивная политика государства. Одним из сильнодействующих факторов, влиявших и на настроения москвичей, и на возможность их открытого проявления (а, следовательно, и отражение в источниках), была репрессивная политика государства. Сталинская карательно-репрессивная система — одна из наиболее эффективных в мировой истории. Не утратила она своих качеств и в годы войны. Отметим лишь несколько моментов.

В первые же часы войны был принят план агентурно-оперативных мер Управления НКГБ и Управления НКВД г. Москвы и Московской области (в тот период существовали самостоятельные наркоматы государственной безопасности и внутренних дел, вскоре они были слиты) по обеспечению госбезопасности Москвы и области. Это довольно объемистый документ, в котором, в частности, сказано о необходимости немедленного ареста лиц по признакам «терроризм, диверсия, вредительство, шпионаж германский, итальянский, японский, шпионаж другой, бактериологическая диверсия, троцкисты, бывшие участники антисоветских политических партий, сектанты-антивоенники, разные антисоветские элементы». Всего 1077 человек. Кроме того, немедленному изолированию подлежал уголовно-преступный элемент в количестве 230 человек. Все эти меры были проведены (или подготовлены) в течение нескольких часов. В частности, из тюрем УНКВД МО вывезено в лагеря 1000 арестованных и подготовлены места для содержания вновь поступающих арестованных. Для интернированных иностранцев был организован специальный лагерь на 300 человек. Для обеспечения порядка в Москве организовано патрулирование работников милиции и бригады в количестве 1525 человек. В ночное время были выставлены дополнительные милиционерские посты. Усилена охрана мостов, промышленных предприятий и т. д.³¹

«Компетентные органы» весьма бдительно следили за проявлением «антисоветских, контрреволюционных, пораженческих» настроений. В спецсводках НКВД о реагировании населения на те или иные события рядом с фамилиями лиц, ведших «не те» разговоры, как правило, уточняется: «арестован», «арестована». Определенный сбой произошел, видимо, только в критические дни середины октября 1941 г. *Вержбицкий* в дневнике за 18 октября отметил: «Слышны разговоры, за которые 3 дня назад привлекли бы к трибуналу»³². Но, очевидно, это «ослабление» продолжалось недолго. С 20 октября в г. Москве и прилегающих к городу районах вводятся осадное положение. Один из пунктов постановления ГКО гласил: «Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте»³³.

Приказом Военного трибунала Московского военного округа от 23 октября 1941 г. на базе Московского городского суда и народных судов в г. Москве был организован Военный трибунал, который фактически начал действовать с 27 октября 1941 г. По 1 декабря 1941 г. через судебные сессии Военного трибунала прошло 3528 обвиняемых, из которых 3338 было осуждено к различным мерам наказания. В том числе (ограничимся только преступлениями, непосредственно отражающими социально-политические настроения) по статьям 58-1б, 58-10 и 58-14 Уголовного кодекса, предусматривающим наказание за контрреволюционные преступления (к сожалению, эта категория дел в источнике не вычле-

няется), а равно и по статьям 59-3 (бандитизм и мародерство), 29-6 (уклонение от работы на трудовом фронте, нарушение правил о светомаскировке и др.), 193-7 и 10а (нарушение воинских обязанностей) прошло 869 обвиняемых (25,6% к общему числу обвиняемых), из них осуждено 838 обвиняемых. 69 обвиняемых приговорено к высшей мере наказания и 213 — к десяти годам лишения свободы; остальные получили меньшие сроки или были оправданы. По Указу от 6 июля 1941 г. (распространение ложных слухов) прошло 15 обвиняемых (0,4% к общему числу обвиняемых), из них осуждено 14 обвиняемых³⁴.

Интересные данные приведены в докладе о работе Военного трибунала г. Москвы за первый квартал (январь — март) 1942 г.: «В то время как за ноябрь — декабрь 1941 года общее количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности перед Военным трибуналом гор. Москвы, составляло 9951 человек, за первый квартал 1942 года общее количество привлеченных возросло до 21 010 человек». Здесь же упомянуто, что со 168 до 727 возросло число привлеченных по статье 58-10 ч. II УК (контрреволюционная агитация). Однако количество рассмотренных дел объяснялось не столько увеличением числа преступлений, сколько расширением компетенции Военного трибунала. Так, большой «рост поступления дел по ст. 58-10 ч. II Угол. Код. в I квартале 1942 года (...) объясняется тем, что с января 1942 года на рассмотрение Военного Трибунала гор. Москвы стало передаваться большое количество дел по II ч. ст. 58-10 Угол. Код. из тех, которые ранее рассматривались особым совещанием НКВД».

Итак, из 727 человек, привлеченных к уголовной ответственности за контрреволюционную агитацию, 695 было осуждено (15 оправдано, в отношении 17-ти дел было прекращено за невменяемостью обвиняемых). Из осужденных 201 человек приговорен к расстрелу, 494 получили различные сроки лишения свободы (в том числе на 10 лет было осуждено 325 человек). Что же считалось «контрреволюционной агитацией» в первом квартале 1942 г.? Согласно документу, следующее:

«а) восхваление фашизма и Гитлера с одновременным возведением клеветнических измышлений о мероприятиях Советского правительства; б) восхваление фашистской армии с одновременным высказыванием пораженческих настроений о Красной Армии; в) клеветнические измышления в отношении вождя народов и руководителей партии и правительства; г) возведение злобной клеветы на мероприятия Советской власти по коллективизации сельского хозяйства, по поднятию трудовой дисциплины на производстве; д) клеветнические измышления о тяжелых условиях труда и низком материальном положении трудящихся в Советском Союзе»³⁵.

Если вспомним, как тяжело складывалась обстановка на фронтах для Советского Союза даже в то время (не говоря о начальном периоде войны), как реально осуществлялась коллективизация, насколько «высок» был уровень жизни (особенно в первом квартале 1942 г.) и т. д., то мы должны будем признать, что за высказывание объективных оценок ситуации можно было получить суровое — вплоть до расстрела — наказание.

А вот данные из справки Управления коменданта г. Москвы о выполнении военными комендатурами постановления ГКО «О введении осадного положения в Москве» за октябрь 1941 — июль 1942 г. (от 9 августа 1942 г.): «... К 20 октября прошлого года были созданы 25 районных военных комендатур в Москве и 9 комендатур в пригородных районах. (...) с 20 октября прошлого года по 1 июля с. г. задержано 830 060 человек; на месте расстреляно за антисоветскую агитацию 13 человек. (...) За распространение контрреволюционных слухов задержано 906 (человек...). Приговорены к высшей мере наказания — расстрелу — 887 (все, за все виды преступлений). Осуждены на разные сроки Военными трибуналами — 44 168»³⁶.

«Драконовские» меры дали ожидаемый эффект. За время войны в Москве не было массовых антигосударственных, коллаборационистских выступлений (даже в октябре 1941 г.), не зафиксированы и диверсии. Но дали они и эффект неожиданный: благодаря им сколько-нибудь точно «замерить» степень распространения тех или иных настроений в московском обществе сегодня вряд ли возможно.

Факторы нематериального характера

Мировоззренческо-поведенческая установка не была постоянной на протяжении войны, представляя собой один из важнейших аспектов изменения массовых настроений. Отметим главное: большинство граждан, думается, были лояльны по отношению к власти. Об этом свидетельствуют успешное создание дивизий народного ополчения, других добровольческих формирований; активное участие населения в возведении оборонительных рубежей и т. д. Безусловно, соотношение гражданско-патриотического и (или) доктринально-классового, корыстно-эгоистического (страх перед наказанием) побудительных импульсов в мотивации различных лиц и социальных групп было разным, но факт остается фактом: мобилизационные программы власти население (пусть порой «со скрипом») принимало. Если бы среди москвичей существовали стойкие широко распространенные антигосударственные настроения, то в ситуации, когда войска противника стояли буквально у «ворот» столицы, эти настроения вылились бы в массовые антикоммунистические волнения, несмотря на всю мощь карательно-репрессивной машины. Однако ситуация Петрограда 1917 г., на что, видимо, рассчитывали немецкие стратеги, в Москве 1941 г. не повторилась.

Общественно значимая информация. Источники свидетельствуют об ощущавшемся населением информационном «голоде». *К. М. Симонов*: «... Прочел ⟨...⟩ речь Сталина от 3 июля 1941 г.. Отчетливо помню свои ощущения в те минуты. Первое — этой речью ⟨...⟩ клался предел тому колоссальному разрыву, который существовал между официальными сообщениями газет и действительной величиной территории, уже захваченной немцами»³⁷. *Н. К. Вержбицкий*: *16 октября 1941 г.* «Бодрый старик на улице спрашивает: — Ну почему никто из них не выступил по радио?.. Пусть бы сказал хоть что-нибудь... Худо ли, хорошо ли — все равно... А то мы совсем в тумане, и каждый думает по-своему...»³⁸.

О дефиците достоверной информации свидетельствует и обилие гулявших по военной Москве слухов (например, об «аресте» наркома обороны С. К. Тимошенко, об «измене» командного состава РККА — в начале июля, или совсем уж фантастический — о том, что первыми налетами на Москву руководил якобы пропавший в 1937 г. без вести при попытке перелета через Северный полюс летчик С. А. Леваневский, — в начале сентября)³⁹.

Советская пропаганда претерпела в годы войны значительные изменения: ее акценты постепенно сместились с доктринально-классовых на национально-патриотические аспекты. Так, если в речи В. М. Молотова от 22 июня «германский народ» противопоставлялся «фашистским правительствам», то в более поздних выступлениях И. В. Сталина эта дихотомия отсутствует. Речь уже идет о «гитлеровской Германии» (выступление 3 июля); о «немецких захватчиках», «немецко-фашистских захватчиках, грабящих нашу страну», об «освободительной войне с немецкими захватчиками», о «гитлеровских ордах» (выступление 6 ноября). О соотношении державно-патриотических и коммунистических аспектов в советской пропаганде ноября 1941 г. дает представление набор имен в напутствии Сталина бойцам, произнесенном в день годовщины Октябрьской революции: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»⁴⁰

Из дневника *Н. К. Вержбицкого*: *9 декабря.* «По радио зазвучала симфония Чайковского „1812-й год“, которая была запрещена 24 года, ибо в ней есть царский гимн „Коль славен“: „Славься ты, славься, наш русский царь“ и т. п.»⁴¹.

Из бюллетеня Штаба полиции безопасности и СД от 8 мая 1942 г.: «Советская пропаганда использует преимущественно национал-патриотические лозунги и особенно превозносит активное участие женщин, крестьян и рабочих в помощи

фронту. В прессе и радиопередачах большое место занимают так называемые письма немецких военнопленных и погибших солдат, в которых в самых черных красках рисуется тяжелое положение в рейхе и в германской армии на Восточном фронте. Подробными описаниями якобы совершаемых немцами злодеяний пропаганда хочет разжечь ненависть населения к ним»⁴².

Постепенно повышалось качество советской пропаганды. В начальный период войны ввиду катастрофического положения на фронтах она оказалась в сложном положении: слишком горькой, контрастирующей с довоенным образом войны («малой кровью на чужой территории») оказалась действительность. В документах этого времени часто встречаются факты скептического отношения населения к официальной информации; недоумение от ее неконкретности, а порой лживости. Из воспоминаний конструктора-танкостроителя *Н. А. Астрова*: «Появились первые тревожные, не совсем конкретные сводки Совинформбюро. (...) И вскоре после ряда сообщений, что „на фронте ничего существенного не произошло“, Совинформбюро передало, что наши войска оставили город Минск. Это случилось 29 июня, через столь короткое время после начала войны, что показалось невероятным и диким»⁴³. Из спецсводки УНКГБ г. Москвы и Московской области о реагировании населения на выступление *И. В. Сталина* от 3 июля: «Положение на фронте более серьезно, чем об этом сказал Сталин. (...) Здесь, как и всегда, мы с нашей обычной деловитостью гонимся за показной стороной. СССР накануне решающих событий» (Майзель, редактор издательства «Физкультура и туризм») ⁴⁴. Из информсообщения МГК от 9 июля 1941 г.: «На заводе № 32 (Октябрьский район) мастер Калинин говорил: «Наши только болтают, а города отдают. Если бы все писали правильно, было бы лучше»⁴⁵.

Качество пропаганды повышалось по мере улучшения дел на фронте: становилось возможным писать правду. В частности, врач *Е. Сахарова* 6 января 1942 г. записала в дневнике: «Газеты наши стали очень интересны, читаешь их с захватывающим желанием прочесть все, что есть (...) Сегодня очень интересна речь по радио Идена о поездке в СССР, даже не лишена некоторой поэзии. Из Америки отмечают наши победы с добавлением того, что они сами не должны на этом успокаиваться, а должны также активно действовать, что наш фронт, конечно, является самым главным и самым трудным»⁴⁶.

Р а с с к а з ы о ч е в и д ц е в. Росту доверия москвичей к средствам массовой информации, очевидно, способствовало и следующее обстоятельство. В начале войны многие советские люди скептически воспринимали сообщения радио и газет о зверствах немцев. Из информсообщений МГК от 14 августа 1941 г.: Рабочие цеха № 15 завода «Спринклер», «собравшись в обеденный перерыв на читку газеты, обсуждали сообщение Советского Информбюро о зверской расправе гитлеровцев в оккупированной зоне. В то время к ним подошел мастер того же цеха Коньков, беспартийный, ввязался в беседу, говоря, что все то, что напечатано в сообщениях Советского Информбюро, — глупость, об этом сообщении не надо говорить, это все вранье, газете верить не надо; в газетах пишет какая-нибудь „шкура“ и добавил: „Фашисты женщин и детей расстреливать не будут“»⁴⁷.

По мере приближения линии фронта возрастало количество неофициальной информации (рассказов беженцев, в том числе подмосковных родственников), подтверждавшей официальную. Из дневника *Н. К. Вержбицкого*: 8 января. «По улице гуськом идут оборванные крестьяне, руки в рукава, одежда, видно, не своя, случайная, обросшие, дикие. Спрашиваю: Кто вы такие? — Пленные. (Так называют себя крестьяне, побывавшие у немцев.)» (Одна эта самоидентификация о многом говорит!) 11 января: «Разговаривал с „пленной“ (бывшей под немцами) колхозницей из с. Красное (под Тарутином, Малоярославецкий район). В их селе были фашисты. Порезали весь мясной скот и птицу. „Жрали через каждые два часа. В избы не пускали. Приходилось спать на улице, готовить на кострах. Только некоторым матерям с малыми ребятишками позволяли спать под кроватями или в снях. Варили сами в русских печах, только не умели (...) Мы боялись —

сожгут дома. Потребовали председателя колхоза. А это была женщина, и беременная, на восьмом месяце. Мы привели ее, офицер увидел пузатую, расхохотался и отпустил с миром. Никого не тронули, в земле не рылись, не искали запрятанного добра. За два дня до отступления сказали, чтобы мы ушли в лес, и позволили увести коров. Уходя, сожгли село. По просьбе женщин оставили два дома, чтобы было где ребятишек спрятать. А в трех верстах немцы вешали, пороли, издевались, убили учительницу, председателя колхоза, насильничали девушек»⁴⁸.

Вопрос о поведении оккупантов, очевидно, постоянно находился в центре внимания москвичей. Из справки партийных органов от 24 апреля: «О зверствах фашистов говорят много. Большинство возмущаются, но есть отдельные люди, которые выражают сомнения и есть даже прямая фашистская агитация»⁴⁹.

Сомнения и «агитация» не выдерживали соприкосновения с реальностью. Свидетельствует скульптор Н. П. Гаврилов, зимой 1941 г. находившийся в армии К. К. Рокоссовского: «... При занятии деревни Дедово мне пришлось столкнуться с фактами фашистских зверств, к которым я относился раньше несколько скептически — как-то не верилось, что это может быть на самом деле. (...) У околицы я услышал из сарая страшный крик. Дверь сарая распаивается, и идет начальник политотдела Масленов, несет на руках босую, оборванную девочку, которая все время страшно кричала и просила, чтобы ее убили. (...) Оказалось, что во время боя за эту деревню девочку насильовали 5 немцев. Девочке было 13 лет. А после этого ей в половые органы забили остатки бутылки. Она умерла от кровотечения в машине. Ее не довели до Москвы. (...) Войдя в одну избу (деревня мало сгорела), я увидел: около кучи дров лежала женщина, покрытая рогожей. Около нее лежал двухлетний ребенок. Из-под рогожи были видны его ножки. Я поднял рогожу и ужаснулся. У ребенка был расколот череп пополам, как яйцо. Соседка-старуха мне рассказала всю историю. Оказывается, это была вдова, у которой жили 5 немцев в избе. Она на них стирала, готовила. У нее был ребенок, видимо, он был болен, не спал, плакал. Один из немцев встал, подошел к ребенку, взял его от матери и ударил о косяк печки. Несмотря на крики матери, выбросили его на улицу уже мертвым. Мать в отчаянии бросилась на немца. Он ее пристрелил и выбросил во двор. Я помню, когда Масленов вспоминал о девочке и рассказывал об этой женщине, то, всегда румяное и жизнерадостное, лицо его становилось серым»⁵⁰.

Н. А. Астров: «... У меня сложилось устойчивое представление о немцах. Немец был толстый, благодушный, обычно чуть забавный скупердяй, вечно с кружкой пива в руке, с женой, отличной хозяйкой, всегда возившейся на кухне и готовой угостить друзей. Рассказы беженцев из оккупированных областей до удивления не соответствовали этому образу, и поначалу просто не верилось, что сделалось с этими людьми, перевоспитанными фашизмом. Подлинное лицо наших врагов высветилось позднее, через несколько месяцев войны. Оказалось, что это не люди и даже не звери, так как любые звери, самые кровожадные, если бы они могли понять, что их приравнивают к немцам, оскорбились бы до предела»⁵¹.

Немецкая пропаганда. По мере улучшения положения на фронте, увеличения компрометирующей противника информации, ужесточения режима в столице, роста доверия к сообщениям советских СМИ падало влияние немецкой пропаганды (радиосообщений, листовок, агитаторов). В первый период войны (до октября — ноября) довольно часто встречаются благожелательные по тону ссылки на сообщения немецкого радио, листовок противника (суть немецкой пропаганды: «Мы воюем не с русским народом, а с евреями и коммунистами»)⁵². Затем они встречаются все реже и реже.

Особую роль в формировании настроений москвичей играла информация, полученная от близких людей. Об этом свидетельствует, например, недавно опубликованный дневник Е. Сахаровой⁵³. Специальных исследований в этой связи пока не проводилось.

Синтезирующим показателем, объективно отражающим общую динамику условий жизни, является демографическая статистика, особенно, показатели смертности (данные о рождаемости менее репрезентативны, так как женщин, особенно беременных, в первую очередь эвакуировали на Восток). Общая смертность в Москве в предвоенные 1939, 1940-й и первую половину 1941 г. держалась в пределах 10—15 человек на тысячу. В 1939 г. в городе умерло 60 531 человек, в 1940 г. — 67 520 человек.

Показатель смертности за первую половину 1941 г. не превышал 12 человек на тысячу. В последние три месяца 1941 г. этот показатель увеличился — всего за год умерло 50 571 человек. В марте, апреле и мае 1942 г. смертность составила соответственно 25, 34, 33 человека на тысячу. С июня 1942 г. отмечается медленное снижение этого показателя, и в конце года он составил 24 человек на тысячу. Итак, по сравнению с довоенным периодом весной 1942 г. смертность увеличилась в два раза. За этот год умерло 82 284 человека, годовой показатель смертности составил 27,6 человек на тысячу.

Вероятно, рост смертности частично объяснялся общим «постарением» московского населения. Об этом свидетельствуют значительные изменения возрастного состава умерших в 1939, 1940 и 1942 гг. Если в довоенное время в общем числе умерших лица старше 40 лет — мужчины и женщины — составляли: в 1939 г. — 38,1 и 42,3%, в 1940 г. — 38,9 и 45,4%, то в 1942 г. соответственно — 63 и 69,4%. В то же время среди детей до 14 лет картина была прямо противоположной. Их доля в числе умерших мужчин и женщин равнялась: в 1939 г. — 45,3 и 44,8%, в 1940 г. — 45,1 и 43%, в 1942 г. — 16,8 и 18,4%.

Но, очевидно, решающим фактором роста смертности явилось ухудшение материальных условий и стрессовая обстановка жизни москвичей. Об этом свидетельствует статистика причин смертности: резко выросла доля смертей от болезней сердца и органов кровообращения (частично здесь также мог сказаться возрастной фактор), составив: в 1939 г. — 12,6, в 1940 г. — 14,2, в 1941 г. — 17,2, в 1942 г. — 31,1%. Значительно увеличилась смертность от туберкулеза. В 1939 г. от этой болезни умерло 5517 человек, в 1940 г. — 5787, в 1941 г. — 5289, в 1942 г. — 9050. Кстати, надо заметить, что за годы войны значительно сократился удельный вес (в общей смертности) жертв инфекционных болезней⁵⁴.

Итак, динамика основных факторов, влиявших в рамках изучаемого периода (июнь 1941 — май 1942 гг.) на настроения москвичей, была следующей:

I. Факторы материального характера: 1) ситуация с питанием была не плохой летом; терпимой — осенью, в декабре; почти катастрофической — в январе — начале апреля; терпимой — во второй половине апреля — мае; 2) положение с топливом не оказывало влияния на настроения летом; было терпимым осенью; почти катастрофическим зимой; плохим, но менее значимым (на улице потеплело) весной; 3) бомбежки: июнь — 21/22 июля — отсутствовали; наиболее интенсивный период — 21/22 июля — ноябрь; затем — резкое снижение интенсивности; 4) репрессивная политика государства: жесткая в течение всего периода, за исключением нескольких дней середины октября.

II. Факторы нематериального характера: 1) мировоззренческо-поведенческая установка, прежде всего отношение к существующей власти: в целом достаточно лояльное на протяжении всего периода; 2) общественно значимая информация: а) советская пропаганда: общий вектор эволюции — от неконкретности, малой информативности, доктринально-классовых акцентов (в начальный период войны) к усилению державно-национально-патриотической направленности (по мере развертывания немецкого наступления); к большей конкретности, информационной насыщенности (по мере улучшения ситуации на фронте); б) немецкая пропаганда (сугубо предварительные оценки): акцент на расово-доктринальные аспекты; уменьшение влияния по мере угасания наступательного порыва немецких войск, ознакомления русского населения с оккупационным режимом; в) рассказы очевидцев: с приближением линии фронта к Москве, а особенно после

захвата немцами ближнего Подмосковья и затем изгнания оккупантов (т. е. примерно с ноября — декабря) нарастало количество неофициальной информации, получаемой москвичами о зверствах захватчиков, что усиливало доверие жителей к советской пропаганде, подрывало воздействие пропаганды противника.

* * *

Как под влиянием факторов менялись настроения москвичей?

Начальный период войны (июнь — сентябрь). В позднейших воспоминаниях очевидцы обычно подчеркивают патриотический подъем, охвативший москвичей с первых дней войны и не угасавший на всем ее протяжении. Председатель исполкома Моссовета *В. П. Пронин* писал: «Незабываем высокий патриотический подъем, которым были охвачены советские люди в те дни. Целыми колоннами шли с заводов и фабрик в военкоматы москвичи. Целыми семьями и бригадами записывались добровольцами в Советскую Армию. Сотни и тысячи заводов и цехов с первого дня войны считали себя мобилизованными. Всюду царило сознание высокого долга перед Родиной, везде был строгий порядок»⁵⁵.

Реальная картина была более многоцветной. После выступления по радио *В. М. Молотова* (22 июня в 12 час. 15 мин.) на московских предприятиях прошли митинги, на которых «рабочие, служащие и ИТР с возмущением говорили о наглом, разбойничьем действии германского фашизма и заверили партию и правительство и лично т. Сталина, что приложат все усилия, чтобы добиться победы» (типичная фраза из информации партийных органов о проведенных митингах)⁵⁶. В первые два дня войны не зафиксировано существенных проблем с явкой мобилизованных: сотни москвичей (особенно молодежь) подали заявления о добровольном зачислении в армию. Показательна первая фраза раздела «Ход мобилизации» из информации, подготовленной службами внутренних дел и госбезопасности для зам. наркома внутренних дел *В. С. Абакумова* 24 июня: «Мобилизация в соответствии с указом Президиума Верховного Совета Союза ССР в районах г. Москвы и Московской области проходит организованно». Далее в документе отмечалось: «В райвоенкоматы города и области продолжает поступать значительное количество заявлений о досрочном зачислении в Красную Армию. Только по 29 районам города и области подано 3519 таких заявлений. Вместе с тем в отдельных райвоенкоматах отмечены факты недостаточной подготовленности в организации призыва и зафиксированы отрицательные настроения среди призывников. Райвоенкомат Щелковского района опоздал с укомплектованием команд на 5—6 часов. Отправка укомплектованных задержана по причине отсутствия плана перевозок людского состава. В Таганском районе на призывном пункте задержан призывник *Иванов...* старший инженер завода „Серп и молот“, который среди мобилизованных проводил агитацию за отказ от службы в Красной Армии. В Куйбышевском районе призывник *Николаев...* не желая служить в Красной Армии, покончил жизнь самоубийством. В Ленинском районе мобилизованный *Новоселов...* проводил среди призывников пораженческую агитацию. *Новоселов* арестован. За отказ от службы в Красной Армии в Кировском районе арестован призывник *Карзаманов*»⁵⁷.

Тональность спецсводки управлений НКГБ и НКВД г. Москвы и Московской области зам. наркома госбезопасности СССР *Б. З. Кобулову* «О ходе мобилизации по Москве и Московской области» от 26 июня меняется. Первая фраза документа начинается не с констатации успеха (как это было в предыдущем документе), а с указания на имеющиеся недостатки: «В ходе мобилизации в г. Москве и Московской области продолжают иметь место отдельные недочеты». Если в предыдущей сводке отмечались единичные факты отказа от службы в Красной Армии (2 человека), то теперь в документе говорится о том, что среди «отдельной части призывников отмечены случаи недисциплинированности и отказа от службы в Красной Армии» (курсив мой.— *М. Г.*), приводятся четыре конкретных примера: военнообязанный с целью уклонения от призыва ранил себя холодным оружием;

красноармеец покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд; один человек арестован за уклонение от призыва; призывник выбросился из окна и сломал ногу. Обращает на себя внимание следующая фраза: «В Октябрьский райвоенкомат 24 июня подлежало явке 1800 человек, явилось же только 814», т. е. меньше половины. Возможно, этот факт объяснялся плохой организацией работы райвоенкомата или призывных пунктов. В документе об этом ничего не говорится, но дальше в нем приводятся факты нераспорядительности работников других райвоенкоматов, горвоенкомата, призывных пунктов (очереди из призывников, несвоевременная отправка сформированных команд), в результате чего Мособлвоенкомат и Мосгорвоенкомат не обеспечили своевременную явку 1772 человек. В документе отсутствует упоминание о добровольцах. Отмечается учащение случаев «хулиганских и уголовных проявлений. Если за 21—22 июня зарегистрировано было только 7 случаев хулиганства, то за 23 июня количество этих проявлений возросло до 23, в том числе 3 случая хулиганства с поножовщиной»⁵⁸. Возможно, это было следствием пьянства, обычно сопровождающего проводы в армию⁵⁹.

Партийные организации, органы внутренних дел и госбезопасности, отслеживавшие реакцию населения на начало войны, наряду с преобладающими (по крайней мере, в сводках) патриотическими высказываниями фиксировали и разговоры другого рода. Приведем соответствующий раздел информации, направленной органами внутренних дел и госбезопасности А. С. Щербакову 23 июня 1941 г., дающий срез «негативных» настроений москвичей в первый день войны:

«... Среди некоторой части населения имеют место факты высказываний отрицательных и контрреволюционных настроений. „Война с Германией начата нами. Эта война начата нашим правительством с целью отвлечения внимания широких масс от того недовольства, которым охвачен народ,— существующей у нас диктатурой“ (Спунд, бывший эсер). „Германия никогда не могла спокойно смотреть на наше существование. Все же мы помогали ей, а сами жили в недостатке. Теперь Германия покормит нас бомбами. Пусть теперь наше правительство носится с мирной политикой без масс. У нас нет крепкого, сплоченного тыла, люди озлоблены, и внутри страны будут столкновения, которые усложнят весь ход событий. Война будет тяжелой и кровавой“ (Локшина, работница завода НИИ-ЦИФ). „Война объявлена, и нас скоро разбомбят. Об этом говорят нескончаемые очереди за продуктами. Это есть реагирование тыла. Политика Литвинова, которая ориентировалась на Францию и Англию, была правильной. К войне не готовы, у нас нет достаточного количества газобуежищ и бомбоубежищ. Среди народа ужасная паника“ (Логинов, служащий райпромтреста Фрунзенского района). „Война явилась результатом того, что Германия предъявила Советскому Союзу требования, согласно которым СССР должен был передать ей под контроль тяжелую индустрию, нефтяные источники и гавани в Черном и Балтийском морях“ (Марек, иноподданная). „Сейчас половина народа СССР озлоблена против советской власти. Много людей сидят в тюрьмах, а у крестьян плохое настроение, так что воевать будет трудно. Народ будет против нашего правительства“ (Гребенщиков, врач железнодорожной больницы Сталинского района). „Хорошо, что наконец началась война, жизнь в СССР невыносима стала. Принудительный труд и голод всем надоел, скорей бы конец всему этому“ (Макарова, работница завода им. Красина)»⁶⁰.

Итак, преобладающие мотивы «негативных» настроений: значительная часть населения недовольна своим социально-политическим положением, негативно относится к советской власти (вплоть до прогноза восстаний); в стране нет сплоченного тыла; СССР не готов к войне; война будет тяжелой; среди народа паника (в частности, идет скупка продуктов).

Последний аспект требует уточнения: население, в массе своей помнившее трудности со снабжением в годы Первой мировой и особенно Гражданской войн, бросилось снимать вклады со счетов в сберкассах, закупать продукты. На французского наблюдателя эти вполне естественные действия москвичей не произвели впечатления «паники». В шифротелеграмме военного атташе Франции в СССР в

военное министерство Франции (Виши), переданной 22 июня, отмечалось: «Население Москвы остается очень спокойным, но образуются длинные очереди в сберкассах, в булочных и за керосином. Производится мобилизация лиц разного возраста, но малозаметная»⁶¹.

В цитированной выше информации В. С. Абакумову от 24 июня к этим «отрицательным и контрреволюционным» мотивам добавляются «в некоторых случаях и пораженческие настроения» (о неизбежности победы Германии)⁶².

Свидетельствует *Н. А. Астров*: «Радиомузыка, почти не умолкая, играла торжественные и победные марши. Стены домов были заклеены бьющими по нервам черно-красными плакатами, призывавшими воевать, идти на фронт. Тревожность обстановки нарастала. Отступление было похоже на бегство и показало, что мы воевать не умеем, что воевать нам нечем. (...) Тогда, в первые месяцы, настроение у нас всех было убийственным, в особенности потому, что это чувство приходилось скрывать»⁶³.

В спецсводке УНКГБ г. Москвы и Московской области А. С. Щербакову от 3 июля 1941 г. о реакции населения на выступление в этот день по радио И. В. Сталина отмечена жесткая поляризация настроений. Среди одной части москвичей (преобладающее в сводке количество высказываний) речь вызвала «новый прилив патриотизма, энергии и воли к борьбе». Другая же их часть восприняла выступление Сталина с призывом к созданию ополчения и развертыванию партизанского движения как жест отчаяния, признание разгрома регулярной Красной Армии; укрепились в пораженческих настроениях. Каких-либо других «негативных» мотивов, характерных для предыдущих сообщений (внутриполитического характера), в сводке не отмечается⁶⁴.

К. М. Симонов, вспоминая гамму чувств, вызванных у него речью Сталина (преодоление разрыва между сообщениями СМИ и действительными успехами немцев, избавление от иллюзий быстрого сокрушительного контрудара советских войск), отмечает: «Но над всеми этими чувствами было еще одно — самое главное. (...) Я почувствовал, что это речь, не скрывающая ничего, не прячущая ничего, говорящая правду до конца, и говорящая ее так, как только и можно было говорить в таких обстоятельствах. Это радовало. Казалось, что в таких тягостных обстоятельствах сказать такую жесткую правду — значит засвидетельствовать свою силу. И еще одно ощущение. Понравилось, очень дошло до сердца обращение: „Друзья мои!“ Так у нас давно не говорилось в речах»⁶⁵.

Итак, сталинская речь как бы встряхнула население, переключила его внимание с внутренних проблем на внешние — борьбу с агрессией, сфокусировав на войне ожидания общества.

В информсообщениях партийных органов за июль — сентябрь 1941 г., опубликованных Р. Г. Григорьевым, подавляющее большинство высказываний касается чисто военных сюжетов (положение на фронтах, плохое питание солдат действующей армии, измена комсостава как причина поражений советских войск, «арест» Тимошенко и др.). Из социально-политических мотивов нередко встречаются «антиколхозные» высказывания (надежда на отмену немцами колхозного строя). Часто повторяющийся мотив (в основном со ссылками на немецкие источники) — простому народу немецкая оккупация ничем не грозит, пострадают только евреи и коммунисты (в одном случае это говорится не без сочувствия по отношению к «изгоям»). Причем антисемитский аспект преобладает над антикоммунистическим (евреев часть населения обвиняла в уклонении от воинской службы, от работы). Высказываются надежды на улучшение материального положения с приходом немецких войск. Социальное положение носителей «негативных» настроений: гардеробщица, няня мединститута, печатник наборного цеха, грузчик, инструктор отдела соцстраха, зав. отделом ЦК союзов политико-просветительных учреждений, технолог, рабочий (проживающий в бараке), грузчик, слесарь⁶⁶. Характерные для первых дней войны ожидания антисоветских выступлений в источниках не зафиксированы (для полноты картины следует ввести в научный оборот оказавшиеся нам недоступными информсводки органов безопасности этого периода).

Создается впечатление, что нередко встречавшиеся в первые дни среди москвичей откровенно антисоветские высказывания, ожидание антикоммунистических выступлений как бы приглушаются. Катастрофа на фронте (население о ней догадывалось), жесткость действий органов внутренних дел и государственной безопасности, очевидно, имели своим следствием не консолидацию сил недовольных коммунистическим режимом, а перенесение ими своих надежд на его свержение на германскую армию. В условиях военных поражений для государственной власти это, вероятно, было оптимальным: внутреннего фронта борьбы не возникло.

В ночь с 21 на 22 июля был совершен первый воздушный налет на Москву. Москвичи быстро привыкли и приспособились к бомбежкам. Вот что пишет врач *А. Г. Дрейцер*: «8 августа 41 г. Участились в [воздушные] т[ревоги]. Население быстро и ловко тушит зажигалки. (...) В 11 часов вечера вызов в метро „Сокол“. Внизу в 4 ряда на полу лежат люди, больше женщины и дети. Лежат они в определенном порядке. Каждая семья имеет свой участок. Стелят газеты, потом одеяла и подушки. Дети спят, а взрослые развлекаются по-разному. Пьют чай, даже с вареньем. Ходят друг к другу в гости. Тихо беседуют. Играют в домино. Несколько пар шахматистов, окруженных „болельщиками“. Многие читают книгу, вяжут, штопают чулки, чинят белье — словом, устроились прочно, надолго. Места постоянные, „абонированные“. По обе стороны туннеля стоят поезда, где на диванах спят маленькие дети»⁶⁷.

Постепенно, преодолевая страх, москвичи научились работать под ударами бомб, не спускаясь в убежища. *Н. А. Астров*: «Город бомбили, но и конструкторы и копировальщицы не оставляли работы. Отдыхали, уткнувшись носами в чертежные столы. Если бомбы падали близко, девочки-копировальщицы плакали от страха, слезы падали на сделанные тушью кальки, получались черные лужи. Приходилось кальки менять и начинать копировать снова. Никто не бросал работу»⁶⁸.

При знакомстве с документами того периода часто возникает ощущение, что простой народ зачастую проявлял больший героизм, чем руководство низшего и среднего звена. Отчетливо проявилось это в дни так называемой «паники» октября 1941 г.

Период наступления немцев на Москву (октябрь — ноябрь). В бюллетене Штаба полиции безопасности и СД от 8 мая 1942 г. отмечалось: «В критические октябрьские дни 1941 г. резко проявился настрой населения против советского режима из-за несостоятельности советских органов власти, которые спасали себя, бросив население на произвол судьбы»⁶⁹.

Справедлива ли такая оценка? В ночь с 15 на 16 октября 1941 г. после принятия постановления ГКО от 15 октября «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» началась поспешная эвакуация в глубь страны ряда организаций и учреждений (правительства, управлений Генштаба, военных академий, наркоматов, посольств, заводов и др.). Осуществлялось минирование крупнейших заводов, электростанций, мостов, метро. Было принято решение о продаже рабочим и служащим сверх нормы по одному пуду муки или зерна, о выдаче вперед месячной оплаты. Из-за массового бегства руководителей предприятий и организаций, остановки метро и отсутствия информации предпринятые действия властей вызвали недоумение, недовольство, растерянность, смятение части населения⁷⁰.

В самом деле, как отмечалось в немецком документе, многие представители советских органов власти «спасали себя, бросив население на произвол судьбы». Думается, этот факт во многом объяснялся отмеченным выше кадровым ослаблением Московской партийной организации в первые месяцы войны. За 16—18 октября, по неполным данным, «из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников. (...) Бегство отдельных руководителей предприятий и учреждений сопровождалось крупным хищением материальных ценностей и разбазариванием имущества. Было похищено

наличными деньгами за эти дни: 1 484 000 руб., а ценностей и имущества — на сумму 1 051 000 руб. Угнано сотни легковых и грузовых автомашин»⁷¹.

В результате неразберихи, в частности, «16.X 1941 г. были выведены из строя передающая радиостанция Наркомата Морского флота в Томилино и приемная радиостанция того же наркомата в Вешняках. Кроме того, было разрушено радиобюро и автоматическая телефонная станция, размещенная в Наркомате Морского флота, Рождественка, д. 1. Вследствие вывода из строя радиостанций Морского флота лишились радиосвязи следующие точки Советского Союза: Ленинград, Мурманск, Архангельск, Красноярск, Новосибирск, Астрахань, Баку, Махачкала, Молотов, Ростов, Туапсе, Батуми и другие города. Со всех этих точек шла корреспонденция, в том числе — и шифрованная, для наркоматов Морского и Речного флота»⁷².

Свидетельствует чекист *Б. Я. Чмелев*: «Единственная дорога, которая еще связывала Москву с другими городами страны, — это была дорога на Рязань. Все другие были либо перекрыты немцами, либо обстреливались. Уже стали грабить магазины, прежде всего ювелирные, а наши группы уже задерживали этих негодаев. Я помню, что мы отправили в трибунал одного из таких воругов, который пытался вывезти на детской коляске два чемодана с бриллиантами и золотом... Два полных чемодана! < ... > У людей уже появилось неверие в то, что Москву удастся удержать, народ побежал из города. Кто в чем. Хватали какие-то чемоданчики, портфельчики, сумочки, набивали каким-то барахлишком. Народ шел валом по Рязанскому шоссе. Начинался исход из Москвы... Так продолжалось дня три, не больше — с 16 по 20 октября»⁷³.

Свидетельствует *Г. В. Решетин*, в то время работавший на одном из московских предприятий: «14 октября мы все должны быть готовы к эвакуации. Но... придя утром на завод 14 октября, обнаружили отсутствие руководства: оно уже уехало. Поднялся шум. Рабочие направились в бухгалтерию за расчетом: по закону нам положено выплатить двухмесячный заработок. Кассира нет. Начальства нет. Никого нет. Начались волнения. Стены легких фанерных перегородок в бухгалтерии трещат под напором людей. Наконец часам к двум выяснилось, что деньги сейчас будут выданы. Нам предложено, кто пожелает, следовать в Ташкент, по возможности самостоятельно. Часть эшелонов с оборудованием уже ушла, остальные грузятся, но всем предоставить места в вагонах не удастся. < ... > 16 октября 1941 г. Шоссе Энтузиастов заполнилось бегущими людьми. Шум, крик, гам. Люди двинулись на восток, в сторону города Горького. < ... > Застава Ильича. Отсюда начинается шоссе Энтузиастов. По площади летают листы и обрывки бумаги, мусор, пахнет гарью. Какие-то люди то там, то здесь останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая их по земле. Раздаются возгласы: бей евреев. < ... > Никогда я бы не поверил такому рассказу, если бы не видел этого сам. У нас в школе были тоже евреи, но я не помню явных, открытых примеров антисемитизма. Были небольшие насмешки, незлобные, скорее шуточные, но не больше. Вот почему эта дикая расправа с евреями, да и не только с ними, 16 октября 1941 г. у заставы Ильича так меня потрясла»⁷⁴.

Н. К. Вержбицкий: 17 октября. «Постепенно вырисовывается картина того, что произошла вчера. (Некоторые называют это великой провокацией, некоторые — не менее великой глупостью.) < ... > У рабочих злоба против головки, которая бежала в первую очередь. Достается партийцам». 18 октября: «Все ломают головы над причинами паники, возникшей накануне. Кто властный, издал приказ о закрытии заводов? О расчете с рабочими? Кто автор всего этого кавардака, повального бегства, хищений, смятения в умах? Стенная литература, кроме газет, никакая не появляется. Вместо нее кругом кипит возмущение, громко говорят, кричат о предательстве, о том, что „капитаны первыми сбежали с кораблей“ да еще прихватили с собой ценности. < ... > Истерика наверху передалась массе. Начинают вспоминать и перечислять все обиды, притеснения, несправедливости, зажим, бюрократическое издевательство чиновников, зазнайство и самоуверен-

ность партийцев, драконовские указы, лишения, систематический обман масс, газетную брехню подхалимов и славословия... Страшно слушать. Говорят кровью сердца. Неужели может держаться город, у которого такое настроение? И опять — все в тумане. В очередях драки, душат старух, давят в магазинах, бандитствует молодежь, а милиционеры по 2—4 слоняются по тротуарам и покуривают. „Нет инструкций...“ Да, 16 октября 1941 г. войдет позорнейшей датой, датой трусости, растерянности и предательства в историю Москвы. И кто навязал нам эту дату, этот позор? Люди, которые первые трубили о героизме, несгибаемости, долге, чести... Опозорено шоссе Энтузиастов, по которому в этот день неслись на восток автомобили вчерашних „энтузиастов“ (на словах), груженые никелированными кроватями, кожаными чемоданами, коврами, шкатулками, пузатыми бумажниками и жирным мясом хозяев всего этого барахла. < ... > А сейчас мне сообщают, что у Абельмановской заставы толпа сама задерживала бегущих и выволакивала их из машин. Толпа всегда честная, в плохом и хорошем»⁷⁵.

И еще один документ — *Справка начальника УНКВД г. Москвы и Московской области М. И. Журавлева* о реагировании населения на приближение врага к столице от 18 октября 1941 г. В ней отмечается, что за «16 и 17 октября 1941 г. на ряде промышленных предприятий г. Москвы и Московской области со стороны отдельной части рабочих зафиксированы анархистские проявления». В чем же выразался «анархизм»? Рабочие требовали выплатить причитающуюся им зарплату, не допускали отъезда из Москвы руководящих работников, пьянствовали, расхищали имущество (чаще всего спирт), пытались ломать оборудование. Всего перечислено 39 «проявлений». Из них только 4 можно отнести, да и то с натяжкой, к политическим: 1) 17 октября, на следующий день после пьянки с двумя друзьями, слесарь мотоциклетного завода Москвы «Некрасов совместно с этими же лицами проводил около гаража завода групповую [онтр]р[еволюционную] агитацию погромного характера, призывал рабочих уничтожать евреев»; 2) на заводе № 8 (Мытищинский район) около 1000 рабочих пытались проникнуть во двор. Отдельные лица при этом вели резкую к/р агитацию и требовали разминировать завод; 3) «16 октября в связи с тем, что на заводе № 58 не была выдана зарплата, рабочие ходили толпами, требуя денег. Со стороны отдельных рабочих имели место выкрики „Бей коммунистов“ и др.»; 4) «17 октября в Бронницком районе в дер. Никулино и Торопово на некоторых домах колхозников в 14 часов были вывешены белые флаги»⁷⁶. И так, 4 случая из 39, из них 2 — в Московской области!

Думается, вряд ли будет правильным политизировать трагические события середины октября 1941 г., говорить, как это делали немцы, о «проявлениях настроения населения против советского режима». Против режима как раз не выступали. Возмущение масс вызвало массовое дезертирство руководства, как правило, членов ВКП(б), бросившего свои коллективы и предприятия. И не народ был первоисточником панических настроений. Как отмечал Вержбицкий, истерика передалась массам «сверху»; в том числе и «исход из Москвы» был инициирован руководителями заводов, предложившими рабочим эвакуироваться собственными силами на восток страны. Причем основными проявлениями «истерики» («паники»?) стали не антисоветские восстания, а пресечение дезертирства руководства, массовый исход из Москвы, в котором, по сути, выразилось нежелание огромного числа москвичей оставаться «под оккупантами». Были еще и другие «проявления» в эти дни. Свидетельствует *Л. Колодный*: «Очевидцы вспоминают, что Москва выглядела непохожей сама на себя, люди стремились к центру, на главные улицы, тянулись к Кремлю: окраины казались покинутыми жителями»⁷⁷ (т. е. часть населения уходила под угрозой оккупации, а часть, концентрируясь в центре города, собиралась сражаться до конца).

И в Кремле, думается, верно оценили настроения москвичей. Свидетельствует нарком авиационной промышленности *А. И. Шахурин*. 16 октября он был вызван к Сталину. Внезапно Сталин спросил: «Как дела в Москве? < ... > Я сказал: Был на заводах утром. На одном из них удивились, увидев меня: „А мы, — сказала одна работница, — думали, что все уехали“. На другом — рабочие возмущены тем, что

не всем выдали деньги; им сказали, что увез директор, а на самом деле не хватило в Госбанке дензнаков. < ... > Трамваи не ходят, метро не работает, булочные и другие магазины закрыты. Сталин обернулся к Щербакову: Почему? И, не дождавшись ответа, начал ходить. Потом сказал: Ну, это ничего. Я думал будет хуже. И, обратившись к Щербакову, добавил: Нужно немедленно наладить работу трамвая и метро. Открыть булочные, магазины, столовые, а также лечебные учреждения < ... > Вам и Пронину надо сегодня выступить по радио, призвать к спокойствию, стойкости, сказать, что нормальная работа транспорта, столовых и других учреждений бытового обслуживания будет обеспечена. Помолчав еще немного, Сталин поднял руку: Ну все»⁷⁸.

Ключевой момент здесь — Сталин ожидал худшего; узнав же о ситуации в городе, тут же приказал отменить крайние меры, принятые накануне. Не явилось ли мужественное поведение рядовых москвичей (в отличие от значительной части руководства) тем решающим фактором, который переломил ход событий; тем последним аргументом, который убедил Сталина в том, что Москву отстоять можно? На смену логике постановления ГКО от 15 октября (эвакуация, минирование) идет логика постановления ГКО от 19 октября (осадное положение, расстрел на месте провокаторов).

Цитировавшийся немецкий источник (от мая 1942 г.) отмечает, что вскоре советской пропаганде вновь удалось «взять под свой полный контроль настроение населения. В общем, мысль о падении Москвы больше не допускается»⁷⁹. Свидетельствует комендант Москвы *К. Р. Синилов*: «С 19-го [октября] город жил более или менее нормальной жизнью. Все организации, учреждения, предприятия работали нормально. Город охранялся войсками, патрулированием как днем, так и ночью. Население приняло активное участие в охране города, о всяких ненормальностях сигнализировало и по телефону, и в письмах. Если бы население не приняло такого участия, то и наверняка нам не удалось бы поддержать такой порядок. < ... > Поддержка со стороны населения была оказана большая не только в поведении, но и в практической помощи по вылавливанию всех нарушителей общественного порядка. Остались и сейчас всевозможные письма. Не меньше, если не больше адресовали командующему округом, в Военный совет и в Московский комитет. Мне писали многие, начиная от рабочих и кончая учеными людьми — инженерами, профессорами. < ... > К этим советам прислушались, кое-что использовали, выражали благодарность, очень многим отвечали»⁸⁰.

Закрепили перелом массовых настроений — от неуверенности, подавленности к стойкости, убежденности в победе — исторический парад на Красной площади 7 ноября 1941 г., выступления И. В. Сталина 6 и 7 ноября. Сохранилось множество свидетельств мобилизующего, вдохновляющего воздействия парада на население⁸¹. Ограничимся одним. Вспоминает *К. Р. Синилов*: «До парада я получал много писем от народа. В них давались различные советы в организации порядка в городе, были различные предложения о том, как организовать оборону, какие средства использовать, проекты различные были. От некоторых писем веяло неуверенностью, в некоторых чувствовалось, что вряд ли мы можем удержать Москву. В некоторых даже указывали, — правда, таких писем было очень немного, — чтобы не подвергать опасности детей и стариков, нельзя ли было бы вообще не удерживать Москву, не оказывать сопротивления. После парада я не получил ни одного такого письма. Наоборот, писали о том, что надо защищать Москву, силы у нас есть, уверенность у нас есть. < ... > После парада настроение совершенно изменилось. В очереди другие разговоры, появилась уверенность. < ... > После парада произошел перелом в разговорах, настроениях, даже внешний перелом был заметен. То, что произошло в сознании, внутри каждого, нашло отражение в поведении. 7-го и в последующие дни народ стал совсем иным: веселый, смеющийся, жизнерадостный, улыбающийся, особая твердость появилась, уверенность»⁸².

Беспрецедентным было и воздействие речей Сталина. Вспоминает *Г. В. Решетин*: «В эти дни [октябрьские], критические дни столицы, ждали, что скажет

Сталин. Знали, что он в Кремле, хотя правительство находилось в Куйбышеве. Ждали с нетерпением, надеждой выступления Сталина. < ... > 17 октября по радио выступил секретарь МК партии Александр Сергеевич Щербаков. Призывал к спокойствию и порядку. Но это было не то. Хотелось услышать Сталина, нашего вождя и учителя»⁸³. Из сочинения *Эли Расикас* (15 лет) «Мой день 6 ноября 1941 г. и утро 7 ноября»: «...По радио объявили, что будет выступать т. Сталин. Вот чего не хватало москвичам, бурным, встревоженным < ... > Только начал говорить И. В. Сталин, загрохотали зенитки. Но теперь не до этого. Жадно все ловят слова вождя под грохот тяжелых орудий, и совсем не страшно, и на душе светло и легко. Приподнялось настроение, и поэтому кажется, что слова вождя не простые, а магические. И хочется закричать, сама не знаю почему, громко-громко, насколько хватит голоса, „ура!“»⁸⁴

Показательны данные обзора корреспонденции, обработанной военной цензурой г. Москвы и Московской области с 1 по 15 ноября 1941 г. от 18 ноября: «Пунктами военной цензуры г. Москвы и Московской области с 1 по 15 ноября 1941 г. обработано 2 626 507 штук корреспонденции, или 100% к поступившей. Из этого количества конфисковано 3214 штук и частично вычеркнут текст в 30 532 документах. Просмотренная корреспонденция в абсолютном своем большинстве отражает положительные настроения населения. В 75% обработанных документов отмечен особый подъем настроения, вызванный выступлением т. Сталина» (6—7 ноября 1941 г.) «Наряду с этим отмечены факты отрицательных настроений, связанные с затруднениями подыскания работы, снабжения продуктами и эвакуацией» (приводятся соответствующие высказывания). «Одновременно отмечены как в исходящей, так и поступающей корреспонденции факты антисемитских настроений среди населения и красноармейцев» (жителей возмущало массовое бегство евреев из Москвы)⁸⁵. Как видим, проявления политического недовольства, пораженческие настроения отсутствуют.

Приблизительно такую же картину рисует аналогичный обзор за период с 15 ноября по 1 декабря 1941 г.: «Пунктами военной цензуры г. Москвы и Московской области с 15 ноября по 1 декабря 1941 г. обработано 2 505 867 штук корреспонденции, или 100% к поступившей. Из этого количества конфисковано 3698 штук и частично вычеркнут текст в 26 276 документах. Просмотренная корреспонденция в абсолютном своем большинстве отражает положительные настроения населения. < ... > Наряду с этим отмечены факты, когда в части корреспонденции, исходящей из действующей армии, отражаются отрицательные настроения, связанные с вопросами питания и обеспечения теплой одеждой. Одновременно также зафиксированы факты антисоветских проявлений». (Судя по приведенным выдержкам, к «антисоветским проявлениям» отнесены сомнения в победе Красной Армии, заверения, что от немца «ничего плохого нет. Он никому ничего не делает».) «Вся такая корреспонденция подвергнута конфискации. Факты проявления аналогичных настроений зафиксированы также и со стороны отдельной части гражданского населения». (В приведенных выдержках отмечается тяжелое положение в Москве с продуктами.) «В многочисленных письмах из Москвы сообщается о трудностях подыскания работы»⁸⁶, т. е. в письмах встречаются жалобы чисто бытового свойства. Возможно, локализация «негативных настроений» почти исключительно в социально-бытовой сфере частично объясняется происшедшей «феминизацией» Москвы: женщины, как правило, менее политизированы, чем мужчины (по крайней мере, такими были москвички в то время).

Любопытно свидетельство независимого наблюдателя — военного атташе Франции в Турции полковника *Дювала*. В своем донесении в Генштаб вооруженных сил Франции (сообщение было составлено в декабре на основании сведений, полученных от торгового атташе Франции в Москве г-на Брийя), указав на мобилизацию москвичей в армию, на строительство оборонительных рубежей, эвакуацию, он отмечает: «В городе осталось 2—3 млн. жителей, которые будут вооружены по мере военной необходимости. Снабжение строго ограничено минимальными потребностями, но действует регулярно через карточную систему. Каждый получает паек из черного хлеба, сосисок, капусты и чая. Мясо, масло, яйца, чай, табак — редкость. Это всеобщая мобилизация населения Москвы вы-

полнялась блестяще благодаря твердым, но умелым и осторожным мерам, предписанным Сталиным и Берия. < ... > Большую помощь им оказал Пронин, председатель Московского Совета. Административный аппарат функционирует безотказно. Впрочем, население за 20 лет советского режима привыкло к дисциплине. В городе нет никаких беспорядков, несмотря на воздушные налеты и отсутствие милиции, которая была внезапно мобилизована и большей частью отправлена на фронт во время паники 15—18 октября. Была создана новая военная полиция. Женские батальоны, отправленные на трудовой фронт, имеют военную выправку. В боевых соединениях, которые безостановочно проходят по городу, также есть женщины, число которых достигает 10%»⁸⁷.

Период советского контрнаступления (декабрь — май). 5—6 декабря началось контрнаступление Красной Армии под Москвой. Как отреагировало на него население Москвы? Крайне интересный источник — справки руководителей групп по спецработе (осенью 1941 г. в связи с угрозой захвата Москвы противником для работы в условиях немецкой оккупации на нелегальное положение перешли многие партийные и комсомольские работники, были созданы соответствующие подпольные организации, которые после советского контрнаступления были сохранены, занимались, в частности, «отслеживанием» настроений москвичей). В этих безыскусных отчетах порой фиксируются целые разговоры, обороты речи; их составители «снимали» информацию в самой что ни на есть «неформальной» обстановке: в очередях, в банях и т. д.

Общий тон сообщений в декабре: радость москвичей, рост их уверенности в победе. Население в целом с пониманием встретило решение правительства о проведении денежно-вещевой лотереи. Любопытная аргументация: «В домоуправлении № 35, по Б. Семеновской улице, на беседе о денежно-вещевой лотерее одна домохозяйка, лет 50, заявила: „Все эти деньги пойдут для Красной Армии. Я приветствую эту лотерею, и сама первая подпишусь. Моя сестра испытала на своей спине и видела, как с других тоже фашисты все до нитки снимают, они даже с грудных детей на глазах у всех одеяла стаскивают — так разве можно чего-нибудь жалеть для того, чтобы уничтожить этих гадов“. < ... > Даже низкооплачиваемая категория рабочих и работниц дружно подписывается на билеты. < ... > Интересен разговор в бане (Советский район). Одна женщина, лет 28—30, говорит старушке: „У нас на фабрике проходит подписка на какую-то лотерею, и знаешь, выпустили эту лотерею с хитростью: билетов меньше чем по 10 рублей нет, но я не подписалась, у меня и так денег не хватает“. А старушка ей ответила: „Дура, ты не понимаешь в жизни ничего. Я лично, несмотря на то что старая, отдала все, что у меня есть, лишь бы прогнать немцев. У меня дочь медицинской сестрой служит и мне пишет, как немцы издеваются над русскими. Так неужели ты, имея маленького ребенка, не хочешь, чтобы и мы хорошо жили?“ < ... > Иногда встречаются люди, которые прибыли из оккупированных немцами районов. Они рассказывают о грабежах и насилиях над советскими гражданами. Вот одно из характерных высказываний: „До вступления немцев в наш район, откровенно говоря, как-то не верилось, что немцы так грабят, издеваются и убивают, а теперь я имею горький опыт на своей собственной шкуре, и, чтобы им мстить и мстить, я готова выполнять любое поручение“. Все живут жизнью фронта. В очередях рассказывают новости, получаемые из писем, которые приходят с фронта. С большой любовью и теплотой относятся к бойцам Красной Армии. Иные домохозяйки безошибочно называют фамилии генералов, которые командуют тем или иным участком фронта. Больше всех знают генерала Рокоссовского: „Ну уж этот-то им покажет, где раки зимуют“. Недовольства у продовольственных магазинов имеют место за счет нераспорядительности администрации магазинов».

Наряду с этим в отчетах встречаются указания на ухудшение продовольственного обеспечения, что порой повергает москвичей в отчаяние: «Приходит в цех завода и. о. технорука Стрыкуль и говорит начальнику цеха Петрову: „Если я в понедельник не выйду на работу, считай, что меня нет в живых. Я не могу больше так жить. Жену зарезу и сам застрелюсь. К весне не один я буду таким, а многие

найдутся. Не один я голодаю, а сотни тысяч. Вот что наделала война и наша мудрая политика!». Очевидно, наступающий голод вновь оживил приглушенные на время антисоветские разговоры: «Работница завода Волкова говорит: „Война закончится, и все равно будет плохо. Опять будут жар загребать чужими руками“. Вторая работница, Катя, спрашивает: „А кто будет загребать жар“?— „Известно кто, партия и Сталин. Говорят, что Романов был плохой, а уж так плохо не жили, как теперь. Разве ради нас затеяна война? Нет, ради него. Он боится, что ему капут, а нам все равно. Немец против нас не идет, а идет против большевизма. Если бы их, проклятых, было бы поменьше, и войны бы не было. Кричат о войне, а хлеб весь немцу отдали. Сами теперь сидят да лапу сосут“». Зазвучали сомнения в долговременности достигнутых военных успехов, а также в смысле ведущейся войны: «Высказывание гражданина в форме красноармейца: „Как надоело воевать! Я автоматчик, и пулю всегда готовлю себе. Попадаться в плен к немцам плохо, и если убежать с фронта, то запрячут тебя в сталинские лагеря, презираемый человек будешь. Попасть в сталинские лагеря — что в немецкие. Так уж лучше пулю в лоб. Иногда подумаешь: и за что мы воюем, за что гибнут миллионы молодых жизней? Задумаешься и не знаешь. Я член партии < ... > Я чувствую, что вся тяжесть этой проклятой войны ложится на плечи только рабочего класса. Вы думаете на армию не действует, что в Москве только и говорят, как бы сытно поесть?“» Эти разговоры происходили в Москве 14 и 24 декабря 1941 г.⁸⁸

В докладной записке М. И. Журавлева наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии о реагировании населения на разгром гитлеровских войск под Москвой от 30 декабря 1941 г., с одной стороны, утверждается, что успешные «действия Красной Армии еще более укрепили уверенность населения г. Москвы и Московской области в неизбежном разгроме фашистских полчищ», а с другой — фиксируется целый ряд высказываний, лейтмотив которых — «радоваться успехам еще рано»⁸⁹.

В последующие месяцы положение с продовольствием стало близким к катастрофическому. В этой связи зимой у голодных горожан наблюдается рост антикрестьянских настроений. Причем декабрьское спокойное недоумение к весне сменяется «продразверсточным», уравнилельно-коммунистическим пафосом. Свидетельствует *Вержбицкий: 4 декабря*. «Продававшему пачку махорки по спекулятивной цене дали 5 лет тюрьмы. < ... > А колхозникам, которые продают соленые огурцы по 20 руб. за кило,— ничего». *14 декабря*: «На рынке лейтенант корректно ругает колхозницу за то, что она дерет шкуру, требуя за кило картошки 10 руб.» *26 марта*: «Кондукторша гремела на базаре: ладно, пусть эти живодееры (т. е. колхозники.— М. Г.) только отсекутся, тогда правительство „уравниет“ их (с городом!)»⁹⁰.

Продовольственный вопрос в марте и апреле 1942 г. твердо занял первое место среди «отрицательных сообщений», выявленных военной цензурой; на втором месте — отсутствие света, воды, топлива; на третьем — обмен промтоваров на продукты питания; на четвертом — квартирный вопрос; на пятом — разное, может быть, в том числе и «антисоветские проявления» (или население вообще старалось в переписке не касаться политики?). Всего же Военной «цензурой 2-го спецотдела НКВД СССР в марте месяце обработано 8 489 275 писем, исходящих от гражданского населения Москвы. Из общего количества обработанной корреспонденции отрицательных сообщений отмечено 142 382, или 1,87%. Конфисковано писем 14 119. В апреле Военной цензурой г. Москвы обработано 10 314 940 [писем], отрицательных сообщений отмечено 111 872, или 1,08%. Конфисковано 11 475 писем»⁹¹. Следовательно, количество «отрицательных сообщений» в апреле сравнительно с мартом снизилось на 42,5%. Вероятно, это было связано с происшедшим в это время улучшением продовольственного снабжения.

В общем, создается впечатление, что к апрелю — маю 1942 г. в результате успехов на фронте, уменьшения налетов вражеской авиации, преодоления продовольственно-топливного кризиса жизнь Москвы стабилизируется, входит в относительно нормальную колею. *Бюллетень Штаба полиции безопасности и*

СД от 8 мая 1942 г. констатировал: «Жизнь в Москве в своем внешнем проявлении не очень отличается от довоенной». Правда, этот источник зафиксировал одно отличие: «В последние месяцы советское правительство все больше ограничивало мероприятия, враждебные церкви. Недавно даже было объявлено о свободе церкви. Все сохранившиеся храмы были открыты, их посещает много народа. Регулярно проводятся богослужения, в которых звучат молитвы о свободе русской земли»⁹². Большую посещаемость церковей отмечает и советский источник. Согласно информации начальника УНКВД г. Москвы и Московской области М. И. Журавлева, в «ночь с 4 на 5 апреля, а также утром 5 апреля 1942 г. в связи с религиозным праздником Пасхи во всех действующих церквях г. Москвы и Московской области проходило богослужение. Основной состав верующих, присутствующих на богослужениях, — женщины в возрасте 40 лет и старше. < ... > Всего по городу Москве в 30 действующих церквях присутствовало до 75 000 человек»⁹³.

Общая стабилизация, включая стабилизацию государственно-церковных отношений, отразилась и на настроении москвичей. Согласно справкам групп по спецработе, они считали свое положение вполне удовлетворительным, готовы были и в дальнейшем нести лишения ради достижения победы над врагом; антисоветские проявления почти сошли на нет. 24 апреля: «Заданием устанавливалось дать ответы о настроениях в очередях у некоторых магазинов. <...> Основные темы разговоров в очередях: 1) Вопросы снабжения продуктами питания и 2) Политические вопросы. 1. Разговоры [о] снабжении продуктами питания населения свидетельствуют о том, что население в основном понимает положение и считает, что снабжение в настоящих условиях вполне удовлетворительно. <...> Абсолютное большинство населения готово терпеть всякие лишения, лишь бы разгромили и прогнали немцев. 2. Но имеются факты выражения недовольства в связи с отсутствием того или иного товара. <...> Гораздо больше внимания уделено в разговорах политическим вопросам. О зверствах немцев говорят много. Большинство возмущаются, но есть отдельные люди, которые выражают сомнения и есть даже прямая фашистская агитация». Москвичи также высказывали готовность пожертвовать своими детьми, собой, чтобы разгромить врага»⁹⁴. Сообщение от 19 мая: «Рабочий, пришедший недавно на завод [«Нефтегаз»] (инвалид войны), говорит: „Тяжкую зиму прожили, досталось нам крепко. Я все зверства своими глазами видел. И верно сказал т. Сталин, что бойцы злее стали. Подъем у ребят на фронте стал большой“». Наряду с этим приведены два «антиколхозных» высказывания в рабочей среде⁹⁵.

Итак, настроения москвичей в июне 1941 — мае 1942 гг. имели широкий спектр. В первые два дня после объявления войны преобладали, по крайней мере внешне, выражения патриотизма, что подтверждают успешный ход мобилизации, множество добровольцев, соответствующие заявления на митингах. Затем наблюдается некоторое нарастание эгоистических настроений: часть призывников пыталась уклониться от службы; широко распространенным было стремление населения обезопасить себя от материальных лишений (закупка впрок продуктов, снятие вкладов со счетов в сберегательных кассах). Характерна была и массовая ошеломленность катастрофическими неудачами в начале войны. Были отдельные проявления пораженческих настроений, ожидания антисоветских выступлений, антикоммунистические высказывания.

В июле — сентябре 1941 г., когда враг подошел к столице, московское население как бы раскалывается на три части: патриотов, решивших стоять на смерть; «болото», ставшее питательной средой для разного рода слухов «военного» характера; «пораженцев», надеющихся на свержение большевизма немецкими руками (политические противники режима не консолидируются, а связывают реализацию своих ожиданий с победой вермахта).

В середине октября, когда спешно эвакуируются еще остававшиеся в столице предприятия и некоторые группы населения, в массовом масштабе наглядно проявились патриотические настроения среди рядовых москвичей и, напротив, многие партийно-государственные руководители низшего и среднего звена ока-

зались во власти эгоистических настроений, поддавшись панике. В это время также выявилась сравнительно незначительная подверженность москвичей пораженческим и антикоммунистическим настроениям.

В ноябре — первой половине декабря подобные настроения практически сходят на нет; проявления отрицательных эмоций москвичей перемещаются из военно-стратегической и социально-политической сфер в социально-бытовую.

Во второй половине декабря — марте среди «отрицательных настроений» преобладают проявления острого недовольства тяжелой социально-бытовой ситуацией; на этом фоне оживляются настроения неуверенности в победе, вновь высказывания, имеющие политическую (антисоветскую) окраску.

В апреле — мае происходит нормализация массовых настроений: население оценивает продовольственную ситуацию как терпимую, высказывает готовность к жертвам ради победы; количество «отрицательных» высказываний разного рода снижается.

* * *

Подытоживая вышеизложенное, можно сказать, что такие факторы, как мировоззренческо-поведенческая установка, информация, оказывали на настроения москвичей большее воздействие, чем факторы материального порядка. Так, в первые дни и месяцы войны, когда питание, снабжение топливом, репрессивная политика власти, показатель смертности находились практически на довоенном уровне или же изменились незначительно, а информация о положении на фронте была неконкретной или резко отрицательной, столичному населению более, чем когда-либо за весь период войны, присущи состояние подавленности, пораженческие, антисоветские настроения. В середине октября смятение вызвала исключительно отрицательная информация, вернее, ее отсутствие. Наоборот, в ноябре — первую половину декабря, когда питание и снабжение топливом значительно ухудшились, репрессивная политика ужесточилась (после введения 20 октября осадного положения), но информация была благоприятной (проведение парада, речи вождя, военные победы), состояние духа москвичей отличалось, вероятно, наибольшей степенью (в рамках изучаемого периода) приподнятости, оптимизма, патриотизма, самопожертвования. В январе — марте 1942 г. информация о ситуации на фронте была в целом положительной, хотя и не столь вдохновляющей, как в ноябре — начале декабря; в свою очередь, жизненный уровень резко снизился, в этой обстановке пораженческие и антигосударственные настроения возросли, но незначительно. В апреле — мае на том же информационном фоне смертность увеличилась, по сравнению с довоенным периодом, в два раза, достигнув наивысшего за всю войну уровня, ситуация с продовольствием улучшилась, состояние же духа москвичей характеризовалось стойкостью, твердостью, готовностью к жертвам ради победы.

Правда, значимая информация (фактор нематериального порядка) касалась жизненно важных моментов, личной, семейной и общественной судьбы граждан в случае победы или поражения. Наибольшим доверием населения пользовалась неофициальная информация, при этом особый интерес вызывали сведения о поведении оккупантов. Вынужденное выбирать между реальными материальными лишениями, а временами и между голодом, большевистской диктатурой, с одной стороны, и угрозой национально униженного существования под гитлеровской диктатурой — с другой, основная масса москвичей выбрала первое.

Что это — особенности русского менталитета или общечеловеческий закон? Ответ на этот вопрос невозможен без проведения «вертикального» (сопоставление с аналогичными ситуациями российской истории) и «горизонтального» (сравнение с параллельными периодами в жизни других народов) компаративистских исследований.

Примечания

- ¹ Колодный Л. Хождение в Москву. М., 1990.
- ² Москва военная: Сб. воспоминаний. М., 1995 (не путать с книгой того же названия, изданной «Мосгорархивом»).
- ³ Москва военная. 1941 год... (новые источники из секретных архивных фондов)//История СССР. 1991. № 6; Не только паника (октябрь 1941 г. в Москве)//Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3. М., 1993; Москва военная. 1941—1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995 (далее — МВ).
- ⁴ Матвеев О. К. Численность населения Москвы в годы Великой Отечественной войны (По материалам ЦГАОРСС г. Москвы)//Отечественная история. 1992. № 3.
- ⁵ Согласно отчету заместителя председателя Совета по эвакуации при СНК СССР А. Н. Косыгина «О ходе эвакуации из г. Москвы и Московской области предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения по состоянию на 25 ноября 1941 г.», «всего по Москве и Московской области эвакуируется 498 предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения, не считая предприятий республиканских, промкооперации, высших учебных заведений, научно-исследовательских и проектных институтов, библиотек, музеев, театров и прочих учреждений. Всего по этим предприятиям эвакуировано 210 000 человек рабочих, ИТР и служащих <...> Чтобы закончить эвакуацию 498 предприятий, необходимо вывезти: рабочих 135 000 человек»//МВ. С. 370.
- ⁶ Матвеев О. К. Указ. соч. С. 155.
- ⁷ МВ. С. 362, 607.
- ⁸ МВ. С. 364.
- ⁹ Отчет Городского отдела народного образования «Итоги работы за 6 месяцев войны»//МВ. С. 607.
- ¹⁰ С первых дней войны «на подступах к г. Москве [были] установлены на шоссейных дорогах заставы. <...> Для приема и переотправки по месту назначения задержанных на заставах лиц с 29.VI <...> организованы эвакупункты <...> Для предупреждения возможности оседания в г. Москве лиц [эвакуируемых из западных районов пассажирскими поездами] при отделениях железнодорожной милиции вокзалов г. Москвы организованы распределительные пункты по отправке прибывающих к месту их назначения. Для направления по месту назначения лиц, прибывающих из районов военных действий и задержанных в г. Москве, организованы приемные пункты, где установлена круглосуточная работа. <...> За время с 25 по 29 июня с. г. (включительно) в приемные пункты г. Москвы доставлено 3409 человек, из коих на 30.VI в приемных пунктах остались неотправленными 528 человек». См.: Справка зам. начальника УНКВД г. Москвы и Московской области инспектора милиции В. Н. Романченко в СНК СССР об эвакуации в тыл лиц, прибывших в столицу из района боевых действий от 30 июня 1941 г.//МВ. С. 359.
- ¹¹ МВ. С. 548, 552—553.
- ¹² МВ. С. 211.
- ¹³ Московская городская организация КПСС. 1917—1988: Цифры. Документы. Материалы. М., 1989. С. 19.
- ¹⁴ По карточкам полагалось продавать по низким ценам (по хлебу — дневные, по остальным продуктам — месячные нормы): хлеба рабочим и ИТР — 800 г, служащим — 600, иждивенцам — 400, детям до 12 лет — 400 г; крупы и макарон соответственно — 2000, 1500, 1000, 1200 г; сахара и кондитерских изделий — 1500, 1200, 1000, 1200 г; мяса и мясopодуKтов — 2200, 1200, 600, 600 г; рыбы и рыбопродуктов — 1000, 800, 500, 500 г; жиров — 800, 400, 200, 400 г. См.: МВ. С. 507—511, 729.
- ¹⁵ МВ. С. 506—507.
- ¹⁶ Научный архив Института российской истории РАН, ф. 2, раздел 8, оп. 6, д. 2, л. 3.
- ¹⁷ В июле Вержбицкий ушел добровольцем на фронт; однако из-за сильной близорукости осенью был демобилизован в запас; с 16 октября 1941 г. и до конца войны был в Москве.
- ¹⁸ МВ. С. 477, 480, 481, 486, 487, 491, 492.
- ¹⁹ МВ. С. 520—521, 523—524.
- ²⁰ Москва военная: Сб. воспоминаний. С. 13.
- ²¹ МВ. С. 496, 498.
- ²² Согласно инструкции о порядке продажи товаров по карточкам отдела торговли Мосгорисполкома от 16 июля, «Столовые, обслуживающие предприятия, учреждения и учебные заведения, производят отпусK мясных обедов при условии сдачи покупателем талона карточки на мясо, исходя из следующего расчета: за обед, изготовленный из 100 г мяса, сдается талон на 50 г мяса; за обед, изготовленный из 200 г мяса, сдается талон на 100 г мяса. <...> Хлеб обедающим в столовой отпускается по сдаче соответствующего количества талонов хлебной карточки, но не выше суточной нормы, установленной для этой категории». МВ. С. 510, 525.
- ²³ МВ. С. 499—502.
- ²⁴ МВ. С. 527.
- ²⁵ МВ. С. 504.
- ²⁶ МВ. С. 533—534.
- ²⁷ МВ. С. 625—626, 672, 677.
- ²⁸ Все приведенные данные взяты из книги «„Москве — воздушная тревога!“ Местная ПТВО в годы войны» (М., 1991. С. 4—5, 397—401).
- ²⁹ МВ. С. 427—429.
- ³⁰ МВ. С. 460.
- ³¹ МВ. С. 36—39, 43—44.
- ³² МВ. С. 478.
- ³³ МВ. С. 125.

- 34 МВ. С. 545—548.
- 35 ЦАОДМ г. Москвы, ф. 3, оп. 52, д. 138, л. 21—23, 26—27.
- 36 МВ. С. 550—552.
- 37 С и м о н о в К. М. Разные дни войны: Дневник писателя. Т. 1. М., 1977. С. 65.
- 38 МВ. С. 475.
- 39 История СССР. 1991. № 6. С. 112, 118, 122.
- 40 МВ. С. 41, 60, 130, 142.
- 41 МВ. С. 494.
- 42 МВ. С. 211.
- 43 МВ. С. 381—382.
- 44 МВ. С. 69.
- 45 История СССР. 1991. № 6. С. 112.
- 46 МВ. С. 671.
- 47 История СССР. 1991. № 6. С. 116.
- 48 МВ. С. 499.
- 49 МВ. С. 219.
- 50 МВ. С. 587—588.
- 51 МВ. С. 382.
- 52 См., напр.: История СССР. 1991. № 6. С. 111, 113, 115, 116, 120.
- 53 МВ. С. 657—687.
- 54 См.: М а т в е е в О. К. Указ. соч. С. 158—160.
- 55 МВ. С. 46.
- 56 МВ. С. 42.
- 57 МВ. С. 53.
- 58 МВ. С. 55.
- 59 См. там же; История СССР. 1991. № 6. С. 107—109.
- 60 МВ. С. 49—50.
- 61 МВ. С. 43.
- 62 МВ. С. 52.
- 63 МВ. С. 382.
- 64 МВ. С. 67—69.
- 65 С и м о н о в К. М. Указ. соч. С. 66.
- 66 История СССР. 1991. № 6. С. 113, 116—119.
- 67 Научный архив Института российской истории РАН, ф. 2, раздел 8, оп. 6, д. 2, л. 3.
- 68 МВ. С. 384.
- 69 МВ. С. 211.
- 70 См. подробнее: К о л о д н ы й Л. Указ. соч. С. 130—162; Б у к о в К. И. Указ. соч.; МВ. С. 106—123, 249—250, 475—483, 563 и др.
- 71 Справка Управления коменданта г. Москвы о выполнении военными комендатурами постановлений ГКО «О введении осадного положения в Москве» от 9 августа 1942 г./МВ. С. 550.
- 72 МВ. С. 121.
- 73 МВ. С. 250.
- 74 МВ. С. 111—112.
- 75 МВ. С. 475—478.
- 76 МВ. С. 116—119.
- 77 К о л о д н ы й Л. Указ. соч. С. 141.
- 78 МВ. С. 109, 111.
- 79 МВ. С. 211.
- 80 МВ. С. 150.
- 81 См.: МВ. С. 129—158.
- 82 МВ. С. 149, 152.
- 83 МВ. С. 115.
- 84 Москва военная: Сб. воспоминаний. С. 142—158; МВ. С. 616.
- 85 МВ. С. 158—160.
- 86 МВ. С. 165—169.
- 87 МВ. С. 184—185.
- 88 МВ. С. 200—205.
- 89 Москва военная: Сб. воспоминаний. С. 493, 495; МВ. С. 206—208.
- 90 Москва военная: Сб. воспоминаний. С. 493, 495; МВ. С. 502.
- 91 МВ. С. 210.
- 92 МВ. С. 211.
- 93 МВ. С. 215.
- 94 МВ. С. 218—219.
- 95 МВ. С. 222.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ПАКТ: ЗАМЫСЕЛ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Война Советского Союза против Германии была закономерным продолжением европейской войны, начавшейся нападением вермахта на Польшу 1 сентября 1939 г. Закономерным, ибо Гитлер, расправившись затем с Францией, Бельгией и другими западными странами, приступил к реализации своего давнего замысла — уничтожить Советы и присоединить к Германии обширные территории СССР.

В течение шести лет после прихода Гитлера к власти между СССР и Германией шла «холодная война». СССР активно участвовал в попытках создания системы коллективной безопасности против агрессии, Германия в ответ на это шла на соглашения с западными державами против СССР (наиболее известный пример — мюнхенский сговор 1938 г.). Однако конечные цели германской политики не могли быть достигнуты в рамках договоренностей с Западом. Непосредственным объектом германской экспансии после захвата весной 1939 г. Чехословакии становилась Польша, которой Англия предоставила гарантии на случай войны, и поэтому для Гитлера большое значение приобретала позиция СССР. Гитлера не могло не беспокоить возможное противодействие СССР нападению на Польшу, хотя для него не было секретом ослабление Красной Армии после уничтожения Сталиным многих ее командиров в 1937—1938 гг. Оптимальной для Германии была бы нейтрализация СССР, и кое-какие симптомы свидетельствовали о том, что заправилы «третьего рейха» были бы не прочь нормализовать отношения с СССР. При этом, как правило, прежде всего отмечают то внимание, которое Гитлер против обыкновения уделил советскому полпреду во время новогоднего приема послов в 1939 г., беседа с ним в течение нескольких минут. Приводятся и другие подобные факты подчеркнутого внимания немецкой стороны в тот период к советским дипломатам.

Отечественная историография предыстории советско-германского пакта в течение десятилетий представляла собой лишь перепевы справки «Фальсификаторы истории». Сегодня стало, наконец, возможным открыто писать о секретных протоколах к пактам с гитлеровской Германией, о совместной с нею агрессии против Польши и т. д. Правда, пока еще немногочисленны исследования, правдиво освещающие эту проблематику¹. Наряду с ними выходят, к сожалению, и работы, страдающие прежними пороками. В 1991 г. вышла в свет книга Г. Л. Розанова «Сталин — Гитлер», специально посвященная сюжету, о котором идет речь. И хотя ее автор уже не исходит из того, что секретные протоколы — гнусное измышление антисоветчиков, все же он старается представить сталинскую дипломатию в выгодном свете. Касаясь, например, беседы Молотова с германским послом Ф. Шуленбургом 20 мая 1939 г., он пренебрегает самым важным в ней — заявлением Молотова о том, что урегулирование экономических отношений между обеими странами необходимо предварить политическим урегулированием. Попыткой приукрасить политику СССР отличается и добротная по составу привлеченных материалов статья С. А. Горлова², ибо только этим можно объяснить и «непонимание» ключевого значения беседы 20 мая для исхода переговоров, и преимущественное внимание к документам немецкой стороны, и фактическое выпадение из анализа завершающей стадии переговоров, когда по

* Гинцберг Лев Израилевич, доктор исторических наук.

инициативе Москвы складывалась концепция пакта и секретного протокола как его неотъемлемой части.

Однако и в тех работах, которые трактуют события 1939 г. в соответствии с исторической правдой, не содержится последовательного систематического анализа всех основных документов, касающихся германо-советских переговоров. Речь идет о материалах, которые уже давно стали доступными исследователям, — издании немецких дипломатических документов (важнейшие из них теперь имеются и в русском переводе) и двухтомном сборнике советских источников по данному периоду «Год кризиса». Надо сказать, что отдельные документы и материалы в названных выше работах фигурируют, но это не может создать цельного представления о том, как возникла идея сближения СССР с гитлеровской Германией и как она реализовалась конкретно, что и составляет задачу данной статьи.

В 1993 г. появился том «Документов внешней политики» за 1939 г. (в двух книгах), в котором опубликованы ценные архивные материалы, но и в нем составители комментариев к публикуемым документам придерживаются прежней тенденции. Даже говоря о беседе Молотова с Шуленбургом 17 августа, т. е. уже в преддверии приезда Риббентропа в Москву, публикаторы стремятся доказать, будто СССР упорно не хотел заключать пакт с Германией; при этом они вступают в противоречие и с содержанием публикуемых материалов, и с элементарной логикой³. По-своему тенденциозны и некоторые зарубежные документальные издания по этой теме. Большая часть их появилась в годы «холодной войны» и преследовала лишь одну цель — «заклеймить» Советский Союз, игнорируя ту неблагоприятную ситуацию, в которой он оказался в конце 1938 — начале 1939 г. в результате неумной политики «умиротворителей». Но всякая односторонность отдаляет исследователя от исторической правды.

Возмущенный политикой «умиротворения», Сталин в докладе на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. всерьез предупредил западных любителей «загрести жар чужими руками» о том, что их игра может кончиться провалом. Достаточно прозрачный намек на то, что СССР не зарекается от сближения с Германией, был там понят, о чем свидетельствует в своих мемуарах Г. Хильгер (долгие годы состоявший советником германского посольства в Москве), касаясь реакции Гитлера и Риббентропа на слова Сталина во время приема советника, специально вызванного из Москвы, 9 мая 1939 г.⁴

Важным шагом СССР на пути к соглашению с Германией стало снятие 3 мая 1939 г. М. М. Литвинова с поста наркома иностранных дел и назначение вместо него В. М. Молотова, в то время занимавшего и пост Председателя СНК. Это было проявлением смены внешнеполитического курса на коллективную безопасность, убежденным поборником которого был Литвинов. Кроме того, присутствовал и элемент, связанный с национальностью Литвинова: устраняя еврея с поста главы внешнеполитического ведомства, Сталин стремился «потрафить» Гитлеру (и нацисты оценили это по достоинству). Первый же вопрос, заданный Гитлером Хильгеру, был: каковы причины, побудившие Сталина дать отставку Литвинову? Хильгер ответил: стремление последнего к соглашению с Англией и Францией. Утвердительно ответил Хильгер на вопрос Гитлера, верит ли он, что Сталин готов установить взаимоотношения с Германией. Во время рассказа дипломата о положении в России «Гитлер весь подался вперед»⁵.

По словам адъютанта Гитлера, фюрер справедливо усмотрел в снятии наркома «сигнал Москвы о том, что Сталин заинтересован в изменении советской политики в отношении Германии»⁶. Выступая перед высшим генералитетом 22 августа, Гитлер особо подчеркнул в этой связи: «Решающее значение имела замена Литвинова»⁷.

Как видим, если Германия ограничивалась лишь знаками внимания к советским дипломатам, то СССР сделал гораздо больше. Уже 5 мая поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов, беседуя с заведующим экономическим отделом восточно-европейской референтуры МИД Германии К. Шнурре, пытался выяснить, повлияет ли отставка Литвинова на позицию Германии по отношению к России⁸.

23 мая произошло событие, имевшее существенное значение для советско-германских контактов: совещание Гитлера с главными военными чинами, на котором было принято решение о нападении на Польшу «при первом же подходящем случае»⁹. Это значительно усиливало необходимость для Германии договориться с СССР.

Между тем новый нарком иностранных дел ознакомился с послами. После первой встречи с ним английский посол У. Сидс писал в Лондон: «Судьбе было угодно, чтобы я имел дело с человеком, который по внешнеполитическим вопросам не имеет никакого понятия»¹⁰. 20 мая состоялась первая беседа Молотова с Шуленбургом; в ходе ее Молотов сделал заявление, которое иначе как сенсационным не назвать. Он сказал: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база. Без такой политической базы, как показал опыт переговоров с Германией, нельзя разрешить экономические вопросы»¹¹. До этого момента беседы представителей СССР и Германии не выходили за рамки экономических отношений; и вот руководитель советской дипломатии (а вернее, Сталин, ибо Молотов не посмел бы высказаться таким образом, не получив прямого указания) выступает с предложением перейти к сфере политических отношений как приоритетной.

Некоторые авторы, верные прежним установкам, сейчас стремятся доказать, что не СССР, а Германия была инициатором заключения советско-германского пакта. На это можно ответить только одно: оба тоталитарных режима были заинтересованы в сговоре, чтобы совместно удовлетворить свои территориальные и гегемонистские притязания. При этом, однако, положение обеих сторон было не одинаковым: СССР одновременно вел переговоры с англо-французским альянсом и играл на этом. Контакты с Англией и Францией осуществлялись и в целях маскировки, и для давления на Германию. Переговоры же с последней прошли ряд этапов, в ходе которых в большей степени проявлялась заинтересованность в соглашении то одной, то другой стороны. Но неоспорим тот факт, что именно СССР первым поставил вопрос о необходимости перестройки политических отношений.

В своем отчете о встрече с Шуленбургом 20 мая 1939 г. сам Молотов подчеркнул: «Во время этой беседы видно было, что для посла сделанное мною заявление было полной неожиданностью... Посол... весьма стремился получить более конкретные разъяснения о том, какая именно политическая база имеется в виду в моем заявлении, но от конкретизации этого вопроса я уклонился»¹².

Плохим торговцем был бы Молотов (вкуче со Сталиным), если бы сразу выложил свой товар. И тот, и другой были заинтересованы прежде всего в том, чтобы получить принципиальный ответ Германии на свое предложение, хотя по логике вещей, учитывая ситуацию в германо-польских отношениях (в апреле Гитлер денонсировал пакт о ненападении с Польшей и стал открыто грозить ей войной), ответ Германии мог быть только положительным. Открывать свои карты Сталину и Молотову не хотелось, они предпочитали, чтобы первыми это сделали партнеры. Отсюда и уклончивость Молотова. Каждая сторона стремилась показать, что она не слишком заинтересована в достижении соглашения. В конце июня Шуленбургу было даже дано указание не активизировать переговоры (примерно через месяц оно было отменено). Но характер отношений двух стран понемногу менялся к лучшему, и 14 июня Астахов сообщал в Москву: «Впечатление, что просоветский (условно выражаясь) маневр в германской политике последних двух месяцев несколько глубже, чем могло многим казаться вначале»¹³. Спустя три дня Астахов провел беседу с Шуленбургом, находившимся в Берлине, и теперь уже германский дипломат убеждал советского коллегу в необходимости улучшения политических отношений¹⁴.

Окончательный перелом произошел в конце июля 1939 г. По-видимому, между 24 и 27 июля Гитлер принял соответствующее решение¹⁵. 24 июля К. Шнурре имел длительную беседу с Астаховым и заместителем торгпреда Е. И. Бабариным, в ходе которой были обсуждены и политические отношения, причем наметилось явное взаимопонимание в этой области. Шнурре уверял, что об угрозе Советско-

му Союзу со стороны Германии не может быть и речи, и убеждал собеседников, что «германская политика направлена против Англии»; вероятно, немцы знали об антипатии Сталина к этой стране. Астахов согласился с тем, что Данциг так или иначе будет возвращен Германии, и в ее пользу «каким-либо образом» (!) разрешен вопрос о польском коридоре. В ходе беседы он дважды касался Прибалтийских государств и осведомился у Шнурре, есть ли у Германии кроме планов экономического проникновения далеко идущие политические намерения относительно этих стран¹⁶. В ответ Шнурре заявил: «Что же касается конкретно Прибалтийских стран, то мы готовы в отношении их повести себя так, как в отношении Украины. От всяких посягательств на Украину мы начисто отказались». Немецкий дипломат добавил: «Еще легче было бы договориться относительно Польши»¹⁷. Это было уже нечто конкретное, и не случайно Молотов проявил к рассуждениям Шнурре живой интерес, о чем свидетельствуют две его телеграммы Астахову.

29 июля статс-секретарь МИД Германии Э. Вайцеккер направил Шуленбургу инструкцию: во время предстоящей беседы с Молотовым подтвердить сказанное Шнурре и заявить: «При любом развитии польского вопроса, мирным ли путем, как мы хотим этого, или любым другим путем, т. е. с применением силы, мы будем готовы гарантировать все советские интересы и достигнуть понимания с советским правительством». То же касалось «жизненных интересов Советов на Балтике»¹⁸. Таким образом, Германия официально приглашала Советский Союз к участию в ограблении стран Восточной Европы.

2 августа 1939 г. Риббентроп принял Астахова. Из немецкой записи их беседы ясно, что урегулирование отношений стало чрезвычайно срочным делом, но немцы старались не обнаружить это. «Я вел беседу бесстрастным тоном», — подчеркнул Риббентроп. А в приписке лично для Шуленбурга он отметил: «Я вел беседу, не показывая, что мы торопимся»¹⁹. Еще более наглядно это из записи Астахова: Германия, говорил Риббентроп, «не считает необходимым особенно торопиться проявлять излишнюю спешку, поскольку вопрос серьезен и подходить к нему надо не с точки зрения текущего момента, а под углом интересов целых поколений»²⁰. Здесь возникает мотив приманки, при помощи которой гитлеровское руководство стремилось сделать сговор особенно привлекательным для СССР. Советские руководители (это часто фигурирует в документах, особенно в записях бесед Молотова с Шуленбургом) после 1933 г. опасались агрессии со стороны Германии, и немецкие участники переговоров всячески старались их «успокоить».

В беседе Риббентропа с Астаховым обращают на себя внимание еще два момента. Во-первых, слова министра: «Если беседы, подобные нашей, не будут вестись с той степенью секретности, которую они заслуживают, они будут прекращены. Мы не стремимся привлечь к ним внимание»²¹. Но Риббентропа (а следовательно, и его партнеров по переговорам) ожидала неудача. Сотрудник германского посольства в Москве Г. Герварт фон Биттенфельд, имевший доступ к секретным документам спустя короткое время после их поступления из Берлина (или отправки туда), информировал об их содержании американского дипломата Ч. Болена (в 1953—1957 гг. — посол США в Москве). Таким образом, правительство США было в курсе советско-германских переговоров (и передавало получаемые сведения послам Англии и Франции в Вашингтоне, но, как известно, правительства этих стран не сделали из столь важной информации необходимых выводов)²². И, во-вторых, вопрос о цене, которую Германия готова была заплатить за свободу рук в отношении Польши. Риббентроп заявил, что «мы урегулируем вопрос с Польшей в течение недели». В его записи беседы далее следует: «На случай этого я сделал тонкий (так ему казалось. — Л. Г.) намек на возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши». Астахов хорошо понял этот намек, но он знал, что Москву будут интересовать детали и, по словам Риббентропа, «несколько раз пытался повернуть беседу в сторону более конкретных вопросов»²³. На сей раз Риббентроп (как 20 мая Молотов) воздержался от

конкретизации: он заявил, что назовет детали, как только получит заверения советского правительства в том, что оно в принципе желает новых отношений.

Одна тема, затронутая Риббентропом, фигурирует лишь в записи Астахова: «Ему и фюреру кажется, что в СССР за последние годы усиливается национальное начало за счет интернационального... Это благоприятствует сближению СССР с Германией»²⁴. Руководители гитлеровской Германии имели веские основания для подобных утверждений.

По-прежнему активен был Шнурре. 2 августа он обратился с конфиденциальным письмом к Шуленбургу, в котором заметил, что «здесь политическая проблема России рассматривается с чрезвычайной неотложностью». Такой вывод он сделал из ежедневного общения с Риббентропом, постоянно контактировавшим с Гитлером. Шнурре писал далее: «Вы можете себе представить, с каким нетерпением здесь ожидают Вашу беседу с Молотовым»²⁵. По словам Астахова, 10 августа Шнурре в беседе с ним сказал, что «германское правительство наиболее интересуется вопросом нашего отношения к польской проблеме»²⁶. В ряде донесений Астахов сообщал, чего можно ожидать от немцев. Так, 8 августа он писал: «Немцы желают создать у нас впечатление, что готовы были бы объявить свою незаинтересованность к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, русской Польши (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину... чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае войны с Польшей»²⁷. 12 августа: «Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши (не говоря уже об Украине) — это в данный момент минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей»²⁸. Астахов предлагал НКВД высказаться более определенно.

Сталин и Молотов уже располагали к этому времени информацией о том, что подготовка нападения на Польшу вступила в решающую фазу. 7 августа, например, было получено такое донесение: «Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа, и начиная с 20 августа следует считаться с началом военной акции против Польши»²⁹. Советские руководители хорошо понимали, что в этих условиях можно значительно преумножить свою долю добычи. И немцы знали это. 6 августа Вайцеккер записал: «Москва ведет переговоры с обеими сторонами и наверняка еще в течение некоторого времени сохранит за собой последнее слово, во всяком случае более длительно, чем это согласовалось бы с нашими сроками и отвечало бы нашему нетерпению»³⁰.

Как показали последующие события, это было верно лишь отчасти, ибо напор немецкого руководства возрастал столь стремительно, что Сталин и Молотов не сумели (а вернее, не захотели) твердо противостоять ему. 13 августа Шнурре предложил направить в Москву кого-либо из видных нацистов, кто мог бы ответственно вести и завершить переговоры. Подчеркивалось, что «надо послать кого-либо из старых соратников Гитлера, состоящих с давних пор в рядах национал-социалистического движения... с ярко выраженным партийным прошлым»³¹. В этой связи Шнурре назвал Г. Франка — одну из наиболее одиозных фигур среди приспешников Гитлера. Идея посылки в Москву для выполнения ответственной дипломатической миссии ветерана нацизма определялась стремлением подчеркнуть значение для взаимоотношений обеих стран партийных традиций, в которых усматривались общие черты. О том же свидетельствовало приглашение советских представителей на Нюрнбергский съезд НСДАП. По этому поводу Астахов 27 июля писал В. П. Потемкину: «С одной стороны, присутствие на съезде имеет большое информационное значение и дает большие возможности контакта, установления связей и проведения разъяснительной работы среди немецких и иностранных дипломатов. С другой стороны, наше появление впервые за все время существования режима вызовет, конечно, немало толков в англо-французской печати. Вам предстоит решить, что важнее»³². Можно предполагать, каково было бы решение, но из-за начавшейся войны съезд был отменен.

Кульминационным пунктом переговоров стала, вероятно, встреча Молотова с

Шуленбургом 15 августа. Посол изложил инструкции, полученные от Риббентропа: немецкая сторона заявляла, что предстоящие решения «будут в течение поколений иметь решающее значение для германского и советского народов», что «дорога в новое будущее открыта обеим странам», что «между Балтийским и Черным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств» и т. п. Далее говорилось о том, что «капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как национал-социалистической Германии, так и Советского Союза». Но наиболее важным в декларации немецкой стороны было, видимо, следующее положение: если не действовать быстро, то «оба правительства лишатся возможности... совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой»³³. Посол также передал пожелание Риббентропа лично прибыть в Москву.

После беседы Шуленбург сообщил в Берлин: «Молотов с величайшим интересом выслушал информацию, которую мне было поручено передать, назвал ее крайне важной и заявил, что он сразу же передаст ее своему правительству»³⁴. Что же касалось приезда Риббентропа, то Молотов сказал, что «подобная поездка требует соответствующих приготовлений для того, чтобы обмен мнениями дал какие-либо результаты». В ходе беседы Молотов обсудил с послом сообщение советского поверенного в делах в Риме о беседе последнего с Г. Чиано, в которой итальянский министр изложил имевшуюся у него информацию о некоем германском плане урегулирования отношений с СССР, одним пунктом которого было заключение пакта о ненападении. Это особенно заинтересовало Молотова, и он задал Шуленбургу вопрос, существует ли у германского правительства определенное мнение относительно заключения пакта о ненападении с СССР. Согласно советской записи, посол ответил, что с Риббентропом этот вопрос еще не обсуждался³⁵.

Помимо отчета об этой беседе Шуленбург направил Вайцзеккеру и личное послание. Он писал, в частности: «Довольно неожиданно господин Молотов оказался угодлив и откровенен. У меня создалось впечатление, что предложение о визите имперского министра очень польстило господину Молотову». В этой связи Шуленбург напомнил, что Москва просила, чтобы Англия и Франция прислали для участия в переговорах министров, но прибыл только У. Стрэнг, не имевший этого ранга. Посол информировал Вайцзеккера, что попытки выведать у наркома намерения советского правительства относительно Прибалтийских государств не увенчались успехом³⁶.

Уже 16 августа Риббентроп потребовал у Шуленбурга, чтобы он снова встретился с Молотовым и сообщил ему, что Германия готова заключить пакт о ненападении сроком на 25 лет. Встреча состоялась 17 августа, и в ходе ее послу был вручен ответ советского правительства на заявление германской стороны, сделанное двумя днями раньше. В этом документе после напоминания о враждебных действиях Германии по отношению к СССР в прошлом выражалось согласие урегулировать отношения; первым шагом к этому может быть заключение торгового и кредитного соглашения, вторым — заключение пакта о ненападении или подтверждение Договора о нейтралитете 1926 г. Особо оговаривалась необходимость одновременно подписать специальный протокол, который определит интересы сторон в том или ином вопросе внешней политики и явится неотъемлемой частью пакта³⁷. Из данного документа вполне определенно видно, кто являлся инициатором секретного протокола.

Во время беседы 17 августа Молотов говорил о будущем пакте значительно конкретнее, чем в ходе предыдущей встречи с послом. Для этого пакта, «вопрос о котором раньше германским правительством вообще не ставился» (снова-таки к вопросу об инициативе), по мнению Молотова, образцом могут послужить аналогичные пакты о ненападении, заключенные Советским Союзом с рядом стран (в бытность Литвинова наркомом иностранных дел). Что же касается вопроса о протоколе, то он сказал: «Инициатива при составлении протокола должна исходить не только от советской, но и от германской стороны» и добавил, что

вопросы, затронутые в германском заявлении от 15 августа (т. е. о Польше, Прибалтике и т. д.), не могут войти в договор (он будет опубликован), они должны войти в протокол (он будет секретным). Партнерам по переговорам было дано понять, что их не водят за нос: «Товарищ Сталин находится в курсе дела, и ответ (на сообщение посла 15 августа.— Л. Г.) с ним согласован». Советская сторона поддержала желание Риббентропа приехать в Москву — в отличие от англичан, приславших второстепенного чиновника³⁸. Но вместе с тем оговаривалось: «Советское правительство опасается сенсации, которую вызовет такая поездка, оно предпочитает делать практическую работу без лишнего шума»³⁹. Молотов спросил: «Нельзя ли не поднимать шума?»⁴⁰. Подобная реакция диктовалась необходимостью подготовить общественное мнение и в самом СССР, и за рубежом к столь крутой смене курса.

И вновь Риббентроп потребовал от Шуленбурга встретиться с Молотовым. В его телеграмме от 18 августа говорилось, в частности: «Фюрер считает, что необходимо, чтобы мы за стараниями выяснить германо-русские отношения не были застигнуты врасплох началом германо-польского конфликта. Поэтому он считает, что предварительное выяснение отношений необходимо только для принятия во внимание интересов России в случае подобного конфликта»⁴¹.

Сказано достаточно откровенно. Германии позарез нужен нейтралитет СССР по отношению к агрессии против Польши (в тот момент речь еще шла только о нейтралитете), и она готова уплатить за это. Данный и аналогичные документы опровергают мнение о том, будто Сталин и Молотов лишь 23 августа приняли решение, с какой из сторон — Германией или Англией и Францией — следует договориться. На самом деле выбор был сделан достаточно давно; соглашение с Германией обеспечивало солидные территориальные приращения, к тому же СССР оставался в стороне от «большой» войны. В случае же союза с Западом грозило очень скорое участие в такой войне, неподготовленность к которой была для Сталина очевидна (это вскоре подтвердила война с Финляндией). Побудить отказаться от сделанного выбора могли только моральные соображения, если бы Сталин считался с ними.

19 августа Молотов и Шуленбург встречались дважды (второй раз Молотов пригласил германского дипломата спустя всего полчаса после его возвращения из Кремля). Во время второго визита (который понадобился, по-видимому, после доклада Молотова Сталину о содержании только что закончившейся беседы) Молотов вручил Шуленбургу советский проект пакта о ненападении. Вопреки недавней рекомендации, данной Молотовым немцам, этот проект в одном, но чрезвычайно существенном пункте не совпадал с прежними пактами, заключенными СССР: в нем отсутствовала статья о денонсации в случае нападения одной из договаривающихся сторон на третью державу. Проект заканчивался постскриптумом следующего содержания: «Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта»⁴². Комментируя советский проект, Молотов сказал: «Вопрос о протоколе, который должен являться неотъемлемой частью пакта, является серьезным вопросом. Какие вопросы должны войти в протокол, об этом должно думать германское правительство. Об этом мы также думаем»⁴³.

Немцев, однако, в этот момент интересовало прежде всего другое — как бы максимально ускорить приезд Риббентропа в Москву, и они продолжали с удвоенной силой настаивать на этом; возник спор из-за даты визита. Советская сторона постепенно отступала. Сначала решено было принять германского министра спустя неделю после заключения договора по экономическим вопросам (он был подписан на исходе 19 августа), а затем была назначена более близкая дата.

Последним аккордом в этом эпизоде стало личное послание Гитлера Сталину от 20 августа 1939 г. Гитлер подтвердил, что принимает советский проект пакта о ненападении; что же касается (секретного) протокола, «желаемого советским правительством» (к сведению тех, кто отрицает советскую инициативу в этом

вопросе), то фюрер полагал, что протокол может быть выработан в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Поэтому Гитлер предлагал принять Риббентропа 22-го, самое позднее — 23 августа ⁴⁴.

Против этого Сталин возражать не мог. Ответ последовал уже через 2 часа, и были отброшены возражения, определявшиеся прежде всего нежеланием «шума», давней привычкой делать политику за кулисами, подальше от людских взоров. Надо думать, советские руководители не обрадовались, узнав, что Риббентропа сопровождают не 4—5 помощников, а свита в 37 человек. Но дело было сделано, сенсации не избежать, и вскоре после прилета немецкой делегации начались переговоры. Их вел Сталин. Они затянулись далеко за полночь. Ход их в последнее время уже освещался в печати, но кое-какие существенные детали остались все же неотмеченными.

Пример — обсуждение вопроса об «антикоминтерновском пакте», когда Сталин и Риббентроп убеждали друг друга в том, будто этот пакт направлен вовсе не против СССР, а против Англии, и под конец Риббентроп рассказал имевшую хождение в Берлине шутку: «Сталин еще присоединится к антикоминтерновскому пакту» ⁴⁵. Все посмеялись, но ведь в каждой шутке есть доля правды: в ноябре 1940 г. СССР в принципе согласился присоединиться к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии, который был агрессивным военным союзом и в этом смысле намного превосходил «антикоминтерновский пакт» с его преимущественно идеологической направленностью.

До сих пор не проанализированы высказывания Сталина в беседе с Риббентропом по поводу захватнических намерений Италии. «Нет ли у Италии устремлений, выходящих за пределы аннексии Албании, возможно, — к греческой территории?» — спросил Сталин. И далее продолжил: «Маленькая, гористая и плохо населенная Албания... не представляет для Италии особого интереса» ⁴⁶. Это было провокационное замечание, хотя, конечно, и не связанное напрямую с нападением Италии на Грецию в 1940 г.

Риббентроп сообщил, что Германия готова использовать свое влияние для улаживания советско-японских отношений (о чем неоднократно шла речь в беседах Молотова с Шуленбургом). На это Сталин заметил, что считает полезной помощь Германии, но не хочет, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива исходит от Советского Союза ⁴⁷. И так практически по каждому из затронутых сюжетов — провокация, искажение истинного положения вещей, жгучая ненависть к западным демократиям.

Зато «добрые чувства» взяли верх, когда перешли к тостам. «Господин Сталин, — говорится в немецкой записи этих переговоров, — неожиданно предложил тост за фюрера: „Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье“. А Молотов поднял бокал за Сталина, отметив, что „именно Сталин своей речью в марте этого года, которую в Германии правильно поняли, полностью изменил политические отношения“. На прощание Сталин почувствованно сказал Риббентропу: „Он может дать свое честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера“» ⁴⁸. Место Молотова в «тандеме» со Сталиным характеризует такой эпизод переговоров: однажды Сталин велел Молотову говорить вместо себя, на что тот ответил: «Нет, говорить должен ты, ведь ты это сделаешь лучше меня». Сталин коротко и четко изложил суть дела, после чего Молотов с довольной улыбкой обратился к германской делегации: «Разве я не сказал сразу, что он сделает это лучше меня» ⁴⁹.

В угоду Германии, уже изготовившейся для нападения на Польшу, в тексте пакта о ненападении отсутствовала статья о прекращении его действия в случае агрессии одной из сторон по отношению к третьей державе ⁵⁰. Из этих же соображений предусматривалось его вступление в силу немедленно после подписания, а не после ратификации, о чем шла речь в советском проекте пакта. То и другое было сразу же отмечено мировой общественностью, отсюда и неуклюжие ответы Молотова (в его сообщении Верховному Совету СССР 31 августа 1939 г.) «кое-ко-

му... кто может вознамериться квалифицировать ее (Германию.— Л. Г.) нападающей стороной». Молотов доказывал, что статья о денонсации якобы необязательна, «забыв» об аналогичных договорах, заключенных СССР (к которым он столь недавно отсылал немцев) и ссылаясь почему-то на Польско-германский пакт о ненападении 1934 г. и Англо-германскую декларацию 1938 г. (которая вообще не была договором)⁵¹.

Очень мало известно о том, как проходили обсуждение и формулирование Секретного протокола. Как мы видели, в ходе предварительных переговоров объекты дележа были лишь названы в общей форме, подписанный же текст протокола содержал детализацию. В комментариях к 22-му тому «Документов внешней политики» сообщается на основании косвенных свидетельств, что «Сталин считал необходимым начать встречу 23 августа именно с вопроса о разграничении „сфер интересов“»⁵². Заместитель статс-секретаря МИД Германии Ф. Гаус в письменных показаниях Нюрнбергскому процессу отметил, что «по сравнению с Пактом о ненападении гораздо больше велись переговоры об особом секретном документе („специальный протокол“)⁵³.

В этом протоколе обращает на себя внимание прежде всего статья, касающаяся Польши. Здесь, во-первых, устанавливалась граница сфер интересов Германии и СССР (по линии рек Нарев, Висла и Сан) на территории в тот момент еще суверенного и независимого государства «в случае территориально-политического переустройства» областей, входящих в него. Во-вторых, ставился вопрос, «является ли в обоюдных интересах желательным (как будто лишь интересами Германии и СССР обуславливалось существование Польши.— Л. Г.) сохранение независимости Польского государства и каковы будут его границы»⁵⁴. Решение этого вопроса ставилось в зависимость от «дальнейшего политического развития», а на деле — от исхода войны против Польши, которая должна была начаться спустя несколько дней (считалось, что 26 августа). Таким образом, Секретный протокол, по существу, предполагал четвертый раздел Польши.

Прибалтийские страны (включая Финляндию) признавались, опять-таки «в случае территориально-политического переустройства входящих в них областей», сферой интересов СССР; она должна была простираться вплоть до северной границы Литвы. Отдельный пункт Протокола констатировал «интерес СССР в Бессарабии» и «полную незаинтересованность» Германии в ней⁵⁵. То был форменный международный разбой. «Нравственная позиция Сталина в этом отношении,— подчеркивал Д. А. Волкогонов,— была глубоко ущербной, даже бесчестной»⁵⁶. Не случайно в Протоколе дважды говорилось о его строжайшей конфиденциальности. А о том, как жизненно важно было для властителей СССР сокрытие этого документа, красноречиво свидетельствует упорное, длившееся полвека отрицание его существования.

Во время пребывания в Москве Риббентроп получил от Вайцеккера телеграмму следующего содержания: «Фюрер очень приветствовал бы, если бы в рамках происходящих переговоров было определено, что в результате договоренности Германии и России насчет проблем Восточной Европы последняя рассматривалась бы как принадлежащая к исключительной сфере интересов Германии и России»⁵⁷. Гитлер представлял себе дело так, что партнеры не только поделили целый регион между собой, но и изолировали его от остального мира.

Из германского МИД ушла также телеграмма во все германские миссии за рубежом, содержащая разъяснения относительно советско-германского пакта. В частности, говорилось, что «антикоминтерновский пакт» теперь обращен не против СССР, а против Англии. «К этому присоединяется, что русский большевизм претерпел решающую структурную трансформацию. На смену идее мировой революции пришло сочетание русской национальной идеи с консолидацией Советского государства на его нынешних территориальных и социальных основах. Укажем в этой связи на вытеснение евреев с руководящих постов Советского Союза (падение Литвинова)»⁵⁸. Так гитлеровцы объясняли

мотивы своего сближения со сталинским режимом. То, о чем Риббентроп говорил в беседе с Астаховым 2 августа, не было, таким образом, случайностью.

Гитлер узнал о подписании пакта из телефонного звонка Риббентропа утром 24 августа. От радости он стучал кулаками по стене и вопил: «Теперь весь мир в моем кармане! Теперь Европа принадлежит мне!»⁵⁹ Сталин тоже был очень доволен. По свидетельству Н. С. Хрущева, он был уверен, что перехитрил Гитлера⁶⁰.

Советско-германский пакт был заключен сроком на 10 лет. Что касается немецкой стороны, то там никогда не рассчитывали более чем на двухлетнюю его длительность. Вероятно, и советская сторона понимала, что ей отпущено не 10 лет, а значительно меньше. Однако это не помешало Молотову назвать пакт с гитлеровской Германией «поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы»⁶¹. Но была ли необходимость и имело ли вообще смысл заключать соглашение с Гитлером? Справка «Фальсификаторы истории» и вся последующая литература в СССР и ГДР отвечала на этот вопрос однозначно положительно. Так ли это? Ведь можно было отказаться от сделок с какой-либо из противостоящих сторон, сохранить нейтралитет и готовиться к неизбежному нападению Германии, не помогая ей стратегическим сырьем и продовольствием и не терпя огромный моральный ущерб от сговора с фашистскими державами.

В основе сталинской концепции этих проблем лежит утверждение, будто в 1939 г. СССР находился под непосредственной угрозой агрессии со стороны Германии. Это неверно, подобной угрозы тогда не было. Дело не только в отсутствии оперативных планов нападения на СССР (Г. Л. Розанов полагает, что такой план может быть разработан в течение недель; однако «план Барбаросса» создавался с июля по декабрь 1940 г.). Главное заключалось в неподготовленности Германии к такой войне. СССР, хотя он и был ослаблен сталинскими «чистками», — не Польша. По своим материальным и людским ресурсам он значительно превосходил Германию, огромное значение имела и обширность территории. Подготовка к войне с такой страной была неизмеримо сложнее и требовала гораздо большего времени, сил и средств, чем война против Польши⁶². По свидетельству заместителя начальника оперативного управления верховного командования вермахта В. Варлимонта, германская армия никогда не была так плохо подготовлена к войне, как в 1939 г.: не хватало тяжелых танков, автомашин, боеприпасов, средств связи. Не было необходимого количества подготовленных резервов, особенно офицеров⁶³. Отсюда и слова Гитлера на совещании с генералитетом 22 августа: «Никакой длительной войны мы вести не можем»⁶⁴. Как мы знаем, в 1941 г. фюрер посчитал, что способен провести против СССР блицкриг. Но тогда, что немало важно, Германия обладала значительными и разнообразными ресурсами завоеванных стран. И еще один, возможно, наиболее существенный фактор. В 1939 г. вермахт практически еще не имел боевого опыта (не считая ограниченного участия в военных действиях в Испании). В 1941 г. за плечами германской армии был разгром нескольких стран, включая Францию. Это была уже другая армия, победы на Западе круто подняли ее боевой дух и вселили такую уверенность в своих силах, какой не было и не могло быть в 1939 г.

Но, может быть, СССР в 1941 г. был лучше подготовлен к войне, чем в 1939? Многие говорят о том, что дело обстоит как раз наоборот. Продвижение на несколько сот километров вперед благодаря присоединению новых территорий не дало выигрыша. Во-первых, была разрушена первоклассная полоса укреплений на старой границе, а новую не возвели; во-вторых, крайне непродуманное размещение войск в прифронтовой полосе позволило немцам уже в самом начале войны нанести Красной Армии тяжелое поражение. Сказались и серьезные упущения в производстве вооружения, особенно новых его видов⁶⁵. И если предположить (хотя это полностью исключалось), что война все же началась бы в 1939 г., то она наверняка продлилась бы гораздо меньше и потребовала от советского народа не таких чудовищных жертв.

* * *

23—24 августа гитлеровское министерство пропаганды разослало органам печати и на радио директивы относительно интерпретации советско-германского пакта: тон должен быть спокойным, не следует касаться идеологических расхождений с СССР. Высказывалась уверенность, что «углубление сотрудничества составит здоровую основу для растущей теплоты тона по отношению к Советскому Союзу»⁶⁶. Что ж, теплота пришла, особенно после того, как СССР 17 сентября 1939 г. напал на Польшу и в прямом военном сотрудничестве с гитлеровской Германией ликвидировал Польское государство. То был «медовый месяц» дружбы двух тоталитарных режимов, дружбы, по выражению Сталина, «скрепленной кровью». Потом было разное, в том числе поездка Молотова в Берлин, где он фактически принял предложение вступить в агрессивный союз Германии, Италии и Японии. А в это время уже четыре месяца шла полным ходом разработка «плана Барбаросса».

Примечания

¹ См., в частности: Волкогон Д. А. Драма решения 1939 года//Новая и новейшая история. 1989. № 4; Мюллерсон Р. А. Советско-германские договоры 1939 г. в аспекте международного права//Советское государство и право. 1989. № 9; Случ С. З. Внешнеполитическое обеспечение польской кампании и Советский Союз//Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны. М., 1990; Наджафов Д. Г. Дипломатия США и советско-германские переговоры 1939 года//Новая и новейшая история. 1992. № 1; Члышев И. А. Год кризиса (сентябрь 1938 — сентябрь 1939)//Советская внешняя политика 1917—1945 гг./Отв. ред. Л. Н. Нежинский. М., 1992; Семряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. М., 1993.

² Горлов С. А. Советско-германский диалог Молотова — Риббентропа в 1939 г./Новая и новейшая история. 1989. № 4.

³ Документы внешней политики. Т. 22. 1939 год. (далее — ДВП). М., 1992. Кн. I. С. 589. Разносторонний анализ этого издания, в том числе его существенных недостатков см. рецензию В. П. Сафронова (Отечественная история. 1995. № 3)

⁴ Хильгер Г. 1939-й: свидетельство очевидца//Дипломатический ежегодник 1989. М., 1990. С. 309.

⁵ Там же. С. 310.

⁶ Цит. по: Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. М., 1991. С. 140.

⁷ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. D. Baden-Baden, 1956. Bd. VI. S. 479.

⁸ Оглашению подлежит. СССР — Германия 1939—1941: Документы и материалы. М., 1991. С. 20.

⁹ Секретные документы германского командования о подготовке Второй мировой войны//Новая и новейшая история. 1969. № 5. С. 120.

¹⁰ Семряга М. И. Указ. соч. С. 18.

¹¹ ДВП. Т. 22. Кн. I. С. 386—387.

¹² Там же. С. 387.

¹³ Там же. С. 465.

¹⁴ Там же. С. 484.

¹⁵ S l u t s c h S. Warum brauchte Hitler einen Nichtangriffspakt mit Stalin?//Unternehmen Barbarossa. München, 1993. S. 77.

¹⁶ Оглашению подлежит... С. 32.

¹⁷ Год кризиса. 1938—1939. М., 1990. Т. II. С. 137.

¹⁸ Оглашению подлежит... С. 32.

¹⁹ Там же. С. 35.

²⁰ ДВП. Т. 22. Кн. I. С. 568.

²¹ Оглашению подлежит... С. 34.

²² Неграрт Н. Zwischen Hitler und Stalin. Frankfurt a. M., 1982. S. 175 ff.; Вохлен Ч. Witness to History. N. Y., 1969. P. 69 и сл.; Наджафов Д. Г. Советско-германские переговоры 1939 года: По документальным публикациям США//Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992. С. 47.

²³ Оглашению подлежит... С. 35.

²⁴ ДВП. Кн. I. С. 569.

²⁵ Sowjetstern und Hakenkreuz 1938 bis 1941//Hrsg. von K. Pätzold und G. Rosenfeld. Berlin, 1990. S. 181.

²⁶ ДВП. Кн. I. С. 596.

²⁷ Год кризиса... Т. II. С. 180.

²⁸ ДВП. Кн. I. С. 597—598.

²⁹ 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 333.

³⁰ Weizsäcker-Papiere 1933—1950. Frankfurt a. M., 1950. S. 157.

- ³¹ ДВП. Кн. 1. С. 609.
- ³² Год кризиса... Т. II. С. 140.
- ³³ Оглашению подлежит... С. 38.
- ³⁴ Там же. С. 39.
- ³⁵ ДВП. Кн. 1. С. 607.
- ³⁶ Оглашению подлежит... С. 45.
- ³⁷ ДВП. Кн. 1. С. 612.
- ³⁸ Там же. С. 610.
- ³⁹ Akten der deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. D. Bd. VII. S. 96.
- ⁴⁰ ДВП. Кн. 1. С. 610.
- ⁴¹ Оглашению подлежит... С. 51.
- ⁴² ДВП. Кн. 1. С. 619.
- ⁴³ Там же. С. 617.
- ⁴⁴ Там же. Кн. 2. С. 585.
- ⁴⁵ Оглашению подлежит... С. 73.
- ⁴⁶ Там же. С. 74.
- ⁴⁷ Там же. С. 76.
- ⁴⁸ Там же. С. 77.
- ⁴⁹ Дипломатический ежегодник 1989. С. 317.
- ⁵⁰ См.: С л у ч С. З. О некоторых проблемах дипломатической борьбы в канун Второй мировой войны // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 101.
- ⁵¹ Международные отношения и внешняя политика СССР. М., 1939. С. 319.
- ⁵² ДВП. Кн. 2. С. 591.
- ⁵³ Дипломатический ежегодник 1989. С. 319.
- ⁵⁴ ДВП. Кн. 1. С. 632.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ В о л к о г о н о в Д. А. Накануне Великой Отечественной... // Открывая новые страницы. Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 99.
- ⁵⁷ Akten der deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. D. Bd. VII. S. 158.
- ⁵⁸ Ibid. S. 185.
- ⁵⁹ Т е s k e U. General Ernst Köstring. Frankfurt a. M., 1965. S. 142.
- ⁶⁰ Вопросы истории. 1990. № 7. С. 86.
- ⁶¹ Международное положение и внешняя политика СССР. С. 14. В 1949 г. Сталин вновь употребил это выражение, и вновь не к месту: он назвал создание ГДР «поворотным пунктом в истории Европы».
- ⁶² См.: Д а ш и ч е в В. И. Пакт Гитлер — Сталин: мифы и реальность // Ежегодник германской истории 1988. М., 1991. С. 181 и сл.
- ⁶³ С е м и р я г а М. И. Сговор двух диктаторов // История и сталинизм. М., 1991. С. 210.
- ⁶⁴ Дипломатический ежегодник 1989. С. 315.
- ⁶⁵ См.: Х м е л и н с к и й П. В. Навстречу смерти. М., 1991.
- ⁶⁶ Misstrauische Nachbarn. Düsseldorf, 1970. S. 133.

ИСТОЧНИК ИЗ ВЫСШИХ КРУГОВ КОМИНТЕРНА О ПЛАНАХ СТАЛИНА, СВЯЗАННЫХ СО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

В середине июня 1941 г. Гитлер сообщил министру пропаганды Геббельсу, что части Красной Армии, противостоявшие вермахту на Востоке, находятся в состоянии готовности к наступлению и их оборонительные сооружения слабы¹.

В данной статье приводятся новые ключевые данные, касающиеся расчетов Сталина относительно хода войны в Европе, расчетов, с которыми, возможно, связана эта странная военная диспозиция. Его военное планирование, основанное именно на данных расчетах, безусловно относится к одному из центральных аспектов этой войны, хотя до сих пор сообщались лишь крупницы новых сведений по указанной теме из недавно открывшихся архивов бывшего Восточного блока².

В конце февраля 1941 г. Вальтер Ульбрихт, фактический руководитель пребывавшей в изгнании Коммунистической партии Германии (КПГ), а позднее председатель Государственного совета ГДР (ни на одном из этих постов он не смог бы оказаться без предварительной санкции, а, может быть, и личного выбора со стороны товарища Сталина), выступил с лекцией перед группой немецких политэмигрантов в довольно спартанской на вид гостинице, именуемой «отелем „Люкс“». Отель служил приютом для наиболее верных сталинцев из международной когорты Коминтерна, обосновавшейся в Москве. Ульбрихт незадолго до этого выступал на заседании Президиума Коминтерна, самым видным членом которого был Сталин. Шедшая там дискуссия в основном касалась хода военных действий на западе Европы, и в особенности ситуации в Германии. Дискуссия должна была продолжиться позднее в особом комитете.

Ульбрихт прибыл на встречу, чтобы проинформировать немецких товарищей о том, что он узнал «на высшем уровне». Сталин поддерживал тесную связь с Коминтерном и представителями зарубежных компартий, обеспечивая их информацией и инструкциями в той степени, в которой это требовалось международным движением. Большая часть политического анализа и прочей информации, сообщенной Ульбрихтом, исходила именно из этого источника. Ибо, учитывая многолетний опыт пребывания коминтерновской иерархии в Советском Союзе, никто из этой группы не мог и помыслить выступить с собственной инициативой в международной области, не оговорив ее предварительно с руководителем совещания в Кремле. А тот давно уже питал особый интерес к германским делам³. Но в феврале 1941 г., спустя восемнадцать месяцев после заключения нацистско-советского пакта, германский вопрос снова стал предметом особого беспокойства для Москвы.

К этому времени до Сталина доходят предупреждения из самых различных источников, что Гитлер решил напасть на него, как только немецкие войска будут к этому готовы⁴. Такие предупреждения могли заново поставить на повестку дня вопрос об отношении к войне внутри страны и, соответственно, положить начало дискуссии о ее влиянии на политику, на заседании Президиума Коминтерна, в котором принял участие Ульбрихт. Только недавно завершился занявший несколько месяцев глубокий пересмотр политической линии центральноевропейских компартий, к которым эта проблема имела самое непосредственное отношение. Данный пересмотр последовал сразу же после дипломатической революции, вызванной пактом между Гитлером и Сталиным в августе 1939 г. И,

* Раак Ричард Чарльз, профессор-эмеритус Университета Хейвард, штат Калифорния (США).
Перевод А. В. Юрасовского.

по-видимому, спорные вопросы удалось согласовать лишь по прошествии нескольких месяцев ожесточенной полемики, в которую вносили свой весомый вклад — и, возможно, давали какие-то гарантии Сталин и советский наркоминдел Молотов — так как первоначально пакт породил хаос в рядах международного коммунистического движения ⁵.

Представляется вероятным, что Сталин поднял вопрос о будущей политике в отношении войны на уровне Президиума Коминтерна в феврале 1941 г. только потому, что события приняли не тот оборот, на который он рассчитывал ⁶. Следует пояснить, что, подписывая с нацистским фюрером договор о «ненападении», он «по-крупному сыграл втемную», учитывая всю непредсказуемость дальнейшего. Но не прошло и полгода после славных нацистско-советских триумфов в польской войне, как начался неожиданный немецкий «Sieg im Westen» — триумф на Западе. После июня 1940 г. нацистский рейх, если не считать тех сил, которые мог выставить Сталин, стал верховенствовать на континенте. Затем пошли сообщения, бесчисленные к февралю 1941 г., о планах Гитлера атаковать на Востоке.

То, что поведал Вальтер Ульбрихт правоверным своей компартии на «информзаседании», оставалось закрытым для широкого доступа в течение полувека. Но последние три или четыре года, после того, как немецкие партийные архивы открылись вслед за падением коммунистической империи в восточной части Европы, этой информацией стало возможно пользоваться всем желающим. Доклад Ульбрихта, человека безусловно преданного Сталину, имеет огромное значение, будучи первым документированным изложением того, что тот ожидал от дальнейшего хода войны, включая и его надежды на возможность броска Красной Армии в западном направлении.

Собрание, на котором выступал Вальтер Ульбрихт, вел Вильгельм Пик. Как и Сталин, Пик был членом Президиума Коммунистического Интернационала и его Исполнительного Комитета. При этом он занимал также пост исполняющего обязанности главы КПГ. По своей должности и, может быть, потому, что он выступал в роли секретаря, он делал множество записей, включавших массу заметок буквально по каждому аспекту его деятельности, личной и политической, причем велись они столь систематизированно, что историки должны быть ему вечно благодарны, — Пик делал записи и в ходе речи своего товарища ⁷.

Пик отметил, что Ульбрихт сообщил немецким товарищам о трех возможных сценариях дальнейшего хода войны. «Информзаседания», подобные состоявшемуся 21 февраля, сопровождались устными, а не письменными сообщениями, и были тем каналом, по которому в сталинские времена доводились до партийной иерархии важнейшие решения партии ⁸.

Первый перспективный сценарий в изложении Ульбрихта состоял в том, что война закончится поражением одной из сторон. Но, с точки зрения Кремля, в феврале 1941 г. шансов на такой исход не существовало: «Sieg einer Seite — Niederlage der anderen[;] vorläufig keine Aussicht» («Победа одной стороны — поражение др.); (пока никакой перспективы)». Вторая возможность, о которой говорилось на встрече, предусматривала заключение основанного на компромиссе перемирия между воюющими державами. Перемирие наступит при полном истощении противоборствующих стран, когда, наконец, ни одна из держав не сможет продолжать сражаться: «Kompromiss Waffenstillstand bei völliger Erschöpfung — die keinen Sieg mehr ermöglicht» («Компромисс-перемирие при полном изнеможении, который делает невозможной победу»).

Третий сценарий был самым мрачным. Тем не менее, с точки зрения Кремля, он представлялся самым привлекательным (и уже тогда на него шла значительная часть финансовых затрат Сталина на военные цели). Только его реализация дала бы мгновенный импульс ленинским планам мировой революции: «Revolutionäre Beendigung — durch Massen je mehr Aussicht des Sieges schwindet [;] Internationale Verbrüderung — Revolution — mit Unterstützung SU [;] Aussicht der Revol[ution] bei 1 D[eutschland] geringer [;] bei Sieg E[ngland] grösser [;] noch bei 2 [;] abhängig von Arbeit der Kommunisten Revol[ution] nicht org[anisiert]» («Революционное окончание —

массами, чем больше исчезает перспектива победы [;] международное братание — революция — с поддержкой СС [СР] [;] перспектива револ[юции] в 1 [Германии] уменьшается [;] при победе А[нглии] больше [;] еще больше при 2 [;] в зависимости от деятельности коммунистов револ[юции] не орг[анизовано]».

В соответствии с этим третьим прогнозом возмеченную Лениным революцию пролетарских масс следовало снова нести на Запад. Как предсказывалось, такая революция должна была произойти, по крайней мере, в нескольких воюющих странах, когда, наконец, рабочие, солдаты и крестьяне, измученные сверхнапряжением, лишениями и бойней, восстанут, поощряемые и поддерживаемые Советским Союзом. Стоит лишь вспомнить исторические прецеденты 1917—1918 гг. и ленинские надежды 1920 г., возродившиеся у Сталина и его товарищей, когда они начали вынашивать свои пьянящие идеи международных революционных триумфов.

Для реализации этих замыслов в 1941 г. существовала новая сила, едва заметная в 1918 г.; фактически в те далекие времена указанная сила была столь слаба, что полякам удалось ее решительно отбросить вспять в ходе ликвидации катастрофического (для планов Ленина) советского вторжения 1920 г. Но к 1941 г. с этой силой приходилось считаться; с ней была связана та помощь, которую Сталин мог бы с наибольшей эффективностью предложить массам на Западе, восставшим против своих «буржуазно-империалистических» хозяев, потому что Красная Армия вооружалась тогда буквально до зубов. Обитатели Кремля были уверены, что революции, ожидавшиеся ими в капиталистических странах, сопровождались бы эмоциональными в своей основе всплесками международного антинационалистического, антивоенного братания. Наступающие силы «красных освободителей» должны встречаться распростертыми братскими объятиями. Они гарантировали бы победу национальных революций и надежно утвердили бы — под московским влиянием — диктатуру пролетариата за пределами СССР.

Деятельность коммунистов в Москве и за границей, сообщил Ульбрихт, и была направлена на подготовку указанных событий. До их начала международным революционерам приходилось ждать своего часа; пока же Кремль (хотя Ульбрихт об этом не говорил, а, возможно, и не знал) весьма существенно помогал Гитлеру огромными поставками продовольствия, нефти и других материалов, для того, чтобы сделать неэффективной британскую блокаду Германии. Сталин хотел, чтобы немцы тем временем сражались и сражались — против любой страны, за исключением Советского Союза. Он стремился продлить конфликт до тех пор, когда воюющие «империалистические» государства окажутся безнадежно ослабленными⁹.

Кадры Коминтерна полагали, что чем туманнее становились шансы на победу Германии, тем вероятнее делались там перспективы революционного взрыва. Вскоре, воображал Сталин и его друзья, все увидят — и немцы, и угнетенные народы оккупированных стран — что их общий эксплуататор — это германские «империалисты»¹⁰. Очевидно, предполагалось, что угнетенные народы смогут встать в едином порыве с немецкими массами, когда военная машина Гитлера выдохнется, а внутренняя ситуация в рейхе обострится. Если Англия (так!) фактически выиграет войну, шансы на революцию в Германии станут еще более вероятными. Но если война принесет победу Германии, перспективы революции неизбежно ослабеют.

В теперешних обстоятельствах, продолжал Ульбрихт, долг коммунистов состоит в том, чтобы повсеместно усилить лояльность к ним и к Советскому Союзу (читай Сталина), а также продолжать нагнетать враждебность к «английскому империализму». (Сдвиг в сторону подчеркнутой враждебности к Западу представлял собой часть линии партии, внезапно и ошеломляюще резко усилившийся после политических и военных соглашений, заключенных между нацистами и Советами в 1939 г.¹¹) Ключевая роль в успехе революции, когда она начнется, и который сам по себе будет зависеть от силы местных компартий, заявил Ульбрихт, станет принадлежать Советскому Союзу. Эта ключевая роль и огромная поддержка, ожидаемая от Сталина, были не чем иным, как планировавшимся Сталиным «Drang nach Westen».

Представляется очевидным, что для Сталина основной причиной заключить пакт с Гитлером в августе 1939 г. не могло быть стремление отодвинуть советские границы на Запад, чтобы увеличить глубину обороны на случай ожидавшегося немецкого наступления и чтобы «освободить», как это утверждалось тогдашней советской пропагандой, народы «Западной Белоруссии» и «Западной Украины» (т. е. Восточной Польши)¹². Фактически эти якобы оборонительные и защитные «освободительные миссии», проведенные Сталиным в Польше после подписания пакта с Гитлером, представляли собой хорошо продуманное воспроизведение предвкусившихся Лениным, но тогда не удавшихся «освободительных миссий» — наступления красных на Запад после Первой мировой войны, когда поражение под Варшавой заставило Ленина свернуть свои революционные знамена и временно отложить попытку советизировать Запад¹³. Но там, где Ленин потерпел неудачу в 1920 г., Сталин в сотрудничестве с Гитлером одержал успех в 1939 г. Он выдвинул Красную Армию со всеми ее возможностями влиять на поведение любого соседа на границы Германии и Венгрии.

После выступления Ульбрихта со своим докладом в феврале 1941 г. стало ясно, что Сталин ведет большую игру, по-прежнему разжигая войну, по-прежнему делая ставку на разгром Германии даже после крушения Франции. Или же он и его советники просто оказались в психологическом плену у схемы, известной нам и из других источников, сделавшихся достоянием гласности еще раньше¹⁴, схемы, столь привлекательной, что и после июня 1940 г., несмотря на призрак надвигающейся катастрофы, он просто не смог отказаться от идеи блистательного прорыва на Запад, в которую «величайший гений человечества» уже вложил столько сил и средств и успел добиться стольких славных побед во имя Ленина?

Историки, размышляющие над новой информацией, содержащейся в выступлении Ульбрихта, смогут еще раз призадуматься над конфиденциальным мнением Гитлера относительно советских военных планов в июне 1941 г. и над тем, что они отражали и предвещали.

Примечания

¹ Г а р е е в М. А. Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 198. Гитлер также говорил, что Сталин хотел подождать, пока Запад (он имел в виду и Германию) до конца истечет кровью в текущей войне, а потом большевизировать политически рухнувшие страны. См.: R e u t h R. G. Goebbels/Transl. from the German. N. Y., n. d. P. 291. Автор цитирует дневники Геббельса за 16 июня 1941 г. В феврале 1945 г. Гитлер повторил свое утверждение, что Сталин собирался наступать на Западе. См.: B u l l o c k A. Hitler und Stalin/Transl. from the English. Berlin, 1991. S. 924—926, 939, 941.

² Непонятная скудость документации на тему сталинского военного планирования оттеняет важность нижеприводимой в тексте информации. Не так давно А. Филитов в своей статье «Внутренние параметры внешней политики» констатировал, что едва ли существует «какое-либо историческое свидетельство» того, каким образом Сталин принимал решения в области внешней политики. См.: F i l i t o v A. The Internal Dimension of Foreign Policy//Soviet Foreign Policy, 1917—1991. A retrospective/Ed. by Gabriel Gorodetsky. L., 1994. P. 97. Эта же мысль была подчеркнута его московским коллегой А. Чубарьяном на коллоквиуме «Германская проблема в новейшей истории», состоявшемся в Германии (см.: K i t t e l M. Das deutsche Problem in der neueren Geschichte//Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1995. Tg. XLIII. S. 189). Как заявил А. Чубарьян, исследование сталинской «Deutschlandpolitik» сталкивается с особыми архивными проблемами, связанными со «сталинским стилем принятия правительственных решений внутри узкого круга» советников, когда «письменные записи» не делались. Разумеется, отказ от записей, и не только по «Deutschlandpolitik», был сознательным шагом, на чем настаивал ранее автор данной статьи. См.: R a a s k R. C. Stalin Plans His Post-War Germany//Journal of Contemporary History. 1993. V. XXVIII. P. 63. См. также: С у о р о в В. День М. Киев, 1994. С. 49—50 и далее, примеч. 8. Как следует из высказываний Филитова и Чубарьяна, нет причин сомневаться в том, что Сталин лично принимал все важные решения, в том числе и по широкому выбору мест будущей дислокации Красной Армии.

Обратив внимание на непонятную скудость ключевых архивных документов в постсоветской Москве, С. Шмеманн приходит к выводу, сделанному до него уже многими независимыми историками: характер документации, освещающей относительно давнее сталинистское прошлое и открываемой российскими архивами для широкого доступа, все еще определяется политическими соображениями (См.: S h m e m a n n S. [N. t.]//International Herald Tribune. 1995. 27 April. P. 2).

³ M a s t n y V. Moskaus Weg zum Kalten Krieg/Transl from the English. Munich, 1980. S. 21—22, 24; T u c k e r R. C. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928—1941. N. Y., 1990. P. 225—237.

⁴ П а в л о в А. Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны//Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 52—60.

⁵ О хаосе в коммунистическом движении, вызванном пактом с Гитлером, см.: L e o n h a r d W. Der Schock des Hitler — Stalin Paktes. Munich, 1989.

⁶ Поскольку со Сталиным приходилось консультироваться буквально по любому поводу, относившемуся к деятельности Коминтерна, вновь начать дискуссию по германскому вопросу мог только он сам. См.: Sowjetische Historiker zur Geschichte der Kommunistischen Internationale/Ed. von Institut für die Geschichte der Arbeiterklasse. Berlin, 1990. S. 37.

⁷ Приводимые здесь и последующие ссылки на замечания Ульбрихта, в своей основе имеют рукописные заметки, принадлежащие руке Пика. См.: Politischer Informationsabend am 21.2. 1941//Stiftung der Parteien und Massenorganisationen der D.D.R. im Bundesarchiv, Zentrales Parteiarchiv (далее — Z.P.A.). Pieck Nachlass. 36/528.

⁸ Григорий Токаев описывает странный устный метод передачи информации в нижестоящие инстанции, разработанный Кремлем, метод, который может объяснить отсутствие некоторых политических документов из времен сталинской эры. См.: Т о к а е в G. A. Stalin Means War. L., 1951. P. 71.

⁹ То, о чем докладывал Ульбрихт, на деле означало радикальный отход от партийной линии, согласованной всего лишь за год до этого. См.: Zum Bericht im Sekretariat am 30.12 [1939] über deutsche Frage [Kommissionsbericht] 3.00 Uhr//Z. P. A. Pieck Nachlass. 36/540. См. также: Ibid. 36/497. Veränderungen in der internationalen Lage seit Paktabschluss./с Feb. 1940/; а также Коминтерн и советско-германский договор о ненападении//Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 210.

Фон, на котором происходит ключевое изменение политической линии, отраженное в речи Ульбрихта, и важнейшие к тому предпосылки рассматриваются В. А. Небезиним и М. И. Мельтюховым. См.: Н е в е ж и н В. А. Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны//Отечественная история. 1995. № 2. С. 54—69; М е л ь т ю х о в М. И. Идеологические документы мая — июня 1941 года о событиях Второй мировой войны//Там же. С. 70—85.

¹⁰ На протяжении многих лет Москва высоко оценивала силу германских коммунистов даже после прихода Гитлера к власти, а также революционную мощь немецкого рабочего класса. См.: 3 Parteien. 1 Nov. 1939//Z. P. A. Pieck Nachlass. 36/540, Lage in Deutschland in den Massen. 21 March 1941. Ibid. 36/497.

Дальнейшая дискуссия об условиях прихода революции на Запад, будучи частью подготовительных мер, о которых просил Ульбрихт, состоялась через две недели на заседании Секретариата Исполкома Коммунистического Интернационала (ЕККИ). Ульбрихт в числе прочих был записан выступающим, но в протоколе сохранился только текст заметок Пика по проведенной дискуссии, а также внепрограммные замечания Георгия Димитрова. См.: Protokoll Nr. 709 der Sitzung des Sekretariats des EKKI. Vom. 7. III. 1941//Z. P. A. 16/10/50.

¹¹ Советы активно снабжали Германию, чтобы война продолжалась по возможности дольше. Слушания на эту тему велись в Особом комитете по коммунистической агрессии Палаты представителей Соединенных Штатов «Расследования по вопросу о Балтийских государствах». См.: Hearings before the Select Committee to Investigate the Incorporation of the Baltic States into the USSR. Third interim report. Washington, 1954. P. 459. См. также: П а в л о в А. Г. Указ. соч. С. 52—60.

¹² Сталин не готовил на западе страны сильных оборонительных сооружений, и не только потому, что советские организационные проблемы делали подобное начинание абсолютно невозможным. См.: В u l l o c k A. Op. cit. S. 930.

¹³ См. недавно опубликованный стенографический отчет речи В. И. Ленина от 22 сентября 1920 г., с которой он обращается к РКП(б): «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать...» См.: Исторический архив. 1992. № 1. С. 17, 19—20. В ней, наконец, отражены ленинские планы большевистской экспансии на Запад, включая дислокацию Красной Армии вдоль германской и чехословацкой границы, а также его одержимость секретностью. Ленинские идеи, высказанные в этой прежде цензурированной речи 1920 г., позднее нашли свое отражение на V съезде Коминтерна в 1924 г. См.: M a s t n y V. Op. cit. P. 25.

На протяжении долгих лет советская военная доктрина афишировала идею советского броска на Запад, разумеется, перед лицом общественного мнения, лишь как реакцию на нападение извне. Поэтому неудивительно, что мы находим замыслы похода на Запад твердо укоренившимися в расчетах Сталина на 1941 г. (и, соответственно, на 1939 г. и даже, если мы позволим себе вольность ретроспективировать эти прогнозы на 1938 г., когда они могли реализоваться вследствие Судетского кризиса).

¹⁴ Два относящихся к несколько более раннему по времени источнику, хотя и негативно настроенных к вышеуказанному плану, подтверждают, что к нему относились как к программе, широко обсуждавшейся в Москве и за ее пределами. Во-первых, Молотов и его первый замнаркоминдела В. Г. Деканозов «выдали» в Москве в июне 1940 г. тогдашнему промосковскому вице-премьеру и министру иностранных дел Литвы значительно уточненный вариант того же плана. Первоначально опубликованная в ходе войны в оккупированной нацистами Литве на литовском языке, эта история была детально пересказана тем же самым бывшим министром Литвы, бежавшим на Запад после войны, одному из комитетов Конгресса США. После этого комитет опубликовал слушания своих заседаний. См.: Third interim report, в котором предсказания Молотова стали доступными на английском языке в 1954 г. Отчет этот («Большевистское вторжение и народное правительство») был первоначально напечатан на литовском языке: Bolševikų invazija ir liaudies vyriausybė//Lietuvių archivas: bolševizmo metai. V. III. Kaunas, 1942. P. 7—16.

Более того, в июне 1940 г., т. е. почти в то же время, когда В. М. Молотов выступил со своим прогнозом в Москве, Эдгар Гувер, глава Федерального бюро расследований США (перед созданием на время войны службы O.S.S., ответственной как за расследование преступных действий как на местном федеральном уровне, так и за контрразведывательную деятельность за рубежом), сделал краткий доклад в таком же плане чиновнику госдепартамента США А. А. Берлум, сообщив, что его сведения исходят от «высокопоставленного русского источника». См.: Hoover to A. A. Berle. 17 June 1940//United States National Archives. M 982. R 25.

Эти источники предполагают, что любые сомнения относительно исключительной ценности доклада Вальтера Ульбрихта, определенно коминтерновского по своему происхождению, могут быть, безусловно, отброшены.

© 1996 г. М. Н. СУПРУН *

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ПОСТАВКИ В СССР ПО ЛЕНД-ЛИЗУ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

22 июня 1941 г. танковые колонны вермахта углубились в территориальное пространство СССР, сея смерть и разрушения. Под их гусеницами рушилась не только военная мощь Советского Союза. Колоссальный удар был нанесен всему народному хозяйству, в том числе и его еще не окрепшей после коллективизации продовольственной системе. Нацисты заняли территорию, где до войны проживало 40% населения страны, производилось 84% сахара, 38% зерна, 60% свинины¹. Значительная часть продовольственных запасов досталась оккупантам. На Украине — житнице страны — гитлеровцам за четыре месяца боев удалось захватить треть запасов зерна и более половины тракторов, подлежащих эвакуации. Десятки тысяч тонн продовольствия были уничтожены отступавшими советскими частями — вывезти уже не успевали².

Несмотря на потери, страна еще не испытывала острой нехватки продуктов. Карточное снабжение в городах было введено лишь в сентябре. Утрата продовольственных запасов компенсировалась, как это ни кощунственно звучит, потерями их потребителей: до 60 млн. советских граждан оказались на оккупированной территории³. Но вскоре во всей стране возник дефицит отдельных видов продовольствия (сахара, хлеба, товаров традиционного импорта). Враг все дальше шел на восток. Угроза голода становилась все более реальной и могла перекинуться на армию. В этой связи советское правительство не только предприняло ряд срочных мер по мобилизации внутренних ресурсов, но и было вынуждено обратиться за помощью к союзникам.

С первых дней войны руководство Великобритании и США заявило о своей поддержке Советского Союза и о стремлении оказать ему всяческую помощь. До начала сентября эта помощь поступала за наличный расчет или по кредитам и состояла главным образом из различных видов оружия. С переводом же поставок на условиях ленд-лиза, т. е. сдачи в аренду, что было сделано Великобританией 6 сентября, а США — 7 ноября 1941 г., в номенклатуру грузов во все больших масштабах стало включаться продовольствие⁴. На Московской трехсторонней конференции (29 сентября — 1 октября 1941 г.), выработавшей первый из четырех Протоколов о поставках, Советский Союз запросил об отправке в его порты ежемесячно 200 тыс. т пшеницы, 70 тыс. т сахара и 1,5 тыс. т какао, что предполагало полное обеспечение этими продуктами 10-миллионной армии⁵. И пусть не в таких количествах, хотя и во все более увеличивающихся объемах, в Россию стало поступать продовольствие. Помимо муки и сахара, первые пароходы до-

* Супрун Михаил Николаевич, докторант Института российской истории РАН.

ставили высококалорийные обезвоженные или консервированные продукты. Как бы ни шутили фронтовые остролисты, называя американские мясные консервы «вторым фронтом», они пришлось как нельзя кстати для пробывавшихся из окружения под Москвой армий, но особенно для осажденного Ленинграда и городов Крайнего Севера. Один из таких потоков продовольствия шел через Архангельск. Здесь за первую военную зиму от голода и болезней умерло 20 тыс. человек — каждый десятый житель предвоенного города ⁶. И если бы не те 10 тыс. т канадской пшеницы, которую после долгих проволочек разрешил оставить в Архангельске «отец народов», неизвестно, сколько бы еще людей подкосил голод ⁷. Не менее сложно подсчитать, сколько жизней в освобожденных районах спасли те 9 тыс. т семян, переброшенных в Россию по иранскому «воздушному мосту» к началу весенних полевых работ 1942 г. ⁸ Впрочем, в общем продовольственном «котле» Красной Армии в первый год войны импортные продукты едва составили бы сотую часть. К июлю 1942 г., т. е. к концу действия Первого Протокола, в СССР было завезено из США и Великобритании 392 тыс. т продовольствия на 90 млн. долл. ⁹

Первый Протокол не мог учесть всех трудностей организации производства и доставки. Наиболее остро тогда стояла проблема транспорта. А только ввезенные продовольственные грузы заняли четверть всего тоннажа. Бесспорно, важнее было заполнить трюмы пароходов оружием и боеприпасами. Это понимала и советская сторона, разрабатывая в апреле заявку для Второго Протокола. Продовольственную проблему в стране предполагалось решить за счет внутренних ресурсов: увеличения посевных площадей, разведения мелкого рогатого скота и птицы, развития местных промыслов, нормирования продуктов.

Но к лету положение на фронте, а следовательно, и во всей стране резко ухудшилось. Германские войска развернули грандиозное наступление на юге. К осени 1942 г. враг серпами танковых колонн отрезал самые плодородные районы страны. 40% хозяйств СССР оказались разоренными ¹⁰. Значительная часть нового урожая, как и в первые дни войны, досталась оккупантам. Потери продовольственных запасов и техники в зоне боев усугублялись дальнейшим сокращением рабочих рук, механизмов, горючего и запчастей в тылу. В результате производительность труда в колхозах и совхозах сократилась почти вдвое ¹¹. Сталин в октябре в разговоре с посланником американского президента У. Уилки заявил об ухудшении продовольственной ситуации к зиме и о необходимости скорейшей помощи со стороны союзников ¹².

Второй (Вашингтонский) Протокол, подписанный задним числом 6 октября, зафиксировал не только прежние объемы запросов Советского Союза, но и значительное их увеличение за счет мяса, масла и суповых концентратов. Согласно советской заявке, импортируемое продовольствие должно было составить десятую часть основных видов продовольствия СССР. Правда, в документе оговаривалась возможность уменьшения объемов продовольственных поставок, что позднее и было сделано. В соглашении же с Великобританией, находившейся в чрезвычайной зависимости от импорта, указывалось, что она будет направлять продовольствие в Россию, лишь если для него найдется место среди перевозимых танков и самолетов ¹³. Значительную часть поставок Британия брала на себя Канада, подписавшая с Советским Союзом 8 сентября 1942 г. соглашение о кредите (так называемое «пшеничное соглашение») ¹⁴. К этому времени наряду с северным маршрутом поставок в полную меру заработали трансиранский и тихоокеанский. Последнему суждено было стать основным в перевозке продовольствия, так как Япония, находившаяся в состоянии войны с Соединенными Штатами, допускала перевозки только «невоенных» грузов.

Новые пути открыли более широкие возможности увеличения ввозимого в СССР продовольствия. Поставки не только возросли в масштабах. Изменилась и их номенклатура. Добавились маргарин, соевая мука и крупа, сыр и специально приготовленные питательные и легкие концентраты. Помнят бойцы Ленинград-

ского фронта, как, уходя в разведку, они получали толстые плитки горького американского шоколада, банки галет. Помнят они и вкус шоколада с говядиной, мяса индейки или курицы в шоколаде¹⁵. А знаменитую «тушенку», без которой, по воспоминаниям Н. С. Хрущева, было бы невозможно накормить армию, или борщ в пакетах американцы стали производить специально для России по русским рецептам. Уже в первом квартале 1943 г. союзнические поставки обеспечили 17% энергетической ценности продовольствия, потребляемого Красной Армией. В дальнейшем они еще более возросли. За год действия Второго Протокола продуктовые поставки почти втрое превысили поставки предыдущего протокольного периода. К июлю 1943 г. в Советский Союз из США и Великобритании поступило дополнительно 885 тыс. т продовольствия¹⁶. 182 тыс. т зерна было доставлено по «пшеничному соглашению» из Канады¹⁷. В общем объеме грузов, ввезенных в Россию, они заняли третью часть.

1943 год стал самым тяжелым для сельского хозяйства СССР. Перешедшая в наступление Красная Армия освободила огромные территории, на которых проживали миллионы людей. Их необходимо было кормить. Между тем хозяйства этих земель были совершенно разорены нацистами. Положение осложнила засуха в районах Сибири, Поволжья и Северного Кавказа. В стране разразился острый продовольственный кризис¹⁸. В ноябре и без того скудные нормы выдачи продуктов были негласно сокращены почти на треть. Вот почему в заявке к Третьему (Лондонскому) Протоколу пищевые поставки с июля 1943-го по июль 1944 г. потеснили металлы и даже отдельные виды вооружений. Предпочтение при этом было отдано продуктам, содержащим большое количество белков и жиров. По этим видам продукции американцы предложили даже более, чем запрашивали представители Наркомвнешторга¹⁹. И делалось это отнюдь не от избытка. В СССР было направлено 25% всей производимой в США свинины. На американскую же армию оставалось лишь 14%. Кроме того, Советский Союз был единственной страной среди более сорока других, получавших помощь по ленд-лизу, куда США согласились ввезти животное масло, что привело к резкому удорожанию его на американском рынке²⁰. Это масло предназначалось для выздоравливающих в госпиталях русских солдат. В госпитали направлялись и фруктовые соки, консервированные, сухие и свежие фрукты, овощи, орехи и многие другие не обозначенные в заявке продукты. Высоковитаминизированные, они стали для многих солдат спасением от цинги — «бича» армии.

В целом поставки к середине 1944 г. значительно превысили даже суммарные поставки продовольствия за период действия Первого и Второго Протоколов. 1,8 млн. т составил чистый вес ввезенных в СССР по Лондонскому Протоколу сельскохозяйственных товаров²¹. Пропорционально продовольственным увеличивались и поставки вооружения, оборудования, материалов.

Между тем советское правительство не стремилось рекламировать, откуда и каким образом поступают импортные товары в СССР. На одной из пресс-конференций американский посол в Москве У. Стэндли выразил по этому поводу озабоченность. И хотя заявление посла было принято во внимание и через неделю в центральных газетах появилась краткая информация о количестве поставок по ленд-лизу, тем не менее У. Стэндли был вскоре заменен А. Гарриманом.

Но не только умолчание размеров союзнической помощи было предметом критики Советского Союза. Представители американского и британского посольств попытались, насколько это позволяли советские власти, проследить использование ленд-лизовских грузов. Так делали Соединенные Штаты во всех странах, куда направлялись грузы по ленд-лизу. Предназначенные американским законом для нужд армий, ленд-лизовские грузы могли быть использованы для гражданских целей лишь по согласованию со страной-поставщиком. Сотрудники посольства США между тем отмечали появление импортных товаров в «закрытых» магазинах и ресторанах в Куйбышеве и пригородах зимой 1942/43 г. К маю 1943 г. американские товары появились на «черном рынке». А вскоре «тушенку»

стали выдавать по установленным нормам всему гражданскому населению²². На подобные сообщения правительство США старалось не реагировать. Чтобы лишний раз не раздражать Сталина, госдепартамент советовал консулам не придавать пока особого значения и другим, более серьезным фактам нарушения Советским Союзом взаимных соглашений, таким, как распродажа ленд-лизингового продовольствия в Иране, Польше и Финляндии²³. Такого рода факты не могли не вызвать настороженность, постепенно перераставшую в недоверие к Советскому Союзу. Впрочем, это не повлияло в значительной мере на объемы продовольственных поставок по очередному и последнему Протоколу. Помощь СССР по-прежнему являлась жизненно важной, как это было записано в преамбуле к закону о ленд-лизе, «для обеспечения обороны США»²⁴.

Четвертый (Оттавский) Протокол (на период с 1 июля 1944 г. по 30 июня 1945 г.), как и предыдущие, был официально подписан много позже вступления его в силу — 17 апреля 1945 г. Он лишь формально закрепил запросы Советского Союза, когда они уже были в значительной степени удовлетворены. СССР в течение последнего года войны с Германией получил от союзников свыше 1,4 млн. т продовольствия — несколько меньше, чем за предыдущий период по тоннажу, но значительно больше в стоимостном выражении²⁵. Стоимость поставок возросла в основном с увеличением завоза более дорогих мясных продуктов, семян и витаминов. Последние Советский Союз стал получать лишь по Четвертому Протоколу. Наряду с поставками по Протоколу, в СССР с 17 октября 1944 г. стали поступать в аренду материалы и продовольствие по специальной программе для Дальнего Востока (программа «Майлпоуст»). Проект соглашения на этот счет и советская заявка были переданы Сталиным А. Гарриману во время их приватной встречи в дни пребывания У. Черчилля в Москве²⁶. Наряду с увеличением поставок продовольствия по ленд-лизу к этому времени значительно улучшилось снабжение армии и населения за счет укрепления собственной продовольственной базы. Валовая продукция сельского хозяйства СССР в 1944 г. достигла 54% довоенного уровня, а заготовка зерна вдвое превысила уровень 1943 г.²⁷ В немалой степени тому способствовали и ленд-лизинговые семена, тракторы и автомобили.

С окончанием войны с Германией союзнические поставки, в том числе и продовольственные, были неожиданно приостановлены 12 мая до решения вопроса о вступлении Советского Союза в войну с Японией. По словам нового президента Г. Трумэна, он подписал это распоряжение со слов советников, не прочитав его.²⁸ Поспешные действия президента вызвали бурю возмущения с советской стороны. И хотя через двое суток пароходы были вновь отправлены отлаженными маршрутами, в Москву срочно вынужден был вылететь Г. Гопкинс для улаживания инцидента. В ходе его бесед со Сталиным он не только получил подтверждение вступлению Советского Союза в войну на Дальнем Востоке, но и информацию о времени ее начала. Гопкинс заверил И. В. Сталина в том, что США также намерены выполнить свои обязательства по всем заявкам СССР. Правда, с этого времени большая часть грузов будет направляться в порты Дальнего Востока и по программе «Майлпоуст», заменившей программы по Протоколам²⁹. 28 мая В. М. Молотов и сопровождавший его нарком внешней торговли А. И. Микоян вручили послу США А. Гарриману памятную записку с заявкой на новые поставки на период с 1 июля по 31 декабря 1945 г. Наряду с этими грузами Соединенные Штаты должны были также в полной мере завезти все, что не было отгружено по Четвертому Протоколу и «спецпрограмме от 17 октября 1944 года»³⁰. Значительную часть в общем объеме грузов по-прежнему занимало продовольствие. Помимо 1,4 млн. т продовольственных грузов, завезенных союзниками по Четвертому Протоколу на 12 мая, Соединенные Штаты до 2 сентября поставили в СССР дополнительно около 270 тыс. т по программе «Майлпоуст»³¹. Эти продукты были ощутимой добавкой к рациону русского солдата, вступившего в августе 1945 г. на землю Маньчжурии.

Таблица 1

Энергетическая ценность продовольствия, поставленного в СССР Соединенными Штатами Америки в 1941—1945 гг. *

Вид продовольствия	Вес нетто		Калорийность, ккал на 100 г	Суммарная калорийность, в млн. ккал
	в длинных тоннах	в тоннах ^а		
1	2	3	4	5
Поставки из США (с 1 октября 1941 г. по 1 июля 1945 г.)				
Пшеница	49 535	50 328	320	16 104 960
Мука ржаная и пшеничная	584 899	594 257	327	194 322 039
Сухие бобы и горох	241 857	245 728	250	61 432 000
Крупа разная (в т. ч. рис)	131 962	134 073	325	43 573 725
Сахар	621 000	630 936	375	236 601 000
Мясные консервы	676 125	686 943	1000	686 943 000
Мясоовощные консервы	22 228	22 584	1500	33 876 000
Мясо соленое и копченое	55 932	56 827	1500	85 240 500
Шпиг	226 087	229 704	3500	803 964 000
Лярд	283 143	287 673	3500	1 006 855 500
Баранье и говяжье сало	21 396	21 738	3700	80 430 600
Масло сливочное	67 721	68 805	3130	215 359 650
Картер спред	21 752	22 100	3000	66 300 000
Растительное масло	399 852	406 250	3760	1 527 500 000
Шартенинг	18 915	19 218	3000	57 654 000
Маргарин	46 042	46 779	3130	146 418 270
Молоко сухое	67 059	68 132	1700	115 824 400
Молоко сгущ.	27 186	27 621	1200	33 145 200
Яичный порошок	107 028	108 740	2268	246 622 320
Соевая мука и крупа	63 086	64 095	1500	96 142 500
Сыр	29 550	30 023	1300	39 029 900
Сухие овощи	10 844	11 018	1200	13 221 600
Томатная паста	8 203	8 334	402	3 350 268
Фруктовые соки	1 244	1 264	202	255 328
Супы-концентраты	6 024	6 120	1500	9 180 000
Разные пищевые продукты	56 286	57 187	1000	57 187 000
Семена	33 846	34 388	—	—
Дрожжи	264	268	—	—
Витамины	654	664	—	—
Итого...	3 879 720 ^б	3 941 796	1651 ^в	58 765 338
Спирт	337 674	343 077	2000	—
Сахарин	641	651	—	—
Поставки США в счет Великобритании с 1 октября 1941 г. по 1 июля 1945 г.				
Пшеница	11 007	11 183	320	3 578 560
Мука	99 576	101 169	327	33 082 263
Всего...	110 583	112 352		36 660 823

Таблица 1 (окончание)

Вид продовольствия	Вес нетто		Калорийность, ккал на 100 г	Суммарная калорийность, в млн. ккал
	в длинных тоннах	в тоннах ^а		
Поставки США с 13 мая по 20 сентября 1945 г.				
Продовольствие	297 993 ^г	270 280	1651 ^д	4 462 323
В с е г о из США		4 324 429		63 594 269

* РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 438, л. 1, 14—15; Химический состав пищевых продуктов/Под ред. А. А. Покровского. М., 1976; Туyl van H. Feeding the Bear. American Aid to the Soviet Union, 1941—1945. N. Y.: Westpoint; L., 1989. P. 174.

^а Поскольку в различных источниках данные приведены либо в длинных, либо в коротких тоннах, расчет калорийности продовольствия осуществлялся после приведения данных мер веса в единую систему:

1 длинная тонна (англо-тонна) = 1016 кг = 1,016 т;

1 короткая тонна = 907 кг = 0,907 т.

^б В документе (РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 438, л. 15), по данным которого составлена таблица, приводится цифра 3 887 223 — раскрыть ее не удалось.

^в Средняя калорийность.

^г Вес в коротких тоннах.

^д Ввиду того, что номенклатуру поставок за этот период уточнить не удалось; расчеты калорийности продовольствия сделаны по среднеарифметической калорийности продуктов из США (1651 ккал).

Кампания на Дальнем Востоке длилась недолго. Уже в начале августа ее исход был предрешен. С капитуляцией Японии завершилась и самая кровопролитная война в истории человечества. А с ней прекращалось действие закона о ленд-лизе на Советский Союз.

Наученный опытом, Г. Трумэн еще 21 августа объявил о свертывании работ по ленд-лизу и о прекращении поставок со 2 сентября, т. е. со дня подписания капитуляции Японии. Всем странам необходимо было провести инвентаризацию ленд-лизовских грузов, поступивших после 14 августа. Во избежание инцидентов президент предоставил дополнительно время до 20 сентября — для завоза товаров, застрявших в портах (для «прочистки трубопровода» — «to empty pipeline»). Продовольственные «крохи» ленд-лиза при «прочистке трубы» потянули еще на 10 тыс. т ³².

Однако инерция поставок по ленд-лизу была столь велика, что Советский Союз обратился к США с просьбой продолжить сотрудничество, правда, уже на основе долгосрочного кредита. 15 октября 1945 г. такое соглашение о кредите с расчетом в течение 30 лет было подписано и вошло в историю как «трубопроводное соглашение» («pipeline agreement»). Оно действовало до середины 1947 г., пока не было остановлено начавшейся «холодной войной» ³³.

Коренное изменение отношений между бывшими союзниками с началом «холодной войны» породило острые политические дискуссии по проблеме взаимных платежей в военные годы, что повлекло за собой не менее острую полемику по вопросам ленд-лиза и его роли в победе, продолжающуюся до сих пор. Эта полемика и положила начало историографии истории ленд-лиза и его продовольственной стороны в частности. Впрочем, о советско-российском вкладе в историографию этой темы можно говорить с известной долей условности. 1 марта 1944 г. «Правда» в официальном отчете по ленд-лизу сообщила, что объем продовольственных поставок союзников составил 3,5% от общих продовольственных запасов СССР в годы войны. С тех пор эта цифра без должного анализа и даже комментариев продолжает приводиться даже в, казалось бы, самых солидных

Таблица 2

Энергетическая ценность продовольствия, поставленного в СССР Великобританией и Канадой

Вид продовольствия	Вес-нетто, в длинных тоннах	Вес-нетто, в тоннах	Средняя калорийность, в ккал на 100 г	Суммарная калорийность, в млн. ккал
Поставки из Великобритании (с 1941 по 1945 гг.) *				
Все виды продовольствия		окт. 154 452	1651	2 550 004
Поставки из Канады (с 22 июня 1941 г. по 1 мая 1944 г.) **				
Пшеницы и муки	208 600	211 938	320	678 202
Поставки из Канады (с 1 мая 1944 г. до конца 1945 г.) ***				
Пшеница, мука, крупа, бобы		215 000	300	645 000
Лярд		10 000	3500	35 000
В с е г о из Канады . . .		436 938		1 358 202

* АВПР, ф. 06, оп. 6, д. 177, л. 8; Beaumont J. Comrades in Arms. British Aid to Russia, 1941—1945. L., 1980. P. 207; РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 348, л. 70; д. 238, л. 10; Химический состав пищевых продуктов/Под ред. А. А. Покровского. М., 1976.

**АВПР, ф. 06, оп. 6, д. 177, л. 9; Химический состав пищевых продуктов/Под ред. А. А. Покровского. М., 1976.

*** Из-за отсутствия у автора точных сведений о поставках в этот период, в таблице приведены данные по советской заявке согласно Оттавскому Протоколу (РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 348, л. 70; д. 238, л. 10). Если учесть, что и после окончания действия Четвертого Протокола канадская продовольственная помощь продолжала поступать в Советский Союз и в 1946 г., то приведенные показатели можно считать вполне достоверными.

работах ³⁴. Тщетно искать в этих изданиях абсолютные цифры поставок со ссылками на советские источники.

В отличие от российских историков исследователи на Западе весьма основательно изучили историю ленд-лиза в целом ³⁵. Тем не менее проблема продовольственной помощи до сих пор не освещена и в западной литературе. Авторы в лучшем случае приводят номенклатуру продовольственных поставок. Так делают видные исследователи ленд-лиза Р. Джоунс, А. Саттен, Х. ван Туилл ³⁶. Однако их данные, приведенные в сокращенном виде, затрудняют возможность сопоставления. Даже в специальном исследовании У. Москоффа, посвященном продовольственной проблеме в Советском Союзе в годы войны, номенклатура поставленного продовольствия приведена в крайне сжатом виде ³⁷.

Но большинство исследователей обычно ограничиваются упоминанием суммарных данных продовольственной помощи. Причем эти цифры значительно отличаются друг от друга, колеблясь от 3,9 до 5,5 млн. т. продовольствия, поставленного в СССР в годы войны ³⁸.

В ряде работ предпринимались попытки подсчитать весовую долю, а, следовательно, и значение продовольственных поставок в «котелке» советского бойца. В день, по подсчетам этих авторов, получалось около 300 г ³⁹. Но эта методика большинством историков совершенно справедливо признается ошибочной. Как можно сопоставлять продовольственную помощь союзников, пишет Р. Мантинг, валом, по весу, если то, что поступало в СССР в целях экономии тоннажа было максимально концентрировано, обезвожено, высушено с потерей объема и веса приблизительно в семь раз? ⁴⁰ Тем более что это были самые калорийные и высоковитаминизированные продукты. Как можно проводить подсчеты, задается вопросом Д. Миллар, сравнивая эту помощь на сумму в 1,7 млрд. долл. в валюте, если курсы рубля и доллара в те годы были

реально несопоставимы? Да и стоимость продовольствия в США была относительно много дешевле, чем в СССР⁴¹.

Остается одно: скрупулезно подсчитать количество протеинов, жиров, углеводов и других ценных веществ, содержащихся в поставленном продовольствии. Однако эта работа необычайно сложна, да и вряд ли результаты исследования на ее основе будут востребованы.

Впрочем, есть еще одна методика: подсчет энергоемкости продуктов и ее сравнение с нормами военного времени. Именно по этой методике проводилось распределение продовольствия в СССР в военные годы. И хотя эти расчеты таят много погрешностей, их результаты более точно отражают роль продовольственного ленд-лиза в победе союзников (см. табл. 1, 2)

Из приведенных в таблицах данных следует, что всего США, Великобританией и Канадой отгружено в СССР с 22 июня 1941 г. по 20 сентября 1945 г. 4 915 818 нетто-тонн продовольствия, суммарная калорийность которого составила около 67 502 474,4 млн. ккал. Если считать средним рационом для бойца действующей армии 4000 килокалорий в сутки⁴², то несложно посчитать число дней, в течение которых союзники могли обеспечить продовольственное снабжение Красной Армии. Продовольствия, поставленного в СССР по ленд-лизу, хватило бы для того чтобы кормить армию в 10 млн. человек в течение 1688 суток, т. е. в течение всей войны. А если принять во внимание калорийность продовольствия, поставленного отдельными фирмами и общественными организациями, ввезенного в СССР питьевого спирта, то можно утверждать, что завезенного союзниками продовольствия по его калорийности хватило бы не только на полное содержание Красной Армии в течение всей войны, но и на весомую добавку к рациону части гражданского населения.

Известно, что в годы минувшей войны Советский Союз только от голода потерял миллионы своих граждан. А сколько миллионов он потерял бы еще не будь продовольственного ленд-лиза? Союзническая помощь в этом отношении не подлежит никакому исчислению — она неоценима.

Примечания

- ¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 42.
- ² Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941—1945 гг. Т. 1. Киев, 1975. С. 273.
- ³ Moskoff W. S. The Food Supply in the USSR During World War Two. N. Y.; Sydney, 1990. P. 42.
- ⁴ Ленд-лиз (англ. *Lend-lease*: от *lend* — давать в займы и *lease* — сдавать в аренду) — это система передачи США в аренду вооружения, боеприпасов, сырья, продовольствия и других материальных ресурсов странам, участвовавшим в войне против гитлеровской Германии. Закон о ленд-лизе был принят в США 11 марта 1941 г.
- ⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. С. 126; Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. 06, оп. 4, д. 105, л. 25—26.
- ⁶ ГА РФ, ф. 482, оп. 47, д. 2314, л. 3 об.
- ⁷ Северяне — Победе: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. Архангельск, 1980. С. 100.
- ⁸ Stettinius E. R. Lend-Lease: Weapon for Victory. N. Y., 1944. P. 228. Всего по Первому Протоколу в СССР было завезено 33 т семян. РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 438, л. 14.
- ⁹ АВПР, ф. 06, оп. 4, д. 105, л. 25—26; РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 438, л. 21.
- ¹⁰ Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) Изд. 2, перераб. и доп. М.: Мысль, 1985. С. 317.
- ¹¹ Moskoff W. S. Op. cit. P. 93.
- ¹² Jones R. H. The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. University of Oklahoma Press, 1969. P. 219.
- ¹³ Soviet Supply Protocols. Washington, 1947. P. 30, 34.
- ¹⁴ АВПР, ф. 06, оп. 6, д. 177, л. 16.
- ¹⁵ Архангельск. 1991. 6 сентября.
- ¹⁶ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 438, л. 1, 15.
- ¹⁷ АВПР, ф. 06, оп. 6, д. 177, л. 9.
- ¹⁸ Чадаев Я. Е. Указ. соч. С. 324—325.
- ¹⁹ Soviet Supply Protocols. P. 75.

- ²⁰ Halton M. S. Discredancies in the Lend-Lease Programm//Southern Quarterly. 1966. № 4. P. 447, 454; Jones R. H. Op. cit. P. 285.
- ²¹ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 438, л. 1, 15, 21; АВПР, ф. 06, оп. 6, д. 177, л. 26—29.
- ²² Munting R. Lend-lease and the Soviet War Effort//Journal of Contemporary History. Vol. 19 (1984). P. 502.
- ²³ Ibid. P. 504. Летом 1945 г. факты передачи ленд-лизовских материалов в третьи страны были оглашены в печати, что стало поводом для обширной переписки госдепартамента США и НКВД СССР. (См., напр.: АВПР, ф. Реферантура по США, оп. 29, д. 172, л. 27.)
- ²⁴ Stettinius E. R. Op. cit. P. 335.
- ²⁵ РГАЭ, ф. 413, оп. 9, д. 438, л. 15.
- ²⁶ АВПР, ф. 0129, оп. 29, д. 172, л. 20; Jones R. H. Op. cit. P. 180. Об этих переговорах пишет и У. Черчилль в своих воспоминаниях. (См.: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 6. М., 1991. С. 457.)
- ²⁷ Чадаев Я. Е. Указ. соч. С. 328.
- ²⁸ Truman H. S. Years of Decisions. Vol. 1. N. Y., 1955. P. 227—228.
- ²⁹ Jones R. H. Op. cit. P. 185—186, 275.
- ³⁰ АВПР, ф. 0129, оп. 29, д. 172, л. 20.
- ³¹ Jones R. H. Op. cit. P. 275.
- ³² Ibid. P. 276.
- ³³ АВПР, ф. 0129, оп. 29, д. 172, л. 33—49; Herring G. C., Jr. Aid to Russia, 1941—1946. Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y.; L., 1973. P. 280. В счет этого кредита СССР отобрал товаров на 240,2 млн. долл. Фактически было получено — на 221 млн. долл. (Финногенов В. П., Наборов В. Б. США//Внешняя торговля СССР с капиталистическими странами. М., 1957. С. 206.)
- ³⁴ Правда. 1944. 1 марта; Чернявский У. Г. Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. М., 1964. С. 20; История социалистической экономики: В 7 т. Т. 5: Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны, 1939—1945. М., 1978. С. 424; История Второй мировой войны 1939—1945 гг. М., 1980. Т. 11. С. 344.
- ³⁵ Подробнее историографию истории ленд-лиза см.: Поздеева Л. В. Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается//Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 324—339; Супрун М. Н. Союзные морские конвои на севере России: проблемы историографии//Вестник архивиста. 1993. № 3(15). С. 52—57.
- ³⁶ Jones R. H. Op. cit. P. 284; Sutton A. C. National Suicide: Military Aid to the Soviet Union. N. Y., 1973. P. 85; Тулли Н. ван. Feeding the Bear: American Aid to the Soviet Union, 1941—1945. N. Y.; L., 1989. P. 158.
- ³⁷ По данным Дж. Дина, на каждого советского солдата приходилось до половины фунта (около 230 г) продовольствия в день. По расчетам У. Москоффа, каждый советский солдат получал только из США 10 унций продуктов в сутки (Dean J. R. The Strange Alliance: The Story of Our Efforts at Wartime Co-operation with Russia. N. Y., 1947. P. 94; Moskoﬀ W. S. Op. cit. P. 122).
- ³⁸ Moskoﬀ W. S. Op. cit. P. 121.
- ³⁹ Бывший глава американской военной миссии в 1943—1945 гг. генерал Д. Дин считает, что в СССР в годы войны было поставлено 4 478 116 т продовольствия (Dean J. R. Op. cit. P. 223—240). По мнению весьма авторитетного исследователя истории ленд-лиза Р. Х. Джоунса, 3918 млн. т (Jones R. H. Op. cit. P. 272), а У. Москофф, специально исследовавший продовольственную проблему в СССР в годы войны, — 4468,582 млн. коротких тонн (Moskoﬀ W. S. Op. cit. P. 120—122). А. Ситон приводит цифру 5,5 млн. т продовольствия (Seaton A. The Russo-German War, 1941—1945. N. Y., 1972. P. 588). В сравнительно недавно опубликованной монографии по истории ленд-лизовских поставок в Россию Х. ван Туилла утверждается, что США поставили в СССР за годы Второй мировой войны 4 284 217 коротких тонн продовольствия (Тулли Н. ван. Op. cit. P. 158.)
- ⁴⁰ Munting R. Op. cit. P. 503. См. также: Jones R. H. Op. cit. P. 219.
- ⁴¹ Millar J. R. Financing the Soviet Effort in World War Two//Soviet Studies. A Quarterly Journal on the USSR and Eastern Europe. Vol. XXXII. 1980. P. 116.
- ⁴² В сентябре 1941 г. Государственный Комитет Обороны установил следующие рационы: для подразделений действующей армии и флота — 3450 ккал на человека в день, для авиационных частей — 4712, для раненых и больных в госпиталях — 3242 ккал в день (Тыл в Великой Отечественной войне. М., 1971. С. 191). И хотя в реальности потребление было ниже официального рациона, в качестве средней цифры для расчетов нами принята норма в 4000 ккал на человека в день.

СТАЛИНСКИЙ ВЫБОР 1941 ГОДА: ОБОРОНА ИЛИ... «ЛОЗУНГ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ?»

(По поводу книги Г. Городецкого «Миф „Ледокола“»)

События кануна Великой Отечественной войны постоянно находятся в центре внимания историков. Однако пока нельзя с уверенностью утверждать, что до конца выяснены истоки небывалой трагедии, которая постигла СССР и его народ в 1941 г. Научный поиск в этом направлении продолжается.

Наряду с российскими исследователями активное участие в нем принимают их зарубежные коллеги. В частности, изыскания в этой области ведутся израильским историком профессором Г. Городецким — автором и редактором публикаций по данной тематике, постоянным участником и непосредственным организатором ряда международных научных конференций. В России его имя известно не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, благодаря выходу в свет монографии, освещающей перипетии предвоенного периода ¹, и многочисленным интервью ученого российским средствам массовой информации ².

Появление монографии Городецкого, в которой историк дискутирует с В. Суворовым (В. Б. Резуном) — автором нашумевших книг ³, не осталось незамеченным ⁴. Это закономерно, ибо в ней поднимаются очень важные вопросы, не только связанные с непосредственным освещением событий кануна советско-германской войны, но и касающиеся современного состояния отечественной историографии, источниковой базы исследований, доступа ученых к документам 1939—1941 гг., хранящимся в российских архивах.

Предлагаемая вниманию читателей статья не является рецензией на монографию «Миф „Ледокола“». Это лишь своеобразная попытка ответить на некоторые из поставленных Городецким острых и неоднозначно трактуемых вопросов. В ней излагается главным образом взгляд на события мая — июня 1941 г., который базируется преимущественно на научных публикациях, появившихся в России после выхода в свет монографии израильского ученого, а также на не известных ему источниках (в том числе архивных материалах), впервые вводимых нами в оборот. Именно эти события представляются ключевыми в понимании замыслов и практических действий Сталина и советского руководства в самый канун германского нападения на СССР. Благодаря вновь выявленным документам, многие из которых составлялись под контролем и при личном участии видных партийных и военных деятелей из ближайшего сталинского окружения, вырисовывается отличная от традиционно сложившейся в историографии картина подготовки советского руководства к грядущей войне.

Излагая мотивы, которыми он руководствовался, приступая к работе над монографией «Миф „Ледокола“», Городецкий подчеркнул, что свою главную цель видел в стремлении опровергнуть изложенную В. Суворовым концепцию о подготовке СССР нападения на Германию летом 1941 г. Являясь оппонентом последнего с 1985 г., когда «суворовская» концепция была сформулирована еще в виде журнальных статей, ученый негативно воспринял факт распространения в России книги «Ледокол» миллионными тиражами. По мнению Городецкого, ни один российский историк не попытался аргументированно, с фактами в руках опровергнуть «абсурдные измышления Резуна». В конечном счете, это обстоятельство стало решающим для израильского профессора при выборе темы его исследования.

* Невежин Владимир Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

Подобное стремление нашло понимание и одобрение в России. По признанию самого Городецкого, ему были предоставлены «недоступные ранее документы» МИДа, Министерства обороны, ГРУ. Любой российский исследователь, встречающий на каждом шагу многочисленные препятствия в доступе к архивным документам, конечно, по достоинству сможет оценить данное признание западного коллеги.

Между тем предположение Городецкого, что ни один историк в России из-за боязни получить ярлык «сталиниста» не осмелится поднять руку на «творения» Суворова⁵, не оправдалось. Книга «Ледокол» была подвергнута беспощадной критике на страницах российских периодических изданий. Кульминация «антисуворовской» кампании пришлось на 1993—1994 гг., т. е. на период, когда Городецкий еще работал над своей научной монографией. Вероятно, именно поэтому дискуссия вокруг «нефантастической повести-документа» В. Суворова, происходившая в нашей стране в указанный период, оказалась вне поля зрения израильского исследователя.

Монография «Миф „Ледокола“» появилась в России в момент, когда большинство отечественных специалистов по истории кануна войны потеряли интерес к «анти-„Ледокольным“» разоблачениям. В прессу просочились сведения о том, что В. Суворов фактически признал несостоятельность собственного тезиса о германской агрессии против СССР как о «превентивном ударе»⁶.

Однако неприятие его теоретических построений отечественными исследователями не сняло с повестки дня коренного вопроса о том, к какой именно войне готовились Сталин и советское руководство? Научная дискуссия по данной проблеме, опирающаяся главным образом на новые архивные материалы, все более активизируется⁷. Уже подведены ее первые итоги⁸.

Наиболее характерным моментом этой дискуссии является то, что постепенно преодолевается навязывавшееся десятилетиями «единомыслие» во взглядах на возникновение и начало германо-советской войны. Благодаря избавлению от пресса коммунистической идеологии создались условия для беспристрастного изучения подлинных архивных документов, в том числе введенных в научный оборот в первой половине 90-х гг. Их всесторонний анализ позволил некоторым историкам предположить, что Сталин и руководство СССР с мая 1941 г. начали активную подготовку к наступательной войне⁹. Подобная точка зрения вызывает возражения оппонентов, и это вполне понятно, если иметь в виду подлинно научный спор.

Но решение вопроса о наступательных планах СССР в 1941 г. некоторые историки переносят в морально-политическую плоскость, ибо обогащенные знанием о ходе Великой Отечественной войны, об огромных жертвах в ней нашего народа они не в состоянии представить себе, что СССР мог стать нападающей стороной, т. е., по их мнению, агрессором. Трудно не согласиться с выводом А. Н. Сахарова, что сталинские планы и внешняя политика Советского Союза 1939—1941 гг. по большому счету не имели отношения к подлинно народной войне на выживание нашей страны, начавшейся с отражения гитлеровского нападения на ее территорию¹⁰.

К этому можно добавить следующее. Известные к настоящему времени факты об истинных замыслах Сталина и большевистского руководства, относящиеся к маю — июню 1941 г., крайне противоречивы, трактуются порой с прямо противоположных позиций и требуют дополнительного трезвого и скрупулезного анализа.

В данном контексте новая монография Г. Городецкого вполне вписывается в канву ведущейся отечественными историками дискуссии вокруг 1941 г. Ее автор прямо декларирует свою приверженность основополагающему принципу: по возможности не судить о событиях прошлого с позиций сегодняшнего дня, не пытаться исследовать деяния политических лидеров 30—40-х гг., «исходя из критериев высокой морали». В своей книге израильский профессор ставил задачу «дать

подробное и объективное описание» событий кануна войны, глубоко проникнуть в тайны дипломатов и политиков того времени ¹¹.

Попробуем подробнее рассмотреть, насколько верен Г. Городецкий провозглашенным принципам и каковы практические результаты его аналитической работы с источниками. Он неоднократно подчеркивал, что считал необходимым в своей книге обратить особое внимание на «тип мышления советского руководства», в частности Сталина. Ведь при принятии тех или иных решений сказывалось воздействие на эти решения устойчивых стереотипов мышления ¹². В то же время, как нам представляется, автор недостаточно адекватно воспринял атмосферу тоталитарного сталинского режима и тогдашние мотивы поведения представителей правящей партийно-государственной и военной элиты. В первую очередь это относится к интерпретации Городецким ставших теперь хорошо известными благодаря публикациям отечественных исследователей ¹³ сталинских выступлений по случаю выпуска слушателей военных академий РККА 5 мая 1941 г.

Восстановим фактическую очередность событий, связанных с этими выступлениями.

Описывая происходившее в тот день в Кремле, «Правда» подчеркнула, что Сталин приветствовал «военных академиков» «от имени ЦК ВКП(б) и Советского Правительства» (курсив мой.— В. Н.) ¹⁴. Тем самым центральный печатный орган большевистской партии (пока еще в завуалированном виде) зафиксировал важную перестановку в высших эшелонах власти. Решение об этой перестановке было принято на секретном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 4 мая 1941 г. На нем обсуждался вопрос «Об усилении работы советских центральных и местных органов». В принятом постановлении подчеркивалось, что их координация служит поднятию авторитета «советских органов в современной напряженной международной обстановке» (курсив мой.— В. Н.).

В соответствии с этой основной задачей Политбюро единогласно постановило назначить Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров СССР. «По настоянию» Политбюро он оставался первым секретарем ЦК ВКП(б) и, поскольку не мог уже «уделять достаточно времени работе по Секретариату ЦК», его заместителем по Секретариату стал А. А. Жданов.

В. М. Молотов, являвшийся до этого Председателем СНК, был назначен заместителем Сталина и «руководителем внешней политики СССР», оставаясь на посту народного комиссара по иностранным делам. Жданов освобождался от обязанностей «наблюдения за Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)» (УПА), а на его место назначался А. С. Щербаков, ставший секретарем ЦК и руководителем УПА. Щербаков сохранял за собой посты первого секретаря Московского обкома и горкома ВКП(б) ¹⁵. К этому можно добавить, что наряду с делами по Секретариату Жданов практически замещал Сталина и в Оргбюро ЦК ВКП(б).

Таким образом, упомянутое постановление ЦК ВКП(б) полностью легитимизировало Сталина не только как руководителя большевистской партии, но и как главу Советского государства. Формально лишь внешнеполитическая сфера осталась за Молотовым. Жданов поднялся еще на одну ступеньку вверх в иерархии партийной элиты. Его место в сфере идеологической деятельности ВКП(б) занял Щербаков.

На другой день после сталинских выступлений перед выпускниками военных академий основной пункт вышеупомянутого постановления вновь рассматривался на Политбюро ЦК ВКП(б). 6 мая Политбюро утвердило проекты указов Президиума Верховного Совета СССР об освобождении В. М. Молотова от обязанностей Председателя СНК СССР и о назначении на его место Сталина ¹⁶. В тот же день указы были приняты, а затем опубликованы ¹⁷. Такова историческая реальность.

Г. Городецкий же в трактовке этого столь важного события придерживается традиционной точки зрения: якобы вначале было выступление советского лидера перед выпускниками военных академий, а затем, на другой день,— назначение

Сталина главой советского правительства. Израильский исследователь даже не исключает, что это назначение могло быть связано с инициативой германского посла Ф. Шуленбурга, который 5 мая 1941 г., действуя самостоятельно, вступил в контакт с советским посланником в Берлине В. Г. Деканозовым с «намерением предупредить русских» об опасности со стороны Гитлера, о чем было доложено Сталину¹⁸.

Однако благодаря опубликованию секретного постановления Политбюро от 4 мая 1941 г. становится ясно, что Сталин сам решил проявить инициативу и приступить к активным действиям в преддверии назревавшей вооруженной схватки с Германией. Думается, «предупреждения» Ф. Шуленбурга вряд ли могли каким-то образом повлиять на это решение советского лидера. Последний и не помышлял весной 1941 г. об «умиротворении» Гитлера, в чем пытается убедить нас Городецкий¹⁹. Достаточно напомнить, что предшествовало назначению Сталина Председателем СНК СССР и его выступлениям перед выпускниками военных академий, чтобы понять необоснованность подобных версий.

В действительности уже в апреле 1941 г. Сталин предпринял демонстративную акцию по сосредоточению частей Красной Армии в Бессарабии, на границе с Румынией, присоединившейся к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии²⁰.

Немецкая разведка именно в мае 1941 г. заметила угрожающую перегруппировку советских войск в Южной Бессарабии, а также в Северной Буковине²¹. Германское командование не исключало возможности ведения этими силами «наступательных операций против Балкан и нефтяных районов Румынии»²².

Угрожающее сосредоточение частей Красной Армии на границе с Румынией стало частью советской военной демонстрации с целью оказать силовое давление на опьяненных победами над Югославией и Грецией немцев²³. В самой Москве ходили упорные слухи, что участвовавшие в праздничном первомайском параде войска направляются в Минск, Ленинград и на польскую границу²⁴. Разговоры о приближающейся войне с начала апреля 1941 г. стали фиксироваться и на пограничной с СССР германской территории. Говорилось, например, что весной 1941 г. между Германией и СССР начнется война, в результате которой последний «заберет всю территорию Германии и установит над таковой советскую власть», или, что советско-германская дружба ухудшится, следует ожидать неожиданного нападения Красной Армии «с целью захвата территории до г. Кельна»²⁵.

2 мая 1941 г. посол Германии Ф. Шуленбург сообщал в Берлин, что совместно со своими коллегами из числа находящихся в Москве сотрудников посольства постоянно борется «со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте», поскольку они создают «препятствия для продолжающегося мирного развития советско-германских отношений»²⁶.

Размышляя о «подчеркнуто мирном» первомайском торжестве, об отсутствии «лишних военных упоминаний» в открытой советской печати, В. В. Вишневский в дневниковой записи 5 мая 1941 г. задавался вопросом: «Может быть, затишье перед грозой?»²⁷

Характерное признание можно обнаружить в опубликованной в конце 80-х гг. той части мемуаров К. К. Рокоссовского, которая длительное время не включалась в издания. Находясь весной 1941 г. в Киевском особом военном округе в качестве командира 9-го механизированного корпуса, генерал-майор К. К. Рокоссовский отмечал, что сосредоточение советской боевой авиации на передовых аэродромах и расположение складов центрального значения в прифронтовой полосе «походило на подготовку прыжка вперед»²⁸.

Итак, сталинскому назначению на пост главы советского правительства и его выступлениям перед выпускниками военных академий РККА предшествовала демонстративная «игра мускулов» на западных границах. Сталин вовсе не скры-

вал, что намерен принять вызов Гитлера, о чем и свидетельствует сказанное большевистским лидером 5 мая 1941 г.

Городецкий считал, что Сталин обращался к разным группам выпускников военных академий и произнес три речи²⁹. На самом же деле все обстояло иначе.

5 мая 1941 г. в 18 часов в Кремле началось торжественное собрание, на котором перед «академиками» РККА выступил с докладом начальник Управления военно-учебных заведений генерал-лейтенант И. К. Смирнов. Затем их приветствовал Председатель Президиума Верховного Совета М. И. Калинин. Нарком обороны маршал С. К. Тимошенко предоставил слово Сталину, который произнес сорокаминутную речь.

После торжественного собрания состоялся прием, или банкет. В Грановитой палате, Георгиевском, Владимирском, Малом и Новом залах Большого Кремлевского дворца кроме выпускников военных академий находились Сталин, представители партийно-государственной, военной элиты, а также многочисленные гости: Герои Советского Союза и Социалистического Труда, депутаты Верховного Совета СССР и др. Во время банкета Сталин неоднократно обращался к аудитории и провозглашал здравицы и тосты³⁰.

По мнению Городецкого, советский лидер в своей речи упомянул о мобилизационных планах, согласно которым Красная Армия «должна была» увеличиться со 120 до 300 дивизий, треть из которых «должны были быть механизированными»³¹.

Здесь требуются некоторые уточнения. На самом деле Сталин сказал следующее: «*Раньше существовало 120 дивизий... Теперь у нас в составе армии 300 дивизий... Из общего числа дивизий — $\frac{1}{3}$ часть механизированные дивизии*» (курсив мой. — В. Н.). Эти сталинские выкладки отвечали действительности³².

Неточность, допущенная Городецким при интерпретации той части сталинской речи, которая касалась оценки числа дивизий в составе Красной Армии, становится опорной точкой дальнейших рассуждений историка и вступает в явное противоречие с действительным ходом событий.

Особенно наглядно это проявилось в своеобразном понимании им того значения, которое вкладывал Сталин в термины «современная армия» и «наступательная война». Отметим, что Городецкий и здесь допускает искажение сталинских слов. Советский лидер, пишет он, «был преисполнен решимости создать „современную армию“», однако частое повторение этого определения якобы «свидетельствовало о разрыве между желанием и реальностью»³³.

А как же об этом говорил Сталин? В своей речи он подчеркнул: «...мы имеем современную армию (курсив мой. — В. Н.), вооруженную новейшей техникой»³⁴. В таком же духе были выдержаны и высказывания Сталина на приеме (банкете) 5 мая 1941 г. По-видимому, Городецкому неизвестно, что советский лидер развил свою мысль о «современной армии» уже не в официальной речи, а в виде тоста-реплики поздно вечером. Эта реплика неоднократно цитировалась и комментировалась в отечественной исследовательской литературе³⁵.

Однако представляется необходимым еще раз обратиться к ней, чтобы выяснить, насколько верны выкладки израильского профессора. Итак, Сталин, как и в основной речи, в реплике на банкете вновь подчеркнул: Красная Армия уже реконструирована, перевооружена, насыщена техникой, снабжена современными средствами борьбы. И вот именно теперь, указывал советский лидер, настало время «перейти от обороны к наступлению». «От обороны перейти к военной политике наступательных действий» (курсив мой. — В. Н.), — так формулировал основную задачу Сталин³⁶.

Приводя эту сталинскую мысль в интерпретации Г. Димитрова, основываясь на дневниковой записи последнего от 5 мая 1941 г., Городецкий просит читателя своей книги обратить внимание на специфику русского слова «наступление». Оно означает, как полагает уважаемый профессор, «контрудар, т. е. противоположное „нападению“, что означало бы войну, начинаемую по собственной инициативе»³⁷.

Аналогичным образом трактовала прозвучавший в реплике Сталина термин «наступление» и немецкая исследовательница И. Фляйшхауэр³⁸.

Обратимся к «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, работа над которым начиналась как раз накануне Великой Отечественной войны. В этом нормативном издании можно найти следующие определения:

«Наступательный...Являющийся наступлением, активный (...)

Наступать...Ведя активные военные действия, двигаться вперед, на противника (...)

Наступление...Активное движение войск вперед с целью нападения на противника (курсив мой. — В. Н.), разгрома его».

В этом же словаре имеется определение другого использованного в реплике Сталина на банкете 5 мая 1941 г. слова — «оборона» — «совокупность средств, необходимых для отпора врагу». И, наконец, приведем толкование родственного этому существительному глагола «оборонять» — «защищать, отражая нападение противника» (курсив мой. — В. Н.)³⁹.

Итак, если придерживаться канонов русского языка, смысл упомянутого сталинского высказывания сводился к следующему: СССР и Красная Армия использовали оборонительную стратегию, но настал момент, когда следовало перейти к более активным, наступательным действиям.

Однако дело в конечном счете не в лингвистических особенностях речей и выступлений Сталина и даже не в том, как трактуются они различными историками. Гораздо важнее понимание преемственности большевистской политики на международной арене. Для большевистских теоретиков являлась аксиомой неизбежность накопления сил и перехода от пассивной обороны к наступлению на «капиталистическое окружение» с целью его уничтожения. В том, что такой момент обязательно придет, был уверен еще Ленин. В Политическом отчете ЦК РКП(б) IX партконференции 22 сентября 1920 г. (стенограмма этого выступления опубликована лишь в 1992 г.), он уверял своих соратников: «Основная политика наша осталась та же. Мы пользуемся всякой возможностью *перейти от обороны к наступлению*». Формулируя перспективную задачу государства «диктатуры пролетариата», в заключительном слове в прениях по Политическому отчету ЦК Ленин подчеркивал: «...мы (большевики. — В. Н.) действительно идем в международном масштабе от полуреволюции, от неудачной вылазки к тому, чтобы просчета не было, и мы на этом будем *учиться наступательной войне*» (курсив мой. — В. Н.)⁴⁰.

Спустя три месяца, на VIII Всероссийском съезде Советов (23 декабря 1920 г.) первый глава Советского государства счел необходимым еще раз подчеркнуть: «Если бы мы перед...постоянно враждебными нам силами должны были дать зарок...что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками»⁴¹.

Сталин вполне адекватно воспринимал подобные идеи своего предшественника. Наиболее явственно это проявилось в сталинском выступлении на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда при обсуждении «Краткого курса истории ВКП(б)» 1 октября 1938 г. (стенограмма этого выступления была опубликована в 1994 г.). Прямо апеллируя к Ленину, Сталин заявил тогда, что является неверным представление о большевиках как о пацифистах, «которые вздыхают о мире» и «начинают братья за оружие только в том случае, если на них напали». Большевики, продолжал он, «сами будут нападать, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют...» Далее следовал очевидный для Сталина вывод: «То, что мы сейчас кричим об обороне — это, вуаль, вуаль» (курсив мой. — В. Н.)⁴².

В 1940—1941 гг. он в своих выступлениях неоднократно подчеркивал необходимость активной обороны, «включающей в себя и наступление»⁴³. Судя по содержанию сталинских высказываний 5 мая 1941 г., «вождь» считал, что уже

создалась возможность для перехода к «военной политике наступательных действий».

Во-первых, согласно собственным убеждениям Сталина, подхваченным пропагандистами, любая война, которую вели и будут вести большевики, по определению является справедливой, ибо имеет конечной целью сокрушение «капиталистического окружения»⁴⁴.

Во-вторых, обстановка была «подходящей», поскольку после победы над Францией и захвата ряда европейских государств Гитлер воевал «под флагом покорения других народов». Лозунги германской армии — «захватнические» и она, предсказывал Сталин, пользуясь этими лозунгами, уже «не будет иметь успеха»⁴⁵.

Наконец, в-третьих, имелись и «благоприятные условия» для перехода к активным наступательным действиям (об этом свидетельствует вся риторика Сталина, связанная с готовностью к ним Красной Армии).

Очень важно проанализировать и понять помимо мотивов сталинских указаний от 5 мая 1941 г. механизм воплощения их в практику, попытаться выявить царившие в умах партийных, государственных и военных деятелей настроения.

Городецкий в своей книге пишет о разработке Генеральным штабом (по его мнению, лично Г. К. Жуковым) плана «упреждающего удара» Красной Армии. Историк предлагает захватывающую версию некоего конфликта между Сталиным и военным руководством РККА, которое якобы «оказывало давление (курсив мой. — В. Н.), требуя от Сталина перехода к более решительным действиям». Оценивая «план Жукова», Городецкий утверждает, что он явился поразительным примером «упреждающего удара» и «исходил от военных, а не от Сталина»⁴⁶.

Предложенная версия требует некоторых уточнений.

Для начала вдумаясь в формулировку, которую использует Городецкий. Советское военное руководство, чудом уцелевшее после кровавого сталинского избиения командного состава РККА 1937—1938 гг., наблюдавшее, как всего лишь за два предвоенных года были сменены нарком обороны (маршал К. Е. Ворошилов), два начальника Генерального штаба (маршал Б. М. Шапошников и генерал армии К. А. Мерецков), не говоря уже о начальниках низшего ранга (достаточно вспомнить трагические судьбы возглавлявшего Главное управление ВВС Красной Армии Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации П. В. Рычагова и руководившего Управлением ПВО Народного комиссариата обороны Героя Советского Союза генерал-полковника Г. М. Штерна, репрессированных и погибших в 1941 г.), по утверждению автора монографии, могло «оказывать давление» на самого Сталина!

Реального «противостояния» между последним и «крупнейшими советскими военачальниками в феврале — июне 1941 г.» в том виде, как его представляет Городецкий⁴⁷, не было. Касаясь обстоятельств составления вышеупомянутой генштабовской разработки, М. А. Гареев подчеркивал: «Появление такого документа в мае 1941 г. не случайно и он не мог родиться только по инициативе генштабистов. Действительно, в политическом руководстве „наступательные настроения“ имели место. В *активно-наступательном духе* (курсив мой. — В. Н.) было выдержано выступление Сталина перед выпускниками военных академий»⁴⁸. Публикатор документа В. Д. Данилов отмечал, что любая инициатива в этой области, отличная от сталинской, «могла быть расценена как групповое выступление против „линии партии“, т. е. Сталина, со всеми вытекающими последствиями»⁴⁹.

В интервью историку В. А. Анфилову, данном еще в 1965 г., Г. К. Жуков, казалось бы, расставил точки над «i» в вопросе об обстоятельствах появления майского плана Генерального штаба РККА 1941 г. «Идея предупредить нападение Германии, — подчеркнул Г. К. Жуков, — появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий, в которой он говорил о возможности действовать наступательным образом» (курсив мой.

— В. Н.). Конкретная задача по разработке директивы была поставлена генерал-майору А. М. Василевскому (в то время он занимал должность заместителя начальника Оперативного управления Генштаба). 15 мая 1941 г., по свидетельству Г. К. Жукова, эта директива была представлена ему как начальнику Генерального штаба и наркому обороны маршалу С. К. Тимошенко. Документ они не подписали, решили предварительно доложить о содержании разработки Сталину⁵⁰.

Сама же идея «упреждающего удара» выдвигалась представителями высшего военного руководства, по крайней мере, с конца 1940 г. Например, на совещании высшего командного состава РККА в конце декабря 1940 г. начальник штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенант П. С. Кленов поставил вопрос об «организации особого рода наступательных операций», приходящихся на начальный период войны. Он назвал их «операциями вторжения», цель которых состояла в нанесении упреждающего удара по противнику, армии которого «не закончили еще сосредоточение и не готовы для развертывания»⁵¹.

По всей видимости, подобной точки зрения придерживался и заместитель начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутин. В «Уточненном плане стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке» (11 марта 1941 г.) его рукой в разделе задач Юго-Западному фронту было вписано добавление: «Наступление начать 12.6». По этому поводу М. А. Гареев заметил: «Точный срок начала наступления можно определить только той стороне, которая планирует располагать *инициативой начала военных действий*» (курсив мой. — В. Н.). Нельзя не согласиться с его мнением, что не сам Ватутин придумал этот срок⁵².

Таким образом, идея «упреждающего удара» вовсе не являлась «яблоком раздора» между Сталиным и высшим военным руководством.

Городецкий отмечает в своей монографии, что ознакомился лишь с 4-х страничным извлечением из этого документа; насколько ему известно, оригинал «полностью не воспроизводился, хотя самая большая часть его была опубликована». У него тогда не было точных сведений о том, подписали или не подписали директиву С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков⁵³.

Между тем отечественные историки за 1993—1995 гг. значительно продвинулись вперед в изучении обстоятельств составления и содержания названной разработки Генштаба Красной Армии. Вначале В. Д. Данилов⁵⁴, а затем Ю. А. Горьков⁵⁵ осуществили ее публикацию. Документ имеет условное название: «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», составлен между 6 и 15 мая 1941 г., написан от руки заместителем начальника оперативного отдела Генерального штаба генерал-майором А. М. Василевским, а также снабжен собственноручной правкой, внесенной рукой заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина.

Как показал тщательный анализ «Соображений...», несмотря на то, что пока не выясненным остается вопрос об утверждении их лично Сталиным, эта стратегическая разработка была действующим документом⁵⁶.

Следует, очевидно, учитывать мнение Ю. А. Горькова о плане 15 мая 1941 г.: «Важность его трудно переоценить, поскольку именно с ним мы вступили в Великую Отечественную войну» (курсив мой. — В. Н.)⁵⁷.

Упомянутые «Соображения...» Генштаба Красной Армии при их детальном анализе дают некоторое представление о наступательных замыслах советской стороны в преддверии 22 июня 1941 г. Однако Городецкий выступает в качестве оппонента тех историков, кто рассматривает документ именно в таком ключе, считая, что советский лидер ориентировался исключительно на оборону. «Более того, — пишет историк, — Сталину казалось (?! — В. Н.), что экспансионистская война снизит моральный дух войск и будет мешать ведению боевых действий»⁵⁸. И здесь израильский исследователь затрагивает важный, но слабо разработанный в науке вопрос о характере и направленности морально-психологической и идео-

логической подготовки советского народа и Красной Армии к вооруженному противоборству с Германией. Насколько все, что делалось в этой области, соответствует версии Городецкого о сугубо оборонительных планах Сталина? Попробуем разобраться.

Для начала еще раз напомним одну сталинскую реплику на банкете 5 мая 1941 г. «Нам необходимо, — прямо и недвусмысленно говорил тогда Сталин, — *перестроить* нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в *наступательном духе*» (курсив мой. — В. Н.)⁵⁹.

Между прочим, Городецкий цитирует сталинское высказывание на сей счет по дневниковой записи Г. Димитрова: «Надо воспитывать армию в духе наступления»⁶⁰, но, по существу, никак не комментирует его.

Выше мы уже говорили об оперативной реакции руководства Наркомата обороны СССР и Генерального штаба РККА на призыв Сталина «перейти от обороны к наступлению». Естественно, столь же незамедлительной оказалась реакция людей, возглавлявших пропагандистскую машину. К настоящему времени отечественными историками накоплен значительный фактический материал по данному вопросу, который убедительно свидетельствует о том, что в названной сфере в мае-июне 1941 г. наметился коренной поворот. Все больше аргументов выдвигается сторонниками точки зрения о нацеливании большевистским руководством всей политической и идеологической деятельности в стране на внедрение в сознание народа и личного состава Красной Армии идеи «всесокрушающей наступательной войны»⁶¹.

Дальнейшие архивные поиски позволили еще более конкретизировать представление о размахе и содержании перестройки советской пропаганды, которая начала осуществляться полным ходом после 5 мая 1941 г.

Важным шагом на пути практического воплощения сталинских указаний 5 мая 1941 г. в области пропаганды явились меры по перестройке средств массовой информации. Периодическая печать всегда была в руках большевистского руководства одним из важнейших инструментов пропаганды и агитации. Именно этот отлаженный механизм пропагандистской машины в начале мая 1941 г. оказался, как это случилось и ранее на переломных этапах истории Советского государства, объектом пристальной опеки со стороны ЦК ВКП(б).

8 мая 1941 г. в ЦК состоялось совещание, вел которое А. С. Щербаков, в то время — одна из ключевых фигур в большевистском руководстве. Будучи первым секретарем Московского городского и областного комитетов большевистской партии, в феврале 1941 г. он был избран кандидатом в члены Политбюро, стал секретарем ЦК, а с 4 мая — куратором Управления пропаганды и агитации (УПА) ЦК ВКП(б). Фактически накануне войны он наряду с А. А. Ждановым возглавлял всю идеологическую работу в партии и в стране в целом. А. С. Щербаков лично присутствовал на церемонии выпуска слушателей военных академий РККА 5 мая 1941 г.

В его записной книжке имеется лаконичная заметка: «8 мая (Четверг). 2 часа с-т (Секретариат ЦК ВКП/б/. — В. Н.) с редакторами»⁶². Истинный смысл ее раскрывается после ознакомления с сохранившимися (в рукописном и машинописном вариантах) тезисами выступления Щербакова, составленными им самим⁶³. Хотя этот документ не датирован и не имеет заголовка, есть все основания рассматривать его как подготовительный материал к совещанию с представителями средств массовой информации. Об этом, в частности, может свидетельствовать докладная записка сотрудников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Поликарпова и А. Пузина Щербакову (подробнее об этом документе будет сказано ниже), в которой анализируются планы статей и обзоров по внешнеполитическим вопросам, представленных ТАСС, газетами «Правда», «Известия» и «Красная звезда»⁶⁴. В разделе докладной записки, который касался «Известий», в частности, делался вывод, что ни одна из предлагаемых редколлегией тем «не отвечает конкретным задачам, поставленным перед редакцией» (курсив мой. — В. Н.) в области организации внешнеполитических материалов».

Скорее всего, эти задачи и были поставлены на совещании 8 мая 1941 г. Данный вывод напрашивается сам собой, поскольку в заключительной части докладной записки Д. Поликарпова и А. Пузина говорится: «Нужно обязать ТАСС и редакции газет „Правда“, „Известия“ и „Красная звезда“ доработать планы в соответствии с указаниями, данными на совещании» (курсив мой. — В. Н.). Несомненно, речь здесь идет о совещании в ЦК ВКП(б) 8 мая 1941 г.

Что же касается отсутствия общего заголовка и даты в наброске тезисов А. С. Щербакова, то, на наш взгляд, это обусловлено тем, что документ являлся основой для устного выступления. Аналогичными набросками, не имеющими заголовков и даты, полны архивные дела личных фондов секретарей ЦК ВКП(б) за предвоенный период.

Но тезисы Щербакова хранятся не в его личном фонде, а в фонде технического секретариата Оргбюро ЦК ВКП(б). На первой странице документа имеется помета красным карандашом: «Архив» и подпись помощника секретаря ЦК Е. К. Дьяконова, а также регистрационный штамп техсекретариата Оргбюро, что свидетельствует о его важности.

Раздел тезисов Щербакова, озаглавленный «Разделение труда между газетами», свидетельствует о том, что редакторы, о которых говорится в записной книжке Щербакова, это руководители центральных газет. Газеты же перечислены в тезисах: «Правда», «Известия», «Труд», «Красная звезда».

Один из тезисов гласит: «То, что не следует [печатать] в газете — [печатать] в журналах», из другого явствует, что основную статью о наступательной войне было намечено поместить в журнале⁶⁵.

Следовательно, на совещании 8 мая 1941 г. кроме редакторов центральных газет могли присутствовать и редакторы журналов.

Сохранились довольно убедительные свидетельства того, что совещание Щербакова с редакторами центральных газет 8 мая 1941 г. явилось отправным пунктом перестройки средств массовой информации СССР.

10 мая 1941 г., через день после этого совещания, исполняющий обязанности заведующего отделом печати Народного комиссариата иностранных дел СССР (НКВД) Н. Г. Пальгунов направил в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) свои «Предложения о мероприятиях по освещению международного положения». Этот документ с грифом «Секретно» снабжен собственноручной пометой Н. Г. Пальгунова: «Срочно с нарочным», причем она для убедительности дважды подчеркнута красным карандашом⁶⁶.

Помимо упомянутого письма Пальгунова сохранился и другой характерный документ, являющийся скорее всего откликом на тезисы Щербакова 8 мая 1941 г. Речь идет о докладной записке сотрудников УПА ЦК ВКП(б) Д. Поликарпова и А. Пузина⁶⁷. Хотя в документе не указано, кому он адресован, однако на 1-м листе имеется помета: «В архив» и подпись А. Н. Крапивина, помощника Щербакова. Докладная составлена после ознакомления с планами публикаций центральных газет: «Правда» (15 мая — 15 июня 1941 г.), «Известия» (май — июнь), «Красная звезда» (май — август), а также информационных обзоров ТАСС и статей для центральной и местной печати, тексты которых приложены к записке Поликарпова и Пузина⁶⁸. Судя по некоторым косвенным признакам, например, по примечаниям к запланированным «Известиями» обзорам иностранной печати о продовольственном положении европейских стран и о средиземноморском театре войны («Готовится к печати к 15 мая»), можно отнести составление планов публикаций и сопроводительной записки к ним ко времени до 15 мая 1941 г. Кроме того, в докладной записке Поликарпова и Пузина, в частности, говорилось, что представленные редакциями газет планы статей и обзоров «нуждаются еще (курсив мой. — В. Н.) в серьезной доработке»⁶⁹. Следовательно, подразумевалось, что редакторы газет уже получали какие-то указания. Несомненно, эти указания были получены 8 мая 1941 г. на совещании Щербакова с редакторами центральных газет и журналов в ЦК ВКП(б). А если так, то саму докладную записку Поликарпова и Пузина можно датировать временем между 8 и 15 мая 1941 г.

Не приходится сомневаться, что именно управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и отдел печати НКВД взяли на себя основную работу по перестройке публикаций в периодической печати в духе наступательной войны. В это время в УПА под эгидой его начальника Г. Ф. Александра началась работа по составлению проекта директивы ЦК ВКП(б) «О задачах пропаганды на ближайшее время», который готовился по поручению А. А. Жданова и А. С. Щербакова. В первом варианте этого документа подчеркивалось, что Управление пропаганды и агитации вместе с отделом печати НКВД должны были заниматься просмотром и утверждением статей, предназначенных для опубликования в газетах⁷⁰.

Еще большее, но уж точно не меньшее значение, чем периодической печати, большевистское руководство и лично Сталин уделяли кинематографии. Не случайно вслед за редакторами центральных газет и журналов, которые получили конкретные указания по пропагандистскому обеспечению «лозунга наступательной войны», аналогичные указания были даны кинематографистам.

Произошло это во время совещания в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии, которое проходило 14—15 мая 1941 г. Об этом совещании известно достаточно много, поскольку оно освещалось в ряде научных публикаций⁷¹. Судя по всему, этому совещанию придавалось большое значение, о чем, в частности, свидетельствует список присутствовавших. Были приглашены 54 наиболее известных кинорежиссера, сценариста, актера, оператора, руководителя крупнейших киностудий страны, а также 27 «работников пропаганды и печати» (так названы они в сохранившемся списке участников). Эта вторая группа присутствовавших состояла из представителей Управления пропаганды и агитации, отделов ЦК, МК и МГК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, ГУППКА, СНК СССР, руководства Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, редакторов газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда»⁷². Таким образом, на двух представителей кинематографии приходился один «работник пропаганды и печати», что предвещало постановку большевистским руководством перед участниками форума политически важных задач.

Вел совещание Жданов, ставший как уже отмечалось, первым заместителем Сталина по Секретариату ЦК. Ему «ассистировал» Щербаков, курировавший с 4 мая 1941 г. Управление пропаганды и агитации ЦК.

Таким образом, уже спустя два дня после сталинских выступлений перед выпускниками военных академий в спешном порядке (в течение недели 8—15 мая 1941 г.) под руководством секретарей ЦК ВКП(б) Жданова и Щербакова были проведены первые организационные мероприятия, нацеливавшие на перестройку пропаганды в стране. Они касались главным образом деятельности ключевых механизмов пропагандистской машины большевистского государства — ТАСС, редакций газет и журналов, а также художественной кинематографии. Эти мероприятия проводились в обстановке, когда по указанию Сталина на западных границах СССР открыто сосредоточивались воинские части Красной Армии.

С помощью документальных материалов, связанных с мероприятиями, проводившимися под руководством Жданова и Щербакова, можно попытаться выявить характер и направленность начавшейся перестройки советской пропаганды, те новые тенденции, которые напрямую вытекали из сталинских выступлений 5 мая 1941 г.

Ученые, занимающиеся исследованиями в области истории тоталитарных режимов, отмечали наличие сложного вопроса о приведении языка деловых документов, которым пользовались функционеры, в соответствие с политическими реальностями и генеральными указаниями высшего руководства. Например, выделено по крайней мере три признака подобного процесса: подражание в письменном языке высшему руководству либо непосредственному начальству; применение расхожих формулировок и шаблонных фраз и, наконец, лаконичный, сугубо деловой стиль текстов документов⁷³.

Со всей наглядностью все эти языковые особенности проявились в письменных документах, сохранившихся в архивах и связанных в той или иной степени с пропагандистским обеспечением подготовки к наступательной войне.

Щербаков, очевидно, получив дополнительные устные директивы от Сталина, но совершенно точно с учетом сделанного последним конкретным указанием о необходимости перестройки пропаганды в наступательном духе фиксирует это в своих тезисах. Первый, и судя по всему, наиболее важный их раздел озаглавлен «Воспитание армии и народа». Он открывается следующей формулировкой: «Лозунг — *наступательной войны*. Основную (курсив мой.— В. Н.) статью (журнал)».

В разделе, названном Щербаковым «Разделение труда между газетами», находим такой тезис: «Лозунг обороны, лозунг наступления. Готовить политику войны». Совершенно ясно, что данный раздел полностью вытекал из сталинской антитезы оборона — наступление, прозвучавшей в приводившемся тосте на приеме 5 мая 1941 г. в честь выпускников военных академий. Щербаков сделал акцент на смене оборонительных лозунгов на наступательные в контексте подготовки к войне.

В то же время секретарь ЦК ВКП(б) подчеркивал, что средствам массовой информации необходимо проявлять определенную сдержанность в ходе начавшейся пропагандистской кампании против Германии. Формулируя указания, предназначенные для редакторов центральных газет и журналов, он, в частности, зафиксировал в своих тезисах механизм подготовки материалов, разоблачающих «миф о непобедимости» германской армии: «Осторожно, не дразнить, повода не давать, аналогии и намеки, но систематически, капля по капле».

Интересно, что в первоначальном, рукописном наброске данного пункта второго раздела тезисов Щербаков сформулировал свою основную мысль более конкретно: «Осторожно, *гусей* не дразнить, повода не давать, аналогии и намеки, но систематически, капля по капле (*как известно, [вода] камень долбит*)» (курсивом выделены слова, вычеркнутые Щербаковым из рукописи и отсутствующие в машинописном варианте тезисов.— В. Н.)⁷⁴.

Таким образом, в тезисах Щербакова к совещанию в ЦК ВКП(б) отразились практически все уровни «приведения языка в соответствие с политическими реальностями»: здесь и подражание «высшему руководителю» (Сталину), и применение расхожих формулировок и шаблонных фраз, и, наконец, нарочито лаконичный, сугубо деловой стиль.

Аналогичные языковые особенности были присущи и устным выступлениям «соратников» Сталина, готовивших «политику» наступательной войны. Открывая совещание в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии 14 мая 1941 г., Жданов считал необходимым подчеркнуть, что кино имеет большое значение «как важнейшее из видов искусства и наиболее острое орудие политического воспитания и просвещения масс». Он не преминул разъяснить присутствовавшим на совещании очевидную, с точки зрения большевистского руководства, истину: «современная эпоха, современный период» налагали на советский кинематограф «особые обязанности в связи с войной», а также в связи с «задачами в области строительства коммунистического общества» и конкретными установками, которые прозвучали на XVIII партийной конференции.

Между тем выступавшие в прениях кинематографисты сосредоточивали внимание на проблемах, главным образом касавшихся внутреннего развития советского кино, апеллируя к представителю высшей партийной инстанции со своими претензиями и жалобами на неблагоприятное положение вещей.

Именно поэтому в заключительном слове уже 15 мая Жданов заострил внимание на разъяснении вопроса о том, какие новые задачи стоят перед советской пропагандой, а также уточнил, к какой именно войне следует готовиться всему народу и кинематографистам, в частности. Ссылаясь на Сталина, он подчеркнул, что «большевик и революционер тот, кто умеет ломать старые традиции

и строить новые». Данный сталинский тезис Жданов напрямую связал с задачами, которые следовало «развернуть в идеологической области». Он констатировал: положение СССР как единственной страны социализма, когда было необходимо готовить народ «к любым неожиданностям», обязывало «сделать вывод из этого, а мы (он имел в виду прежде всего присутствовавших на совещании.— В. Н.) не делаем». Он пояснил, что необходимо проведение «практических мероприятий по линии пропаганды и по линии идеологических вещей».

И в этой связи он сформулировал коренную задачу: следовало прививать народу непримиримость к «врагам социализма», готовность нанести «смертельный удар любой буржуазной стране или любой буржуазной коалиции», а главное — воспитывать людей «в духе активного, боевого, *воинственного наступления*» (курсив мой.— В. Н.). Решение данной задачи возлагалось, по словам А. А. Жданова, и на кинематографистов, которые, как и другие советские граждане, понимали «проблему нашего дальнейшего развития», прекрасно отдавая себе отчет, что, «конечно, столкновение между нами (СССР.— В. Н.) и буржуазным миром будет, и мы обязаны кончить его в пользу социализма». Последний из приведенных пассажей ждановского заключительного слова на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии вызвал, судя по стенограмме, аплодисменты присутствовавших ⁷⁵.

Естественно, «указания» Жданова и Щербакова немедленно трансформировались в конкретные предложения и практические действия большевистских функционеров низшего ранга, представителей пропагандистских органов, средств массовой информации.

Выше уже подчеркивалось, что в своих тезисах А. С. Щербаков нацеливал редакторов центральных газет и журналов на пропаганду качественно нового «лозунга наступательной войны».

Неудивительно, что и в «Предложениях...» и. о. заведующего отделом печати НКИДа Н. Г. Пальгунова, направленных 10 мая 1941 г. в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), и в докладной записке сотрудников этого управления Д. Поликарпова и А. Пузина, составленной между 8 и 15 мая и адресованной уже А. С. Щербакову, проводится именно эта мысль: советская пропаганда должна быть направлена на подготовку наступательной войны. Пальгунов несколько «оживил» выдвинутый Щербаковым «лозунг наступательной войны». Он, в частности, подчеркивал: для «максимально широкого разъяснения в массах особенностей международной обстановки» следовало предложить прессбюро газеты «Правда» разослать «в течение *ближайшего полумесяца* (курсив мой.— В. Н.) областным, городским и районным газетам» ряд материалов для публикации, и среди них — статью о различии «между советской политикой мира и пацифизмом мелких буржуа и социал-предателей». Она, по мысли Пальгунова, должна была основываться на материалах докладов Сталина и Молотова 1939—1940 гг., опираться на «Краткий курс истории ВКП(б)», а также на ленинское положение, суть которого сводилась к следующему: «говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами занесен нож <...> значит повторять старые, давно потерявшие смысл фразы мелкого буржуазного пацифизма». В другом месте своих «Предложений...» заведующий отделом печати более категоричен: «Областная и районная печать должна отказаться от описания ужасов войны, совершаемого в пацифистском стиле, показать, что при известных обстоятельствах нужна *наступательная тактика*» (курсив мой.— В. Н.) ⁷⁶.

Вышеприведенные цитаты из письма Пальгунова особенно показательны, поскольку этому человеку, судя по воспоминаниям знавших его по совместной работе заведующего иностранным отделом газеты «Труд» З. С. Шейниса и писателя И. Г. Эренбурга, была присуща крайняя «осторожность», «на грани фантастики» ⁷⁷.

Однако эта черта была вполне обоснованной: предшественник Пальгунова на этом посту, позволивший сказать «лишнее» после служебного разговора со Сталиным и Молотовым в Кремле, просто «исчез» ⁷⁸.

Подробно анализируя содержание беседы Ф. Шуленбурга с представителем

НКВД В. Г. Деканозовым 5 мая 1941 г., Г. Городецкий писал: «Деканозову было трудно поверить, что такое важное сообщение (речь шла о предложениях по улучшению советско-германских отношений.— В. Н.) сделано Шуленбургом по собственной инициативе»⁷⁹. Эта фраза многое дает для понимания ментальности сотрудников НКВД, не позволявших себе подобных «вольностей».

В любом случае трудно представить, что инициатива мероприятий, направленных на пропагандистское обеспечение «лозунга наступательной войны» и перечисленных в «Предложениях...» Пальгунова, исходила от него лично. Вероятнее всего, документ был составлен в ответ на соответствующие указания, полученные на совещании 8 мая 1941 г., которое проводил Щербаков. И в данном случае мы видим наглядное проявление процесса «приведения языка в соответствие с политическими реальностями».

Добавим к этому, что впоследствии, в годы войны, Н. Г. Пальгунов возглавил ТАСС — лишнее доказательство правильности его действий в последние предвоенные недели и доверия к нему высшего партийного руководства.

Естественно, сотрудники УПА ЦК ВКП(б), просто по обязанности «прислушивавшиеся» к указаниям Щербакова, который курировал их работу, формулировали задачу пропагандистского обеспечения наступательной войны совершенно четко и однозначно. Имея в виду представленный редколлегией газеты «Известия» план публикации статей на май—июнь 1941 г., Поликарпов и Пузин в докладной записке Щербакову подчеркивали, что в этом плане, в частности, «отсутствуют темы о воспитании нашей армии и народа в духе наступательных военных действий...» (курсив мой.— В. Н.)⁸⁰.

В отличие от редакции «Известий» редколлегия газеты «Красная звезда» не оставила без внимания подобную тематику. Ее пропагандистские статьи в мае—августе 1941 г. должны были освещать следующие сюжеты: «Наступательный характер Красной Армии», военно-теоретические — «Современная наступательная операция», «Тактический прорыв и его развитие в оперативный», «Подвижные войска в современной наступательной операции», «Действия в оперативной глубине обороны противника», «Форсирование рек по опыту кампании во Франции и Бельгии в 1940 году», «Проблемы оперативной и стратегической внезапности в современной войне (по германским взглядам)»⁸¹.

Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров, возглавивший после 5 мая 1941 г. по прямому указанию А. А. Жданова и А. С. Щербакова работу по составлению проекта директивы ЦК «О задачах пропаганды на ближайшее время» и постановления ЦК о плане публикаций в газетах и журналах статей, обзоров, информации на военные и внешнеполитические темы, а также об организационных вопросах, связанных с новыми задачами пропаганды, совершенно адекватно ориентировался в ситуации. В первом из вышеупомянутых проектов, в частности, говорилось: «Всей своей пропагандистской и агитационной работой партийные организации обязаны воспитывать боевой наступательный дух (курсив мой.— В. Н.) Красной Армии и всего советского народа, подчинив все средства пропаганды и агитации, газеты и журналы, брошюры и книги, лекции и доклады, собрания трудящихся и беседы этой важнейшей задаче»⁸².

Сталин лишь наметил 5 мая 1941 г. «сверхзадачу» перестройки всей советской пропаганды и агитации, а также средств массовой информации в наступательном духе. Жданов и Щербаков должны были определить конкретные направления деятельности по разрешению этой «сверхзадачи», что и пытались сделать, выступая на совещаниях перед редакторами газет и журналов, а также перед представителями художественной кинематографии. Каждый из них внес свою лепту в конкретизацию работы по пропагандистскому обеспечению «лозунга наступательной войны». Об основных задачах, поставленных в выступлении Щербакова на совещании в ЦК ВКП(б), оперативно были проинформированы члены редколлегий периодических изданий, в том числе и ответственные сотрудники журнала «Знамя», в частности В. В. Вишневский, в то время председатель Оборонной комиссии Союза советских писателей (8 февраля 1941 г. он был утвержден членом

редколлегии журнала «Знамя») ⁸³. Ознакомившись с выступлением Сталина 5 мая 1941 г., он спустя неделю записал в своем дневнике: «Речь огромного значения. Мы начинаем идеологическое и практическое наступление» (курсив мой.— В. Н.) ⁸⁴. Другая дневниковая запись, от 21 мая 1941 г., свидетельствует, во-первых, о том, что Вишневский был осведомлен относительно развернувшейся перестройки советской пропаганды, а, во-вторых, хорошо представлял ее направленность. По его наблюдениям, шла настоящая кампания в периодической печати СССР «о наступательном духе русского советского народа», сопровождающаяся «ударами против „мертвой теории расизма и капитализма“ и пр. и пр. Кампания идет с нарастанием (курсив мой.— В. Н.)... Статьи с явным адресом: Берлин» ⁸⁵.

Эти и другие темы, намеченные для освещения в духе «лозунга наступательной войны», подробно раскрывались в мае—июне 1941 г. в открытой советской печати.

На совещании в ЦК ВКП(б) с представителями советской художественной кинематографии 14—15 мая 1941 г. секретарями ЦК был затронут, в частности, и вопрос о том, какие именно черты характера мешают воспитывать у советских людей готовность к «воинственному наступлению». Щербаков отметил по данному поводу, что среди молодежи имеются «нежелательные» настроения: «прошлого не анализировать, вперед не смотреть, а жить как трава растет». Между тем, продолжал он, кинематограф отнюдь не способствовал пресечению подобных настроений. Особое возмущение у Щербакова вызывало то, что эти настроения и отражающие их кинофильмы преобладают в такой момент, «когда мы весь народ должны держать в состоянии мобилизационной готовности» ⁸⁶.

Примечательно, что в его вышеупомянутых тезисах к совещанию с редакторами центральных газет и журналов (8 мая 1941 г.) в разделе «Воспитание армии и народа» формулировалась следующая задача: «Во всех статьях, очерках (об армии, колхозе, заводе, школе, молодежи), оборонном спектакле, фильме — о выносливости, о готовности, *против тепличности*» (курсив мой.— В. Н.) ⁸⁷. Более конкретно эту основную мысль выразил на совещании с кинематографистами 14—15 мая 1941 г. Жданов: «У нас некоторые люди воспитываются в тепличной обстановке, им будет трудно воевать» ⁸⁸.

Между тем в день закрытия совещания в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии в газете «Известия», план публикаций которой, как было показано выше, не удовлетворил поначалу сотрудников УПА ЦК ВКП(б), появилась передовая статья, свидетельствующая, во-первых, об учете редколлегией критических замечаний, а, во-вторых, подчеркивавшая, какие именно качества должны быть присущи народу в обстановке, когда шла подготовка к наступательной войне. Она получила претенциозный заголовок: «Драгоценные черты большевистского характера» ⁸⁹. В статье приводилась многозначительная цитата со ссылкой на Сталина: «Победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать». Далее подчеркивалось, что большевики «нацеливали и вели массы на великие штурмы, в которых выковывался боевой, революционный, *наступательный* (курсив мой.— В. Н.) дух воинов пролетарской армии». И резюме: «Этот воинствующий, *наступательный* характер борьбы, боевой дух коммунистической партии воспринял и развивает в себе советский народ... Активный, *наступательный*, воинственный дух ощущается всюду, где действуют, борются, творят советские люди» (курсив мой.— В. Н.). Статья заканчивалась многозначительным выводом, не оставлявшим сомнения в направленности начавшейся пропагандистской кампании: «Сознательную активность, идейную силу, глубокую преданность делу Ленина — Сталина, воинственность и непреклонность перед трудностями, готовность к наступлению на любые препятствия и к преодолению их — эти драгоценные черты характера с *успехом воспитывает партия большевиков* (курсив мой.— В. Н.) в советском народе».

Как видим, довольно недвусмысленные и откровенные формулировки в духе «лозунга наступательной войны» стали позволять себе, очевидно, получив соответствующие указания «сверху», «Известия», где, по выражению Щербакова,

следовало подавать пропагандистские материалы даже «осторожнее», чем в «Правде».

Вслед за совещанием в ЦК ВКП(б) 8 мая 1941 г., на котором были даны общие указания по перестройке периодической печати в стране, начался поворот в пропагандистской и политической работе среди личного состава Красной Армии. Отправным пунктом его стало заседание Главного Военного совета 14 мая 1941 г. На нем в числе других обсуждался и вопрос об итогах инспекторской проверки хода политзанятий в войсках. Начальнику Главного управления политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) А. И. Запорожцу было поручено разработать и представить в ЦК ВКП(б) проект соответствующей директивы. На практике перестройка пропагандистско-политической работы в РККА регламентировалась рядом директивных материалов, которые в срочном порядке разрабатывались вплоть до начала войны⁹⁰.

Но дело не ограничилось написанием секретных директив, о конкретном содержании которых знал узкий круг представителей высшего партийного, политического и военного руководства. Поставленные в них задачи, еще до официального утверждения директив в вышестоящих органах, воплощались на практике. Это касалось в первую очередь публикаций в печатных органах ГУППКА материалов о подготовке к наступательной войне и соответствующей перестройки в воспитании личного состава. Периодическая печать, подведомственная Главному управлению политической пропаганды Красной Армии, большими тиражами публиковала статьи методического характера, предназначенные для политзанятий с красноармейцами и командирами. Некоторые из них помещались на страницах журнала «Политучеба красноармейца». В номере, подписанном в печать 24 мая 1941 г., была опубликована передовая статья, заголовок которой аналогичен тому, который был использован в газете «Известия» 15 мая: «Воспитывать большевистские черты характера»⁹¹. В передовице печатного органа ГУППКА декларировалось: «Преданность родине, твердость и настойчивость в достижении полной победы над врагами, *активный, наступательный дух* (курсив мой.— В. Н.) — эти замечательные большевистские черты характера воплощались в героические действия воинов Красной Армии и обеспечивали разгром многочисленных врагов нашей родины». Развивая дальше эту основополагающую мысль, автор (или авторы) статьи утверждал: «...Красная Армия воспитана и закалена на идейной основе марксизма-ленинизма, на опыте борьбы большевистской партии, показывающем, что большевики выходят победителями из всех испытаний потому, что они *твердо держатся наступательной тактики* (курсив мой.— В. Н.), не боятся препятствий, а смело преодолевают их. В заключение формулировалась задача, стоящая перед политработниками Красной Армии»: «Всей политико-воспитательной работе необходимо придать боевой, *наступательный характер*, пронизать ее сталинской принципиальностью и идейностью... Политорганы, командиры и политработники обязаны быстро устранить все недочеты воспитательной работы, ...и всемерно усилить работу с каждым красноармейцем и младшим командиром в духе постоянной готовности к *наступательным боям* за дело коммунизма» (курсив мой.— В. Н.).

Учитывая, что журнал «Политучеба красноармейца» издавался сравнительно большим тиражом (с 1 января 1940 г. согласно постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) — 115 тыс. экз.)⁹² и предназначался для групповодов (руководителей) политзанятий в подразделениях и частях РККА, можно представить, что подобные установки в духе «лозунга наступательной войны» оперативно доводились до красноармейцев и командиров еще до нападения Германии на СССР.

С первых часов этого нападения на Советский Союз обстоятельства сложились для Красной Армии и всего народа совсем не так, как представляли себе будущую войну Сталин, руководство Генштаба, пропагандистские органы большевистской партии и Вооруженных Сил. Под натиском врага приходилось стремительно отступать в глубь советской территории, а это вызывало негативную реакцию прежде всего тех, кто еще весной 1941 г. настойчиво внушал, что необходимо

готовиться к наступательной войне, которая к тому же будет вестись на чужой территории.

И. Х. Баграмян описал в своих мемуарах ход заседания Военного совета Юго-Западного фронта после получения из Москвы приказа о наступлении на Люблин с целью овладеть этим польским городом к 24 июня 1941 г. В ответ на аргументированное мнение начальника штаба фронта генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева о том, что поставленная задача в условиях, когда враг сам быстро продвигается вперед, просто невыполнима, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Вашугин с возмущением парировал: «А вы подумали, какой моральный ущерб нанесет тот факт, что мы, *воспитывавшие Красную Армию в высоком наступательном духе* (курсив мой. — В. Н.), с первых дней войны перейдем к пассивной обороне?»⁹³

Думается, вышеприведенные материалы позволяют достаточно аргументированно опровергнуть предположение Г. Городецкого о том, что Сталин якобы считал, что наступательная (экспансионистская, по выражению историка) война может снизить боевой дух Красной Армии.

В завершение отметим, что Г. Городецкий и сам не рассматривает свой труд «как последнее слово» в изучении событий 1939—1941 гг.⁹⁴ Надеемся, что публикация монографии «Миф „Ледокола“» послужит новым импульсом для дальнейшей разработки имеющихся сложных и спорных проблем истории кануна войны.

Примечания

- ¹ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995.
- ² Книжное обозрение (далее — КО). 1995. № 8. (21 февраля). С. 2; Новое время (далее — НВ). 1995. № 11. С. 34—35; Вопросы истории (далее — ВИ). 1995. № 5—6. С. 142—148; Новая и новейшая история (далее — НИИ). 1995. № 3. С. 70—73 и др.
- ³ Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну; День «М»: Когда началась Вторая мировая война. М., 1994.
- ⁴ Витрина. Читающая Россия. 1995. № 9—10 (май). С. 14; Военно-исторический журнал (далее — ВИЖ). 1995. № 4. С. 32—36.
- ⁵ КО. 1995. № 8. С. 2.
- ⁶ Витрина. Читающая Россия. 1995. № 9—10. С. 14.
- ⁷ Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995; Невежин В. А. Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны // Отечественная история. 1995. № 2 (далее — ОИ). С. 54—69; Мельтюхов М. И. Идеологические документы мая — июня 1941 года о событиях второй мировой войны // Там же. С. 70—85; е го же. «И на вражьей земле мы врага разобьем...» (Советский сценарий 41-го года) // Родина. 1995. № 6. С. 67—72; Данилов В. Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // ОИ. 1995. № 3. С. 33—43; е го же. Сталин опоздал... // Родина. 1995. № 7; Печеникин А. А. Была ли возможность наступать? // ОИ. 1995. № 3. С. 44—58; Фарсоби и В. В. Заметки бывшего сержанта гвардии о войне // ВИ. 1995. № 5—6. С. 121—130; е го же. Речь на сб.: Готовил ли Сталин... // ВИ. 1995. № 10. С. 167—168; Сахаров А. Н. Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг. // ВИ. 1995. № 7. С. 26—45; Бобылев П. Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // ОИ. 1995. № 5. С. 3—20; Гареев М. А. Неоднозначные страницы войны. М., 1995; Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995 и др.
- ⁸ Готовил ли Сталин... С. 92—109; Мельтюхов М. И. Современная отечественная историография предыстории Великой Отечественной войны (1985—1995 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
- ⁹ Готовил ли Сталин...; ОИ. 1995. № 2. С. 54—85; Сахаров А. Н. Указ. соч.
- ¹⁰ Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 37.
- ¹¹ Городецкий Г. Указ. соч. С. 3, 12; НИИ. 1995. № 3. С. 73; ВИ. 1995. № 5—6. С. 147.
- ¹² НИИ. 1995. № 3. С. 71.
- ¹³ Искусство кино (далее — ИК). 1990. № 5. С. 10—16; Osteuropa. 1992. № 3. S. 242—262; Исторический архив (далее — ИА). 1995. № 2. С. 23—31.
- ¹⁴ Правда. 1941. 6 мая; См. также: ИК. 1990. № 5. С. 12; ИА. 1995. № 2. С. 26.
- ¹⁵ ИА. 1994. № 5. С. 222; Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. М., 1995. Док. № 17.
- ¹⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1039, л. 13.
- ¹⁷ Правда. 1941. 7 мая; Известия. 1941. 7 мая.
- ¹⁸ Городецкий Г. Указ. соч. С. 191—197.
- ¹⁹ Там же. С. 179—183.
- ²⁰ Витман Б. Шпион, которому изменила родина. Казань, 1993. С. 100.

- ²¹ ВИЖ. 1989. № 5. С. 30—32.
- ²² Мировая война 1939—1945. М., 1957. С. 151.
- ²³ В и ш л е в О. В. Почему медлил И. В. Сталин в 1941 г.?//ННИ. 1992. № 1. С. 96.
- ²⁴ В е р т А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967. С. 75.
- ²⁵ Пограничные войска СССР 1939 — июнь 1941: Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 366, 367, 376, 380, 384.
- ²⁶ Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939—1941: Документы и материалы. М., 1991. С. 323.
- ²⁷ В и ш н е в с к и й В. В. Соч.: В 5 т. Т. 6 (доп.). М., 1961. С. 328.
- ²⁸ ВИЖ. 1989. № 4. С. 54.
- ²⁹ Г о р о д е ц к и й Г. Указ. соч. С. 292.
- ³⁰ Правда. 1941. 6 мая; ИА. 1995. № 2. С. 24.
- ³¹ Г о р о д е ц к и й Г. Указ. соч. С. 292.
- ³² ИА. 1995. № 2. С. 26, 31, прим. 5.
- ³³ Г о р о д е ц к и й Г. Указ. соч. С. 292.
- ³⁴ ИА. 1995. № 2. С. 26.
- ³⁵ Г о т о в и л л и С т а л и н... и др.
- ³⁶ ИА. 1995. № 2. С. 26.
- ³⁷ Г о р о д е ц к и й Г. Указ. соч. С. 293.
- ³⁸ F l e i s c h h a u e r I. Diplomatischer Widerstand gegen «Unternehmen Barbarossa»: die Friedensbemuhungen der Deutschen Botchaft Moskau 1939—1941. В.; Frankfurt am Main, 1991. S. 326.
- ³⁹ О ж е г о в С. И. Словарь русского языка. 16-е изд., испр. М., 1984. С. 337, 370.
- ⁴⁰ ИА. 1992. № 1. С. 25, 28.
- ⁴¹ Л е н и н В. И. ПСС. Т. 42. С. 173.
- ⁴² ИА. 1994. № 5.
- ⁴³ ОИ. 1995. № 2. С. 61—62; Г о т о в и л л и С т а л и н... С. 154.
- ⁴⁴ С п и р и н Л. М. Сталин и война//Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 95.
- ⁴⁵ ИА. 1995. № 2. С. 28, 29.
- ⁴⁶ Г о р о д е ц к и й Г. Указ. соч. С. 293—296. См. также: КО. 1995. № 8. С. 9; ВИ. 1995. № 5—6. С. 146.
- ⁴⁷ КО. 1995. № 8. С. 9.
- ⁴⁸ Г а р е е в М. А. Указ. соч. С. 92.
- ⁴⁹ Д а н и л о в В. Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность. С. 37.
- ⁵⁰ ВИЖ. 1995. № 3. С. 41.
- ⁵¹ Русский архив: Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12(1). С. 153; Бобылев П. Н. Указ. соч. С. 12.
- ⁵² Г а р е е в М. А. Указ. соч. С. 93.
- ⁵³ Г о р о д е ц к и й Г. Указ. соч. С. 309. Прим. 39.
- ⁵⁴ D a n i l o w W. Hat der Generalstab der Roten Armee einen Praventivschlag gegen Deutschland vorbereitet?//Osterreichische Militarisch Zeitschrift. 1993. H. 1. S. 41—51.
- ⁵⁵ Г о р ь к о в Ю. А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.?//ННИ. 1993. № 3. С. 29—45; е г о ж е. Кремль. Ставка. Генштаб. Приложение № 2. С. 303—309.
- ⁵⁶ D a n i l o w W. Op. cit. S. 44—46; Г о т о в и л л и С т а л и н... С. 67—68, 77—78, 87—88, 97—99; Д а н и л о в В. Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность. С. 37—38; е г о ж е. Сталин опоздал... С. 72—73.
- ⁵⁷ Г о р ь к о в Ю. А. Сталин. Ставка. Генштаб. С. 35.
- ⁵⁸ Г о р о д е ц к и й Г. Указ. соч. С. 293.
- ⁵⁹ ИА. 1995. № 2. С. 30.
- ⁶⁰ Г о р о д е ц к и й Г. Указ. соч. С. 293.
- ⁶¹ Г о т о в и л л и С т а л и н... С. 122—168; ОИ. 1995. № 2. С. 54—85; С а х а р о в А. Н. Указ. соч. С. 37—38.
- ⁶² РЦХИДНИ, ф. 88, оп. 1, д. 927, л. 33.
- ⁶³ Там же, ф. 17, оп. 121, д. 128, л. 35—44.
- ⁶⁴ Там же, оп. 125, д. 58, л. 1—3.
- ⁶⁵ Там же, оп. 121, д. 128, л. 35, 36.
- ⁶⁶ Там же, оп. 125, д. 60, л. 58—61.
- ⁶⁷ Там же, д. 58, л. 1—3.
- ⁶⁸ Там же, л. 4—13.
- ⁶⁹ Там же, л. 1.
- ⁷⁰ Там же, д. 27, л. 30.
- ⁷¹ Ю м а ш е в а О. Г., Л е п и х о в И. А. Феномен «тоталитарного либерализма» (опыт реконструкции реформы советской кинематографии 1939—1941 гг.)//Киноведческие записки. 1993—1994. № 20. С. 125—144; Преподавание истории в школе. 1994. № 5. С. 12; ВИ. 1994. № 8. С. 164; ОИ. 1995. № 2. С. 58; Г о т о в и л л и С т а л и н... С. 158, 159.
- ⁷² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 121, д. 115, л. 3—7.
- ⁷³ Ф л я й ш х а у э р И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938—1939. М., 1990. С. 37—38.
- ⁷⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 121, д. 128, л. 35—44.
- ⁷⁵ Там же, д. 115, л. 8, 10, 46, 159, 162; ф. 77, оп. 1, д. 919, л. 1а, 3, 39—40, 152, 153; Ю м а ш е в а О. Г., Л е п и х о в И. А. Указ. соч. С. 136—137.
- ⁷⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 60, л. 59, 60.

- ⁷⁷ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. Изд. испр. и доп. М., 1990. Т. 2. Кн. 4, 5. С. 224—225; Шейнис З. С. Перед нашествием: Из записной книжки 1939—1941 годов//ННИ. 1990. № 1. С. 107.
- ⁷⁸ Шейнис З. С. Указ. соч. С. 107.
- ⁷⁹ Городецкий Г. Указ. соч. С. 195.
- ⁸⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 58, л. 1.
- ⁸¹ Там же, л. 7—9.
- ⁸² Там же, д. 28, л. 30.
- ⁸³ Там же, оп. 116, д. 67, л. 103.
- ⁸⁴ Москва. 1995. № 5. С. 13.
- ⁸⁵ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 1038, оп. 1, д. 2079, л. 32.
- ⁸⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 121, д. 115, л. 12.
- ⁸⁷ Там же, д. 128, л. 35.
- ⁸⁸ Там же, д. 115, л. 162.
- ⁸⁹ Известия. 1941. 15 мая.
- ⁹⁰ Готовил ли Сталин...
- ⁹¹ Политучеба красноармейца. 1941. № 10. С. 1—2.
- ⁹² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 117, д. 58, л. 150 об.
- ⁹³ Баграмян И. Х. Так начиналась война. М., 1971. С. 116.
- ⁹⁴ ННИ. 1995. № 3. С. 70.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НА РУСИ В КОНЦЕ XIII ВЕКА И ОТНОШЕНИЯ С ОРДОЙ

Происходившая в Северо-Восточной Руси в последние два десятилетия XIII века междоусобная борьба освещалась с большей или меньшей степенью подробности во многих работах¹. Исследование главных эпизодов этой борьбы в связи с расстановкой сил в Золотой Орде, ее фактическим расколом на две части — Волжскую Орду и Орду Ногая (между Нижним Дунаем и Днепром) — было предпринято А. Н. Насоновым². Недавно В. А. Кучкин рассмотрел события 80—90-х гг. XIII в. в связи с биографией Даниила Александровича Московского³. Тем не менее тема далеко не исчерпана. Во-первых, сохраняется ряд спорных моментов; во-вторых, остаются известия источников, обделенные вниманием исследователей; в-третьих, до сих пор не было попыток выяснить, какие позиции занимали в политической борьбе князья сопредельных с Северо-Восточной Русью русских земель. На эти проблемы и делается акцент в данной работе.

Вскоре после воцарения в Орде нового хана Туда-Менгу (сменившего в 1281 г. умершего Менгу-Тимура⁴) городецкий князь Андрей Александрович (средний сын Александра Невского) отправился в Орду и привел оттуда войско против своего старшего брата, переяславского князя Дмитрия Александровича, являвшегося одновременно великим князем владимирским (т. е. главным князем Северо-Восточной Руси, распространявшим свою власть помимо собственного Переяславского княжества на обширную территорию великого княжества Владимирского). Летописание Северо-Восточной Руси датирует это событие 6789 (1281/82) годом, а согласно новгородской летописной традиции, оно имело место в 6790 г. Целью похода являлся Переяславль. К татарскому войску, возглавляемому Ковадьем и Алчедаем, присоединились князья Федор Ростиславич Ярославский, Михаил Иванович Стародубский и Константин Борисович Ростовский. Был опустошен Муром, окрестности Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова и Твери. Дмитрий Александрович покинул Переяславль, и 19 декабря город был взят. Великий князь отправился в Новгородскую землю, думая укрепиться в Копорье, где двумя годами ранее он построил каменную крепость. Но новгородцы воспрепятствовали Дмитрию, и он был вынужден отказаться от этого замысла⁵. Союзником великого князя выступил Довмонт, князь псковский, вывезший из Копорья «товар» (имущество) Дмитрия⁶; поэтому можно полагать, что Дмитрий нашел убежище именно в Пскове⁷. Андрей Александрович, отпустив татар в Орду, приехал в феврале в Новгород, где был посажен на новгородский стол⁸. К нему, таким образом, переходили прерогативы великого князя владимирского, чей сюзеренитет признавал Новгород Великий.

Но вскоре Андрей уезжает из Новгорода во Владимир, а оттуда отправляется в свой удельный Городец и затем в Орду; в то же время в Торжок (город, находившийся под совместным управлением Новгорода и великого князя) пытаются войти наместники Дмитрия. Против последнего выступают походом новгородцы в союзе с тверским (им был тогда Святослав Ярославич) и московским (Даниил Александрович, младший сын Александра Невского) князьями. Войска встречаются у Дмитрова, и стороны приходят к мирному соглашению⁹.

Очевидно, что после того, как приведенные Андреем татары покинули Севе-

* Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

ро-Восточную Русь, Дмитрию удалось вернуться в Переяславль (встретиться с его войском у Дмитрова новгородцы, тверичи и москвичи могли только в случае, если Дмитрий шел с востока, от Переяславля), и он начал восстанавливать свои великокняжеские права. При этом контрнаступление Дмитрия Александровича было столь внушительным, что Андрей вынужден был покинуть Владимир и вновь отправиться за помощью в Орду. Здесь ему была придана новая рать — на сей раз под командованием Туратемира и Алыня¹⁰. В условиях второго похода Дмитрия Александровича принимает решение, имевшее долгосрочные последствия: он «съ своею дружиною отъеха в Орду к царю татарскому Ногаю»¹¹. Ногай как раз в это время (после смерти Менгу-Тимура) превратился в фактически независимого правителя¹², и приезд к нему великого князя владимирского был, по-видимому, первым серьезным контактом с князьями Северной Руси, послужившим началом создания там собственной сферы влияния Ногая.

В следующем году (6791 г. — согласно северо-восточному летописанию, 6792 г. — по НЛ) Дмитрий вернулся на Русь. Андрей, несмотря на поддержку его новгородцами, вынужден был уступить великое княжение («съступиися брату своему»). Боярин Семен Тонильевич, один из зачинщиков и руководителей обоих татарских походов против Дмитрия, был убит по его приказу в Костроме¹³. В конце года «прииде Дмитрий князь с братомъ своимъ Андреемъ ратью к Новугороду и с татари и со всею Низовскою землею, и многа зла учиниша, волости пожгоша <...> и створиша миръ; и седе Дмитрии в Новегороде на столе своемъ»¹⁴. Из этого сообщения прямо следует, что Дмитрий вернулся от Ногая с татарским отрядом, присутствие которого и вынудило Андрея отказаться от борьбы с братом и даже продемонстрировать показное единство с ним, выступив против сочувствующего Андрею Новгорода.

Если последовательность событий в конфликте Александровичей вырисовывается достаточно ясно, то иначе обстоит дело с их датировкой. Н. Г. Бережков в своем труде о хронологии русского летописания исходил из предположения, что Симеоновская летопись датирует события первой половины 80-х гг. по мартовскому стилю, а НЛ младшего извода — по ультрамартовскому¹⁵; в этом случае первый татарский поход надо датировать концом 1281 — началом 1282 г., второй — 1282 годом, а возвращение Дмитрия от Ногая — 1283 годом. Другое мнение высказал В. Л. Янин: в НЛ обозначение лет от Сотворения мира на единицу ниже мартовского. Соответственно первый поход Андрея и татар он относит к концу 1283 — началу 1284 г., а второй — к 1284 г. При этом В. Л. Янин основывается на наблюдениях за текстом Никоновской летописи: в ней статья 6787 г. начинается с сообщения о лунном затмении 24 февраля и указания, что в ту же зиму «бысть знамение в Солнце». Сочетание лунного и солнечного затмений могло иметь место только в феврале 1281 г.; отсюда вывод, что статья 6787 г. в Никоновской летописи повествует о событиях 1281 г., а последующие статьи, 6788—6790 гг. (которым в НЛ соответствуют статьи 6789—6791 гг.), — о событиях 1282—1284 гг. (т. е. их обозначение в Никоновской летописи двумя единицами ниже мартовского)¹⁶. Такое существенное расхождение в датировке событий делает необходимым еще раз рассмотреть датирующие признаки летописных статей 6787-го и последующих годов.

В Троицкой и Симеоновской летописях статья 6787 г. начинается с сообщения о смерти в Ярославле вдовы князя Всеволода Константиновича «месяца марта 1, индикта въ 6»¹⁷. 6-й индикт соответствует 1278 г., и можно было бы полагать, что это известие дано по ультрамартовскому стилю; однако нужно учитывать, что при определении индиктов древнерусские книжники часто допускали ошибки. Далее следует сообщение: «Тое же весны бысть знамение въ Луне и въ Солнці»¹⁸. Наконец, в конце статьи говорится: «Тое же зимы бысть знамение в Луне, ноши погипе вся и не бысть ее долго, и явися до зари, и осветонь исполнися»¹⁹. Симеоновская летопись была непосредственным источником Никоновской²⁰. В этой последней приведены оба известия о небесных явлениях, одно — в начале

статьи 6787 г., другое — в конце: «Бысть знамение въ Луне и погипе вся, и не бысть ея долго, и явився до зори и освете не исполнився, месяца февраля въ 24 день. Тое же зимы бысть знамение въ Солнце <...> Того же лета бысть знамение въ Луне въ нощи, и погипе вся, и не бысть ея до зори, и освело не исполнися»²¹.

Очевидно, что описания обоих лунных затмений — и датированного в Никоновской 24 февраля, и того, что помещено в конце статьи 6787 г., — основаны на известии Симеоновской летописи о затмении, происходившем в конце года, обозначенного как 6787-й. Это последнее, следовательно, и имело место в феврале, а перенесение его описания в Никоновской летописи в начало статьи 6787 г. явно ошибочно, так как февраль — последний месяц мартовского года. Верной следует признать датировку первого лунного затмения Симеоновской летописью — весна. Это — затмение 18 марта 1279 г.²² Последующее «знамение в Солнце» не было солнечным затмением: такого в 1279 г. не наблюдалось, а затмение солнца в феврале 1281 г., на которое ссылается в обоснование своей датировки В. Л. Янин, на Руси не было видно²³. Таким образом, сообщение о весеннем лунном затмении указывает на 6787-й мартовский год. Но зимой 1279/80 г. еще одного затмения луны не было. Оно имело место в конце февраля 1281 г. (в этой части наблюдение В. Л. Янина абсолютно справедливо), и, следовательно, в конце статьи 6787 г. Симеоновской летописи говорится о событии, имевшем место в конце 6788-го (1280/81) мартовского года: обозначение года стало в этом источнике единицей ниже мартовского. Следует, таким образом, признать, что под 6787 годом Симеоновская летопись излагает события двух лет — 1279/80 и 1280/81 гг. Нет оснований сомневаться, что сдвиг в один год сохраняется и в последующих статьях — 6788²⁴, 6789, 6790²⁵ и 6791²⁶ гг., так как они не содержат дублировок (повторных известий об одних и тех же событиях)²⁷. В то же время в статье 6792 г. нет никаких сведений о Северо-Восточной Руси, а только продолжается начатый под 6791 годом рассказ о событиях в Курском княжестве²⁸, являющий собой цельную повесть о событиях, в действительности имевших место в конце 1280-х или начале 1290-х гг.²⁹ Очевидно, здесь и происходит «выравнивание» хронологии, и под 6793 годом повествуется о событиях 1285/86 г.³⁰, т. е. обозначение года, как и до 6787 г., становится мартовским.

Итак, вероятнее всего, в летописании Северо-Восточной Руси события начала 1280-х гг. имеют датировку на единицу ниже мартовского года. Это значит, что в НПЛ, чья датировка опережает датировку Троицкой-Симеоновской на 1 год, применяется мартовский стиль. Следовательно, первый поход татар и Андрея следует отнести к зиме 1282/83 г., второй поход и отъезд Дмитрия к Ногаю — к 1283 г., а возвращение Дмитрия от Ногаю — к 1284 г.

Новое обострение борьбы Александровичей произошло уже в следующем, 1285 году, когда «князь Андреи приведе царевича, и много зла сътвориса крестьяномъ. Дмитрии же, съчтався съ братьею, царевича прогна, и боляры Андреевы изнима»³¹. По мнению А. Н. Насонова, «братьями», выступившими в союзе с Дмитрием, были его единственный, кроме Андрея, родной брат Даниил Александрович Московский и двоюродный брат Михаил Ярославич Тверской (первые прямые известия о союзе этих трех князей относятся к 1293 г.)³². Такое предположение представляется вероятным: московский и тверской князья не являлись союзниками Андрея в 1282 г. (более того, татары разорили тогда окрестности Твери³³), в 1283 г. они, хотя и выступали против Дмитрия, но явно как особая группировка (не связанная с Андреем и союзными ему князьями) и заключили мир с великим князем еще до второго татарского похода против него.

Под 6796 (1288/89) годом в Московской Академической летописи и Сокращенном ростовском своде конца XV в.³⁴ — памятниках, донесших ростовский летописный материал, стоит известие: «Седе Андреи Александровичъ на Ярославле, а Олександръ Федоровичъ на Угличе поле»³⁵. Практически все исследователи обходили его молчанием³⁶. И это неудивительно: данное сообщение на первый взгляд представляется довольно странным. Ярославлем и до 1288 г., и в более позднее время, вплоть до своей смерти в 1299 г., владел Федор Ростиславич. С

какой стати Андрею Александровичу занимать стол своего главного союзника (известно, что Федор оставался таковым и в 90-х гг.), стол, к которому он с точки зрения наследственных прав не имел никакого отношения (в Ярославле княжили потомки Константина Всеволодича, старшего сына Всеволода Большое Гнездо³⁷, а Андрей принадлежал к потомству другого Всеволодича — Ярослава)? Непонятно, что за Александр Федорович вокняжился в Угличе, которым с 1286 г. владел Дмитрий Борисович (из ростовской ветви потомков Константина Всеволодича) и который позднее также находился под властью ростовских князей.

Между тем подвергать сомнению достоверность известия 1288 г., видеть в нем ошибку нет оснований. Это известие стоит в ряду сообщений ростовского происхождения, которые подтверждаются другими летописями: о смерти князя Романа Владимировича Углицкого (под 1283 г.), о разделе ростовского и углицкого княжений между ростовскими князьями Дмитрием и Константином Борисовичами (1286 г.), о вокняжении Дмитрия Борисовича в Ростове и антитатарском восстании в этом городе (1289 г.)³⁸. Князь Александр Федорович, неизвестный по другим источникам, в Московской Академической летописи и Сокращенном ростовском своде упоминается еще раз: под 1294 годом сообщается о его смерти³⁹. Следовательно, предполагать ошибку в передаче имени и отчества этого князя в известии 1288 г. нельзя. Во второй половине XIII в. известен только один взрослый князь Федор — Федор Ростиславич, и имя Александра Федоровича мог носить только сын этого князя⁴⁰. Отождествление Александра Федоровича с сыном Федора Ярославского позволяет пролить свет на «странное» известие 1288 г.

В 1283 или 1285 г. умер бездетный углицкий князь Роман Владимирович, сын Владимира Константиновича, внук Константина Всеволодича⁴¹. Ближайшими родственниками его остались потомки двух других сыновей Константина — Василька, князя ростовского, и Всеволода, князя ярославского. Когда в 1286 г. внуки Василька, Дмитрий и Константин Борисовичи (до этого 8 лет княжившие совместно в Ростове), разделили свое княжество, в него уже входил Углич: он достался старшему брату, Дмитрию, а младший, Константин, получил Ростов⁴². Однако Федор Ростиславич, князь ярославский, также мог иметь претензии на «углицкое наследство»: сам он не принадлежал к потомству Константина Всеволодича, но его дети от ярославской княжны приходились Константину праправнуками. Поэтому вокняжение Александра Федоровича в Угличе следует рассматривать как временную победу ярославской княжеской ветви в борьбе за Углицкое княжество.

Но как могло получиться, что, приобретя Углич для сына, Федор Ростиславич одновременно потерял Ярославль? Вероятнее всего, Федор обратился к своему постоянному союзнику Андрею Александровичу с просьбой о помощи в борьбе за Углич и условием поддержки стал обмен Городецкое княжество Андрея на Ярославское княжество Федора. Таким образом Андрей получил более освоенное в то время княжество, хотя Федор также остался в выигрыше, поскольку к менее выгодному по сравнению с Ярославским Городецкому княжеству добавлялось Углицкое. Ростовский летописец не сообщил, где вокняжился Федор в 1288 г., так как его мало интересовали события, происходившие за пределами владений потомков Константина Всеволодича.

Под следующим, 6787 (1289/90) годом в летописях помещены два «ростовских» известия. В одном из них говорится, что «князь Дмитрий Ростовский нача ведати всю свою отчину и ходить ко Кашину ратью»⁴³, в другом — что «седе Дмитрии Борисовичъ в Ростове; тогда же бе много татаръ в Ростове, и изгнаша их вechем, и ограбиша их; того же лета князь Костянтинъ иде въ Орду»⁴⁴. Очевидно, что перед нами разные варианты сообщения об одном и том же событии — вокняжении Дмитрия Борисовича в Ростове. Но в известии 1286 г. о разделе княжений под «отчиной» Борисовичей имеются в виду как Ростовское, так и Углицкое княжества⁴⁵. Следовательно, слова «нача ведати всю свою отчину» нужно рассматривать в качестве указания на то, что Дмитрий овладел как Угличем, так и Ростовом. Поход же его на Кашин был составной частью похода великого князя

Дмитрия Александровича против Михаила Тверского, завершившегося миром у этого города ⁴⁶.

Итак, в 1289 г. Дмитрий Борисович вернул себе Углич и изгнал брата Константина из Ростова; при этом он являлся союзником Дмитрия Александровича. Такая резкая перемена ситуации может быть понята только в контексте борьбы Дмитрия и Андрея Александровичей за великое княжение и Ногаю с волжским ханом Тулабугой (взошедшем на престол в 1287 г.) за сферы влияния на Руси.

Еще в 1282 г. между Дмитрием и Константином Борисовичами произошел конфликт; Константин отправился за поддержкой к великому князю Дмитрию Александровичу, тот приехал в Ростов и помирил братьев. Но в конце того же года Константин Борисович принял участие в татарском походе против Дмитрия Александровича, а Дмитрий Борисович — нет (более того, татары разорили окрестности Ростова) ⁴⁷. Можно полагать поэтому, что условия соглашения между ростовскими князьями, заключенного при посредничестве великого князя, были выгодны для Дмитрия Борисовича и дали основания для недовольства Константину. Вероятно, старший из Борисовичей постоянно склонялся к союзу с Дмитрием Александровичем ⁴⁸, и такая политическая ориентация была поводом для получения в Волжской Орде санкции на отнятие у него Углича (происшедшее в 1288 г. перераспределение княжений несомненно должно было быть санкционировано Ордой). Последующие успехи Дмитрия объяснимы только как результат обращения за помощью к великому князю и к Ногаю. «Умножившиеся» в Ростове с вокняжением Дмитрия татары — это, очевидно, отряд, присланный для его поддержки Ногаем ⁴⁹. Причиной восстания могли стать поборы, производившиеся татарами в качестве платы за оказываемую Дмитрию Борисовичу помощь. Поскольку в результате восстания пострадали татары Ногаю, кары со стороны Волжской Орды ростовцам не последовало.

В 1293 г. Андрей Александрович, Федор Ростиславич, Дмитрий и Константин Борисовичи отправились в Волжскую Орду, после чего ее хан Тохта послал против Дмитрия Александровича и его союзников (главными из которых в тот момент были Даниил Александрович Московский и Михаил Ярославич Тверской) войско под началом своего брата Тудана (Дюдены). Были взяты города Владимир, Суздаль, Муром, Юрьев, Переяславль, Коломна, Москва, Можайск, Волок, Дмитров, Углич ⁵⁰. Сразу после похода Дюдены, в начале 1294 г., в Переяславле сел Федор Ростиславич, а в Новгороде (в конце февраля) — Андрей Александрович ⁵¹. Тогда же в Угличе князем стал Александр, сын Константина Борисовича ⁵². Занятие князьями «проволжской» группировки переяславского и новгородского столов — это дележ владений побежденного Дмитрия Александровича. Если полагать, что Углич в 1293 г. продолжал принадлежать Дмитрию Борисовичу или был передан его брату Константину ⁵³, посажение в нем после татарского похода нового князя выглядит нелогично. Перераспределение столов производилось в пользу князей, союзных Волжской Орде, но в 1293 г. в этом лагере находился не только Константин Борисович, но и его старший брат. Сомнение усиливает и упоминание Углича в списке городов, взятых Дюденем и союзными ему русскими князьями. В этом перечне города, находившиеся под властью Андрея Александровича и его союзников — Федора Ярославского и ростовских Борисовичей, отсутствуют, и это естественно: князья, шедшие вместе с войском Дюдены, не вводили татар на собственные владения; целью похода были княжества, принадлежавшие их противникам ⁵⁴. Следовательно, взятие Дюденем Углича следует признать свидетельством того, что в 1293 г. этот город входил во владения князей, ориентировавшихся на Ногаю, и именно поэтому после похода там был посажен князь ростовской ветви — это также было одним из актов дележа владений побежденных князей. Поскольку оба ростовских Борисовича в 1293 г. входили в «победившую» группировку, следует полагать, что Углич им в это время не принадлежал.

Согласно существовавшему в Северо-Восточной Руси нормам наследования, выморочные княжества должны были отходить в состав великого княжества

Владимирского⁵⁵. Следовательно, Дмитрий Александрович имел основание претендовать на Углич. Сразу по освобождении углицкого стола (в 1283 или 1285 г.) Дмитрию было не до этого, он вел борьбу за великое княжение. Позже углицким князем стал дружественный Дмитрию Александровичу Дмитрий Борисович, и в 1288—1289 гг. великий князь поддержал его стремление вернуть себе Углич и вновь приобрести Ростов. Однако есть основания полагать, что Дмитрий Борисович пошел затем на соглашение с братом Константином. В 1290 г. Дмитрий остается ростовским князем⁵⁶. В 1293 г. Дмитрий и Константин — союзники Волжской Орды, и в Угличе после похода Дюдены садится не один из них, а сын Константина. Если бы у Константина Борисовича не было в это время своего княжения, то логично ожидать, что в Угличе (втором по значению центре Ростовского княжества) был бы посажен он сам. Скорее всего, по возвращении Константина из Волжской Орды, куда он отправился в 1289 г. (несомненно, с жалобой на брата, отнявшего у него ростовское княжение), между Константином и Дмитрием было поделено княжение собственно в Ростове — они оба стали считаться ростовскими князьями (при признании старшинства Дмитрия); такое положение практически уже существовало прежде, до присоединения к Ростовскому княжеству Углича. Углич же был возвращен Александру Федоровичу. Дмитрий Борисович мог быть вынужден пойти на компромисс, так как он лишился в результате восстания 1289 г. татарского отряда, приданного ему Ногаем, а Константин, вероятно, вернулся в сопровождении татар из Волжской Орды. В результате углицкое княжение опять перешло под власть враждебных Дмитрию Александровичу князей, и тогда великий князь «вспомнил» о своем праве на выморочные княжества. Можно предполагать, что включение Углича в состав великого княжества Владимирского произошло около 1291 г., когда Ногай устранил Тулабугу⁵⁷ и достиг апогея своего могущества. Именно тогда можно было не опасаться действий со стороны волжского хана, поскольку занявший трон Тохта поначалу не выступал против Ногая, будучи обязан ему своим воцарением⁵⁸. После похода Дюдены 1293/94 г. были, таким образом, вознаграждены все главные союзные Тохты: Андрей получил великое княжение, Федор — Переяславль, ростовским князьям был возвращен Углич.

Известие о вокняжении Александра Константиновича в Угличе приводится в летописях вместе с сообщением о вокняжении Федора Ростиславича в Ярославле: «седе на княжении в Ярославле Феодоръ князь, а Олександръ Костянтиновичъ на Угличе поле»⁵⁹. Летописи, восходящие к «великокняжескому своду 1305 г.», сообщают, что Федор после похода Дюдены сел в Переяславле⁶⁰, при этом в Лаврентьевской летописи вместо Переяславля назван явно ошибочно Ярославль⁶¹. Но повлиять на летописи, в составе которых дошло сообщение о вокняжениях Федора Ростиславича и Александра Константиновича (а это своды, содержащие ростовский летописный материал), данная ошибка не могла, так как Лаврентьевская летопись с этими памятниками не связана⁶²; к тому же известие о посажении Федора в Переяславле помещено в летописях перед сообщением о приходе Андрея Александровича в Новгород, а запись о вокняжении Федора в Ярославле и Александра в Угличе — после⁶³. Это явно разные известия: первое (о Переяславле) восходит к «своду 1305 г.», второе является ростовским по происхождению; великокняжеского летописца в первую очередь интересовала судьба Переяславля, столицы Дмитрия Александровича, ростовского — судьба княжений потомков Константина Всеволодича. Таким образом, следует признать, что после похода Дюдены, зимой 1293/94 г. Федор Ростиславич занял как переяславский, так и ярославский стол. Следовательно, накануне похода он в Ярославле не княжил. Это является дополнительным аргументом в пользу высказанного выше предположения об обмене в 1288 г. княжениями между Федором и Андреем Александровичем. Очевидно, Ярославль оставался за Андреем в течение всего периода 1288—1293 гг. (хотя обмен утратил смысл сразу же после перехода Углича под власть великого князя); теперь же, когда Андрей приобретал великое княжение и

благодаря этому преимущества Ярославского княжества над Городецким перестали играть существенную роль, произошел обратный обмен.

Судя по списку взятых Дюденом и союзными ему князьями городов, в сферу влияния Ногая⁶⁴ в Северо-Восточной Руси к 1293 г. входили помимо великого княжества Владимирского, Переяславского, Московского и Тверского⁶⁵ княжеств также Суздальское, Юрьевское и Дмитровское⁶⁶. На Волжскую Орду ориентировались князья ярославский, городецкий и ростовские князья-соправители, а также князь стародубский (определенно известно, что в 1282 г. он был союзником Андрея и волжских татар; поскольку в 1293 г. Стародуб не был затронут нашествием, можно полагать, что политическая ориентация стародубского князя не изменилась).

Помимо шести центров княжеств Северо-Восточной Руси (Владимира, Суздаля, Юрьева, Переяславля, Москвы и Дмитрова), а также Углича и Волока (находившегося в совместном владении Новгорода и великого князя⁶⁷) в перечне городов, взятых Дюденем, названы Муром, Коломна и Можайск.

Традиционно считается, что Можайск был присоединен к Московскому княжеству в 1303 г., а до этого входил в состав Смоленской земли⁶⁸. Но смоленским князем в 1293 г. был тот же Федор Ростиславич, союзник Дюдены, шедший вместе с татарским войском. Если исходить из принадлежности Можайска Смоленскому княжеству, придется признать, что Федор навел татар на подвластный ему город.

Основанием для утверждения о присоединении Можайска к Московскому княжеству в 1303 г. служит летописная запись под 6812-м ультрамартовским годом: «И тое же весны князь Юрьи Данилович съ братьею своею ходилъ къ Можаяску и Можаяескъ взялъ, а князя Святослава (брата тогдашнего смоленского князя Александра Глебовича.— А. Г.) яль и привель къ себе на Москву»⁶⁹.

Весна 1303 г.— это время сразу же после смерти московского князя Даниила Александровича (5 марта)⁷⁰. В конце предыдущего, 1302 года Даниил занял Переяславль, ставший выморочным столом после смерти князя Ивана Дмитриевича (сына Дмитрия Александровича)⁷¹. Поскольку выморочные княжества должны были отходить в состав великого княжества Владимирского, действия Даниила (изгнавшего успевших войти в Переяславль великокняжеских наместников) противоречили норме. Тогдашний великий князь владимирский Андрей Александрович еще до захвата московским князем Переяславля отправился в Орду за ярлыком на Переяславское княжество. Он возвратился только осенью 1303 г.⁷² Таким образом, весной 1303 г. первой заботой Юрия Даниловича и его братьев, только что потерявших отца, был Переяславль: они ожидали возвращения Андрея с ханским решением и татарскими послами; ситуация была настолько напряженной, что Юрий, находясь в момент смерти отца в Переяславле, даже не приехал на его похороны⁷³. И вот в такое время, ожидая угрозы с востока, московские князья, согласно традиционной версии, отправляются в западном направлении и захватывают соседнее княжество, входившее в состав другого, очень крупного (в несколько раз большего, чем Московское) княжества — Смоленского, т. е. резко усложняют свое и без того тяжелое положение. Трудно найти более неблагоприятный момент для такой акции.

Сопоставление этих наблюдений с фактом упоминания Можайска в числе взятых Дюденем городов позволяет сделать предположение, что Можайск вошел в состав Московского княжества не в 1303 г., а еще до 1293 г. В 1303 г. имел место не захват его Москвой, а попытка смоленских князей воспользоваться сложной ситуацией в Московском княжестве (смерть Даниила, сосредоточенность Даниловичей на проблеме удержания за собой Переяславля) и вернуть себе Можайск. Поход московских князей был вынужденной акцией, после которой статус-кво на западных границах Московского княжества был восстановлен.

Отторжение Можайска от Смоленского княжества и присоединение его к владениям Даниила Александровича Московского, произошло, вероятно, примерно в то же время, что и переход Углича под власть Дмитрия Александровича,— около 1291 г., в момент наивысшего могущества Ногая. Подобно тому, как в

начале 1294 г. Тохта награждал своих вассалов владениями сторонников Ногая, так двумя годами ранее Ногай наделял своих вассалов владениями сторонников Тулабуги.

Что касается Муромы и Коломны, то первый издревле являлся центром относительно самостоятельного княжества с собственной княжеской ветвью, а Коломна входила в состав Рязанской земли. Резонно полагать, что муромские и рязанские князья союзничали с княжеской группировкой, ориентированной на Ногаю. В пользу этого говорят также взятие Мурома татарами во время похода 1282 г. против Дмитрия Александровича⁷⁴ и татарский поход на Рязанскую и Муромскую земли 1288 г.⁷⁵ (он, несомненно, был совершен из Волжской Орды). Не исключено, что с «проногаевской» ориентацией рязанских князей был связан переход под их власть территорий на левом берегу Оки, в бассейнах рек Протвы и Лужи, позже (после их перехода под власть московских князей) именуемых «местами Рязанскими»⁷⁶. В домонгольский период эти территории входили в состав Смоленской и Черниговской земель⁷⁷. Возможно, они были получены рязанскими князьями в тот же период максимального могущества Ногая — в начале 90-х гг., будучи, как и Можайск, отторгнуты от владений Федора Ростиславича, вассала Волжской Орды (об ориентации верховских князей черниговского дома, которым, возможно, принадлежала часть этой территории, данных нет).

Зимой 1293/94 г. в Северо-Восточной Руси побывало еще одно татарское войско: «тое же зимы цесарь татарский приде въ Тферь, имя ему Токтомерь, и много тягости людем учинивъ, поиде в своя си»⁷⁸. Обычно поход Токтомера трактуется как военная акция Волжской Орды против Тверского княжества⁷⁹. Это, казалось бы, логично: Тверь не была взята Дюденем, и для приведения ее князя в покорность был нужен еще один поход. Но появление Токтомера практически совпадает по времени с уходом из Северо-Восточной Руси Дюдены: войско последнего ушло от Волока через Переяславль в феврале (Андрей, поехавший из Волока в противоположном направлении, в Новгород, был возведен на новгородский стол 23 февраля)⁸⁰, поход Токтомера состоялся еще зимой, т. е. не позднее того же февраля. Таким образом, невозможно предположить, чтобы это была акция, организованная Волжской Ордой после получения вести о неполном выполнении Дюденем поставленной задачи. Вряд ли отряд Токтомера мог быть и частью войск Дюдены: в этом случае у летописца не было бы оснований говорить, что татары не решились напасть на Тверь⁸¹. Сомнительна и точка зрения, что Токтомер ходил на Тверь для взимания побора, которым Михаил оплатил ярлык на тверское княжение, добытый в Волжской Орде⁸²: если тверской князь был лоялен к Тохте, непонятно, почему Дюдень и Андрей намеревались напасть на Тверь, а Михаил, проезжая в свою столицу через Московское княжество, чудом уберется от татар⁸³ (тем более что возвращение князя с ярлыком должно было происходить в сопровождении ханского посла). В то же время В. С. Борзаковский и Э. Клюг справедливо замечали, что ранние летописи указаний на военные действия Токтомера в Тверском княжестве («овехъ посече, а овехъ в полонъ поведе») не содержат⁸⁴. Действительно, Лаврентьевская летопись говорит лишь о «тягости»⁸⁵, а так именовалось не военное разорение, а поборы⁸⁶. Обращает на себя внимание и указание, что Токтомер пришел «в» Тверь, а не «на» Тверь и не «к» Твери, как должно было быть сказано, если бы речь шла о военном походе против тверского князя⁸⁷. Остается предположить, что войско Токтомера пришло не из Волжской Орды, а из Орды Ногая. Полагаю, что Михаил не зря пребывал в последней целый год, и могущественный правитель не оставил без внимания готовящееся покушение на сферу его интересов; именно приближение Токтомера заставило Дюдены отказаться от похода на Тверь (судя по хронологии, Токтомер продвигался на тверскую территорию практически одновременно с отходом Дюдены от Волока), но на плечи населения Тверского княжества легла «тягость» — обязанность содержать отряд Токтомера (а также, возможно, побор в счет платы за оказанную военную помощь).

Имя *Токтомер* Н. И. Веселовский правильно трактовал как *Токтемир*⁸⁸, что соответствует монгольскому *Тук-Тимур* или *Тука-Тимур*. Так звали четверых потомков Джучи (поскольку Токтомер назван «цесарем», искать его следует именно среди представителей ханского рода), чья деятельность приходится на рассматриваемый период: правнука Орды (старшего брата Батыея), внука Беркечара (младшего брата Батыея) и двух внуков еще одного из младших братьев Батыея — Шибана⁸⁹. Очевидно, Токтомер — один из этих ханов, находившийся на службе у Ногая.

Дмитрий Александрович в марте 1294 г. попытался перебраться из Пскова в Северо-Восточную Русь. Андрей с отрядом новгородцев приехал из Новгорода в Торжок с целью перехватить брата. Обоз Дмитрия достался нападавшим, но сам князь добрался до Твери. Отсюда он отправил в Торжок посольство, заключившее мирное соглашение между противоборствующими сторонами. В источниках зафиксирован лишь один его пункт: «А Волокъ опять Новгороду»⁹⁰. Исследователи, однако, уверенно делают вывод, что Дмитрию был возвращен Переяславль, а за Андреем осталось великое княжение (не комментируя при этом пункт о Волоке)⁹¹. Действительно, Федор Ростиславич в том же году сжигает Переяславль явно в отместку за вынужденное оставление города, Дмитрий из Твери отправляется в Переяславль, а Андрей как будто бы сохраняет права новгородского князя (после заключения мира посадник Андрей Климович возвращается в Новгород по его повелению⁹²), которые были составной частью великокняжеских прерогатив. Однако источники не дают оснований считать, что Дмитрий в 1294 г. перестал считаться великим князем. Летописи, восходящие к «своду 1305 г.», в рассказе о поездке из Пскова в Тверь и в сообщении о смерти Дмитрия в том же году близ Волока по пути из Твери в Переяславль наделяют его великокняжеским титулом (при том, что Андрей выступает как просто «князь»)⁹³. Рогожский летописец также именуется Дмитрия под 1294 годом великим князем, указывая, что Андрей стал таковым после смерти брата: «преставися великий князь Дмитрии Александровичь, и по нем бысть князь великий братъ его Андреи»⁹⁴. Новгородская IV и Софийская I летописи тоже увязывают начало великого княжения Андрея со смертью Дмитрия, указывая при этом, что Дмитрий княжил 18 лет, т. е. с 1277 (когда он получил великое княжение) по 1294 г. включительно⁹⁵. Эти свидетельства, непонятные в свете традиционного представления о полной победе Андрея (благодаря поддержке Волжской Орды), вполне объяснимы, если принять предположение, что пришедший в Тверь отряд Токтомера был послан Ногаем.

Очевидно, в марте Токтомер находился в Твери. В руках противников Андрея оказался Волок — город, состоявший, как указывалось выше, в совместном владении Новгорода и великого князя и отделенный от Новгородской земли тверской территорией. Дмитрий Александрович попытался соединиться со своими союзниками; как законный (по старшинству) великий князь он намеревался возглавить «контрнаступление» против Андрея. Последний после неудачной попытки не допустить проезда Дмитрия был вынужден, ввиду присутствия на стороне его противников татарских сил пойти на заключение мира: он вернул Дмитрию великое княжение и Переяславль, сохранив взамен за собой новгородский стол; князя «проногаевской коалиции» возвратили также Новгороду Волок. Таким образом, вопреки обычному взгляду, поход Дюденя имел, по видимому, в конечном результате ограниченный успех — из-под власти Дмитрия Александровича удалось изъять только Новгородскую землю. Но скорая смерть Дмитрия сделала Андрея законным (по старшинству) великим князем владимирским. Территория великого княжества оказалась в его руках и тем самым перешла в сферу влияния Волжской Орды; противники Андрея, только что испытавшие татарское разорение, не решились сразу же выдвинуть ему конкурента, которым мог стать следующий по старшинству внук Ярослава Всеволодича (отца Александра Невского) — Даниил Московский.

Новое обострение борьбы двух княжеских группировок произошло в 1296 г.

Осенью этого года новгородцы изгнали наместников Андрея Александровича и пригласили на княжение Даниила. Московский князь прислал в качестве своего наместника сына Ивана (будущего Калиту)⁹⁶. После этого был заключен договор о союзе между Новгородом и Михаилом Тверским⁹⁷. В том же году Андрей пришел из Волжской Орды в сопровождении татарского отряда, возглавляемого Олексой Неврюем⁹⁸. Поездка великого князя в Орду не была, однако, реакцией на лишение его новгородского стола⁹⁹, поскольку он отправился туда еще в 6803 г., т. е. до 1 марта 1296 г.¹⁰⁰; наоборот, противники Андрея воспользовались его отсутствием, чтобы начать наступление. Переход новгородского стола к Даниилу означал, что последний предъявил претензии на великое княжение (или по крайней мере на овладение частью великокняжеских прерогатив).

О событиях, происшедших в 6804-м мартовском году по возвращении Андрея из Орды, повествуют два летописных известия. Одно из них имеется в Лаврентьевской летописи: «Приде Андреи князь ис татарь и совокупи вои и хоте ити на Переяславль ратью, да от Переяславля к Москве и ко Тфери; слышав же князь Михаило Тферьский и Данило Московский князь, и совокупивъ вои и пришедше и стаста близъ Юрьева на полчищи, Андреи в Володимери, и тако не даста поити Андрею на Переяславль; бяшетъ Иван князь сынъ Дмитриевъ, идя в Ворду, приказаль Михаилу князю блюсти очины своее и Переяславля; и за мало бою не бысть промежи ими, и взяша миръ и придоша в своя си»¹⁰¹. Второго известия в Лаврентьевской летописи нет. Наиболее ранний его вариант представлен Троицкой и Симеоновской летописями: «Бысть рать татарская, прииде Олекса Неврюю, и бысть съездъ всемъ княземъ русскимъ въ Володимери, и стаща супротив себе, со единой стороны князь великий Андреи, князь Феодоръ Черный Ярославский Ростиславичъ, князь Костянтинъ Ростовский со единого, а съ другую сторону противу стаща князь Данило Александровичъ Московский, брат его князь Михаило Ярославичъ Тферский, да съ ними переяславци съ единого. И за малымъ упаслъ Богъ кровопролитья, мало бою не было; и поделившесе княжениемъ и разъехашася въ свояси»¹⁰². При этом Симеоновская летопись содержит и первое известие, помещая его после рассказа о съезде во Владимире¹⁰³. Исследователи, комментируя эти данные, говорят о двух конфликтах княжеских группировок в 1296 г.¹⁰⁴ Однако есть основания полагать, что перед нами две записи об одном и том же событии. Во-первых, в них обнаруживаются две общие черты: Владимир в качестве места пребывания Андрея с войсками и оценка ситуации как близкой к кровопролитию («мало бою не бысть»). Во-вторых, если учесть, что занятие Даниилом новгородского стола произошло скорее всего в ноябре¹⁰⁵, то оставшиеся три месяца 6804-го мартовского года — довольно сжатый срок для того, чтобы в него уместились приход Андрея с татарским послом, приезд князей во Владимир, возвращение их после съезда «восвояси», отъезд посла, сбор Андреем войск и поход на Переяславль. Наконец, согласно Лаврентьевской летописи, наиболее раннему источнику, Андрей двинулся на Переяславль сразу по приходе из Орды. Вероятно речь идет об одном и том же конфликте: Лаврентьевская летопись передает известие о нем «свода 1305 г.», а в Троицкую вошла также запись из другого источника; поскольку внимание в ней было сфокусировано на иных деталях (татарский посол, перечень участвовавших в переговорах князей), сводчик решил, что речь идет о разных событиях.

Таким образом, в конце 1296 г. Андрей Александрович пришел из Волжской Орды с татарской ратью и двинулся к Переяславлю. Между тем Иван Переяславский находился в это время в Орде¹⁰⁶. Следовательно, его пребывание там частично совпадало по времени с пребыванием Андрея. Если считать, что Иван ездил в Волжскую Орду (т. е. считал себя вассалом Тохты), трудно объяснить, почему в то время, как он находится у хана, Андрей и Неврюй пытаются захватить Переяславль. Скорее всего, как и в случае с поездкой Михаила Ярославича 1293 г. имеются в виду разные Орды: Иван ездил не к Тохте, а к Ногаю за поддержкой против Андрея в условиях, когда враждебная великому князю группировка готовилась к схватке с ним¹⁰⁷. В отсутствие переяславского князя его союзники

Даниил Александрович и Михаил Ярославич выступили навстречу Андрею и Неврюю. Завязавшиеся между сторонами переговоры приняли форму княжеского съезда во Владимире — стольном городе Андрея. Обсуждались, вероятно, в первую очередь судьбы переяславского княжения, на которое претендовал Андрей (очевидно, он и ездил в Волжскую Орду за ярлыком на Переяславль), и новгородского, отнятого у великого князя его противниками¹⁰⁸.

В Софийской I и Новгородской IV летописях под 6806 годом стоит следующее сообщение: «Великий князь Андрей Александрович поеха въ Переяславль, великий же князь Данило Московский и братъ его князь Михайло не съступишася Переславля ему; онъ же еха въ Новгородъ»¹⁰⁹. Вряд ли здесь говорится о еще одной попытке Андрея овладеть Переяславлем; скорее всего известие сообщает о тех же событиях 6804-го мартовского года — Даниил и Михаил действуют в отсутствие Ивана (сомнительно, чтобы переяславский князь отсутствовал на Руси два года). В то же время данное сообщение явно попало в протограф Новгородской IV — Софийской I не из Троицкой летописи¹¹⁰: от читающегося в восходящих к последней (или ее протографу) летописях рассказа о походе Андрея на Переяславль оно отличается текстуально и содержит дополнительное известие об отъезде Андрея в Новгород. По-видимому, это третье, новгородское сообщение о событиях 6804-го мартовского года¹¹¹. Оно свидетельствует о том, что во Владимире была достигнута договоренность о возвращении Андрею новгородского княжения.

Что касается Переяславля, то, поскольку Иван Дмитриевич княжил там до своей смерти в 1302 г., очевидно, Тохта признал в конце концов его права на отчинное княжество. Поэтому кажется вероятным, что именно в конце 1296 или в начале 1297 г. во Владимире старшие князья «проногаевской» группировки «отступились» от своего сюзерена, не оказавшего им на сей раз своевременной помощи (возможно, Ногай не смог этого сделать, поскольку уже готовился к непосредственному военному столкновению с Тохтой и не хотел отправлять часть сил в далекий рейд), признали себя вассалами Тохты и обязались не оспаривать великокняжеских прерогатив Андрея (что выразилось в возвращении ему новгородского стола); благодаря этому волжский хан по приезде их младшего союзника от Ногая не стал отнимать у него княжение¹¹².

Относительное равновесие сил между двумя княжескими группировками Северо-Восточной Руси было окончательно нарушено после того, как Ногай потерпел поражение от Тохты и погиб (в 699 г. хиджры: 28 сентября 1299 г. — 15 сентября 1300 г.¹¹³). Для начала XIV в. характерна новая расстановка сил, и междукняжеская борьба происходит в новых условиях, когда все князья признают сюзеренитет Тохты, ставшего единовластным правителем Золотой Орды¹¹⁴.

Есть основания предполагать, что Волжская Орда в середине 90-х гг. XIII в. предприняла наступление на сферу влияния Ногая не только в северо-восточных, но и в юго-восточных русских землях. Из рассказа о событиях в Курском княжестве, вошедшего в летописание Северо-Восточной Руси, известно, что в период правления в Волжской Орде Тулабуги (1287—1291) в юго-восточной части Черниговской земли преобладало влияние Ногая (хотя местные князья — рыльский и липовичский — в борьбе с его ставленником баскаком Ахматом пытались опереться на поддержку волжского хана)¹¹⁵. Можно также полагать, что на Ногая ориентировались князья сильнейшего из княжеств Черниговщины — Брянского (чьи князья были одновременно и черниговскими князьями¹¹⁶). В 1285 г. князь Роман Михайлович Брянский совершил поход на Смоленск¹¹⁷. Смоленским князем был Федор Ростиславич, главный союзник Андрея Александровича, в том же году приведшего царевича из Волжской Орды против Дмитрия. Если поход брянского князя стоит в связи с этим событием, то он являлся союзником «проногаевской» группировки князей Северо-Восточной Руси. Такое предположение хорошо объясняет, каким образом войска Ногая проходили в 1284, 1289 и зимой 1293/94 г. в Северо-Восточную Русь, каков был маршрут поездок князей-вассалов Ногая к своему сюзерену, каким путем отвозилась в Орду Ногай дань, собранная

с территории зависимых от него северо-восточных княжеств: вряд ли эти маршруты могли проходить западнее, через Смоленское княжество, которым владел Федор Ростиславич, или восточнее, через степи Подонья, находившиеся под контролем Волжской Орды. Известно, что Брянск был ключевым пунктом на пути из Южной Руси в Северо-Восточную: в 1299 г. митрополит Максим едет туда из Киева именно через Брянск¹¹⁸; во время похода Дюдены Михаил Ярославич Тверской, возвращаясь из Орды Ногай в Тверь, проезжал через территорию Московского княжества¹¹⁹ — это значит, что его путь проходил ранее по Черниговской земле. Кроме того, хозяйничанье в Курском княжестве ставленника Ногай Ахмата и разгром этого княжества войском, посланным Ногаем (после того, как местные князья оказали Ахмату сопротивление)¹²⁰, вряд ли были бы возможны, если бы расположенный западнее Чернигов входил в сферу влияния Волжской Орды.

В связи с предположением о вхождении Брянского и Черниговского княжеств в сферу влияния Ногай обращает на себя внимание упоминание Любецким синодиком сына Романа Михайловича, брянского и черниговского князя Олега Романовича, «оставившего двенадцать темь людей и приемшаго аггелский образ»¹²¹. После пострижения Олега Романовича брянское княжение перешло в руки князей смоленской ветви: еще в период смоленского княжения Федора Ростиславича (т. е. до 1297 г.) в качестве его наместника в Смоленске упоминается «князь брянский»¹²². После Романа, упоминаемого последний раз под 1285 годом¹²³, в Брянске какое-то время должен был княжить Олег, следовательно, переход брянского княжения к смоленским князьям может быть датирован первой половиной — серединой 90-х гг. XIII в. Поскольку глава смоленского княжеского дома Федор Ростиславич был вассалом волжских ханов, а брянские князья, скорее всего, ориентировались на Ногай, уход Олега Романовича с политической сцены и включение Брянского княжества в состав Смоленской земли могут быть расценены как следствия того же наступления Тохты на князей-сторонников Ногай, составными частями которого были поход Дюдены 1293/94 г. и миссия Неврюя 1296 г.¹²⁴. В результате передачи Брянска смоленским князьям, во-первых, территория Черниговщины фактически рассекалась надвое, что лишало ее всяких перспектив политической интеграции (сильнейшее из княжеств Черниговской земли превратилось в смоленский удел), во-вторых, блокировались связи Ногай и его союзников на Севере Руси¹²⁵.

Таким образом, в 80—90-х гг. XIII в. в северо-восточных и юго-восточных русских землях на фоне борьбы за сферы влияния между Волжской Ордой и Ордой Ногай происходили серьезные изменения в распределении княжеских владений. В 1283 г. великий князь владимирский Дмитрий Александрович, исчерпав возможности противостоять Волжской Орде и союзным ей князьям своими силами, обратился за поддержкой к Ногаю. Это был расчетливый политический ход, приведший к серьезным последствиям. Орда Ногай, более удаленная от Северо-Восточной Руси, чем Волжская Орда, имела меньшие возможности для постоянного политического контроля. По убедительному выводу А. Н. Насонова, во владениях князей-вассалов Ногай произошел переход к самостоятельному сбору ими ордынской дани; впоследствии этот порядок распространился на всю территорию Северо-Восточной Руси¹²⁶. Войска, посылаемые в Северо-Восточную Русь Ногаем, не осуществляли, в отличие от войск Волжской Орды, масштабных разорительных походов: их действия носили ограниченный характер (поход на Новгород с Дмитрием Александровичем в 1284 г., поддержка Дмитрия Борисовича в Ростове в 1289 г. и князей-сторонников Ногай в Твери в 1294 г.).

Около 1291 г., когда Ногай особенно усилился, произошло, по-видимому, существенное перераспределение владений. Можно полагать, что в это время Углич, прежде бывший объектом борьбы ростовских и ярославских князей, вошел в состав великого княжества Владимирского, а территории между верхним течением р. Москвы и р. Окой, принадлежавшие смоленским князьям (отчасти, возможно, и князьям черниговского дома) были поделены между Московским и Рязанским княжествами: к Москве отошла их северная часть (с г. Можайском), к Рязани — южная.

В начале 1290-х гг. сфера влияния Ногая в северных и восточных землях Руси распространялась на значительные территории. Его считали своим сюзереном переяславский (он же великий владимирский), московский, тверской, суздальский, юрьевский и дмитровский князья; на Ногая ориентировались князья Рязани и Мурома. В Черниговской земле, очевидно, признавал сюзеренитет Ногая брянский князь (одновременно занимавший черниговский стол). К сфере влияния Ногая могут быть отнесены также Новгородская земля, поскольку Новгород признавал своим князем Дмитрия Александровича, и Псков, где княжил его союзник и зять Довмонт. Вассалами волжского хана были князья ярославский (в то время — Андрей Александрович), смоленский (он же городецкий), ростовские князья и князь стародубский; из князей Черниговской земли на Волжскую Орду ориентировались князья рыльский и липовичский.

Ориентация на разные Орды не привела к распаду существовавшей в Северо-Восточной Руси политической системы (удельные княжества + великое княжество Владимирское), поскольку обладание великим княжением давало значительный перевес. Оно оставалось желанной целью для князей независимо от того, вассалами какого хана они являлись.

В 1293—1294 гг. волжский хан Тохта нанес удар князьям-вассалам Ногая в Северо-Восточной Руси. Великое княжение владимирское, а вместе с ним Новгород перешли к традиционному союзнику Волжской Орды Андрею Александровичу, Углич вновь отошел к ростовским князьям, Переяславль был передан Федору Ростиславичу. Но вмешательство Ногая привело к возвращению Дмитрию великого княжения и Переяславля; за Андреем остался лишь новгородский стол. Смерть Дмитрия в 1294 г. сделала Андрея великим князем. В 1296 г. князья-союзники Ногая попытались оспорить великокняжеские права Андрея; претендентом на великое княжение выступил Даниил Александрович Московский. Однако появление в Северо-Восточной Руси рати из Волжской Орды вынудило противников Андрея признать сюзеренитет Тохты¹²⁷. Тогда же, около середины 90-х гг. XIII в.¹²⁸, Брянское княжество (входившее в сферу влияния Ногая) было, по-видимому, отнято Тохтой у черниговских Ольговичей и передано смоленским князьям — вассалам Волжской Орды.

Примечания

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 78—81, 83—86, 92—93; Соловьев С. М. Соч. Кн. 2. М., 1988. С. 187—191; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 47—57; Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918. С. 81—88; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989. С. 191—198; Крюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 72—82.

² Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 69—80.

³ Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1.

⁴ См.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 104.

⁵ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 339; ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 78 (Симеоновская летопись, под 6789 г.); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НЛ). М.; Л., 1950. С. 324 (НЛ младшего извода, под 6790 г.; в НЛ старшего извода текст за 80-е гг. не сохранился). Троицкая летопись начала XV в. и практические текстурально с ней совпадающая на изучаемом хронологическом отрезке Симеоновская летопись содержат наиболее раннее дошедшее до нас в летописании Северо-Восточной Руси подробное изложение событий начала 80-х гг. XIII в. (в Лаврентьевской летописи, содержащей текст свода начала XIV в., текст за 6771—6791 гг. утрачен). Ранним является также краткое известие в сводах, донесших ростовский летописный материал; именно из него известны имена татарских предводителей: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 244 (Новгородская IV летопись, под 6789 г.); Т. 5. СПб., 1851. С. 199 (Софийская I летопись, под 6789 г.); Т. 1. М., 1962. Стб. 525 (Московская Академическая летопись, под 6789 г.); об общем ростовском источнике этих летописей см.: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 196, 199.

- ⁶ НЛ. С. 324.
- ⁷ В Псков Дмитрий Александрович бежит и в 1293 г., когда Андрей в третий раз вынудил его покинуть Северо-Восточную Русь (ПСРЛ. Т. 18. С. 82). Предположение, что Дмитрий в 1282 г. уехал в Швецию и вернулся затем со шведским отрядом (Фенел Дж. Указ соч. С. 191) безосновательно: оно исходит из слов Никоновской летописи XVI в., будто Дмитрий ушел из Копорья «за море» и вернулся в Переяславль «из заморья». Ранние летописи таких указаний не содержат: скорее всего, здесь перед нами домысел сводчика XVI столетия (о вероятном происхождении ошибки см.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 82—84).
- ⁸ НЛ. С. 324 (под 6790 г.); ПСРЛ. Т. 18. С. 78 (под 6789 г.).
- ⁹ НЛ. С. 325 (под 6791 г.). О возможных причинах выступления новгородцев, тверичей и москвичей см.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 96—97.
- ¹⁰ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 339; ПСРЛ. Т. 18. С. 78 (под 6790 г.); Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 245 (под 6790 г.).
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 78 (под 6790 г.); ср.: Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 245; Т. 5. С. 199. В. А. Кучкин считает, что к Ногаю Дмитрий отправился после первого татарского похода, а поход к Дмитрову произошел уже после его возвращения; о втором татарском походе исследователь не упоминает вовсе (Кучкин В. А. Указ. соч. С. 95—97). Однако источники ясно говорят о двух походах и предполагать дублировку известий нет оснований, так как называются разные имена татарских предводителей — Ковадый и Алчедай в первом случае, Туратемир и Алынь — во втором. После первого похода Дмитрий восстановил великокняжеские права своими силами и только после второго обратился к Ногаю.
- ¹² Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 69. В статье В. А. Кучкина вероятно по недоразумению, утверждается, будто Ногай не был потомком Чингисхана (Кучкин В. А. Указ. соч. С. 96). Генеалогия Ногая хорошо известна: он был сыном Татара, внуком Бувала, правнуком Джучи, праправнуком Чингисхана (см.: Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 40—41, 57; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. Родословная табл.; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 71).
- ¹³ НЛ. С. 325 (под 6792 г.); Приселков М. Д. Указ. соч. С. 340; ПСРЛ. Т. 18. С. 79 (под 6791 г.).
- ¹⁴ НЛ. С. 326 (под 6792 г.).
- ¹⁵ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 286—287, 289, 356. Аргументации в пользу того, что в Симеоновской летописи использован мартовский стиль, в работе Н. Г. Бережкова (изданной посмертно) нет.
- ¹⁶ Янин В. Л. О дате Новгородской Синодальной Кормчей // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 289—291.
- ¹⁷ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 336; ПСРЛ. Т. 18. С. 77.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 77. О наличии аналогичного известия в сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи можно говорить предположительно, так как оно не вошло в число выписок из нее Н. М. Карамзина (по которым реконструируется текст этого памятника).
- ¹⁹ ПСРЛ. т. 18. С. 77.
- ²⁰ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 25—29.
- ²¹ ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. С. 156—157.
- ²² См.: Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пг., 1915. С. 105—106.
- ²³ См. там же. С. 12 (Канон русских затмений М. А. Вильева), 106.
- ²⁴ Из этого следует, в частности, что митрополит Кирилл, о смерти которого говорится под 6788 г. (ПСРЛ. Т. 18. С. 77; Приселков М. Д. Указ. соч. С. 338), скончался в 1281, а не в 1280 г., как традиционно считается.
- ²⁵ Упоминаемый в статье 6790 г. брак тверской княжны с князем Юрием Львовичем Вольтинским (ПСРЛ. Т. 18. С. 78) был заключен, следовательно, в 1283 г. Это позволяет снять сомнения в датировке так называемого «Евсевиева Евангелия», писец которого сообщает, что закончил свой труд «в лето 6791 <...> месяца октября 15 день <...> коли ся женило Горгии князе» (Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1892—1894 гг. М., 1895. С. 2). Дата дана по мартовскому стилю, и расхождение ее с датой, упоминаемой в летописании Северо-Восточной Руси, вызвано тем, что в последнем обозначении года единицей ниже мартовского.
- ²⁶ Упоминаемое под 6791 г. поставление митрополита Максима (ПСРЛ. Т. 18. С. 79) произошло, следовательно, в 1284, а не в 1283 г.
- ²⁷ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 338—342; ПСРЛ. Т. 18. С. 78—80.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 79—81; Т. 1. Стб. 481—482; Приселков М. Д. Указ. соч. С. 340—343.
- ²⁹ См.: Насонов А. Н. Указ. соч. С. 70—71.
- ³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482—483; Т. 18. С. 81; Приселков М. Д. Указ. соч. С. 343—344.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 246; Т. 5. С. 201; Т. 1. Стб. 526.
- ³² Насонов А. Н. Указ. соч. С. 73.
- ³³ ПСРЛ. Т. 18. С. 78.
- ³⁴ См. о нем: Насонов А. Н. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. Вып. 2. М., 1955. С. 277—282.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 526; Насонов А. Н. Летописный свод XV века... С. 297.
- ³⁶ Только А. В. Экземплярский ограничился несколькими недоуменными вопросами (Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1891. С. 26—27, 32, 79, 130—131).
- ³⁷ Федор Ростиславич происходил из князей смоленской ветви и стал ярославским князем благода-

ря женитьбе на правнучке Константина, оказавшейся единственной наследницей ярославского стола (см. там же. С. 73—75).

³⁸ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526; Насонов А. Н. Летописный свод XV века. С. 296—297 и ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 246—247; Т. 5. С. 201; Т. 23. СПб., 1910. С. 93 (Ермолинская летопись); Т. 24. Пг., 1921. С. 105 (Типографская летопись); Т. 37. Л., 1982. С. 31 (Устюжская летопись).

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527; Насонов А. Н. Летописный свод XV века... С. 296.

⁴⁰ Ср.: Э к з е м п л я р с к и й А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 27.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526; Насонов А. Н. Летописный свод XV века... С. 296 (под 6791 г.); ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 246; Т. 5. С. 201 (под 6793 г.).

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 525—526; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 246; Т. 5. С. 201; Т. 37. С. 31.

⁴³ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 247; Т. 5. С. 201.

⁴⁴ Там же. Т. 1. Стб. 526; Насонов А. Н. Летописный свод XV века... С. 297.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526; ср.: Насонов А. Н. Летописный свод XV века... С. 296.

⁴⁶ См.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 247; Т. 5. С. 201; НЛ. С. 326. Ср.: ПСРЛ. Т. 18. С. 81; Приселков М. Д. Указ. соч. С. 344; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965 (Рогожский летописец). Стб. 34 (под 6796 годом). Сообщение о походе Дмитрия Александровича на Тверское княжество дошло в трех вариантах. При этом его новгородский вариант, содержащийся в НЛ, Новгородской IV и Софийской I летописях, датирует это событие 6797 годом, тверской (Рогожский летописец) — 6796 годом, а Троицкая и Симеоновская летописи — 6795 годом. Последняя датировка вряд ли содержалась в так называемом «великокняжеском своде 1305 г.» — протографе Лаврентьевской и Троицкой летописей (см.: Лурье Я. С. Указ. соч. С. 196, 198), так как в Лаврентьевской летописи (наиболее ранней из сохранивших текст этого свода) известия о походе Дмитрия под 6795 г. нет (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483) неясно, стояло ли оно под каким-либо другим годом или отсутствовало вовсе, так как статьи последующих лет приходятся на утраченный лист. Тверской рассказ наиболее подробен, именно из него ясно, что поход Дмитрия Александровича на Тверское княжество и поход Дмитрия Борисовича на Кашин (в Новгородской IV и Софийской I упоминающиеся отдельно) — одно и то же, так как Дмитрий Борисович назван среди участников похода великого князя, а Кашин — в качестве города, подвергшегося осаде. Но датировки Рогожского летописца за конец XIII — начало XIV в. во многих случаях неточны. Между тем в Новгородской IV и Софийской I летописях 6797 годом датированы два текстуально не связанных между собой, но говорящих об одном и том же событии известия: новгородское — о походе Дмитрия Александровича «къ Тфери» и ростовское — об овладении Дмитрием Борисовичем своей отчиной и его походе к Кашину. Следовательно, на 6797 год указывают два независимых летописных источника — новгородский и ростовский (оба придерживались мартовского стиля). По этой причине верной представляется датировка похода Дмитрия Александровича против Михаила Тверского 1289 годом.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 78.

⁴⁸ Согласно Троицкой и Симеоновской летописям, в 6794 г. Дмитрий Борисович выдал свою дочь за Ивана Дмитриевича, сына великого князя (Приселков М. Д. Указ. соч. С. 344; ПСРЛ. Т. 18. С. 81). Ростовский источник, впрочем, датирует этот брак 6800 годом (Там же. Т. 1. Стб. 527). Какая из дат верна, в данном случае неясно.

⁴⁹ Возможно, именно из-за отсутствия в Северо-Восточной Руси такого отряда Андрей Александрович в 1289 г. (как и в 1284 г.) был вынужден действовать в союзе с братом: согласно Рогожскому летописцу, он принимал участие (вместе с Дмитрием Борисовичем и Даниилом Московским) в походе великого князя на Тверь (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 34).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 82; Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 75—77.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 83; Приселков М. Д. Указ. соч. С. 346—347. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 290.

⁵² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 248; Т. 1. Стб. 527.

⁵³ Последнее предполагали А. В. Экземплярский и В. А. Кучкин (Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 130—131; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 120).

⁵⁴ Перечень одиннадцати взятых городов определенно присутствовал в Троицкой летописи начала XV в. (хотя данное место не вошло в число выписок Н. М. Карамзина, сопровождающихся прямой ссылкой на нее), так как он имеется в нескольких восходящих к ней (или ее протографу) памятниках (ПСРЛ. Т. 18. С. 82 — Симеоновская летопись; Т. 30. М., 1965. С. 98 — Владимирский летописец; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 157 — Московский свод конца XV в.; Т. 23. СПб., 1910. С. 94 — Ермолинская летопись; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 63, 223 — своды 1497 и 1598 гг.). В Лаврентьевской летописи большая часть рассказа о походе Дюдены приходится на утраченный лист; но, судя по сохранившейся части, он практически совпадает с текстом Троицкой летописи (Ср.: Там же. Т. 1. Стб. 483; Т. 18. С. 82—83; Приселков М. Д. Указ. соч. С. 346—347). Кроме того, представляется невероятным, чтобы список городов появился только под пером составителя свода начала XV в.: автор, работавший столетие спустя после описываемых событий, не смог бы так безошибочно разобраться в тогдашней расстановке сил, не включив в список именно Ростов, Ярославль и Городец (тем более, что, судя по летописям, сходным с Троицкой, в своде начала XV в. не упоминалось, что в походе Дюдены участвовали ростовские князья). Кстати, в списке отсутствует стольный город еще одного княжества — Стародуб, чей князь, напомним, в 1282 г. был союзником Андрея Александровича и участвовал в татарском походе против Дмитрия. Таким образом, перечень одиннадцати городов явно восходит к «своду 1305 г.» (протографу Лаврентьевской и свода начала XV в.); следовательно, он принадлежит летописцу — современнику событий, сведениям которого можно доверять (о соотношении названных летописных памятников см.: Лурье Я. С. Указ. соч. С. 196, 198—199).

⁵⁵ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 101.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526; Н а с о н о в А. Н. Летописный свод XV века... С. 297.

⁵⁷ Т и з е н г а у з е н В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 106—108; Т. 2. С. 69—70.

⁵⁸ Между прочим, среди приближенных Тулабуги, казенных Тохтой по требованию Ногая, был Туратемир — очевидно, тот самый, что возглавлял татарский поход 1283 г. против Дмитрия Александровича (см. там же. Т. 1. С. 109).

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 248; Т. 5. С. 202; Т. 1. Стб. 525; Н а с о н о в А. Н. Летописный свод XV века... С. 297.

⁶⁰ «Седе на княжении въ Переяславли» — в Симеоновской и ряде других летописей, связанных с Троицкой: ПСРЛ. Т. 18. С. 83; Т. 30. С. 98; Т. 23. С. 94; Т. 25. С. 157 (в выписки Н. М. Карамзина из Троицкой летописи эта фраза не попала, хотя М. Д. Приселков и включает ее в свою реконструкцию — см.: П р и с е л к о в М. Д. Указ. соч. С. 346 и примеч. 1 на с. 347). О правильности чтения «в Переяславли» свидетельствует известие (имеющееся и в Лаврентьевской), что в 1294 г. Федор Ростиславич «поже Переяславль» (после того, как был заключен мир между Дмитрием и Андреем Александровичами): это явно было сделано в отместку за вынужденное оставление города (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484. Т. 18. С. 83).

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483.

⁶² См.: Л у р ь е Я. С. Указ. соч. С. 196, 199.

⁶³ Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; Т. 18. С. 83 и ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 248; Т. 5. С. 202; Т. 1. Стб. 527; Н а с о н о в А. Н. Летописный свод XV века... С. 297.

⁶⁴ Э. Клюг считает, что поход Дюдены не был направлен против интересов Ногая, так как обострение отношений последнего с Тохтой относится ко второй половине 90-х гг.; поводом для похода могла быть неявка Дмитрия Александровича к Тохте после его воцарения (К л ю г Э. Указ. соч. С. 77—78). Однако Рашид-ад-дин свидетельствует, что вражда Тохты и Ногая началась задолго до их непосредственного военного столкновения (Т и з е н г а у з е н В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 71; ср.: Т. 1. С. 109, 382), датируемого 697 г. хиджры (19 октября 1297 — 8 октября 1298 г.— Там же. Т. 1. С. 109, 158—159, 382). По всей видимости, Тохта зимой 1293/94 г. хотел нейтрализовать союзников Ногая в Восточной Руси (регионе, прилегавшем к Волжской Орде), лишить соперника источников дани.

⁶⁵ До Твери войско Дюдены не дошло: когда оно находилось в Москве, в свою столицу вернулся пришедший из Орды Ногай Михаил Ярославич; узнав о его возвращении, татары и Андрей, уже собиравшиеся напасть на Тверь, не решились этого сделать (ПСРЛ. Т. 18. С. 82—83; Т. 1. Стб. 483; Н а с о н о в А. Н. Монголы и Русь. С. 76—77). Очевидно, что опасались они не Михаила, который был не страшнее Дмитрия и Даниила Александровичей (чьи стольные города пали), а войск Ногая, которые могли идти следом. Михаил, вероятно, пребывал у Ногая около года: в Повести о Софье Ярославне Тверской (сестре Михаила Ярославича) говорится, что он отправился в Орду до ее пострижения, датируемого 10 февраля 1293 г. (Т и г а н о в а А. В. Повесть о Софье Ярославне Тверской//Записки отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 33. М., 1972. С. 256, 261—262). Мнение Э. Клюга (К л ю г Э. Указ. соч. С. 78), что Михаил возвращался из Волжской Орды, так как идя из Орды Ногай, он не должен был проходить близ Москвы (о чем свидетельствует летописный рассказ), не кажется обоснованным: Михаил не мог вернуться в Тверь с юго-запада, поскольку там лежала территория Смоленского княжества, а смоленским князем был Федор Ростиславич Ярославский; на востоке Смоленское княжество граничило с Московским, поэтому, обходя владения своего врага, Михаил неминуемо попадал на территорию Московского княжества (которым владел его союзник — Даниил Александрович); третьего варианта просто не было.

⁶⁶ Заметим, что суздальский и юрьевский князья, видимо, издавна ориентировались на Дмитрия Александровича: окрестности Суздаля и Юрьева были разорены еще во время татарского похода 1282 г. (ПСРЛ. Т. 18. С. 82).

⁶⁷ См.: К у ч к и н В. А. Формирование государственной территории... С. 97.

⁶⁸ С о л о в ь е в С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 193; П р е с н я к о в А. Е. Указ. соч. С. 118; Ч е р е п и н Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 459—460.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 86. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 120, 351; о князе Святославе Глебовиче см.: Г о л у б о в с к и й П. В. История Смоленской земли до начала XV века. Киев, 1891. С. 125, 173, 310 и родословная таблица.

По мнению К. А. Аверьянова, первичным является чтение Московского свода конца XV в. «и можаиск князь», превратившееся в более поздних Воскресенской и Симеоновской летописях в «и Можаеск възьл». На этом основании высказывается догадка, кто был этот можайский князь, ходивший в поход на Можайск с Юрием Московским, и выдвигается предположение, что Можайск находился в совместном владении нескольких князей (А в е р ь я н о в К. А. Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994. С. 37). Если бы автор не ограничился тремя летописями, а также учел генеалогию летописных сводов, ему бы не составило большого труда обнаружить, что чтение «и Можаеск възьл» имеется не в двух, а во всех летописях, содержащих известие о походе Юрия 1303 г., кроме Московского свода конца XV в. по Эрмитажному списку (в Уваровском списке данный текст приходится на утраченную часть рукописи: ПСРЛ. Т. 25. С. 158, 313), в том числе в тех, которые имеют с Эрмитажным списком общие протографы — в Ермолинской, Типографской и Воскресенской (Там же. Т. 23. С. 96; Т. 24. Пг., 1921. С. 107; Т. 7. СПб., 1856. С. 183; о соотношении летописных памятников см.: Л у р ь е Я. С. Указ. соч. С. 196, 202—203), а это значит, что чтение «и можаиски князь» является индивидуальной ошибкой Эрмитажного списка.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486, под 6812 годом ультрамартовским. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 119—120, 123.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485; П р и с е л к о в М. Д. Указ. соч. С. 350 (везде под 6811 годом ультрамартовским). О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 119—120, 123.

- ⁷² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486; Т. 18. С. 85—86; П р и с е л к о в М. Д. Указ. соч. С. 350—351 (везде под 6812 годом ультрамартовским); К у ч к и н В. А. Формирование государственной территории... С. 128—130. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 120, 351.
- ⁷³ ПСРЛ. Т. 18. С. 85.
- ⁷⁴ Там же. С. 78.
- ⁷⁵ Там же. Т. 10. М., 1965. С. 167.
- ⁷⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950. № 4. С. 15, 18 (1358 г.); № 10. С. 29 (1381 г.).
- ⁷⁷ См.: К у ч к и н В. А. Формирование государственной территории... С. 77—78, 82—89; Ю ш к о А. А. Московская земля IX—XIV веков. М., 1991. С. 107—114. Вопрос о черниговско-смоленском рубеже в этом районе остается не вполне выясненным.
- ⁷⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; ср.: П р и с е л к о в М. Д. Указ. соч. С. 346.
- ⁷⁹ Н а с о н о в А. Н. Монголы и Русь. С. 77; S p u l e r В. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223—1502. Leipzig, 1943. S. 74; К у ч к и н В. А. Формирование государственной территории... С. 108; Е г о р о в В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 186—187.
- ⁸⁰ НЛ. С. 328; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; Т. 18. С. 83. О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 290.
- ⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; Т. 18. С. 83.
- ⁸² Б о р з а к о в с к и й В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 87—89; К л ю г Э. Указ. соч. С. 78, 94.
- ⁸³ «И тако заступи Богъ князя молитвою деднею и отнею, и не презре Богъ и молитвы матери его» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483); «Се же чудо бысть, како заступи Богъ князя Михаила, идуще из Орды, отъ многихъ супостатъ татаръ» (Там же. Т. 18. С. 83).
- ⁸⁴ Б о р з а к о в с к и й В. С. Указ. соч. С. 89; К л ю г Э. Указ. соч. С. 94. Примеч. 142.
- ⁸⁵ То же было и в Троицкой летописи, судя по выписке Н. М. Карамзина и Владимирскому летописцу (П р и с е л к о в М. Д. Указ. соч. С. 346 и примеч. 3; ПСРЛ. Т. 30. С. 98). Слова об убитых и плененных появляются только в Симеоновской летописи (ПСРЛ. Т. 18. С. 83).
- ⁸⁶ Ср.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41, 48; НЛ. С. 97.
- ⁸⁷ Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482 («к Смоленску»), 483 («на Тферь»), 484 («на Переяславль», «к Смоленску»), 486 («на Рязань»).
- ⁸⁸ В е с е л о в с к и й Н. И. Заметки по истории Золотой Орды//Известия Отделения русского языка и словесности. Т. 21. Кн. 1. Пг., 1915. С. 14—15.
- ⁸⁹ Т и з е н г а у з е н В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 47, 53, 55—56.
- ⁹⁰ НЛ. С. 328; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483. О датировке событий см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 290—291.
- ⁹¹ К а р а м з и н Н. М. Указ. соч. Т. 4. С. 85—86; С о л о в ъ в С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 190; Б о р з а к о в с к и й В. С. Указ. соч. Примеч. С. 43; Э к з е м п л я р с к и й А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 52, 56; П р е с н я к о в А. Е. Указ. соч. С. 87; Ф е н н е л Д ж. Указ. соч. С. 85; К л ю г Э. Указ. соч. С. 79; К у ч к и н В. А. Первый московский князь... С. 98.
- ⁹² НЛ. С. 328; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483—484; Т. 18. С. 83; П р и с е л к о в М. Д. Указ. соч. С. 347.
- ⁹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483—484; П р и с е л к о в М. Д. Указ. соч. С. 347 и примеч. 3, 4.
- ⁹⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 35.
- ⁹⁵ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 243, 249; Т. 5. С. 202.
- ⁹⁶ См.: К у ч к и н В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в.//Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 60—61; е г о ж е. Первый московский князь... С. 99—101.
- ⁹⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 4. С. 14. О связи договора с вокняжением Даниила в Новгороде см.: К у ч к и н В. А. Роль Москвы... С. 61—63.
- ⁹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484; Т. 18. С. 83; П р и с е л к о в М. Д. Указ. соч. С. 347 (везде под 6805 годом ультрамартовским). О дате см.: Б е р е ж к о в Н. Г. Указ. соч. С. 121, 351.
- ⁹⁹ Такое мнение высказал В. А. Кучкин (К у ч к и н В. А. Роль Москвы... С. 62; е г о ж е. Первый московский князь... С. 100).
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 249; Т. 5. С. 202; Т. 1. Стб. 527—528.
- ¹⁰¹ Там же. Т. 1. Стб. 484.
- ¹⁰² П р и с е л к о в М. Д. Указ. соч. С. 347; ПСРЛ. Т. 18. С. 83.
- ¹⁰³ ПСРЛ. Т. 18. С. 83—84. Несомненно, это известие было и в Троицкой летописи, так как наличествует и в других восходящих к ней летописях (Там же. Т. 25. С. 158; Т. 23. С. 94; Т. 30. С. 99).
- ¹⁰⁴ К а р а м з и н Н. М. Указ. соч. Т. 2. С. 93; С о л о в ъ в С. М. Указ. соч. Кн. 2. С. 191; Э к з е м п л я р с к и й А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 57; Т. 2. С. 8; П р е с н я к о в А. Е. Указ. соч. С. 88; Ф е н н е л Д ж. Указ. соч. С. 197; К л ю г Э. Указ. соч. С. 80—81; К у ч к и н В. А. Первый московский князь... С. 98, 100—101.
- ¹⁰⁵ К у ч к и н В. А. Роль Москвы... С. 60; е г о ж е. Первый московский князь... С. 99—100.
- ¹⁰⁶ В известии о походе Андрея на Переяславль об этом говорится прямо, а в сообщении о княжеском съезде — косвенно, через упоминание, что во Владимире Переяславское княжество было представлено не князем, а «перяславцами». Еще Н. М. Карамзин, исходя из этого указания, резонно отмечал, что Иван во время Владимирского съезда находился в Орде (К а р а м з и н Н. М. Указ. соч. Т. 4. С. 93). Последующие исследователи прошли мимо данного свидетельства и писали, что Иван отправился в Орду после съезда (Э к з е м п л я р с к и й А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 8; П р е с н я к о в А. Е. Указ. соч. С. 88; Ф е н н е л Д ж. Указ. соч. С. 117; К л ю г Э. Указ. соч. С. 81).
- ¹⁰⁷ Ср.: К у ч к и н В. А. Первый московский князь... С. 100—101. Отметим параллель: в обоих случаях поездку совершает «младший» из трех сильнейших князей коалиции.

¹⁰⁸ В. Л. Янин считает, что на съезде во Владимире была достигнута договоренность о переходе Новгорода к Даниилу, исходя из слов Софийской I летописи «и поделишася великим княжением» (Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 156). Но слова «великим» нет ни в Новгородской IV летописи (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 249), имеющей общий протограф с Софийской I, ни в Симеоновской; это означает, что его не было в общем источнике всех названных памятников — своде начала XV в. (о соотношении их см.: Лурье Я. С. Указ. соч. С. 196, 198—199); это слово появилось только при составлении Софийской I летописи.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 5. С. 202; ср. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 250. Титулование Даниила великим князем — явно позднейшее добавление, а не отражение его тогдашних претензий на великокняжеские прерогативы: в Софийской I летописи московские (и тверские) князья именуются великими с начала 80-х гг. XIII в. (Там же. Т. 5. С. 200, 202, 204).

¹¹⁰ Из Троицкой летописи в протограф Новгородской IV — Софийской I перешло известие о съезде во Владимире (ПСРЛ. Т. 5. С. 202; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 249); при этом начало сообщения и упоминание о посреднической роли епископов Симеона и Измаила были взяты из другого — ростовского источника, так как они совпадают с текстами Московской Академической летописи и Сокращенного ростовского свода конца XV в. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528; Насонов А. Н. Летописный свод XV века... С. 298).

¹¹¹ 6806 годом эти события в Новгородской IV и Софийской I датированы (по ультрамартовскому стилю), вероятно, благодаря тому, что последнее из них (и наиболее значимое для новгородского автора) — приезд Андрея в Новгород — имело место уже после 1 марта 1297 г., т. е. в 6806-м ультрамартовском году.

¹¹² Территории между верхним течением р. Москвы и р. Окой, отошедшие (согласно высказанному предположению) около 1291 г. к московским и рязанским князьям, позже сохранялись за Московским и Рязанским княжествами. Поэтому правомерно полагать, что Тохта в качестве еще одной уступки за признание его сюзереном согласился оставить их за новыми владельцами. В отношении Можайска ранее я предполагал, что после похода Дюдены он перешел обратно под власть Федора Ростиславича, а вновь был отдан московскому князю племянником Федора, Александром Глебовичем, в обмен на поддержку против дяди, у которого Александр отнял в 1297 г. смоленский стол (Горский А. А. О времени присоединения Можайска к Московскому княжеству // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. М., 1993). Однако если справедлива гипотеза о том, что результаты похода Дюдены были почти полностью сведены на нет из-за контрдействий Ногая, то вполне возможно, что Федор в 1294 г. не только не удержал Переяславль, но и не вернул Можайск; раз князья-противники Андрея и Федора захватили в начале 1294 г. Волок, ничто не мешало им восстановить контроль над расположенным рядом Можайском.

¹¹³ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 113; Т. 2. С. 70—71.

¹¹⁴ См. об этой борьбе: Горский А. А. Политическая борьба на Руси в начале XIV века и московско-ордынские отношения // *Russia mediaevalis*. Т. VII. 1. München, 1992; е го же. Москва. Тверь и Орда в 1300—1339 гг. // Вопросы истории. 1995. № 4.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481—482; Т. 18. С. 79—81; Приселков М. Д. Указ. соч. С. 340—343; Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 70—71.

¹¹⁶ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 26, 82—84, 191, 196—198.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482.

¹¹⁸ Там же. Стб. 486 (под 6808 годом ультрамартовским). О дате см.: Березков Н. Г. Указ. соч. С. 119—120, 122—123. Через Брянск возвращается из Южной Руси и митрополит Феогност в 1331 г. (НЛД. С. 344).

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; Т. 18. С. 82—83.

¹²⁰ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 341, 342; ПСРЛ. Т. 5. Стб. 481; Т. 18. С. 79—80.

¹²¹ Зотов Р. В. Указ. соч. С. 26, 82—86.

¹²² Грамоты, касающиеся сношений Северо-Западной России с Ригой и Готским берегом в XII, XIII и XIV веках. СПб., 1857. № 3; Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 18. № 34 (письмо рижского архиепископа Федору Ростиславичу). Предполагать, что наместником Федора в Смоленске был представитель черниговской княжеской ветви Ольговичей (Александров Д. Н. Южнорусские земли (Киевское и Черниговское княжества) во второй половине XIII — начале XIV столетий // Проблемы политической истории и историографии. М., 1994. С. 98—104) нет оснований: со стороны смоленского князя это означало бы передачу столицы княжества в руки представителя чужой ветви (при этом правителя сильнейшего из княжеств Черниговской земли), со стороны брянского князя — признание своей зависимости от Федора Ростиславича (для чего не было никаких причин). Известно, что Федор практиковал наместничество в Смоленске своих младших родственников: в 1284 г. его наместником был племянник — Андрей Михайлович (Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963. С. 66). Д. Н. Александров видит в воевавших за брянское княжение в 1309—1310 гг. Святославе Глебовиче и Василии Александровиче правнуков Олега Романовича. Но если учесть, что отец Олега, Роман Михайлович, родился не ранее 1228 г. (постриг его старшего брата Ростислава состоялся в 1230 г.: НЛД. С. 79, а этот обряд совершался в трехлетнем возрасте), то станет очевидно, что у Олега в 1309—1310 гг. не могло быть взрослых правнуков.

¹²³ Гипотеза, будто князь «Роман Брянский», ходивший на Смоленск в 1285 г., не Роман Михайлович, а Роман Глебович, сын умершего в 1277 г. смоленского князя Глеба, старшего брата Федора Ростиславича (Голубовский П. В. Указ. соч. С. 187; Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. СПб., 1993. С. 87; Аверьянов К. А. Указ. соч. С. 33—34), неубедительна: факт княжения в Брянске в 30—40-х гг. XIV в. сына Романа Глебовича Дмитрия не может

служить аргументом в пользу того, что и его отец был брянским князем, так как порядок занятия брянского стола не основывался на отчинном принципе (см.: Горский А. А. Брянское княжение в политических взаимоотношениях Смоленска, Москвы и Литвы (XIV в.) // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зиминой. Вып. 1. М., 1990); иных доводов для отождествления «Романа Брянского» 1285 г. с Романом Глебовичем нет.

¹²⁴ Не исключено, что права смоленских князей на брянский стол основывались на их родстве с Романом Михайловичем по женской линии: известно, что у Романа было четыре дочери и он поддерживал в 70-х гг. союзнические отношения с Глебом Ростиславичем Смоленским (ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 862, 872—874). Если сыновья Глеба (а все брянские князья из смоленской ветви были его потомками) — внуки Романа, их претензии имели под собой определенную почву. Но у Олега Романовича оставалось немало родственников из черниговской княжеской ветви (Ольговичей). Братьев его отца (сыновей Михаила Всеволодича Черниговского), возможно, уже не было в живых, но здоровствовали их сыновья — двоюродные братья Олега, а вероятно, и сыновья его старшего брата Михаила: от него, по-видимому, пошли князья Осовецкие (См.: Зотов Г. В. Указ. соч. С. 85—86), следовательно, этот князь (упоминаемый под 1264 годом: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 862) оставил потомство. Поэтому реализация наследственных прав смоленских Глебовичей на Брянск (если таковые имелись) без помощи Орды вряд ли была возможна.

¹²⁵ Вероятно, переход Брянска к смоленским князьям послужил одной из причин, почему Ногай не послал в 1296 г. войска на северо-восток Руси: им теперь предстояло бы двигаться по территориям враждебных княжеств.

¹²⁶ Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 77—78.

¹²⁷ Не исключено, что одним из пунктов соглашения, заключенного во Владимире зимой 1296/97 г., было сохранение за московским, тверским и переяславским князьями права на самостоятельный сбор дани. А. Н. Насонов полагал, что такое соглашение с Тохтой заключил Михаил Тверской при получении им ярлыка на великое княжение в 1305 г., после смерти Андрея Александровича (Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 77—78). Но в этом случае остается непонятным, как собиралась дань с Московского, Тверского и Переяславского княжеств в период 1297—1305 гг.? Если сбор осуществляли ордынские чиновники, то что заставило Тохту в 1305 г. пойти на уступку (ведь Ногай давно не было в живых, Орда вновь стала единым государством, Михаил последние годы был союзником Андрея Александровича; на уступки мог тогда идти скорее тверской князь, так как у него был серьезный соперник в борьбе за великое княжение — Юрий Данилович Московский)? Вероятнее, что Тохта пошел на сохранение принятого в этих княжествах порядка сбора дани зимой 1296/97 г. в качестве одной из уступок за признание его сюзереном. С вокняжением во Владимире Михаила можно лишь связывать распространение этого порядка сбора «выхода» на всю территорию Северо-Восточной Руси.

¹²⁸ По всей видимости не ранее 1294 г., в начале которого в Северо-Восточную Русь смогло прийти войско от Ногая.

УДЕЛЬНО-ВОТЧИННАЯ СИСТЕМА И ТРАДИЦИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ И СОБСТВЕННОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ

Оценка характера удельно-вотчинной системы так или иначе определяла в отечественной историографии существование концепций исторического развития средневековой России. Однако, как это ни парадоксально, специальных работ, посвященных истории самой системы на всем протяжении ее существования, нет, если не считать статей, содержащих анализ частных вопросов¹. Попробуем осветить круг тех проблем, который был затронут историками в связи с изучением истории уделов, а также выявить особенности историографического понимания самого этого явления.

В. О. Ключевский едва ли не первый дал полное объяснение тому, что собой представлял «удельный порядок». По его словам, «удельный порядок зародился в тот момент, когда княжеская волость усвоила себе юридический характер частной вотчины привилегированного землевладельца»². Итак, *удел — это привилегированное владение (вотчина)*. Н. П. Павлов-Сильванский развил мысли В. О. Ключевского для обоснования концепции российского феодализма. Вопрос о сути уделов стал для ученого основополагающим при конструировании русской модели феодальных отношений. Он писал о работах В. О. Ключевского: «Истинно феодальная черта крайнего раздробления суверенной власти вырисовывается в рельефно им изображенном дроблении Северо-Восточной Руси на множество уделов». Полагая, что «в удельном нашем порядке не надо было искать феодализма, чтобы его найти», Н. П. Павлов-Сильванский заключал: «Выдвигая на первый план лежавший в основе западноевропейского сеньориального режима факт соединения правительственной власти с крупным землевладением, мы имеем полное право подвести под понятие такого режима и мелкий княжеский удел, рассмотренный проф. Ключевским». Разумеется, Н. П. Павлов-Сильванский не оставил без внимания и такое признание ученого: «Феодальный момент можно заметить разве только что в юридическом значении самого удельного князя, соединявшего в своем лице государя и верховного собственника земли. Суть сюзеренно-вассальных связей в Западной Европе и в России одинакова, полагал Н. П. Павлов-Сильванский: «Мы найдем, что отношения наших бояр к князю не только по существу были одинаковыми с отношениями вассалов к сюзеренам, но и обозначались одним термином: служить (*servire*), служба (*servitium*), слуга (*vassus*); что земля, данная „слуге“, у нас называлась жалованьем, т. е. словом, тождественным по смыслу с западным „*beneficium*“; наконец, что свободный договор боярской службы закреплялся у нас обрядом челобитья, точно соответствующим вассальному коленопреклонению и вручению...»³.

Стало традицией рассматривать политическую историю России XV—XVI вв. в связи с проблемой уделов. «Политика Ивана Грозного относительно уделов, — писал С. Б. Веселовский, — была порождением политики в этом деле деда и отца. Уделы, утратившие в XV в. характер государственных образований и всякое политическое значение, в XVI в. становятся привилегированными владениями, которые с течением времени утрачивают свои привилегии. С этой точки зрения отмирание удельных порядков в XVI в. можно рассматривать как часть более

* Юрганов Андрей Львович, кандидат исторических наук, доцент Республиканского института повышения квалификации работников образования.

общего и более важного процесса — развития центральных и местных органов власти»⁴. Утверждая, что удел «*был долей члена рода в родовом имуществе*», ученый не уточнял, что понимается под словом «род» (одна семья или несколько семей). Главным признаком «удела» историк считал его размер и степень зависимости от центральной власти: «Дмитрию (Угличскому. — А. Ю.) был дан всего один город и управление им было вверено не его матери-опекунке, а царским дьякам и приказным». Потому-то «последний удел московских Рюриковичей был по существу жалким подобием прежних действительных уделов»⁵. Удেলাми С. Б. Веселовский считал и владения служилых князей. Он писал: «В мае 1571 г. он (И. Д. Бельский. — А. Ю.) задохнулся со всей своей семьей в погребе, во время страшного пожара Москвы, вызванного набегом крымского хана Девлета. Таким образом Луховский удел как выморочный был присоединен к великому княжению»⁶. По отношению к чему владения И. Д. Бельского являлись уделом? Федор Иванович Бельский, приехавший на Русь в 1482 г. был потомком Ольгерда и не имел прямой родственной связи с Калитичами. Луховские владения его внука И. Д. Бельского могли быть уделом лишь по отношению к⁷ родовой собственности князей Бельских. Правда, С. Б. Веселовский отмечал, что по «своей жене, княгине Марфе Васильевне Шуйской, правнучке великого князя Ивана III, Иван Дмитриевич Бельский был в родстве с царем Иваном (по тогдашним счетам родства княгиня Марфа была племянницей Ивана Грозного)». Но подобная родственная связь не редкость в окружении государя. Может ли она служить достаточным основанием для наделения удельными правами? Ведь по логике вещей получается, что, давая высокородному служилому человеку (боярину) права на удельное владение, власть должна была его самого как бы «вводить» в великокняжескую семью. На деле же с конца XV в. любой боярин — лишь холоп государев и, по горькому замечанию И. С. Пересветова, «инога имени не прибудет». Осталось неясным, что же родило сами уделы с «остатками» удельных порядков. Семантико-терминологическая путаница характерна для позднейших работ, посвященных политической борьбе в XV—XVI вв. А. А. Зимин определял удел несколько иначе, чем С. Б. Веселовский: это — «*часть общерусских земель, завещанная великим князем своим потомкам (как правило, детям)*». Однако А. А. Зимин, как и С. Б. Веселовский, не стал строго следовать определению, настаивая на том, что великокняжеская власть осознанно вела борьбу против удельной системы как таковой. Выходит, власть боролась сама с собой: ведь достаточно не завещать уделы — и нет системы. Глубоко и точно определяя разницу между удельным князем и служебным, А. А. Зимин тем не менее не отказался от традиционной интерпретации главного признака «удельности». Говоря о князьях стародубских, он писал: «Их владения по размерам и военно-политическому значению мало чем уступали уделам, да и формально они принадлежали к князьям московского дома»⁷.

Итак, исследователь сам вправе оценить степень привилегированности того или иного владения и затем решить — удел это или нет. Но при таком подходе трудно найти объективную почву для концептуальных споров. Наглядно это видно на примере дискуссии о направленности опричнины. Первым, кто обратил внимание на ее антиудельный характер, был С. М. Каштанов⁸. А. А. Зимин развил эту идею, придав ей законченный вид. «Основной смысл опричных преобразований сводился к завершающему удару, который был нанесен последним оплотам удельной раздробленности». Владимир Старицкий возглавлял антиправительственные силы, но опричина была направлена не столько против лиц, сколько против порядков — существования удельной децентрализации⁹. Глубинная суть вопроса — в определении понятия «удел». Последним уделом А. А. Зимин назвал Старицкий. А почему не Угличский? Ученый вслед за С. Б. Веселовским разграничивал понятия: уделы-«форпосты» и уделы-«остатки». Р. Г. Скрынников возразил: «Почему из всех удельных князей только один Старицкий выступает как проводник удельной раздробленности и децентрализации в период опричнины?»¹⁰ По его мнению, «уделы составляли основу самого существования

аристократической Боярской думы, высшего органа в политической системе феодальной монархии XVI в.»¹¹ Р. Г. Скрынников тоже близок к С. Б. Веселовскому в понимании удела, но приходит по сравнению с А. А. Зиминим к другой оценке опричнины. Как и С. Б. Веселовский, он не различает уделы членов великокняжеской семьи и крупные земельные владения служилых князей. Р. Г. Скрынников и А. А. Зимин едины в понимании того, что критерием удела является его размер. Разница — в оценках, что считать большим, а что — малым. Например, «удел» М. И. Воротынского Р. Г. Скрынников называет «великими вотчинами». Спор о направленности опричнины в рамках такого общего подхода неразрешим в принципе. «Удельность» владения определяется исследователем «на глаз», соответственно его общим представлениям о ходе политической борьбы в XVI в.

Понимая ценность такого источника, как завещание Ивана Грозного, оба спорящих историка пытались «вписать» его в систему своих аргументов. Это понятно: следовало внести в концепцию важнейший недостающий компонент — саму эпоху и мировоззрение Ивана Грозного. А. А. Зимин, вполне удовлетворившись датировкой С. Б. Веселовского, так писал о настроениях царя: «В 1572 г., составляя свое завещание в обстановке надвигающегося похода Девлет-Гирея и грядущей отмены опричнины, царь щедро наделял уделами своих родичей и сподвижников (? — А. Ю.), как бы стремясь воскресить „старинные“ порядки. Но победа на Молодях временно стабилизировала положение на южных границах Руси, а отмена опричнины была осуществлена без резкого поворота к „удельной старине“. Поэтому завещание царя никогда не было реализовано, а борьба с удельной децентрализацией продолжалась»¹². Р. Г. Скрынников считал, что завещание составлялось в несколько приемов и осталось незавершенным. Этот в целом плодотворный подход не получил развития в силу заданности самой концепции опричнины: показать, что «в завещании 1564—1572 гг. руководители опричнины предстают перед нами как приверженцы удельной старины»¹³. Нетрудно заметить, что исследование завещания приводит историка к нужному ему выводу о борьбе царя не с порядками, а с лицами, их представлявшими.

Между тем изучение завещания царя позволяет прийти к выводу, что составлено оно было не раньше сентября 1577 г. и не позже сентября 1579 г., а скорее всего в марте 1579 г., когда царь заболел и публично назначил наследником своего сына Ивана Ивановича. Если бы Иван Грозный тогда умер, в стране существовала бы мощнейшая система уделов. Один только удел Федора Ивановича — это крупнейший город и уезды: Ярославль, Суздаль, Кострома, Шуя, Волок Ламский¹⁴.

Итак, удельно-вотчинная система как таковая — вот предмет настоящего исследования. Кардинальные вопросы русской истории оказались так или иначе связанными с историей этой системы. Необходимо знать представления людей русского средневековья, чтобы не приписывать им чуждые взгляды. При этом научная оценка предполагает анализ стереотипов мышления, поведения, мировосприятия и т. д. Начнем же с рассмотрения удельно-вотчинной системы в традиции наследования власти и собственности. Обратимся вновь к завещанию Ивана Грозного.

* * *

Для традиции оформления великокняжеских духовных грамот ключевыми были слова: «*пожаловал*» и «*благословил*». Именно эта пара являла собой некую первичную модель отношений собственности, именно в ней отразилось право распоряжения.

В духовной Ивана Грозного слово «*жаловать*» упоминается с различными смысловыми оттенками. Жаловаться, негодовать по поводу чего-либо; роптать; проявлять жалость; горевать, скорбеть по кому-либо, оказывать внимание, проявлять «*милость*», благоволить; миловать, щадить, вознаграждать¹⁵, — вот по крайней мере основные его лексикографические значения.

Однако полисемантизм этого слова проявляется только в преамбуле заве-

щания царя Ивана Грозного: «как людей держати, и жаловати, и от них беречися, и во всем их умети к себе присвоивати, и вы б тому навыкли же. А людей бы есте, которыя вам прямо служат, жаловали и любили <...> и оне прямее служат». Нетрудно заметить, что слово «жаловать» семантически связано со словом «служить» (жалуют тех, кто служит).

Другой оттенок этого слова проявляется тогда, когда Иван Грозный, заботясь о мире в царской семье, призывает старшего сына к моральной ответственности перед младшим братом: «А ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата молодшаго, держал, и берег, и любил, и жаловал его, и добра ему хотел во всем...» Царь указывал сыну Ивану, каким образом надо «жаловать»: «И ты бы его (Федора. — А. Ю.) берег, и любил, и жаловал, как себя. А хотя буде в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял»¹⁶.

Под «жалованием» старшего брата подразумевается забота и милость. Не случайно от Федора требуется быть во всем покорным брату, хотеть ему «добра», «государства» не подыскивая.

Любопытно, что в той части завещания, где царь делает распоряжения в отношении собственности, уже абсолютно различаются случаи, когда государь жалуется, а когда благословляет. Анализ текста позволил выделить случаи употребления этих слов в распорядительной части завещания:

Благословение	Пожалование
1. Сын Иван Иванович	1. «Голдовник» Магнус
2. Сын Федор Иванович	2. Князь М. И. Воротынский
3. Царица Анна Григорьевна	3. Царевич Муртаза-али
	4. Князья Мстиславские
	5. Князья Глинские
	6. Княгиня Ульяна Палецкая
	7. Князья Трубецкие

Начнем с анализа группы лиц, которых царь «жаловал». Историко-биографическая информация о них необходима, во-первых, потому что упомянутые различия в распоряжениях завещания Ивана Грозного не бросаются в глаза, а, во-вторых, знания о землевладельческом статусе выделенной нами группы лиц помогут понять специфику функционирования отношений собственности на разных уровнях государственной структуры.

«Голдовник» Магнус, принц датский. «А что есми пожаловал голдовника своего, короля Арцымагнуса, в своей отчине в Лифлянской земле...»

Сближение датского принца Магнуса с царем Иваном IV происходит с конца 60-х гг. XVI в. Магнус согласился стать марионеткой Ивана IV, стремившегося создать в Ливонии вассальное королевство. 27 ноября 1569 г. Магнус был пожалован Ливонией и королевским титулом, а в мае 1570 г. прибыл в Москву и подписал договор с царем. Любопытно, как сам Иван Грозный объяснял эту сделку датскому королю в письме от 26 сентября 1570 г.: «Ваш брат был у нас и просил нас уступить ему нашу прародительскую землю Лифляндию с городами Ревелем, Ригою и другими, которые еще во власти Швеции и Польши. Мы Божией милостью царь и великий князь почтили вашего брата и сделали его королем Лифляндии, короновали его и обязали верно нам служить. Магнус поклялся нам в верности и подтвердил свою клятву крестным целованием; он обязался верно служить нам и детям нашим и детям детей наших против всех наших врагов; он поклялся, что будет иметь с нами одних друзей и недругов, за что мы и почтили его и даровали в наследственное владение Лифляндию <...> По

смерти Магнуса правителем Ливонии назначается один из датских принцев, который должен клятвенно присягнуть на верную службу нам и нашему потомству»¹⁷. Эти условия признал и Магнус, который при осаде Ревеля, обратившись к жителям города, писал им 23 сентября 1570 г.: «Вы в ваших письмах (...) нас не только оскорбляли и позорили, а за то, что приняли сторону державного царя и великого князя и признали его нашим сюзереном (здесь и далее разрядка моя — А. Ю.), стали называть нас нехристианами»¹⁸.

М. И. Воротынский. Относительно стародубских и родовых владений князя М. И. Воротынского, умершего в 1573 г., находим в завещании четыре царских распоряжения. Фиксация этих разных моментов в истории совладельческих прав царя и князя М. И. Воротынского, как показано автором в предыдущей работе¹⁹, свидетельствует, что в каждом случае происходило дополнение завещательной основы.

Анализ землевладения стародубских князей²⁰ показывает, что территория Стародуба Ряполовского во второй половине XVI в. не была превращена в «удел», о котором писал Р. Г. Скрынников²¹. Не только воевод и бояр не было в распоряжении служилого князя, но и весь состав землевладельцев стародубской княжеской корпорации находился в юрисдикции центральной власти.

Права М. И. Воротынского были чрезвычайно ограничены. Речь должна идти о таком типе совладения, при котором Иван Грозный обладал неограниченными возможностями вмешиваться в отношения собственности. Обратим внимание на словоупотребление в завещании самого князя М. И. Воротынского. О своем наследственном владении он писал: «...а за мною государева жалованье наша вотчинка от прародителей наших и деда и отца моего...». «Вотчинка» — уничижительная форма слова, ассоциативно напоминающая самоназвание холопа («Ивашка», «Федорец»). Тут — то же уничижение, но не личное, а в статусе владения, которое царь Иван забрал (потом — отдал), ибо оно есть прежде всего — «жалованье»²².

Царевич Муртаза-али. «А что есми пожаловал царевича Муртаза-лея, а во крещении Михаила, Кобулина сына Ахкибекова, городом Звенигородом...»

Муртаза-али был сыном Абдуллы-Султана Ак-Кубека, который под именем «царевича Кайбулы» в мае 1552 г. прибыл в Москву и поступил на службу. На содержание ему был дан Юрьев Повольский со всеми доходами²³.

Владелец Звенигорода крещеный «царь казанский» Симеон Касаевич (жена-тый на дочери Андрея Михайловича Кутузова, которая тоже считалась «царицей») скончался 26 августа 1565 г.²⁴ По всей видимости, Звенигород был передан служилому астраханскому царевичу Муртазе-али с 1570 г.²⁵ Около 1570 г. Муртаза-али крестился, хотя на памятнике в честь отца, скончавшегося в феврале 1570 г., он еще назван Муртазой-али²⁶. В это же время он женился на дочери И. В. Шереметева.

В разрядах Михаил Кайбулович впервые упомянут под 7080 годом в походе «государя и великого князя в Великой Новгород и на свейские немцы»²⁷. В ливонском походе поздней осенью 1572 г. упоминаются Саинбулат Бекбулатович и «царевич» Михаил Кайбулович. Последнее его упоминание в разрядах относится к 1574/75 г.: «Того же лета послал государь царь и великий князь под Пернов царя Семиона Бекбулатовича да царевича Михаила Кайбуловича и бояр и воевод»²⁸. Когда умер Михаил Кайбулович — неизвестно. Путаницу в этот вопрос вносит известие о том, что в 1623 г. «государь царь и великий князь Михайло Федорович всея России и отец ево, государев, великий государь святейший Филарет Никитич, патриарх Московский и всея России, указал женить царевича Махайла Канбулина, а дать за него Григорьеву дочь Ляпунова Марью»²⁹. В «отцово место» царь приказал поместить Ф. И. Шереметева. А. П. Барсуков считал, что в 1623 г. женился сын Михаила Кайбуловича. В самом деле,

упоминание Ф. И. Шереметева на «отцовом месте» — достаточное основание. Однако такое предположение едва ли верно. У Муртазы-али было несколько братьев: Мустафа-али, Будади, Арслан-али, Саинбулат. Порядок старшинства братьев неизвестен, но Будади умер в январе 1583 г. и погребен в Касимове 25 лет от роду; Саинбулат упомянут в разрядах только один раз под 1585 годом; о Мустафе-али нет сведений после 1586 г., но он не мог умереть ранее 1590 г., ибо его дочь скончалась в июне 1608 г. семнадцати лет от роду. Кажется, дольше всех жил Арслан, не принявший крещения. Однако его сын, Кутл-Гирей, в 1616 г. принял православие и был назван, как считал В. В. Вельяминов-Зернов, Михаилом³⁰.

В литературе почти не обращалось внимания на тот факт, что в писцовой книге Коломенского уезда 7086 г. (1577/78) письма и меры Данилы Петровича Житова и Федора Комынина с товарищами упомянута «старица» Агафья Шереметева, вдова Михаила Кайбуловича: «...за старицею за Огафьею за Ивановою дочерью Васильевича Шереметева Болшова, купля отца ее у Григорья Истомина сына Оладьина...»³¹. Думается, что Михаил Кайбулович умер в 1577—1578 гг.; во всяком случае едва ли позднее. Распоряжение в отношении царевича Муртазы-али вошло в основу духовной Ивана Грозного около 1570 г. и не претерпело изменений (редактуры).

Князя Мстиславские. «А что отец наш, князь великий Василей Ивановичь всея России, пожаловал князя Федора Мстиславского, и что аз придал сыну его, князю Ивану...»

Ф. М. Мстиславский выехал из Великого княжества Литовского в Москву в 1526 г. Здесь он женился на княжне Анастасии Петровне, дочери казанского царевича Петра. Ее матерью была родная племянница Василия III. Ф. М. Мстиславский получил вотчину — волости Юхоть и Черемху в Ярославском уезде, выморочное владение князей Юхотских³². В разрядах Ф. М. Мстиславский впервые появляется в 1527 г. в качестве воеводы в Кашире³³. На положение боярина Ф. М. Мстиславский так и не перешел, оставаясь служилым князем до смерти в 1540 г.³⁴ Юхотское владение после смерти Ф. М. Мстиславского перешло к его сыну — Ивану Федоровичу. По ярославской писцовой книге 1567—1569 гг., в Юхотской «отчине» числилось 9484 четв. пашни, не считая церковной земли и поросших лесом угодий³⁵. Женат был И. Ф. Мстиславский первым браком на Ирине Александровне Горбатой-Суздальской, а вторым — на Анастасии Владимировне Воротынской³⁶. Впервые он упомянут в разрядах в июле 1547 г. в походе³⁷. В 1549 г. он уже боярин. 2 декабря 1550 г. ему была дана жалованная и несудимая грамота на села и деревни в Ярославском, Тверском, Кашинском и Суздальском уездах. Любопытна фразеология этой грамоты: «Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал есми боярина своего князя Ивана Федоровича Мстиславского. Что мне бил челом и сказывает, что дана ему наша жалованная грамота на наше жалованье на его села и деревни...» Царь пожаловал И. Ф. Мстиславского и к прежней «его вотчине к Юхти» добавил деревню Горки (в Ярославском уезде), «и иные деревни, починки, всего черных деревень и починков девяносто три, а сошного писма в них четыре сохи с третью», а также селом Михайловским с 18 деревнями, починками, «что было в поместье за детьми боярскими за Басалаем да за Чюдиным за Михаилом за Бундовым». Причем «все черемоские черные деревни и Бундовых поместье» И. Ф. Мстиславский получил «против слободы Голузины». Там же, «в Черемхе», князь был пожалован селом Никольским с деревнями и починками, «что была вотчина и поместье Федора Воронцова». В Тверском уезде И. Ф. Мстиславский был пожалован селами Кушалиным и Бели с деревнями («княж Ивановскими селы Дорогобужского»), селом Погорелицы с деревнями «против села Ивановского з деревнями и с починки» («княгини Иринины княж Осифова Дорогобужского»); в Кашинском уезде — дворцовым селом Ильинским с деревнями и починками; в Суздальском уезде — селом Быковым. И. Ф. Мстиславскому в пожалованных

владениях предоставлялось право суда «во всем или, кому прикажет, во всех делах, и в татбе, и в душегубстве, и в розбое с поличным»³⁸. В годы опричнины И. Ф. Мстиславскому были пожалованы города Венев и Епифань, однако в начале 70-х гг. они были у него отняты³⁹. Тверские вотчины князя позднее перешли к его зятю, Семиону Бекбулатовичу⁴⁰. А. П. Павлов отмечал, что у сына И. Ф. Мстиславского, Федора, к концу XVI в. в вотчинах числилось примерно 20 тыс. четв. земли. Костяк их — «унаследованные от отца владения в Юхотской и Череможской волостях Ярославского у. (всего более 13 тыс. четв.) и в Кашинском у. (2230 четв.); упоминаются также вотчины Ф. И. Мстиславского в Костромском (2160 четв.), Дмитровском (751 четв.), Московском (194 четв.), Звенигородском (738 четв.) и Муромском (715 четв.) уездах»⁴¹. В духовной царя при перечислении владений, переходивших к Ивану Ивановичу, упоминается село Быково, «что было князь Иваново Мстиславского». Судьба этого села не вполне ясна. В грамоте от 2 декабря 1550 г. царь пожаловал князя И. Ф. Мстиславского «в Суздале в Опалье селом Быковым з деревнями и починки, что то село Быково з деревнями было за теткою его княгинею за Настасьею за Шуйского»⁴². Когда село Быково конфисковали — неизвестно. Во всяком случае, оно и в начале XVII в. находилось «во дворце»⁴³.

Князья Глинские. «А что есьми пожаловал князя Михаила князь Васильева сына Львовича Глинского вотчиною, и сын мой Иван у князь Михайлова сына у князя Иванова, и у его детей не вступается у него ничем...»

В духовной И. М. Глинского, датированной 20 апреля 1586 г. читаем : «...да дочери ж моей Анне после отца живота вотчина моя <...> чем меня государь пожаловал после отца моего в то место <...> А што мои вотчины, чем меня государь пожаловал царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси после отца моего и во всем в том ведает Бог да государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси, как ему, государю, Бог известит...»⁴⁴.

В завещании Ивана Грозного И. М. Глинский упомянут как служилый князь. Как считает А. П. Павлов, боярином он стал в 1585 г., после смерти Ивана Грозного⁴⁵. Умер И. М. Глинский 12 апреля 1601 г.⁴⁶ В духовной 1586 г. он перечисляет свои владения, которые располагались преимущественно в центральных районах России — Московском, Ростовском, Суздальском, Переяславском, Ярославском, Костромском уездах. Основной массив владений И. М. Глинского состоял из вотчин его отца, Михаила Васильевича Глинского. Так, в Ярославском уезде И. М. Глинскому принадлежали села Ушаково и Михайловское, а также вся волость Шаховская⁴⁷. «Благословением» отца были села Ильинское и Угодищи в Ростовском уезде, а также село Жегалово в Московском уезде, село Плющево «с деревнями и с пустошми, да купля отца моего деревенька Кривцово, да деревенька Хлепетово, да пустошь Лызлово» в Переяславском уезде. В 1584/85 г. И. М. Глинский дал в Троице-Сергиев монастырь село (приданое) Логиново-Пожарское с тремя деревнями «по княгине своей Катерине»⁴⁸.

Рассмотрим, как формировались основные владения семьи Глинских. В 1533/34 г. М. В. Глинский купил у Федора Меншика половину села Назорного за 120 руб., а в 1536/37 г. сельцо Оленино с деревнями и пустошами в Ростовском уезде за 460 руб. В то же время он купил у Марьи, жены Тимофея Головина, и у ее сына, Богдана, сельцо Ильинское с деревнями (Ростовский уезд) за 600 руб.; в 1543/44 г. у Тимофея Андреева сына Ширшева-Головина — деревню Измайловскую (Ростовский уезд) за 10 руб.; в 1545/46 г. у Т. А. Ширшева-Головина — села Нажирово и Рамень с деревнями на р. Суходол за 250 руб.⁴⁹ В 1552/53 г. Григорий Никитин сын Баскаков и его сыновья заложили кн. М. В. Глинскому за 105 руб. в Переяславском уезде деревню Кривцово на речке Грязовице. 1553/54 г. Андрей Михайлович Баскаков и его сыновья заложили кн. М. В. Глинскому за 70 руб. деревню Новинки и пустошь Вахромеево в Переяславском уезде⁵⁰. В 1553/54 г. кн. М. В. Глинский купил у Иова Васильева сына Тетерина «его куплю» село Лысцово с 7 деревнями и 11 пустошами (Ростовский уезд) за 500 руб.⁵¹ В

1555/56 г. М. В. Глинский отказался от прав на деревню Софьино, которую вдова кн. Ю. В. Глинского, Авдотья, дала в Троице-Сергиев монастырь. В 1557/58 г. Лука Никитов сын Баскаков заложил кн. М. В. Глинскому за 143 руб. в Переяславском уезде деревню Хлепетово и сельцо Назарово⁵². В 1559/60 г. Иван Федорович Карамышев и его сын, Петр, продали кн. М. В. Глинскому «куплю» — село Жегалово в Московском уезде за 30 руб. В 1560/61 г. Василий и Иван Неклюд дети Семеновы продали княгине Фетинье, вдове кн. М. В. Глинского, часть села Горемыкина за 50 руб. 30 июля 1574 г. по наказу Ивана Грозного кн. Данила Андреевич Друцкой и дьяк Кирей Федорович Горин продали в вотчину из государевых земель князю Ивану Михайловичу Глинскому бывшее поместье кн. Ивана Шелептокова сына Черкасского в Московском уезде: пустоши Сусканово, Коробово, Кобылино, Дьяково, Петково за 34 руб.⁵³ Кроме того, М. В. Глинский владел вотчинами в Ржеве⁵⁴.

Ульяна Палецкая. Со ссылкой на завещание своего брата, Юрия Васильевича, Иван Грозный из выморочного удела дал княгине Ульяне, жене Юрия, «на прожиток до ее живота» город Кременеск, город Устюжну Железную с посадом и приписанными к нему деревнями, ряд подмосковных и угличских сел и деревень.

Ульяна Палецкая после смерти мужа (в 1563 г.) постриглась в монахини под именем Александры. Дата ее смерти неизвестна, однако имеются основания предполагать, что умерла она не раньше А. Г. Васильчиковой, пятой жены Ивана Грозного⁵⁵.

В царском архиве содержались «книги черные, что было дано княгине, во иноцех старице Александре, князь Юрьеве в наделок вотчины, и святости, и всякие кузни и судов»⁵⁶. Термин «наделок» в источниках XIII—XV вв. означал долю в наследстве⁵⁷. М. Н. Тихомиров относил пожалование Ульяне Палецкой Кременеска и Устюжны к 1564 г.⁵⁸ Р. Г. Скрынников пришел к выводу, что в тот момент княгиня получила только Кременеск, а Устюжна перешла к ней в 1570 г.⁵⁹ А. А. Зимин возражал: «Действительно, сохранилась грамота Ивана IV в Устюжну от 30 июня 1570 г., в которой упоминалось, что царь „пожаловал... старицу Александру Устюжню Железопольскою“. Но в грамоте не говорилось, что Грозный пожаловал Устюжню именно в 1570 г., а содержалось распоряжение о невъезде на Устюженский посад неделщиков. Так что дату 1564 г. грамота не отвергает»⁶⁰.

Итак, и «города, и волости, и села» находятся во владении Ульяны до ее «живота», верховная же юрисдикция передается сыну Ивана IV, Ивану; он «держит за нею те города, и волости, и села». После смерти Ульяны Кременеск «с волостями и с волостью с Вешками» переходит в ведение Ивана Ивановича («к великому государству»), а черкизовская мельница и одиннадцать деревень отходят Федору, к его селу Черкизову.

Сюзеренные права распоряжения прожиточной вотчиной княгини Палецкой передавались также удельному князю Федору: «...а село Пузьево с деревнями, да село Белой Раст с деревнями, да деревня Наузулово, и которые деревни приписаны к Наузулову, сыну моему Федору к селцу Озерецкому, Устюжна Железопольская, и волость Карга, и села, которые в Углицком уезде, село Николское Жданово с деревнями, сыну же моему Федору, к Угличу». Царь оговаривал в завещании некоторые дополнительные вотчинные права Ульяны, еще раз показывая, что сюзеренитет двойной: непосредственный — младшего сына Федора и верховный — старшего сына Ивана. «А что есьми, по отца своего душевной грамоте и по брата своего, князь Юрьеву, приказу, дал есьми жене его, княгине Ульяне, вотчину впрок, в Углицком уезде село Хороброво с деревнями, да село Красное с деревнями, и грамоту есьми ж а л о в а н н у ю на те села и деревни, по нашей жалованной грамоте волна она отдать по душе, и продать, и променить, или буде похочет роду своему отдать, сын мой Иван и сын мой Федор в те у ней два села не вступаются, по сей нашей жалованной грамоте»⁶¹.

Князя Трубецкие. «А что есми пожаловал Романову жену Юрьевича и ее сына Никиту волостями и селы, и сын мой Иван в ту вотчину, ни у них детей не вступается...»

Кого же имел в виду Иван Грозный? Речь идет о некоем Романе Юрьевиче и его сыне, Никите. При атрибуции следует иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, возможна ошибка переписчика или переписчиков. В списке стародубских вотчин в завещании Ивана Грозного из 26 указаний на землевладение в пяти сделаны ошибки в написании имен и фамилий. Во-вторых, в завещании регулируются отношения собственности только между царской семьей и династиями служилых князей (даже если отдельные представители этих династий стали боярами). Для традиции оформления подобных документов это естественно, ибо именно династический статус служилых князей предполагал специальное подтверждение их прав со стороны правящей династии. Из всех семей служилых князей XVI в. речь могла идти лишь о семье князей Трубецких: Романе Семеновиче (а не Юрьевиче!) Трубецком и его сыне Никите Романовиче (ни одного Романа Юрьевича не было среди представителей служилых князей конца XVI в.).

Роман Семенович в первый и последний раз упоминается в разрядах в 1558 г.⁶² Первое же упоминание Никиты Романовича Трубецкого, опричника⁶³, относится к весне 1571 г. В следующий раз он упоминается в 1575/76 г.: «да з государем же в полку быти воеводы с людьми боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйской, князь Микита Романович Трубецкой, князь Тимофей Романович Трубецкой...». В августе 1577 г. Н. Р. и Т. Р. Трубецкие упоминаются как «головы с сотнями». В июне 1579 г., когда еще было в силе дошедшее до нас завещание, Н. Р. Трубецкой упомянут в разрядах (как и в завещании) вместе с другим служилым князем — Иваном Михайловичем Глинским. Следующее упоминание Н. Р. Трубецкого относится к 1586 г. — он боярин царя Федора Ивановича⁶⁴.

Землевладение князей Трубецких изучали С. П. Мордовина и А. П. Павлов. Можно считать доказанным факт, что «из удельных князей Юго-Западной Руси только Трубецким, служившим в опричнине и „дворе“ и пользовавшимся неизменным доверием Ивана Грозного и Бориса Годунова удалось сохранить к концу XVI в. родовые владения в Трубчевске»⁶⁵. За Н. Р. Трубецким числилось в конце века более 1000 четв. вотчинной земли в Трубчевске. Кроме того, он владел вотчинами в Московском, Дмитровском уездах. Упоминаются его поместья в Ржевском, Козельском и других уездах⁶⁶.

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению состава владений тех, кого царь благословлял. Слова «благословить» и «благословление» в русском языке XI—XVII вв. тоже полисемантичны. Но они совпадают в одном из главных своих значений: *благословить* — значит передать что-то по наследству, завещать; *благословение* — само завещание и то, что завещается. Причем благословение чаще всего связано с родительской (отцовской) волей. Слово «удел» в определенном контексте синонимично «благословению». Не случайно, «благословить» — значит также разделить семейную (родовую) собственность. Вместе с тем словосочетание «родителей благословение» встречается в сочинениях Ивана Грозного и отражает его взгляды на природу царской власти: «Мы же хвалим за премногую Его (Бога. — А. Ю.) милость, происшедшую на нас, еже не попусти десницы нашей единоплеменную кровью обагриться, понеже не восхитихом ни под кем же царьства, но Божиим изволением и прародителей и родителей своих благословением, яко же и родихомся во царьствии, тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся Божиим повелением, и родителей своих благословением все взяхом, а не чужее восхитихом»⁶⁷.

Иван Грозный в завещании 1579 г. благословил наследника престола Ивана, младшего сына Федора, и свою жену, Анну Васильчикову. Для Ивана Ивановича

отцовское благословение — это власть в государстве, для Федора и Анны Григорьевны — это уделы, т. е. часть общего достояния семьи. Обратимся к подробному анализу состава владений Федора, чтобы восполнить пробел в науке.

В послании Таубе и Крузе встречается такое любопытное свидетельство: перед введением опричнины царь сообщил своему окружению причины своего отречения и «велел <...> следить за тем, чтобы после его кончины, ибо все люди смертны, не возникало между его молодыми сыновьями-князьями спора и раскола и чтобы они заботились не только об искоренении несправедливостей и преступлений, но и о том, чтобы водворить в стране порядок, мир и единство. С этой целью решил он дать начало, продолжение и конец изложенным вещам. И прежде всего для охранения своей княжеской жизни взять на государя некоторых бояр, детей боярских, области, города и дома и построить в Москве собственный удобный, спокойный двор. После его смерти все, что взято на него, должно перейти к младшему его сыну, а оставшееся, Москва и население, земщина, как это называют, старшему. Так как такое начало имело хороший вид, была ему выражена представителями всех чинов благодарность за его заботливость. Так поступили даже те, которые этого не хотели и считали образ действий царя опасным»⁶⁸.

Если царь Иван в годы опричнины осознанно боролся с уделами и удельной системой (т. е. с порядками), то зачем ему в 1565 г. понадобилось утверждать, что по завершении начатых мер (имеющих «продолжение и конец») его, государев, опричный удел перейдет к Федору? Подобное известие легко отвергнуть как тенденциозное на том хотя бы основании, что иностранцам непонятна была русская действительность... Если бы не одно «но»: большая часть опричных земель в самом деле переходила к сыну Федору. Если учесть, что у нас нет полной информации об опричной территории, то не исключено, что изучение состава удела Федора может дать пищу к размышлениям и о составе опричных земель. Сообщение Таубе и Крузе, бежавших в Великое княжество Литовское в 1571 г., следует признать в целом достоверным⁶⁹.

Удел Федора Ивановича. «Да сына же своего Федора благословляю, даю ему город Суздаль с волостями и с путями <...> да город Шую с волостями и с путями и с селы...»

Суздаль и Шуя вошли в опричину. А. А. Зимин обратил внимание на то, что в 1566 г. в посольских делах опричник Ф. И. Умной-Колычев назван был «наместником суздальским»⁷⁰. Обратим внимание и на то обстоятельство, что около 1579/80 г. стародубские вотчины выкупались царской властью и шли в поместную раздачу в связи с тем, что «Суздаль взят был <...> во двор»⁷¹. Ограничение княжеских прав суздальско-нижегородских князей подробно исследовано В. Б. Кобриним. Он анализировал объем прав князей, изучая формуляры жалованных и данных грамот. Объем прав удельных князей фиксировался, по мнению ученого, формулой «пожаловал есмь»; вотчинных — «дал есмь». В. Б. Кобрин писал: «...падение независимости этого (Суздальско-Нижегородского. — А. Ю.) княжества началось в 1392 г., хотя Суздаль и Городец, возможно, еще некоторое время оставались самостоятельными. Только в конце 1448 — начале 1449 г. старший из суздальских князей — Иван Иванович — окончательно признал власть Василия Темного. В заключенном тогда докончании суздальский князь выступает в роли не союзного, а служилого князя: для обозначения характера отношений не употребляются термины родства („брат младший“, „в отца место“ и т. п.), великий князь именуется даже не „господином“, а „господарем“ суздальского князя. Суздальское княжество выступает и как наследственное владение, и как пожалование ему от великого князя, которое может быть конфисковано за вину. Суздальского князя великий князь посылает на службу, а тот идет „без послушанья“... После этого акта падение независимости Суздальско-Нижегородского княжества стало окончательно свершившимся фактом, и Василий

Темный в своем завещании уже передает Суздаль в числе других городов старшему сыну — Ивану III»⁷².

«Да ему жь даю город Кострому да город Плесо с волостми, с путми, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Любим, да город Буй, да город Судиславль, да город Нерехту, и с Солми с Большою и с Малою, и со всеми их волостьми...»

Таубе и Крузе утверждают, что Иван Грозный взял себе в опричину Кострому, Плес и Буй зимой 1565/66 г.⁷³ С. Б. Веселовский же вслед за С. Ф. Платоновым датировал переход Костромы в опричину 1567 годом⁷⁴. П. А. Садиков пытался уточнить время этого перехода. Кострома стала опричною между 14 февраля — 9 марта 1567 г. В 1575—1576 гг. она снова вернулась «в земское»⁷⁵. А. А. Зимин полемизировал с П. А. Садиковым: «Как за две-три недели февраля — марта правительство умудрилось уже вывести вотчинников из Костромского уезда и даже приискать землю для столь срочно выселенных землевладельцев? К тому же из грамот, относившихся к делу Марии Зубатовой-Аргамаковой, отнюдь не явствует, что вся Кострома в это время была уже приписана к государеву уделу»⁷⁶. До духовной Василия Темного Кострома не передавалась отдельно: она входила в состав земель великого княжения Владимирского и являлась как бы общим достоянием великокняжеской семьи. Упоминались лишь некоторые владения «из великого княжения», «ис Костромы». Согласно же завещанию Ивана III, старший сын Василий получал «город Кострому, и с Плесом, и с Нерехтою, и с Ыледамом, и с волостьми...».

Города Заволжья — Любим, Судиславль, Нерехта, Соль Малая и Великая (также, как и Буй) входили в Костромской уезд⁷⁷, но об их опричном происхождении нет сведений.

«Да сына же своего Федора благословляю, даю ему город Ярославль с волостми».

Падение независимости основной территории Ярославского княжества произошло около 1463—1468 гг. и было, как отмечал В. Б. Кобрин, «лишь завершающим актом длительного процесса». Единственный сын последнего ярославского князя Александра Федоровича, Данила Пенко (родоначальник князей Пенковых), не только превратился в служилого князя, но и вошел с 1500 г. в качестве боярина в Боярскую думу. Любопытно, что в 1497 г. он дал вологодскому Спасо-Каменному монастырю жалованную грамоту, в которой подтвердил по жалованья деда, отца и свои. По словам монахов, «теми землями пожаловал по старине»⁷⁸.

«Пожаловал есмь» — формуляр грамот княжеского типа. К тому, о чем писал В. Б. Кобрин, добавим: «пожалование» само по себе свидетельство того, что у рода Пенковых оставались права на «благословление». В завещании Василия Темного Ярославль не упомянут. По духовной Ивана III город «с волостьми» уже передается по наследству сыну. Сохранение родовой собственности ярославских князей сопровождалось подчинением ее верховной власти. Не случайно монахи Спасо-Каменного монастыря «потеряли» грамоты деда и отца Данилы Пенко; также едва ли случайно они весьма неопределенно говорили о характере иммунитета.

Еще С. Ф. Платонов полагал, что Ярославль в середине 70-х гг. XVI в. вместе с Переяславлем Залесским попал в опричину⁷⁹. Л. М. Сухотин же, основываясь на публикации дел Поместного приказа 1611 г., считал, что Ярославль был взят в опричину не позднее 1568/69 г.⁸⁰ С. Б. Веселовский пытался уточнить время этого перехода: около 1567 г. и не позднее 1568 г.⁸¹ П. А. Садиков допускал, что Ярославль был взят в опричину с 1565 г.⁸² В. Б. Кобрин пришел к заключению, что к 1567/68 г. Ярославль еще не был зачислен в опричину⁸³. А. А. Зимин, анализируя материалы казанских, свияжских, ярославских писцовых книг, пришел к выводу, что «Ярославль в опричину не был взят»⁸⁴. Вместе с тем историк подчеркивал: «Это не значит, что в Ярославле вовсе не было опричников. Напротив, несколько видных деятелей опричины имели там вотчины и поместья»⁸⁵.

Недавно Ю. В. Анхимюк обнаружил на листах сборника XV в. запись, из которой следует, что Ярославль и Ростов были взяты в опричнину 21 января 1569 г.⁸⁶

«Да сыну же моему Федору даю город Козельск и Серенск с волостми, и с путми, и селы...»

С. Б. Веселовский относил Козельск к опричнине. А. А. Зимин привел дополнительный факт, свидетельствующий о включении города в опричнину: наместником Козельска в посольских делах 1566 г. назывался опричник П. В. Зайцев⁸⁷. Не случайно вместе с Козельском упомянут Серенск. М. Н. Тихомиров ошибался, когда отождествлял Серпейск с Серенском⁸⁸. Серенск — это козельская волость: об этом прямо свидетельствует описание Козельского уезда, дошедшее до нас в списке XVII в.⁸⁹ В. Н. Дебольский отмечал, что она находилась в Козельском уезде «под самим городом»⁹⁰. В опричнину, возможно, входил не только город, но и уезд (по крайней мере указанная его часть).

Как уже упоминалось, у владений Ульяны Палецкой оказался двойной сюзеренитет. Сюзеренные права передавались Ивану Ивановичу и удельному князю Федору. По завещанию Василия III его сыну Юрию переходили города: Углич («и все поле, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с Холопьем, что торг на Мологе»), Бежецкий Верх, Калуга, Ярославец Малый, Суходровь, Кременеск, Медынь, Мещерск, Опаков на Угре («со всем да и волости на Угре, что были даны князю Василью Шемечичу да князю Василью Стародубскому»)⁹¹; села: Озерецкое Старое («у Москвы»), Озерецкое Новое «с деревнями и со всеми прикупками», Черкизово («с деревнями, что куплено у Петровых детей Яковлева Захарына, и с прикупными селы, и с прибавочными становыми деревнями»), Напрудское. В духовной Василия III оговаривалось: если «Юрья брата в живности не будет, а не останется у него ни сына, ни внука, и ту вотчину всю, его удел» отец завещает старшему сыну, Ивану. Когда Юрий в 1563 г. умер, не оставив потомства, Иван Грозный из удела брата дал сыну Ивану города: Бежецкий Верх, Калугу, Ярославец Малый, Суходровь, Медынь («с волостьми и с путми, и селы, и со всеми пошлинами, да волостьми жь <...>Товарковым, и Конопкою, и иными волостьми по Угре, что было за князем Васильем за Шемячичем и за князем Васильем Стародубским»), село Черкизово («под Москвою») за исключением черкизовской мельницы и одиннадцати деревень.

Иван Грозный из этого выморочного удела дал Ульяне Палецкой, жене Юрия, «на прожиток» город Кременеск («с волостми, и с путми, и с селы»), город Устюжну Железную с посадом, волость Кадку в Угличском уезде, подмосковные села Кузяево (Пузяево), Белый Рат (Раст), деревню Наузолово («и иными деревнями, которые с Наузоловым приписаны были те деревни к селу Озерецкому»), черкизовскую мельницу («на реке Клязьме») и одиннадцать деревень, приписанных к мельнице; царь также «пожаловал» ей угличские дворцовые села Зеленцово с деревнями и Никольское-Жданово с деревнями. Входили ли эти села в опричнину?

Озерецкое Новое и Старое упоминаются в духовной великого князя Василия Васильевича («да даю своей княгине Озерецкие села и деревни»); по духовной Ивана III эти села отдаются Дмитрию⁹². 7 мая 1564 г. царь с семьей, митрополитом Афанасием и князем Владимиром Андреевичем отправился в Переяславль, откуда поехал в Троицу, затем — в Александрову слободу, в село Озерецкое, Можайск и Можайский уезд, далее — в Вяземский уезд (в волость Олешню, принадлежавшую Владимиру Андреевичу) и в дворцовые села Верею и Вышгород⁹³. А. А. Зимин справедливо отмечал, что в скором времени Можайск, Вязьма, Вышгород и Олешня (не говоря уже об Александровой слободе) войдут в состав опричных земель. Следуя этой логике, можно предположить с достаточным основанием, что и село Озерецкое (Старое, Новое?) вошло в опричнину. Любопытно, что в завещании Ивана IV особо оговаривалось: деревня Наузолово с другими деревнями «приписаны» к селу Озерецкому. Село Напрудское упоминается в духовной Ивана Калиты — оно завещалось Семену. В духовной грамоте Семена Ивановича село передавалось жене. Иван Иванович, в свою очередь, передал его княгине

Марье. По духовной Дмитрия Донского (второй) село завещалось сыну Андрею. Василий Темный отдавал село «Напрудское оу города» своей жене. Завещание Ивана III фиксирует передачу села сыну Дмитрию: «на Москве село Напрудское з дворы з городскими с посадными». Василий III отдал село сыну Юрию⁹⁴.

Федор Иванович по завещанию отца должен был получить также Волок Ламский, подмосковные села «Крылецкое с деревнями, да село Татарово с деревнями, да село Сорочино с деревнями, Романцово с деревнями». Село Крылацкое упоминается во второй и третьей духовных Василия Дмитриевича: оно передается княгине⁹⁵. О других селах сведений нет.

К уделу Федора Ивановича отходили кроме того село Быково «в Суздале», ранее принадлежавшее И. Ф. Мстиславскому, и вотчинные владения А. Б. Горбатого: волости Коряковская, Турех, села Лопатниче, Борисово, полсела Горниц, 2/3 села Тернеева. Дочь А. Б. Горбатого в 1547 г. вышла замуж за И. Ф. Мстиславского. А. Б. Горбатый с сыном были казнены в феврале 1565 г.⁹⁶

Удел царицы Анны Григорьевны Васильчиковой. Иван IV традиционно оговаривал случай рождения у царицы сына, заранее благословляя его городами Угличем, Устюжной, Холопым городком «с волостями, и селы, и с двумя селы, которые даны старице Александре княжо Юрьево Васильевича, и з данью к Угличу. Да ему жь даю город Кашин, и с Задубровскою слободкою и Славковым, и со всеми волостями, и селы и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Ярославец с волостми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Верею с волостями, и с путыи, и с селы, и со всеми пошлинами». Если же у Анны Васильчиковой родится дочь, ее он благословляет уделом, давая город Зубцов «с волостми, и путыи, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ей же даю Опоки, и Хлепен, и Рагачев с волостями». Далее царь включает в возможный удел дочери следующие села: «Да ей же даю подмосковные села, село Митрополичье, что было Михаила Тучкова, село Елдегино, что было Юрья Шеина, село Симоновское Васильевское Шеина, село Кленки Услюмовское Данилово, село Ивановское Брюхово, село Супонево Сафарынское Ивана Сафарина, село Давыдовское Дмитриевское Яковлева сына Давыдова со всеми деревнями и с угоды»⁹⁷.

Село Митрополичье принадлежало Михаилу Васильевичу Тучкову и его сыну Василию. Впервые М. В. Тучков упоминается на свадьбе кн. В. Д. Холмского в 1500 г. В январе 1533 г. он присутствовал на свадьбе кн. Андрея Старицкого. Незадолго до этого получил чин боярина, а в 1539 г. сослан в свое село. Дата смерти неизвестна. Сын М. В. Тучкова, Василий, упоминается в разрядах в июне 1543 г. воеводой и рязанским дворецким. Погиб, видимо, в 1547 г.: должен был присутствовать на свадьбе Ивана Грозного в качестве «друшки», но «не был за тем: убили с лошади»⁹⁷.

Семейству Шеиных принадлежали села Елдегино и Симоновское Васильевское. Юрий Дмитриевич Шеин в 1523—1527 гг. значится вотчинником Московского уезда. В разрядах впервые упомянут в октябре 1531 г. — в Новгороде, с царем Шигалеем «в приставах». Последний раз упомянут в 1537 г. В 1557/58 г. село Елдегино (Елдигинское) значится как вотчина Михаила Юрьевича Шеина⁹⁸.

Село Кленки принадлежало Услюму Ивановичу Данилову. В разрядах У. И. Данилов впервые упоминается в июне 1543 г. в Нижнем Новгороде. Последнее упоминание в разрядах относится к 1555/56 г.: он воевода в Смоленске. В 1561/62 г. У. И. Данилов описывал Переяславский уезд⁹⁹.

Село Ивановское (в завещании «Ивановское Брюхово») принадлежало Ивану Семеновичу Брюхову-Морозову. В разрядах он единственный раз упомянут в феврале 1536 г.: «В Новгороде в Нижнем в городе околыничей Иван Семенович Брюхов-Морозов»¹⁰⁰. Кроме того, известно, что И. С. Брюхов-Морозов в 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В 1514/15 г. он наместник в Луках,

* В цитате знаки препинания расставлены иначе, чем в публикации грамоты, так как названия сел и именованя их по фамилиям владельцев публикаторами перепутаны. — А. Ю.

а в 1526—1530 гг. и в декабре 1535 г. — новгородский дворецкий. В сентябре 1535 г. он числился третьим воеводой большого полка, посланного в Коломну¹⁰¹.

Село Супонево (в завещании — «Супонево Сафарынское») принадлежало Ивану Сафарину, о службе которого ничего неизвестно. Однако, по межеванию писцов кн. Романа Даниловича Дашкова, Федора Григорьевича Адашева Ольгова, дьяка Третьяка Дубровина, село Супонево и деревня Таркина числились как вотчина Ивана Сафарина в 1542/43 г. Ранее он упомянут в духовной Андрея Михайловича Плещеева (1491 г.) в качестве свидетеля¹⁰².

Село Давыдовское (в завещании — «Давыдовское Дмитриевское») принадлежало семье Морозовых. Одну из ветвей этой семьи представлял Дмитрий Давыдович. Он служил при дворе князя Андрея Углицкого, в 1462 г. был звенигородским наместником. У Дмитрия Давыдовича было семь сыновей: Петр (бездетный), Яков, Григорий, Константин Владыка, Иван Голочел, Василий, Андрей Серко. У Якова — двое сыновей: Иван и Григорий Кляча. По писцовому описанию подмосковных вотчин 1542/43 г., между селами Митрополичьим и Супоневым, принадлежавшими соответственно В. М. Тучкову и И. Сафарину, располагалось село Давыдово Ивана Яковлевича Морозова¹⁰³.

А. Г. Васильчиковой царь передавал также город Ростов; «под Москвой» — села Алешня, Болтино, Астанково; «в Ярославле» — владения князей Суцких: села Судки, Шулепово, Болонино, Мартемьяново, Борниское, Новое, Кривцово («что было княгини Аграфены Суцкого»). Аграфена была женой Ивана Федоровича Суцкого, который упоминается в разрядах один раз: в июне 1543 г. — в Нижнем Новгороде в качестве воеводы. До нас дошла его духовная грамота 1545/46 г., по которой он передает села Судки, Шелепово, Мартыново (Мартемьяново?) и Болонино своим дочерям Орине и Федоре. В 1565 и 1570 гг. княгиня Аграфена Суцкая купила у Троице-Сергиева монастыря деревни «до живота». После ее смерти эти «купли» должны были быть отданы монастырю «по душам» Ионы Федоровича Суцкого и кн. В. М. Глинского¹⁰⁴. В Юрьеве Польском А. Г. Васильчиковой отдавались села «Городище Мстиславле», Флолищево, Сенмское, Елохово с деревнями.

* * *

Итак, в завещании Ивана Грозного отчетливо прослеживается модель отношений собственности. Русский сюзеренитет проявляется в семейном владении на основе права *dominium directum*. Обратим внимание, что для верховной власти «удел» — часть семейного достояния. В семейный круг входят самые близкие родственники, имеющие права на наследование (дети, братья великого князя, его жена). Любое владение, принадлежавшее нечлену правящей семьи, уже не удел (не благословение), а пожалованное владение (даже если владельца приходится называть «годовником»). «Пожалование» — средневековая категория сознания. В реальной практике пожалованная вотчина — это владение, на которое распространяется верховное право распоряжения собственностью, принадлежащее как в целом великокняжеской семье, так и персонально государю. Словом, в завещании царя фиксируется удельно-вотчинная система как система разделенной семейной собственности с правом верховной власти в распоряжении всей территорией государства. Как же и когда возникла эта система? Рассмотрим духовные грамоты московских великих князей в ретроспекции.

В завещании Ивана III владения сыновей, удельных князей Юрия, Дмитрия, Семена и Андрея распределяются по одному клише. Передаются: 1) дворы «внутри города» и село «на Москве»; 2) что-то «из московских сел»; 3) города и волости.

Юрию завещались: дворы «внутри города»; «московские села» Суцково и Лыткино; города — Дмитров, Звенигород, Кашин, Руза, Брянск, Серпейск. *Дмитрию* — дворы и село «на Москве» (Напрудское); из «московских сел» — «Озерские села Старое и Новое з деревнями»; города — Углич, Молога, Хлепен, Зубцов (в Тверской земле), Опоки, половина Ржевы, Месческ, Опаков. *Семену* — дворы и сельцо «на Москве» (Луцинское), а также слободка «княж Васильевского

Ромодановского»; из «московских сел» — «Розсудовские села за Пахрою, Звереву да Бораново з деревнями»; города — Бежецкий Верх, Калуга, Козельск. *Андрею* — «на Москве за рекою слободку Колычевскую да монастырь Рожество Пречистые на Голутвине»; из «московских сел» — Ясенево, Сарьево, Юдино; города Верея, Вышгород, Олеин, Любутеск, Старица, Холм, Новый городок; волости — Гжель, Раменейцо, Селна, Гуслица, Загарье, Вохна, Олешня и некоторые другие ¹⁰⁵.

В распорядительной части завещания Ивана III так же, как и в завещании Ивана Грозного, четко разделяется то, чем великий князь «благословил», и то, чем «пожаловал». Сама система функционирует по определенному принципу: уделы — части общесемейной собственности, но каждый удел — потенциальная отчина, которая при некоторых условиях (рождении детей) становится системой уделов. Именно поэтому Иван III оговаривал случай смерти одного из младших сыновей, получавших уделы, — «а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удел весь в Московской земле и в Тферской земле, что есми ему ни дал, то все сыну моему Василью, а братья его у него в тот удел не вступают».

Итак, круг тех, кого Иван III «благословляет» уделами, также ограничивается семьей. Обратим внимание на словоупотребление в той части текста, где речь идет о «пожаловании»: «А что есми пожаловал князя Феодора Ивановича Белского, дал есми ему в вотчину город Лух с волостями, да волости Вичюгу да Кинешму, да Чихачев и князь Феодор и его дети с л у ж а т сыну моему Василью, а ту свою вотчину држат по тому, как было при мне» ¹⁰⁶.

Владения служилых князей никогда великокняжеской властью не считались «уделами» — частью великокняжеской семейной собственности. Вместе с тем пожалованная вотчина внутри себя могла делиться на уделы. Но эти уделы соотносились только с этой данной отчиной, изначальным отцовским владением.

Та же модель удельно-вотчинной системы представлена и в завещании Василия Темного. Великий князь «благословляет» уделами своих сыновей Юрия (Дмитровым, Серпуховым, Хотунью, Можайском, Медынью, селами и волостями), Андрея (Угличем, Устюжной, Рожаловым, Велетовым, Кистьюмой, Бежецким Верхом, Звенигородом, селами и волостями), Бориса (Ржевой, Волоком, Рузой и селами), Андрея Меньшого (Вологодой, Кубеной, Заозерьем, Иледамом), княгиню (Ростовом и многочисленными селами). О «пожаловании» же сказано вполне определенно: «А кому буду давал своим князем, и бояром, и детям боярским свои села в ж а л о в а н ь е, или хотя и в куплю кому дал, ино те мои села моим детем, во чьем оуделе будет, ино тому то и есть» ¹⁰⁷.

Если говорить о корнях этой системы, то следует обратиться к завещанию Ивана Калиты, в котором уже обозначено направление ее развития. Свое доменальное владение князь делит между сыновьями (нет еще слова «благословил», просто — «дал»). В завещании проступают и начатки самой системы будущего пожалования; во втором варианте духовной князя читаем: «А что есми купил село в Ростове Богородичское, а дал (еще не пожаловал! — А. Ю.) есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому с л у ж и т и, село будет за ним, не иметь ли с л у ж и т и детем моим, село отоимут» ¹⁰⁸.

Каковы же были предпосылки возникновения великокняжеской удельно-вотчинной системы? Вне всякого сомнения, эта система отчасти возникла на родной почве. Русская земля со времен Святослава находилась в коллективном владении целого рода, впоследствии очень разросшегося. А. Е. Пресняков открыл двойственную природу «отчины» в киевский период истории. Говоря о мятежных князьях, он писал: «Если их проявления при жизни отца носили печать бунта против отцовской власти, то после его смерти они могли опереться на общеправовой факт семейных разделов унаследованной отчины или вызвать упорную борьбу — вне всяких общеправовых норм — против распада отчины, за сохранение ее единства в руках одного владельца». Обыкновенные нормы того времени, отмечал ученый, не предусматривали организацию семейного владения «вне либо патриархальной родительской власти либо вполне нераздельного владения, общего для сонаследников, которые ничего в нем не считали бы своим

личным». Два пути открывались перед князьями Рюриковичами, две возможности: «восстановление единства и целостности владения путем борьбы и уничтожения родичей или распад, дробление на ряд отдельных, независимых друг от друга волостей-княжений»¹⁰⁹.

Стало быть, переход от общеродовой собственности к семейной («отчинной») в Киевской Руси вел к распаду молодой государственности, и «ряд» Ярослава Мудрого, полагал А. Е. Пресняков, ничто иное как стремление избежать естественного последствия раздела. Именно в этой попытке противостоять распаду уже видны ростки будущей удельно-вотчинной системы. «Долгое владычество старших Ярославичей создало... представление, что они трое — единственные преемники отца. И летописный пересказ постановлений Любецкого съезда отражает ту же точку зрения. Он знает только три отчины: Изяславлю, Святославлю и Всеволоду, а волости, доставшиеся младшим князьям, считает д а н н ы м и п о в о л е Всеволода (разрядка моя. — А. Ю.). Так же смотрит и Святополк Изяславич, полагая, что Давид и Ростиславичи владеют его, Святополка, отчиной»¹¹⁰.

Модель удельно-вотчинных отношений зарождается уже в эпоху перехода к семейной «отчине». В целом же можно сказать, что в Древнерусском государстве не была найдена формула распоряжения (*dominium directum*) в отношении собственности.

Серьезное влияние на формирование удельно-вотчинной системы оказало монгольское право и сама монгольская система властвования. Отметим характерные особенности этой модели. С образованием Монгольского государства постепенно выделился один род, который подчинил себе другие роды и закрепил свою власть над всей территорией. Процитируем Рашид ад-Дина: «Так Чингизхан был ханом, господином соединения планет, самодержцем земли и временем, все племена и роды монгольские из родных и чужих стали его рабами и слугами». Иначе говоря, как отмечал Б. Я. Владимирцов, понятия о родовой собственности были перенесены на категорию «народ — государство». Отсюда следовало, что государство — это достояние рода Чингисидов. Именно с этим историческим обстоятельством напрямую связано монгольское право наследования собственности: сама государственная территория, принадлежащая одному роду, делится на уделы между членами правящей семьи. «Нам не известно ни одного случая, — писал Б. Я. Владимирцов, — когда бы не кровно связанный с родом Чингисхана был бы принят тем или другим образом в среду царевичей и сделался бы членом их „золотого рода“... Тайши, чинсанги и зайсанги, как бы могущественны они ни становились, никогда не могли и мечтать войти в род Чингиса: тайджи надо было родиться, родство по женской линии не давало никаких прав в этом отношении. Поэтому монгольским ханом, владыкой всех монголов, мог быть только потомок Чингисхана, создавшего империю — державу для себя и своего рода»¹¹¹.

Таким образом, государственная территория — достояние рода — делилась на уделы между членами семьи, которыми считались дети хана, жена и мать, а также родные братья¹¹². По словам Плано Карпини, в Монгольском государстве «все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: „Это мое или его“, но все принадлежит императору», — а потому любой владелец получал как бы часть родовой собственности монгольского хана. В этом и проявлялось в чистом виде право *dominium directum*. Г. А. Федоров-Давыдов отмечал, что Чингисхан «завещал сыновьям требовать ежегодной явки вассалов к хану для утверждения держаний. Без этой явки кочевой феодал как бы лишался прав на улус... Яса Чингисхана подчеркивала полную зависимость монгольской знати от каана. Никакой феодальной автономии, полная власть каана над всеми слоями аристократии, над всеми держателями улусов — таков лейтмотив этих положений Ясы».

В силу того, что власть и собственность находились в руках одного рода, традиция наследования вскоре обнаружила свою естественную амбивалентность, существуя в пределах двух типов передачи власти: от отца к сыну, либо от брата к брату. Горизонтальное право наследования «опиралось на старые традиции, рассматривавшие улус Джучи как достояние всего рода, а потому

считавшие, что права на престол имеют все те члены его рода, которые оказываются старшими»¹¹³.

В конце XIII в. усиливаются децентрализаторские тенденции в самой Монгольской империи, власть джучидского хана становится фактически самостоятельной, независимой от власти великого хана. Постепенно побеждает принцип наследования от отца к сыну, способствующий установлению единодержавия.

История Северо-Восточной Руси XIII—XIV вв. тесно связана с историей государства Джучидов. «При хане Узбеке происходит завершение формирования государства джучидской монгольской аристократии. При Узбеке и Джанибеке это государство достигает в своем развитии кульминационного пункта. Резко возрастают центральная власть и ее аппарат, могущество и сила хана... Татарская администрация и войско на Руси подчиняются теперь Джучидам». Г. А. Федоров-Давыдов обращает внимание на факт чрезвычайно важный и вместе с тем не оцененный по достоинству отечественными историками: в начале XIV в. в Золотой Орде «на местах создаются... династии областных правителей»¹¹⁴. Формирование их не могло не идти в соответствии с монгольскими представлениями о власти. По всей видимости, это было едва ли не прямой рецепцией монгольской системы, ибо семьи местных правителей получали право наследования¹¹⁵. Подобный же поворот к утверждению наследственного права местных правителей произошел также и в Северо-Восточной Руси в XIV в. Можно даже достаточно точно определить один из его узловых моментов: в 1339 г., как известно, Иван Данилович Калита ездил в Орду со своей духовной грамотой, которая получила одобрение хана. На грамоте — ханская тамга (печать). Напомним, что тамга первоначально у монголов была знаком, которым обозначалось право собственности.

Развитие удельно-вотчинной системы в Северо-Восточной Руси показало генетическую связь ее как с древнерусской, так и с монгольской моделями власти и собственности. Но все же, рискуем утверждать, что решающее значение в формировании этой системы сыграла включенность северо-восточных земель в Монгольскую империю.

Симптоматично, что первое ф у н к ц и о н а л ь н о е упоминание слова «пожаловал» в завещаниях (речь не идет о договорных грамотах, отличавшихся собственной традицией и спецификой оформления) великих и удельных князей фиксируется в духовной галицкого князя Юрия Дмитриевича: «А чем мя Бог по ж а л о в а л и царь (монгольский хан. — А. Ю.), Дмитровым, и с московскими волостми, и с селы, что было за братом за моим, за князем за Петром, чем его отец мой благословил»¹¹⁶. Любопытна сама история этого царского пожалования. В 1431 г. поехали в Орду Василий II Васильевич и его дядя Юрий Галицкий, чтобы решить вопрос о власти. Весной 1432 г. началось разбирательство княжеского спора. Московская сторона нашла убедительные аргументы: Василий Васильевич ищет не просто великого княжения, а «твоего улуса, по твоему цареву жалованью и по твоим девтерем и ярлыком»¹¹⁷. Соглашаясь на признание великого княжения «пожалованием», московская сторона, по понятиям того времени, признавала верховную власть монгольского хана над всей территорией Северо-Восточной Руси. Хану, конечно, было приятно услышать, что Василий Васильевич сидит «на твоём жалованье», неся службу «тебе, своему государю, волному царю». Но «жалование» государя предусматривало целую систему взаимоотношений, и главное в них заключалось в том, что «земля» давалась верховным ее распорядителем, ханом, за верную службу.

Судебное разбирательство закончилось компромиссом: Василий Васильевич сохранил за собой великое княжение, Юрий Галицкий получал ярлык на княжение в Дмитрове, до этого принадлежавшем брату Юрия, Петру (умер в 1428 г.). Цена победы москвичей — обязательство платить «выход» за владение землями, находящимися в верховной власти монгольского хана. С освобождением от ордынской зависимости верховная власть на Руси «присвоила» себе это право «пожалования» как право распоряжения. Слово «пожаловал» является калькой тюркского слова «soyurgal» (от *soyur[g]a*)¹¹⁸. Термином этим в западных улусах

Монгольской империи, как считал Б. Я. Владимирцов, обозначалось «потомственное пользование» земель, которая принадлежала ханской семье¹¹⁹.

* * *

Следует различать два варианта удельно-вотчинной системы: обычный и великокняжеский. Оба варианта генетически едины, но в способах реализации различны. «Удел» — часть любой вотчины (т. е. любого семейно-родового владения), но вместе с тем потенциально — и сама (новая) вотчина. Удельно-вотчинная система в обычном варианте была амбивалентна, ибо осуществлялась в процессе постоянного деления и консолидации. Великокняжеская система нацелена была на закрепление семейной собственности как государственной: в соответствии с этим обстоятельством осознавалось и понятие «отчины» великого князя как территории Русского государства. Генетическое единство двух этих вариантов проявлялось в системообразующей функции, обеспечивавшей целостность государственно-политического и экономического устройства. Отсюда понятно, почему владельцы княжеских вотчин до подчинения их великокняжеской власти пользовались в своих жалованных грамотах термином «пожаловал есмь» и почему с созданием единого государства им пришлось употреблять иную формулу — «дал есмь».

Таким образом, торжество великокняжеской власти заключалось в укреплении семейно-родовой собственности. В русском средневековом обществе, с его традиционализмом в социальных отношениях, не возникало (да и не могло возникнуть) идеи об отказе от этой формы собственности, тем более что «удел» отождествлялся с «благословением», а «благословение», особенно в великокняжеской семье, играло важную роль в осознании прав на законное существование.

Могла ли великокняжеская власть осуществлять осознанно «борьбу за ликвидацию удельной системы»? Сразу же возникает вопрос к вопросу: а какая удельная система имеется в виду? Та, что обычна для любого семейно-родового владения, или та, что представлена родовой собственностью великокняжеской семьи? Но могла ли верховная власть бороться сама с собой? В XVI в. в России не было даже зачатков майората, не говоря о том, что и в XVIII в. этот европейский порядок не утвердился, уступив натиску семейно-родовых отношений.

Обратим внимание на типологию политических конфликтов на Руси в XV в.: ссоры происходят в семье, в противоборство вступают чаще всего братья или венценосный племянник и дядя. Заметим также, что общность моделей власти и собственности в Монгольской империи и на Руси обусловила и общую тенденцию в политическом противоборстве: оно велось за права на власть и ее наследование: либо от отца к сыну, либо от брата к брату. Этот тип конфликтов был естествен для утвердившейся системы властвования. Г. А. Федоров-Давыдов писал: «При обострении феодальной борьбы претендентами на ханскую власть выступали, с одной стороны, сын умершего хана, а с другой — брат или кузен покойного...»¹²⁰.

Победа «вертикального» типа наследования на Руси (после феодальной войны второй четверти XV в.) не сняла напряженности в сфере отношений между братьями великокняжеской семьи. Подобные конфликты внутри рода в самом деле могут привести на мысль об антиудельной борьбе великокняжеской власти, но, как мы видим, этой борьбы не было вообще.

Итак, специфика великокняжеской семейной собственности и характер конфликтов указывают на главную причину так называемого «конца» удельной системы. *Уделы существуют, пока существует великокняжеская царская семья — верховный распорядитель собственности.* В конце XVI в. эта семья вымирает. *Со смертью последнего ее представителя, Федора Ивановича (1598), перестает существовать семейная «отчина».*

Изучение удельно-вотчинных отношений заставляет задуматься и над проблемой феодализма в России. Ошибочно мнение Р. Г. Скрынникова, считающего, что «уделы» — это привилегированные владения феодального типа. Нет оснований

видеть в опричной политике царя Ивана IV проявление феодальной системы, для которой характерно было (особенно в Западной Европе) противоборство монарха с непокорными и относительно независимыми от центральной власти сеньорами — крупными земельными собственниками. Следует вновь обратиться к анализу того, что мы называем «феодальным иммунитетом» в средневековой России. Вне всякого сомнения, сама иммунитетная система существовала, но закрепляла правопорядок «по горизонтали» в условиях, когда земля передавалась верховной властью во владение на правах временного пользования («пожалования»). Иными словами, иммунитет, действуя «по горизонтали» (защищая пожалованные владения от покушений со стороны), не был да и не мог быть защитой в отношениях «по вертикали».

Другой «феодальный институт» — местничество — большинством ученых признается уникальным. Местничество как система «замещения должностей и служебного функционирования высших рангов служилого сословия в государстве — чинов государственного двора»¹²¹ — имело смысл только в условиях существования наследственной монархии при утверждении верховной власти одной семьей. Местничество обретает уникальный смысл, когда в этой системе отношений побеждает право наследования от отца к сыну. Элементы местнических отношений можно обнаружить и в Монгольской империи в определенные периоды ее истории; в силу разных причин они не утвердились и не переросли в нечто большее.

Не хотелось бы делать поспешных выводов, но в одном, думается, нет сомнений. Современная европейская наука уже определила свое отношение к феодализму, смогла описать его и дать необходимые определения. В работах И. Страйера, Ф. Гансхофа и других ученых приводятся основные модели отношений власти и собственности применительно к европейскому феодализму в целом¹²². Эти модели кардинальным образом отличаются от того, что мы встречаем в русских источниках. Отечественная наука еще предстоит выработать свою терминологию, которая наиболее адекватно отвечала бы потребностям познания и описания средневековой России.

Примечания

¹ См., напр.: Алексеев Ю. Г. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 18. 1987. С. 93—110.

² Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Изд. 5. Пб., 1919. С. 90.

³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси // Павлов-Сильванский Н. П. *Феодализм в России*. М., 1988. С. 30—43.

⁴ Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // *Исторические записки*. Т. 22. 1947. С. 122.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории первой трети XVI в. М., 1972. С. 402, 403.

⁸ Каштанов С. М. К изучению опричнины Ивана Грозного // *История СССР*. 1963. № 2. С. 116—117.

⁹ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 477.

¹⁰ Скрынников Р. Г. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // *Исторические записки*. Т. 76. 1965. С. 153.

¹¹ Там же. С. 155.

¹² Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 478.

¹³ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 156.

¹⁴ Юрганов А. Л. О дате написания завещания Ивана Грозного // *Отечественная история*. 1993. № 6. С. 125—141.

¹⁵ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 5. М., 1978. С. 73.

¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л. 1950 (далее — ДДГ). С. 427—428.

¹⁷ Фортен Г. В. Балтийский вопрос в XVI—XVIII столетиях. Т. 1. СПб., 1893. С. 549—550.

¹⁸ Чумиков Д. Осада Ревеля (1570—1571) герцогом Магнусом // *ЧОИДР*. 1891. Кн. 2. С. 46. Более подробно о судьбе земельных владений герцога Магнуса см.: Юрганов А. Л. Указ. соч. С. 129—133.

¹⁹ Юрганов А. Л. Указ. соч. С. 126.

²⁰ Беликов В. Ю., Колычева Е. И. Документы о землевладении князей Воротыньских во второй половине XVI — начале XVII в. // Архив русской истории. Вып. 2. 1992. С. 93—121; Юрганов А. Л. О Стародубском «уделе» М. И. Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Там же. С. 34—70.

²¹ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 192.

²² Юрганов А. Л. О Стародубском «уделе»... С. 69.

²³ Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1888. Кн. 3. С. 315—316.

²⁴ ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1906. С. 398; Скрынников Р. Г. Опричина... С. 171; Зимин А. А. Иван Грозный и Семион Бекбулатович в 1575 г. // Из истории Татарии. Казань, 1970. С. 149.

²⁵ Скрынников Р. Г. Опричина... С. 171; ДДГ. С. 422—423.

²⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 86.

²⁷ Разрядная книга. 1475—1598 гг. М., 1966 (далее — РК). С. 241.

²⁸ Там же. С. 248, 258.

²⁹ Древняя российская Вивлиофика. Ч. XIII. М., 1790. С. 127—137.

³⁰ Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 40—41.

³¹ Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачова. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 439.

³² Веселовский С. Б. Последние уделы... С. 118.

³³ РК. С. 70.

³⁴ Веселовский С. Б. Последние уделы... С. 118.

³⁵ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605). СПб., 1992. С. 160—161.

³⁶ Веселовский С. Б. Последние уделы... С. 118. Ирина Александровна, первая жена И. Ф. Мстиславского, умерла в 1566 г. (Веселовский С. Б. Исследования по истории опричины. М., 1963. С. 294).

³⁷ РК. С. 111.

³⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. С. 110—112.

³⁹ Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 201.

⁴⁰ Писцовые книги... Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. С. 290.

⁴¹ Павлов А. П. Указ. соч. С. 161.

⁴² Акты московского Симонова монастыря... С. 111.

⁴³ Павлов А. П. Указ. соч. С. 161.

⁴⁴ Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. С. 63—64.

⁴⁵ Павлов А. П. Указ. соч. С. 33; Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI в. // Труды МГИИ. Т. 28. 1970. С. 328.

⁴⁶ Павлов А. П. Указ. соч. С. 65.

⁴⁷ Сухотин Л. М. Земельные пожалования при царе Владиславе. 1610—1611 гг. // Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг. Вып. 8. М., 1911. С. 56—57; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. (далее — АФЗХ). Ч. III. М., 1961. С. 23.

⁴⁸ РГАДА, ф. 281, Переяславль, № 9009.

⁴⁹ РГБ ОР, ф. 303, № 284 (купчая М. В. Глинского); № 533, л. 697—697 об., 681—682, 712 об.— 713, 712.

⁵⁰ РГАДА, ф. 281, Переяславль, № 8887, 8889.

⁵¹ РГБ ОР, ф. 303, № 342 (купчая М. В. Глинского); № 533, л. 714—715.

⁵² РГАДА, ф. 281, Переяславль, № 8898, 8902.

⁵³ РГБ ОР, ф. 303, № 530, Москва, № 137, л. 140—140 об. 158—158 об.; Рознь, № 27, л. 1416 об.— 1417.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 456—457; Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 208.

⁵⁵ К. Тихонравов, публикуя материалы о лицах, погребенных в суздальском Покровском девичьем монастыре, считал, что здесь была захоронена «княгиня инокиня Александра, супруга царевича и великого князя Иоанна Иоанновича» (Тихонов К. Материалы для истории и археологии. Лица, погребенные в Суздальском Покровском девичьем монастыре // Владимирские губернские ведомости. 1854. № 23. С. 96). Думается, это — ошибка. В самом деле, именно в Покровском девичьем монастыре была пострижена супруга царевича, в миру Евдокия Богдановна Сабурова. По крайней мере до 1597 г. инокиня Александра находилась там, ибо сохранилась опись этого девичьего монастыря, относящаяся к марту 1705 г.: «...келья царевича князя Ивана Ивановича царицы старицы Александры...» (Его же. Опись Суздальского Покровского девичьего монастыря // Там же. С. 176—177). Умерла она около 1620 г., возможно, даже в том же монастыре, где и была пострижена. Но вот похоронили ее в другом монастыре — в московском Вознесенском «соцарицами вместе» (ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 397). В сообщении Нового летописца о ее смерти не случайно говорилось «о преставлении царицы Александры». Между тем В. В. Касаткину было известно, что в надгробной надписи были такие слова — «княгини Александры уде льной Полоцких» (Касаткин В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии до начала XIX столетия. Владимир. 1906. С. 226; Николай Михайлович, великий князь. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 16). Нетрудно догадаться, что речь идет о семье князей Палещких. Да и определение княгини как «удельной» не подходит для «царицы» Александры, бывшей жены Ивана Ивановича. В «Росписи благоверным царицам и царевнам и великим княгиням, которые погребены в его государеве богомолье в Суждале в Покровском девичьем монастыре...», относящейся к XVII в., указывается, что после Софьи (Соломони) Сабуровой и А. Г. Васильчиковой

- вой была захоронена «великая княгиня Александра удельная» (Государственный архив Владимирской области, ф. 575, оп. 1, № 92). Поскольку могила Ульяны Палецкой находится в одной линии и следует сразу после захоронения А. Г. Васильчиковой, можно предполагать, что смерть ее произошла не раньше марта 1579 г., когда царь Иван Грозный обратился к завещанию и упомянул в нем свою пятую жену (Юрганов А. Л. О дате написания завещания Ивана Грозного. С. 133—136).
- ⁵⁶ Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Вып. III. М., 1978. С. 461.
- ⁵⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 283.
- ⁵⁸ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 210. Устюжной в свое время владела Соломония Сабурова (Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 401).
- ⁵⁹ Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 196.
- ⁶⁰ Зимин А. А. Государственный архив... Вып. III. С. 461—462.
- ⁶¹ ДДГ. С. 441.
- ⁶² РК. С. 169; Левенков В. П. Надгробия князей Трубецких//Советская археология. 1960. № 1. С. 245—253; Трубецкая Е. Э. Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891.
- ⁶³ Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного//Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 79.
- ⁶⁴ РК. С. 261, 277, 293; Павлов А. П. Указ. соч. С. 33.
- ⁶⁵ Павлов А. П. Указ. соч. С. 100.
- ⁶⁶ Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 79.
- ⁶⁷ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 10.
- ⁶⁸ Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе как исторический источник//Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 34—35.
- ⁶⁹ М. Г. Рогинский писал: «Таубе и Крузе рассказывают, как Иван Грозный разделил всю страну на две части, опричнину и земщину, и завещал первую своему младшему сыну, а вторую старшему. Насколько общеизвестна и общепринята правильность первого, настолько же одиноко второе. У нас нет никаких свидетельств, подтверждающих это указание» (Там же. С. 15—16).
- ⁷⁰ Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. С. 310.
- ⁷¹ РГАДА, ф. 1487, оп. 1, д. 4; Юрганов А. Л. О Стародубском «уделе» М. И. Воротынского. С. 68.
- ⁷² Кобрин В. Б. Землевладельческие права княжат в XV — первой трети XVI века и процесс централизации//История СССР. 1981. № 4. С. 34—35.
- ⁷³ Рогинский М. Г. Указ. соч. С. 36.
- ⁷⁴ Веселовский С. Б. Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г.//Вопросы истории. 1946. № 1. С. 91.
- ⁷⁵ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 189.
- ⁷⁶ Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. С. 323.
- ⁷⁷ Готье Ю. Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С. 385—386.
- ⁷⁸ Кобрин В. Б. Землевладельческие права княжат... С. 36.
- ⁷⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуги в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 108, 114.
- ⁸⁰ Сухотин Л. М. К вопросу об опричнине//ЖМНП. 1911. Ноябрь. С. 63.
- ⁸¹ Веселовский С. Б. Учреждение Опричного двора... С. 91.
- ⁸² Садиков П. А. Указ. соч. С. 189.
- ⁸³ Кобрин В. Б. К вопросу о времени включения в опричнину Ярославского уезда//Краеведческие записки гос. Ярославско-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 94—97.
- ⁸⁴ Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. С. 319. Ср.: Скрынников Р. Г. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г.//Исторические записки. Т. 70. 1961. С. 223—250.
- ⁸⁵ Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. С. 320—321.
- ⁸⁶ Анхимова Ю. В. К вопросу о времени взятия в опричнину Ростова и Ярославля//Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. С. 22—25; его же. Записки летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания — новый источник по истории опричнины//Архив русской истории. Вып. 2. С. 121—129.
- ⁸⁷ Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. С. 310.
- ⁸⁸ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 371.
- ⁸⁹ РНБ ОР, ф. 550. Ф. IV. 409, л. 196 об.
- ⁹⁰ Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей. СПб., 1901. С. 23.
- ⁹¹ В 1499 г. князь Семен Иванович Стародубский (в духовной ошибочно — Василий) и Василий Иванович Шемяич Новгород-Северский перешли на службу к Ивану III.
- ⁹² ДДГ. С. 196, 122.
- ⁹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 117; Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. С. 120.
- ⁹⁴ ДДГ. С. 7, 13, 15, 34, 196, 358, 440.
- ⁹⁵ Там же. С. 58, 60.
- ⁹⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841. № 46. С. 211; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 273; Горский А. Историческое описание Троице-Сергиевой лавры. М., 1897. С. 84.

- ⁹⁷ РГБ ОР, ф. 303, кн. 530, № 195, л. 283—294 об.; И в и н а Л. И. Троицкий сборник по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв.//Записки отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 27. 1965. С. 149—163; РК. С. 10; З и м и н А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 239—240.
- ⁹⁸ Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975. № 223, 286; РГБ ОР, ф. 303, № 520, л. 137—139 об.
- ⁹⁹ РК. С. 106, 120; ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 261; Ш у м а к о в С. А. Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4//ЧОИДР. 1917. Кн. 2. С. 558—560.
- ¹⁰⁰ РК. С. 89.
- ¹⁰¹ З и м и н А. А. Формирование боярской аристократии... С. 241.
- ¹⁰² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952. С. 262; РГБ ОР, ф. 303, № 530, л. 210—227.
- ¹⁰³ З и м и н А. А. Формирование боярской аристократии... С. 239; РГБ ОР, ф. 303, кн. 530, № 195, л. 283—294 об.; Родословная книга князей и дворян. Т. 1. М., 1787. С. 266.
- ¹⁰⁴ Л и х а ч е в Н. П. Указ. соч. С. 13—18; РГБ ОР, ф. 303, кн. 530, № 25, л. 47 об.; № 3, л. 1026 об.—1027.
- ¹⁰⁵ ДДГ. С. 358—359.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 359.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 197.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 10.
- ¹⁰⁹ П р е с н я к о в А. Е. Княжое право Древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий//П р е с н я к о в А. Е. Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 33.
- ¹¹⁰ Там же. С. 35—36.
- ¹¹¹ В л а д и м и р ц о в Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 145—146.
- ¹¹² В. В. Трепавлов уточнил, что такое род: «Вся держава, созданная в ходе войн, рассматривалась как сфера управления одной единственной ветви рода борджигинов» (Т р е п а в л о в В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993. С. 103).
- ¹¹³ Ф е д о р о в - Д а в ы д о в Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 54.
- ¹¹⁴ Там же. С. 89—90.
- ¹¹⁵ Там же. С. 90.
- ¹¹⁶ ДДГ. С. 74.
- ¹¹⁷ З и м и н А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV века. М., 1991. С. 46.
- ¹¹⁸ G o l d e n P. *Turkic Calques in Medieval Eastern Slavic//Turks, Hungarians and Kipchaks*. Vol. 8. Harvard, 1984. P. 109—110. Выражаю признательность И. Г. Добродомову, обратившему мое внимание на эту работу.
- ¹¹⁹ В л а д и м и р ц о в Б. Я. Указ. соч. С. 115. См. также: П е т р у ш е в с к и й И. П. К истории института сойургала//Советское востоковедение. Т. 6. М.; Л., 1949. С. 227—246.
- ¹²⁰ Ф е д о р о в - Д а в ы д о в Г. А. Указ. соч. С. 69.
- ¹²¹ Э с к и н Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 5.
- ¹²² S t r a y e r J. R. *Feudalism in Western Europe//The Middle Ages. Readings in Medieval History*. Vol. 2. N. Y., 1970. P. 55—65; P a i n t e r S. *The Family and Feudal System in Twelfth Century in England//Ibid*. P. 66—83; H e r l i n g D. *Feudalism: Meanings and Methodologies//Ibid*. P. 81—95; G a n s h o f F. L. *Feudalism*. L., 1974 и др.

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В ПОСЛЕВОЕННЫХ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В октябре 1945 г. 690 тыс. немцев — советских граждан находились в Сибири, Казахстане и Средней Азии на положении особых поселенцев под надзором особоуполномоченных НКВД. Около 350 тыс. так называемых «причерноморских немцев» обретались в Германии и на приграничных с ней территориях, занятых союзниками. Последняя группа в период германской оккупации Украины, точнее до конца 1943 г., была эвакуирована в Польшу (Вартегау) и в пределы рейха, где получила права германского гражданства. 200 тыс. человек из этого контингента попали в зону наступления Красной Армии. До конца 1945 г. при содействии западных союзников СССР около половины из 150 с лишним тысяч немцев, находившихся в западных зонах оккупации, были «репатрированы» на советскую территорию и поставлены под контроль НКВД. Согласно точке зрения советского руководства, речь в данном случае шла о советских гражданах, которые против их воли и во всяком случае незаконно были вывезены немецкими оккупантами в Германию. В СССР с ними, насколько известно, обходились так же, как и с другими российскими немцами.

В первое послевоенное десятилетие российские немцы не являлись сколько-нибудь заметным фактором советско-германских отношений. Ситуация начала изменяться после принятия в ФРГ 22 февраля 1955 г. закона, согласно которому германскими подданными признавались и лица, получившие гражданство в годы Второй мировой войны. ЦК КПСС в ответ принял постановления от 12 марта и 29 июня 1955 г. об усилении политической массовой работы среди немецких поселенцев. До сих пор остается неизвестным, обсуждалась ли проблема российских немцев на дипломатическом уровне до сентября 1955 г. (до того между СССР и ФРГ не существовало дипломатических отношений на уровне посольств или консульств). В ходе соответствующих подготовительных переговоров правительства двух стран обменялись нотами. В ноте немецкой стороны, в частности, отмечалось: «К числу обсуждаемых относится и вопрос об освобождении тех немцев, которые в настоящее время находятся под арестом на территории Советского Союза и в зоне его влияния и которым препятствуют выехать из этих областей»¹. Однако советское правительство в ноте от 19 августа 1955 г. не прореагировало на это предложение². Поэтому в публичной речи 2 сентября 1955 г. бундесканцлер К. Аденауэр вновь затронул эту тему уже под несколько иным углом зрения: «...Вопрос об освобождении немцев, насильственно удерживаемых в Советской России и в сфере ее господства. В первую линию вопрос этот не политический. Это вопрос гуманизма...»³.

Во время переговоров в Москве выяснилось, что Аденауэр имеет в виду не только освобождение военнопленных. На официальном банкете в Кремле он объяснил Председателю Совета Министров Н. А. Булганину, что речь идет также о 130 тыс. немцев, от которых за два последних года после смерти Сталина получены соответствующие заявления и которым препятствуют выехать из СССР⁴. Чтобы спасти переговоры от провала, обескураженный Булганин вынужден был

* Айсфельд Альфред, доктор, исполнительный директор Гёттингенского исследовательского центра института германских и восточноевропейских исследований, Гёттинген (ФРГ).

Перевод Ю. А. Петрова.

дать «честное слово», что немцы, о которых говорил Аденауэр, будут отпущены. Булганин и Хрущев повторили это обещание перед всей германской делегацией, оговорив, что следует еще установить реальное существование этих 130 тыс. немцев, пожелавших вернуться на историческую родину.

В течение 1956 г. германская и советская стороны обменивались нотами по поводу репатриации своих подданных⁵. В мае 1956 г. МИД СССР опротестовал выдачу германского паспорта одному немцу, родившемуся в 1914 г. в Российской империи. Германская сторона в ноте от 23 августа 1956 г. указала, что в ходе сентябрьских 1955 г. переговоров со стороны советских представителей высказывалось требование предоставить доказательства германского гражданства. «Поскольку не было внесено иных ограничений,— говорилось в документе,— федеральное правительство исходит из того, что данное в сентябре 1955 г. обещание касается всех лиц, которые по германским законам являются подданными ФРГ и желают выехать в Германию. По нормам же международного права вопрос о том, кто является гражданином Германии, должен определяться на основе германских законов»⁶. Под этим в ноте подразумевались те российские немцы, которые в годы войны были вывезены в Германию, получили германское гражданство, а в 1945 г. вновь возвращены в СССР.

Споры вызвал вопрос о процедуре предъявления требуемого советской стороной доказательства германского подданства. Российским немцам затрудняли доступ в германское посольство, не допускались их контакты и с находившимися близ Сухуми германскими специалистами для получения и проверки необходимых сведений. По вопросу о выезде из СССР германских подданных дело в начале 1957 г. дошло до острого конфликта. К. Аденауэр в письме от 27 февраля 1957 г. на имя Н. А. Булганина вынужден был напомнить, что в сентябре 1955 г. советская сторона обещала не только освободить военнопленных, но и разрешить выехать тем германским гражданам, которые находились в СССР против их воли. О количестве таких лиц так и не успели договориться. Процедура возвращения гражданских лиц в Германию с самого начала наталкивалась на серьезные затруднения, которые, по словам Аденауэра, принимали все большие масштабы и в конце концов оборачивались невыполнением данного слова⁷.

Три дня спустя германское посольство направило в советский МИД ноту с предложением начать переговоры по проблемам советско-германских отношений, а именно отношений торговых, консульских, а также «о проведении репатриации германских граждан, гарантированной руководством советской делегации на переговорах в сентябре 1955 г.»⁸

После переговоров 1955 г. германский Красный Крест пытался установить контакты между членами семей, оказавшихся в результате войны в разных странах. Работа велась в сотрудничестве с советским Красным Крестом. Президент германской организации И. Вайц с 20 февраля по 1 марта 1957 г. вел переговоры в Москве по вопросам воссоединения семей и о пропавших без вести в период войны. В результате российские немцы смогли получать от родственников в Германии не только письма, но и посылки.

Однако остался неурегулированным вопрос о том, какие категории родственников могут претендовать на воссоединение. Советскими службами целенаправленно затруднялось и получение российскими немцами посылок из Германии, на публичных собраниях их заставляли отказываться от посылок, получателей принуждали документально засвидетельствовать, что они не относятся к нуждающимся во вспомоществовании и не заинтересованы в поддержании связей с родственниками в Германии. Тенденция эта обрела воплощение в ответной ноте советского внешнеполитического ведомства от 23 мая 1957 г., в которой указывалось, что «репатриация осужденных в свое время в Советском Союзе германских граждан, о которых шла речь на переговорах с правительственной делегацией ФРГ в сентябре 1955 г., полностью завершена. Не исключено, разумеется, что могут возникнуть некоторые практические проблемы при осуществлении мер по репатриации отдельных германских граждан из СССР». В качестве ответного

маневра в советской ноте был возбужден вопрос о возвращении советских граждан, находившихся к тому времени в ФРГ⁹. В июне 1957 г., возражая против такой постановки проблемы, германское посольство напомнило, что обещание Булганина «касалось возвращения всех находившихся в СССР германских подданных, которые обнаружались и были включены в списки разыскиваемых. По имеющимся у федерального правительства сведениям, а также исходя из количества поданных на репатриацию заявлений, речь следует вести не об отдельных лицах, а о тысячах людей». В задачу правительственной делегации должно поэтому войти добиться соглашения по вопросу о репатриации.

Однако советское Министерство иностранных дел продолжало настаивать, что вопрос о репатриации германских граждан из СССР закрыт освобождением военнопленных. Проверка представленных германским посольством сведений о германских подданных в СССР, утверждал советский МИД, обнаружила, что речь по преимуществу идет о советских гражданах¹⁰. Ужесточение советской позиции означало, что предстоявшие переговоры сложатся нелегко. Они действительно затянулись и с перерывами продолжались с июля 1957 по апрель 1958 г. Германская делегация под председательством чрезвычайного посла Рольфа Лаара под германскими гражданами имела в виду наряду с 20 тыс. так называемых «старых германских подданных», включая жителей бывшей Восточной Пруссии, Прибалтики (Мемельский округ) и этнических немцев, которые перебрались в Германию на основе советско-германских договоров («договорные поселенцы»), а также и около 170 тыс. российских немцев, получивших германское гражданство в годы Второй мировой войны и ко времени переговоров находившихся в Советском Союзе. Однако советская сторона не признавала за этими «административными поселенцами» прав на германское гражданство. Незадолго до этого назначенный министром иностранных дел А. А. Громыко заявил, что вопрос о репатриации германских подданных является надуманной проблемой, искусственно вынесенной на передний план переговоров. Репатриация немцев, по мнению советского правительства, уже закончилась, и в СССР больше не было германских граждан; вопрос этот умышленно раздувался германской стороной¹¹.

После опубликования этого заявления советского МИДа германский посол в Москве Хаас, провел пресс-конференцию, о которой в германской печати сообщалось следующее: «Посол Хаас продемонстрировал западногерманским журналистам картотеку с именами около 80 тыс. немцев, выразивших желание возвратиться в Германию»¹². Хранившаяся в подвале здания посольства картотека была обнародована на следующий день после советского заявления о том, что в СССР нет германских подданных, желающих репатрироваться. На пресс-конференции Хаас пояснил: «Я отдаю себе отчет, что в глазах советского правительства проблемы репатриации более не существует, но она продолжает оставаться в сердцах десятков тысяч немцев, запрашивающих наше правительство о репатриации, ибо они воспринимают себя германскими гражданами»¹³. В германском посольстве к тому времени было зарегистрировано более 100 тыс. подавших заявление на выезд из различных регионов СССР. В советской прессе Хаас подвергся резким нападкам в связи с этой пресс-конференцией, но тем не менее 16 августа 1957 г. первая тысяча репатриантов получила разрешение на выезд.

При этом так и не было достигнуто единства взглядов по поводу того, кто из российских немцев может считаться германским подданным. Более того, обсуждение вопроса было отвергнуто заместителем министра иностранных дел Семеновым под предлогом, что речь здесь идет о внутренних делах Советского Союза. Красный Крест СССР с марта 1957 г. получил задание «в соответствии с действующими советскими законами проверять и поддерживать ходатайства о репатриации германских граждан, оказавшихся на территории СССР в результате Второй мировой войны». В итоге затянувшихся переговоров стороны сошлись на том, что признали принцип воссоединения в отношении разрозненных войной семей, причем договорились, что каждая из сторон будет действовать в соответствии со своим законодательством¹⁴.

В ноте от 26 апреля 1958 г. МИД ФРГ еще раз уточнил, о каких группах лиц идет речь в соглашении о репатриации. К ним относились: 1) обитатели Мемельского округа, там проживающие или происходящие оттуда родом; 2) так называемые «договорные переселенцы», т. е. лица, на основании советско-германских договоров переселенные в Германию из Прибалтики, Волыни, Бессарабии и других областей; 3) выходцы из Восточной Пруссии, проживающие в советской ее части или ведущие оттуда происхождение; 4) все прочие подданные Германии, проживающие в Советском Союзе и на территориях под его контролем.

Относительно всех четырех категорий было поставлено условие, чтобы относящиеся к ним лица имели германское гражданство до 21 июня 1941 г., т. е. до начала советско-германской войны. Российским немцам, приобретшим германское подданство в годы войны, оставался поэтому единственный шанс выехать из СССР, используя конвенцию о воссоединении разрозненных войной семей. Пункт этот содержался в соответствующей резолюции международной конференции Красного Креста, состоявшейся в 1952 г. в Торонто (Канада). В частном письме из Москвы Р. Лаар писал в это время: «Мне жаль этих незаслуженно обиженных, пренебрежительно называемых „трофейными немцами“; я видел, сколь многие из поволжских и прочих российских немцев, замечательные люди по большей части, приезжали после продолжительного, трудного путешествия в Москву, чтобы найти прибежище в посольстве, само посещение которого для них было делом небезопасным; их нельзя забыть. Горько бросать их на произвол судьбы, хотя с самого начала в их отношении почти не было надежды»¹⁵.

Советская сторона предусматривала завершить репатриацию четырех названных категорий немцев до конца 1959 г. В отношении же немцев — советских граждан какой-либо определенный срок не был назначен. Советские чиновники по своему произволу могли отклонять подаваемые заявления или тормозить их рассмотрение. Постоянные столкновения с советской бюрократической машиной порождал вопрос о подтверждении германского подданства. С момента опубликования в апреле 1958 г. соглашения о репатриации в советских официальных учреждениях в качестве доказательства германского подданства стали требовать оригиналы немецких документов. Однако те, как правило, были конфискованы при вывозе российских немцев из Германии или Вартегау в фильтрационных лагерях. Чиновникам документы были доступны, поскольку хранились в МВД, однако у самих просителей их не было на руках. Приходилось хлопотать, чтобы недостающие документы присылали родственники из ФРГ.

Несмотря на затянувшиеся переговоры и в целом неудовлетворительный их результат, число выехавших в Германию возросло с 4122 человек в 1958 г. до 5563 в 1959 г. Но в 1960 г. последовало снижение до 3272 человек, а в 1961 — до 345 человек. С весны 1960 г. советское правительство считало, что соглашение о репатриации выполнено и срок его реализации истек. По оценке же федерального правительства, в ФРГ вернулось только 60% живущих в СССР германских подданных. Поэтому 15 октября 1960 г. Аденауэр сообщил Хрущеву, что не может разделить советской позиции относительно окончания срока действия соглашения о репатриации 31 декабря 1959 г.¹⁶ Хрущев ответил в феврале 1961 г., что «советское правительство, как и прежде, не имеет намерения удерживать в Советском Союзе лиц немецкой национальности, которые имели ранее германское гражданство и желают выехать в ФРГ». В связи с этим руководители ФРГ в 1961—1962 гг. неоднократно предлагали возобновить обсуждение вопроса о масштабах и методах проведения репатриации. Предложения эти были суммированы в ноте федерального правительства от 20 мая 1963 г.¹⁷

Нельзя не признать, что со времени переговоров Аденауэра в Москве осенью 1955 г. положение российских немцев существенно улучшилось. Так, на основе указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»¹⁸ они получили право покидать «спецпоселения» и перемещаться на жительство в другие регионы страны, за исключением мест их довоенного

обитания. Кроме того, в районах расселения немцев в Российской Федерации, Казахстане, Узбекистане и Таджикистане были предприняты шаги по расширению преподавания немецкого языка. С 1955 г. в Алтайском крае стала издаваться газета на немецком языке, с 1957 г. — и в Москве. Сколь ни скромны были эти меры, для немецкого населения страны они означали заметное облегчение условий жизни. С конца 1950-х гг. появились и первые симптомы политической интеграции немцев в советском обществе. Так, в 1958 г. Петер Рау первым из немцев был избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР¹⁹.

Можно понять позицию советского руководства, в начале 1960-х гг. отказавшегося вернуться к рассмотрению проблемы репатриации российских немцев, имевших германское подданство. Ей тем не менее противостояли как толкование правовой стороны дела германской стороной, так и желание немцев вернуться на историческую родину. Абстрактное устное обязательство, данное Булганиным в 1955 г., вылилось в многолетнее разбирательство в результате необходимого уточнения правовой базы. Неоднократные запросы германского посольства и федерального правительства были, с их точки зрения, оправданы тем, что опирался не только на германское законодательство и резолюцию Торонтской конференции Красного Креста, но и на стремление более чем 100 тыс. немцев возвратиться в Германию.

Однако в 1960-х гг. до переговоров по этому поводу дело больше не дошло. Обе стороны, как советская, так и западногерманская, были крайне заинтересованы в улучшении отношений после Карибского кризиса и конфликта вокруг Берлинской стены. В 1964 г. готовился визит Хрущева в ФРГ, в ходе подготовки к которому был принят известный указ от 29 августа 1964 г. о частичной реабилитации проживавших в СССР немцев²⁰. Он призван был, по всей вероятности, сыграть определенную роль на предстоявших переговорах как советский ответ на возможные запросы германской стороны о ситуации с немецким населением СССР. Встреча в верхах, однако, не состоялась, поскольку 14 октября Хрущев был смещен со своего поста.

Многочисленные представители интеллигенции российских немцев восприняли указ от 29 августа 1964 г. как повод обратиться к партийно-советскому руководству относительно политической реабилитации и воссоздания автономной республики немцев Поволжья. В 1965—1967 гг. в Москве побывали три делегации, не добившись, впрочем, своей цели. Политическая дискуссия на международном уровне в 1960-х гг. определялась подписанием международного соглашения о гражданских и политических правах, в соответствии с которым гарантировалось право человека на свободный выезд и защита интересов национальных меньшинств. СССР был в числе присоединившихся к соглашению, хотя ратифицировал его лишь в 1973 г. Данная конвенция создала основу для предъявления российским немцам требований права на выезд в ФРГ.

Московский договор 1970 г. между СССР и ФРГ не содержал статей, которые напрямую касались бы живших в СССР немцев. Германский посол заметил по этому поводу в мемуарах: «Вопрос о воссоединении разлученных войной семей — проблема, затрагивающая более 40 тыс. живущих в Советском Союзе немцев, — во время переговоров обсуждался лишь попутно и потому никак не был урегулирован»²¹. Только однажды, осенью 1972 г., когда в ФРГ приближались выборы в бундестаг, советское руководство допустило в течение двух недель увеличение числа отъезжающих²².

Иначе оценивали воздействие договора на проводимую Красным Крестом кампанию воссоединения семей сами переселенцы. Если в 1960-х гг. СССР ежегодно покидали от 209 до 1245 немцев, то после заключения договора число их существенно возросло: 1970 г. — 342, 1971 г. — 1145, 1972 г. — 3420, 1973 г. — 4493 и 1974 г. — 6541 человек. В 1974 г. разрешение на выезд ежемесячно получали около 500 российских немцев, но число желающих выехать росло еще быстрее. Изменились и методы просителей. Если прежде они ограничивались письмами в посольство, то теперь обращались с открытыми посланиями к канцлеру

Г. Шмидту, к Генеральному секретарю ООН и к советскому руководству. Новым было и то, что ходатаи стали действовать коллективно. Так, в сентябре 1974 г. стало известно о письме, подписанном главами 3,5 тыс. немецких семей в Казахстане²³. На отказ в выезде стали отвечать сдачей советских паспортов в милицию²⁴, демонстрациями перед зданием германского посольства и голодовками²⁵. Об этих акциях говорилось в западных средствах массовой информации, в том числе и в вещавших на территорию СССР «радиоголосах», на них указывалось в официальных беседах с советскими представителями.

В 70—80-х гг. руководство Советского Союза полагало, что внешнеполитическое положение страны укрепилось. Московский договор 1970 г. и подписание Хельсинкского акта 1975 г. рассматривались им как признание Западом незыблемости границ в Центральной и Восточной Европе. 3-я корзина Хельсинкского соглашения, где речь шла о правах человека, воспринималась как цена за эти уступки, однако советские руководители не сумели распознать всей таившейся здесь опасности для авторитарного режима.

Центральным сюжетом внутривнутриполитической жизни второй половины 1970-х гг. являлась дискуссия о новой советской конституции. Нас особенно интересует постулированное в ней равенство всех народов Советского Союза и стремление партийно-государственной верхушки создать «новую историческую общность — советский народ». Полное игнорирование в проекте конституции культурно-этнических, религиозных и политических различий между отдельными нациями находилось в явном противоречии с признанным Хельсинкским актом правом на обмен информацией и мнениями, а также свободой вероисповедания. В отличие от 60-х гг. общественные организации и третьи страны могли теперь, ссылаясь на положения Заключительного акта, потребовать от правительства соблюдения гарантированных прав. При этом как на Западе, так и среди самих советских граждан больше не производил впечатления обычный советский контраргумент, что речь идет о вмешательстве во внутренние дела страны.

Ведущая роль КПСС в жизни общества, на которую партия претендовала и которую активно проводила, проявлялась и в том, что в области национальных отношений исходившие от партии импульсы реализовывались другими, государственными и негосударственными структурами. Отчетливое впечатление об этой политике дают опубликованные документы Отдела национальных отношений ЦК КПСС об обращении с немецкоязычным населением страны²⁶. В данном сборнике отражено прежде всего положение в Казахстане, поскольку один из составителей работал прежде в идеологическом отделе ЦК КП Казахстана и имел доступ к соответствующим документам. Публикация не полна, но все же дает представление об основных контурах национальной политики КПСС.

Принятое 16 апреля 1974 г. постановление ЦК КП Казахстана «Об усилении идейно-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности» предусматривало ряд мер, призванных улучшить положение немецкого населения и снизить волну недовольства. Предполагалось даже снять документальный фильм, «разоблачающий подрывную деятельность зарубежных антисоветских идеологических центров и организаций, занимающихся разжиганием эмиграционных настроений среди советских граждан немецкой национальности»²⁷. 26 июня 1974 г. и ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем усилении политико-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности»²⁸. Два этих акта заложили основу национальной политики в отношении российских немцев вплоть до начала «перестройки». Только в 1974—1977 гг. в Казахстане «немецкому вопросу» было посвящено 62 заседания областных комитетов партии, 57 — горкомов и 328 — райкомов КПСС. На желавших выехать осуществлялось в тот период непрерывное и все возрастающее давление. Во всех областях и крупных городах были образованы общественные комиссии, рассматривавшие персональные дела каждого из подавших заявление на выезд. В комиссиях этих участвовали и верные линии партии российские немцы. Особый упор делался на то, чтобы «шире

привлекать патриотически настроенную часть служителей культов для противодействия эмиграционно настроенным верующим»²⁹.

Другим следствием постановлений явилось приобретение библиотеками и учреждениями культуры немецкоязычной литературы. Поскольку в Советском Союзе подобная печатная продукция выпускалась лишь немногими издательствами, к тому же малыми тиражами, основным источником поступления литературы стала ГДР. Со второй половины 1970-х гг. и до конца существования ГДР путешествующие по Казахстану могли даже в отдельных селениях приобрести художественную литературу на немецком языке и словари. Можно было и подписаться на выходящие в ГДР журналы и газеты. С 1978 г. восточноберлинское издательство «Юнге Вельт» развивало сотрудничество с выходящей в Казахстане ежедневной газетой «Фройндшафт» и издательством литературы для детей и юношества³⁰.

Однако уже летом 1976 г. руководство КПСС пришло к выводу, что предпринятые меры не внесли успокоения в массу немецкого населения. 6 августа 1976 г. группе сотрудников ЦК КПСС было поручено заняться разработкой вопроса о создании немецкой автономии. Группа, в которую, кстати, вошел и будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, в конце августа того же года рекомендовала образовать немецкую автономную область в Казахстане с центром в г. Ерментау. Воссоздание же автономной республики в Поволжье было признано нецелесообразным³¹. На основе этих предложений Политбюро ЦК КПСС 31 мая 1979 г. приняло постановление «Об образовании немецкой автономной области»³², поручив ЦК КП Казахстана провести его в жизнь. После опубликования постановления в областном центре г. Целинограде 16 и 19 июня состоялись уличные демонстрации против немецкой автономии, в которых участвовали главным образом молодые люди казахской национальности³³.

На дальнейшее развитие событий самым неблагоприятным образом подействовало ухудшение внешнеполитической ситуации после ввода советских войск в Афганистан и установки в Европе советских ракет СС-20. Во время визита в Москву в июне 1980 г. канцлер Х. Шмидт ввиду этих событий смог уделить проблеме воссоединения немецких семей лишь несколько фраз. «Между нашими странами,— сказал он на официальном приеме,— есть проблема, которая все еще заставляет людей страдать: я говорю о судьбе разделенных семей. Я призываю Вас, г-н Генеральный секретарь, создать для воссоединения семей столь же благоприятные условия (как и для развития торговли.— А. А.). Это дело не столько разума, сколько сердца»³⁴.

Призыв этот не произвел впечатления на Брежнева. Давление на стремившихся уехать все возрастало, многие даже стали забирать обратно поданные заявления. В итоге количество подавших документы на выезд в Казахстане с 11 378 человек в 1981 г. снизилось в 1982 г. до 7772, в 1984 г.— до 2656 и в первой половине 1985 г.— до 542 человек³⁵. По данным сектора ЦК КПСС, ведавшего Казахстаном, в 1985 г. также сократилось представительство российских немцев в компартии республики и других общественных организациях. С одной стороны, абсолютное количество членов Казахстанской компартии из числа российских немцев выросло по сравнению с 1984 г. с 17,5 до 28,5 тыс. человек. Однако удельный вес немцев в партии, составлявший всего 3,6% от общего числа ее членов, свидетельствовал, что относительно других национальностей немцы были представлены явно непропорционально. Снизились абсолютное число и доля немцев в руководящем составе партийных органов и в советской номенклатуре областного и районного уровня.

В ЦК КПСС и в руководстве КП Казахстана к тому времени отчетливо понимали, что паллиативные меры не могут изменить желание немцев уехать из СССР. В международном плане сыграло свою роль решение Европарламента от 29 сентября 1983 г. относительно неравноправного положения немецкого национального меньшинства в Советском Союзе. Болезненной проблемой советско-германских отношений стало резкое сокращение числа переселенцев в Гер-

манию (до 460 чел. в 1985 г.). Министр иностранных дел Германии Г. Геншер в обращении к советскому послу в ФРГ от 10 января 1986 г. и федеральный президент Р. фон Вайцзеккер в послании 13 января 1986 г. настаивали на благожелательном обращении с немцами в СССР при решении вопроса о воссоединении семей. В бундестаге постоянными запросами о судьбах российских немцев обращал на себя внимание д-р Х. Хупка, депутат от ХДС. В поддержку желавших выехать высказывались не только депутаты ее правящей коалиции, но и В. Брантд, Й. Рау, О. Лафонтен и другие ведущие социал-демократические политики³⁶. Совершенно новый поворот темы возник в ходе политической дискуссии 1984 г. в ФРГ. В обращении парламентских фракций ХДС/ХСС и СвПГ от 10 октября 1984 г. отмечалось: «Целью нашего запроса отнюдь не является решение проблемы немецкой национальной группы в СССР исключительно путем переселения их в ФРГ. Сутью требования, которое должен предъявить германский бундестаг, является соблюдение в Советском Союзе прав человека в отношении немцев и прекращение их дискриминации...» Особенно важно, подчеркивалось в документе, чтобы советские немцы в полном объеме участвовали в германо-советском культурном и научном обмене и чтобы чисто человеческие контакты могли интенсивнее развиваться путем включения мест компактного проживания немцев в Советском Союзе в программу ознакомительных поездок представителей ФРГ³⁷.

В поисках выхода из неудовлетворительной ситуации советское руководство обратило взоры на ГДР. В мае 1983 г. в Казахстане побывала делегация во главе с Э. Хонекером и Г. Аксеном. В докладе на заседании Политбюро СЕПГ по итогам поездки упоминалось и о существовании немцев в Казахстане. Подробности состоявшегося в этой связи обсуждения пока неизвестны. Опубликованные документы КПСС и КП Казахстана дают основание предположить, что предметом дискуссии было положение немцев в Казахстане и более весомое участие ГДР в решении этой проблемы. Так, в одном из предложений о дальнейшем усилении идеологической работы среди граждан немецкой национальности в Казахстане, относящемся к 1986 г., речь шла и о расширении связей между редакциями газет, театральными коллективами, художниками и о завязывании партнерских отношений между ГДР и городами и селениями Казахстана с высоким удельным весом немецкого населения. Не случайно в выходившей в Казахстане газете «Фройндшафт» в это время все чаще стали публиковать письма читателей из ГДР. Развитие событий привело к установлению в 1989 г. партнерских отношений между Павлодарской областью Казахстана и округом Шверин в ГДР³⁸.

Попытке использовать ГДР в качестве модели для советских немцев предшествовало серьезное смещение акцентов в позиции политического руководства ФРГ. В июле 1987 г. состоялся официальный визит в СССР федерального президента Р. фон Вайцзеккера. На приеме в Кремле он говорил не только о вопросе воссоединения семей, но и высказался за улучшение условий жизни немцев в Советском Союзе. «Мы благодарны,— заявил Вайцзеккер,— за каждый шаг, который облегчает советским гражданам немецкой национальности, так же, как и представителям других национальностей, сохранение своего языка и культуры и исповедание своей веры». Председатель президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко, руководивший приемом, распорядился, однако, чтобы пассажи из речи федерального президента о российских немцах и о берлинском соглашении не попали в опубликованный в «Известиях» текст выступления³⁹. Беседа Р. фон Вайцзеккера с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым с вехом последнего также появилась в печати со значительными купюрами. Полный текст стараниями советника Горбачева по внешнеполитическим вопросам А. Черняева был все же помещен в газетах «Московские новости» и «Неделя».

Громыко попытался представить проблему обращения с советскими немцами как не входящую в повестку дня переговоров. В качестве ответной меры он потребовал от Вайцзеккера выдачи 16 человек, названных военными преступниками. В этом списке фигурировал и ряд российских немцев, против кото-

рых было возбуждено судебное преследование в Германии. Но были здесь и лица, в отношении которых не имелось компрометирующих материалов, поскольку они ранее были оправданы судом ⁴⁰.

Вайцеккер не дал сбить себя с толку и в ходе дальнейшей поездки в Новосибирск провел беседу с представителями одной евангелическо-лютеранской общины, особо подчеркнув, что советские немцы могут стать мостом взаимопонимания между Советским Союзом и Германией ⁴¹. Федеральному президенту удалось поставить на обсуждение как вопрос о воссоединении семей, так и об улучшении условий проживания немцев в самом Советском Союзе, и эти проблемы уже невозможно было отодвинуть на второй план. По мнению лидера Социал-демократической партии Германии Х.-Й. Фогеля, визит способствовал потеплению климата в отношениях между СССР и ФРГ и восстановлению нормальных связей между ними. После поездки Вайцеккера дело стало за тем, чтобы «войти в контакт с конструктивными элементами в Москве и использовать шанс для начала систематического сотрудничества» ⁴².

Следует, конечно учесть, что Москвой к тому времени уже проводилась политика «перестройки» и гласности. Тем не менее на правящие круги СССР сильное впечатление произвели как тон федерального президента, так и новые акценты в германской позиции по проблеме немцев в СССР. Высшие чины МВД в Алма-Ате даже стремились выяснить, кто подал Вайцеккеру эти идеи.

Весной — летом 1988 г. в Советском Союзе оформилось движение за полную политическую и правовую реабилитацию российских немцев и восстановление автономной республики немцев Поволжья. В отличие от 60—70-х гг. движение это не запрещалось и не подвергалось репрессиям. Поэтому во время своего визита в Москву в октябре 1988 г. канцлер Г. Коль имел возможность побеседовать не только с находившимися в посольстве ФРГ переселенцами, но и с теми российскими немцами, которые выступали за улучшение жизни остающихся в стране соплеменников ⁴³. На фоне растущего убеждения относительно новой роли России в Европе и поддержки всеми партиями Германии процесса реформ в СССР многоим это могло показаться незначительным штрихом. Однако по сравнению с прежней практикой, когда из речи федерального президента вымарывались цензурой слова о немцах в СССР, изменения действительно были революционными.

В Советском Союзе происходили события, о которых еще недавно не могли и мечтать. В марте 1989 г. властями было допущено основание в самой Москве общества российских немцев «Возрождение». Хотя до сего дня общество это не зарегистрировано как юридическое лицо, но тем не менее оно развило регулярную деятельность. Палата Национальностей Верховного Совета СССР образовала комиссию по изучению положения немцев в Советском Союзе, в состав которой вошли и российские немцы. В ноябре 1989 г. Верховный Совет принял декларацию, в соответствии с которой репрессии против депортированных народов оценивались как противозаконные и преступные. В документе, в частности, говорилось: «Верховный Совет СССР считает необходимым провести соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям». 29 ноября 1989 г. комиссии по изучению положения немцев и крымских татар представили Верховному Совету свои предложения. Комиссия о немцах рекомендовала, в частности, Верховному Совету СССР по согласованию с Верховным Советом РСФСР принять постановление, в котором принципиально признавалась бы необходимость восстановления немецкой автономии. Воссоздать ее следовало в форме автономной республики, наиболее отвечающей исторической справедливости. Поскольку, по всей вероятности, большая часть немцев не смогла бы переехать в автономную республику на постоянное жительство, стоило иметь в виду создание немецких национальных районов и сельсоветов в местах компактного проживания немецкого населения на основе действующих законов. Это, разумеется, не означало, что дальнейшее

развитие событий протекало совершенно безболезненно. Ход его до конца 1991 г. проанализирован в другой публикации ⁴⁴.

Соглашение, достигнутое по коренным вопросам государственной безопасности и советско-германских отношений, открыло путь к подготовке Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ. Проживавшим в СССР немцам в нем была посвящена специальная, 15-я статья, в которой, в частности, отмечалось: «Советским гражданам немецкой национальности, а также гражданам ФРГ, происходящим из Советского Союза и постоянно проживающим в ФРГ, которые желают сохранить свой язык, культуру и народные традиции, предоставляется возможность поддерживать свое национальное, языковое и культурное своеобразие. В соответствии с этим в рамках действующего законодательства другой стороны предусматриваются меры содействия этим лицам и их организациям» ⁴⁵. Таким образом, впервые в практике межгосударственных отношений двух стран на основе договора были урегулированы положение и статус российских немцев. В силу договор вступил поздней осенью 1990 г., однако к его реализации приступили еще в первой половине года. В апреле-мае 1990 г. советское посольство в Бонне одобрило некоторые акции, проведенные «Союзом немцев за границей» в различных местах Советского Союза. В мае 1990 г. автор этих строк с ведома федерального правительства предпринял ознакомительную поездку на Алтай с целью изучить отношение населения региона к проекту восстановления немецкого национального района.

Со стороны федерального правительства подготовка к масштабным мерам помощи немцам в СССР была форсирована выделением на эти цели 30 млн. марок уже из бюджета 1990 г. Концепция кампании помощи была к тому времени в основных чертах сформулирована и предусматривала меры по содействию в изучении немецкого языка, улучшению преподавания в немецких школах, сохранению языка и культуры взрослым населением, поддержку немецкоязычных средств массовой информации, обмен учащимися и молодежью, а также создание ряда малых предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. Поскольку выделенных средств было недостаточно для равномерного распределения среди всего немецкого населения страны, были выделены основные регионы, которым предоставлялась первоочередная помощь. К ним относились Алтайский край и Омская область в Западной Сибири, Оренбургская и Челябинская области на юге Урала, Саратовская и Ульяновская области в Поволжье, а также Павлодарская, Карагандинская и Кустанайская области в Казахстане.

Отметим еще в раз, что, несмотря на включение в советско-германский договор статьи 15, касавшейся положения немцев в СССР, реализация этого пункта явилась беспрецедентной в советской национальной политике. Каждый проект готовился как экспериментальный, поскольку условия на местах были весьма различны. Позиции руководителей, от которых зависело осуществление проектов, умещались в диапазоне от полной готовности к сотрудничеству (Ульяновская область) до осторожного выжидания (Алтай) и даже недоверия и полного отрицания (Саратовская область).

Зимой 1990/91 г. в ходе затяжных переговоров в отдельных областях была подготовлена почва для реализации намеченных проектов. Новым было то, что советское посольство в Бонне было информировано о ходе и даже деталях переговоров, тогда как министерства в Москве никак не реагировали. Основной задачей немецкой стороны был выбор объектов и местностей, которым следовало предоставить помощь, и проведение соответствующих переговоров с администрацией областного, городского и районного уровней. В них участвовали, разумеется, и представители партийных органов, госбезопасности, профсоюзов и других организаций, заинтересованных в предмете обсуждения. Участие их в переговорах создавало обстановку доверия и облегчало реализацию проектов, в отношении которых пока не было правительственного соглашения.

Заинтересованность в успехе проектов в ряде областей оказалась столь велика, что побуждала немецких представителей к расширению своей деятель-

ности. В ряде случаев со всей обоснованностью можно говорить о складывании союза ради достижения общей цели. Так, до воссоздания немецкого национального района Хальбштадт в Алтайском крае состоялись многочисленные встречи краевого руководства с немецкими представителями. И хотя у автора этой статьи, участвовавшего в переговорах, не было на руках необходимого мандата на право их проведения, о чем было известно и председателю краевого исполкома Ю. Жильцову, все же проблемы, связанные с созданием национального района и помощью со стороны ФРГ, были обсуждены.

Насколько отношения между двумя странами по вопросу о российских немцах изменились к лету 1991 г., ярко свидетельствует тот факт, что на проходивших в августе того года слушаниях в бундестаге по теме о перспективах немцев в странах Центральной и Восточной Европы участвовали приглашенные представители различных союзов и объединений немцев Советского Союза. Правда, о перспективах судить им было сложно, поскольку слушание происходило как раз в дни августовского путча в Москве. Однако вскоре после него успешно продвинулось осуществление большинства немецких проектов. Приходилось, конечно, сталкиваться со значительной волокитой, но в основе проволочек были не политические причины, а набиравшие силу явления экономического упадка.

После провала путча инициативу у парализованного советского руководства перехватило правительство Российской Федерации во главе с Борисом Ельциным. Съезд народных депутатов РСФСР уже в декабре 1990 г. принял постановление «О жертвах политических репрессий в РСФСР»⁴⁶ и закон «О реабилитации репрессированных народов»⁴⁷. В то время как правительство и Верховный Совет РСФСР не смогли наладить сотрудничество с выборными представителями российских немцев, в образованную 22 апреля 1991 г. комиссию Верховного Совета РСФСР по проблемам проживающих в федерации немцев было включено сразу семь таких представителей. Данная комиссия 4 июня 1991 г. была заменена более представительной комиссией Совета Министров РСФСР под председательством Л. Прокопьева, главы Госкомитета по делам национальностей РСФСР. В состав ее также вошли трое членов от немецкого общества «Возрождение».

Летом 1991 г. происходил интенсивный обмен мнениями между Прокопьевым и уполномоченным федерального правительства по вопросам переселенцев, государственным секретарем Х. Ваффеншмидтом. В итоге обсуждения Прокопьев, занявший пост председателя Госкомитета по вопросам национальностей и региональной политики, в сентябре 1991 г. во время своего визита в ФРГ представил германской общественности концепцию, ключевым пунктом которой являлось восстановление государственности (автономной республики) и национальных районов в местах компактного проживания немецкого населения, а также оживление и развитие национального языка и культуры на территории будущей республики и в областях проживания немцев. Добиться осуществления этих целей предполагалось поэтапно, причем предусматривалось до 31 декабря 1991 г. разработать и представить на обсуждение Верховному Совету соответствующую программу. В течение 1992—1994 гг. планировалось создание необходимой инфраструктуры и добровольное переселение немцев на Волгу. К концу 1994 г. в Поволжье должно было насчитываться достаточно немецкого населения (примерно 100 тыс. чел.) для реального воссоздания республики.

Изложенная во время визита Прокопьева концепция была подкреплена соглашениями между посольством СССР и правительством ФРГ «Основными положениями по восстановлению немецкой республики в Поволжье». Сверх того, была достигнута договоренность о том, что на предстоящем конгрессе немцев Советского Союза 18—20 октября 1991 г. будет сделано принципиальное заявление о восстановлении Поволжской Республики. Задолго до конгресса Б. Н. Ельцин публично заявил, что примет в нем участие. На конгрессе должно было быть также объявлено, что в деле восстановления Поволжской Республики РСФСР будет тесно сотрудничать с Германией. Ожидания, однако, не оправдались. Содержание приветственного слова Ельцина, оглашенного на конгрессе, далеко не

отвечало заявленным принципам и было расценено как нарушение данного слова и пренебрежение к российским немцам. Приветственное же слово М. С. Горбачева оказалось совершенно бессодержательным.

Еще до начала конгресса и в ходе его работы парламентский госсекретарь Х. Ваффеншмидт провел многочисленные консультации с представителями российского руководства. 19 октября состоялась его встреча с президентом Ельциным. Тот, как сообщил на конгрессе Ваффеншмидт, подтвердил, что государственная автономия должна быть образована только в Поволжье и ни в каком ином регионе. Все проблемы немцев в России, по словам Ельцина, будут согласованы в ходе его предстоявшего визита в Бонн в рамках германо-российского договора⁴⁸.

Обещания Ельцина месяц спустя обрели воплощение в его совместном с канцлером Коелем заявлении. Под пунктом 12 в нем значилось, что Германия с удовлетворением принимает к сведению решимость России восстановить республику немцев в традиционной области расселения их предков на Волге без ущерба для интересов проживающего там населения. Германия обязалась в ходе строительства Поволжской Республики оказывать посильную помощь в культурной, социальной, экономической, сельскохозяйственной и регулярно-планировочной сфере, равно как в деле укрепления межнационального и этнического сотрудничества. Россия и Германия условились, что наряду с образованием республики в Поволжье будет продолжено развитие национальных немецких округов в интересах желающих остаться в местах их нынешнего обитания⁴⁹.

Напомним, что через полтора месяца, 8 января 1992 г., во время посещения Поволжья Ельцин официально отказался от восстановления Поволжской Республики на прежнем месте, назвав в качестве альтернативы территорию бывшего военного полигона Капустин Яр. Бюджетный комитет бундестага блокировал по этой причине уже заложенные в бюджете на 1992 г. 50 млн. марок для Поволжской Республики. Выступление Ельцина вызвало серьезные осложнения в отношениях между Российской Федерацией и ФРГ. Неделью спустя министр иностранных дел А. Козырев во время пребывания в Бонне постарался рассеять появившиеся сомнения по поводу российской политики. Пресс-секретарь президента по каналам ТАСС распространил следующее сообщение: «Президент твердо придерживается ранее выработанного курса и подтверждает соглашения, достигнутые с канцлером Коелем по этому вопросу. В основе осуществляемых в настоящее время руководством России мероприятий лежит программа поэтапного приближения к преодолению проблемы». Программа включала три этапа: 1) административное членение районов Поволжья, пригодных для компактного поселения немцев; 2) присуждение статуса национального района после его заселения и повышения удельного веса немецкого населения; 3) повышение статуса немецкого национального района до образования из него автономной области.

Этой программы придерживался президент Ельцин при последующих переговорах с правительством ФРГ. Неизменным оставался и другой, неоднократно провозглашенный президентом принцип: в ходе восстановления справедливости по отношению к российским немцам не должны быть ущемлены интересы современного населения Поволжья. Именно об этом шла речь при встречах немецких представителей с жителями г. Энгельса, а именно о том, что никто не будет выселен и лишен прежнего места жительства. Исходя из этого принципа, Ельцин обещал стремиться к урегулированию проблемы и в дальнейшем⁵⁰.

С германской стороны в январе 1991 г. была предпринята полномасштабная акция по предоставлению помощи населению Поволжья. Она выразилась в поставках медикаментов, продовольствия и одежды, предназначенных главным образом населению, проживавшему на территории бывшей Поволжской Республики.

После всех затруднений в 1992 г. был осуществлен целый ряд мер, которые можно оценить как реализацию прежде заключенных соглашений. Так, 19 февраля 1992 г. Верховным Советом РСФСР было принято постановление об образовании Азовского немецкого национального района в Омской области. 21 февраля

1992 г. Ельцин подписал указ о неотложных мерах по реабилитации российских немцев. Этим актом, в частности, предусматривалось образование немецкого национального района в Саратовской области и национального округа на территории Волгоградской области. 23 апреля 1992 г. благодаря настойчивости госсекретаря Х. Ваффеншмидта был подписан и 10 июля того же года парафирован в Москве протокол о сотрудничестве между правительствами ФРГ и РФ в деле постепенного восстановления государственности российских немцев, вступивший в действие с марта 1993 г. Переговоры вокруг протокола и обстоятельства его подписания и утверждения выходят за ограниченные рамки данной статьи и заслуживают особого исследования. Из всех пунктов протокола наиболее эффективной оказалась статья 16, согласно которой была образована совместная российско-германская межправительственная комиссия, дважды в год собирающаяся на пленарные заседания. Отдельные области сотрудничества находятся в ведении подкомиссий, подготавливающих проекты на утверждение комиссии.

Подводя итог, можно выделить четыре периода в послевоенных советско- и российско-германских отношениях, исходя из той роли, какую играл в них фактор российских немцев. В первое послевоенное десятилетие проблема находившихся в СССР немцев не являлась предметом межгосударственных переговоров. Для периода 1955—1964 гг. было характерно стремление правительства ФРГ добиться репатриации тех из российских немцев, кто в годы Второй мировой войны приобрел германское гражданство. Период 1965—1987 гг. можно назвать временем, когда советско-германские отношения активизировались, а Советский Союз принял на себя международно-правовые обязательства, имевшие большое значение для желавших добиться выезда в Германию. Наконец, с 1987 г. по сегодняшний день — период интенсивного сотрудничества, направленного как на облегчение выезда российских немцев на историческую родину, так и на улучшение условий жизни остающихся в России. Отличительной чертой данного периода является международно-правовое признание и урегулирование проблемы российских немцев, ставшей одним из пунктов договоров о сотрудничестве между Россией и Германией.

Примечания

¹ Moskau — Bonn/Hrg. Meissner Boris. Bd. 1. S. 78. Antwortnote der Bundesregierung vom 12 August 1955 auf die sowjetische Note vom 3. August 1955.

² Ibid. S. 379. Note der Sowjetregierung vom 19 August 1955.

³ Ibid. S. 80.

⁴ Ibid. S. 115.

⁵ Ibid. S. 164, 169—171, 173.

⁶ Ibid. Bd. 3. S. 156. Note der Botschaft der Bundesrepublik Deutschland an das Aussenministerium der UdSSR von 23 August 1956 betreffend die Repatriierung deutscher Staatsangehöriger.

⁷ Ibid. S. 239, 240. Antwortschreiben von Bundeskanzler Dr. Adenauer vom 27. Februar 1957 auf den Bulganin — Brief vom 5. Februar 1957.

⁸ Ibid. S. 245. Verbalnote der Botschaft der Bundesrepublik Deutschland an das Aussenministerium der UdSSR vom 16. April 1957.

⁹ Ibid. S. 270. Antwortnote des Aussenministeriums der UdSSR vom 23 Mai 1957 auf die Verbalnote der deutschen Botschaft Moskau vom 16 April 1957.

¹⁰ Ibid. S. 280. Antwortnote des Aussenministeriums der UdSSR vom 6 Juli 1957 auf die Note der deutschen Botschaft in Moskau vom 8. Juni 1957.

¹¹ Ibid. S. 285, 286.

¹² Frankfurter Allgemeine Zeitung. 3.08 1957.

¹³ Ibid.

¹⁴ Moskau — Bonn, Bd. 1. S. 370. Gemeinsamen deutsch-sowjetisches Schlusskommunique über die Verhandlungen zwischen der Sowjetunion und der Bundesrepublik Deutschland vom 8 April 1958.

¹⁵ L a a r Rolf. Zeuge von Fall und Ausstieg. Private Briefe 1934—1974. Hamburg, 1981. S. 290.

¹⁶ Moskau — Bonn. Bd. II. S. 950.

¹⁷ Ibid. S. 949—951.

¹⁸ История российских немцев в документах (1763—1992 гг.)/Сост.: Ауман В. А., Чеботарева В. Г. М., 1993. С. 177.

¹⁹ E i s f e l d Alfred. Die Russlanddeutschen. München, 1992. S. 193 ff.

- ²⁰ «О внесении изменений в указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1942 г. „О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья“»//История российских немцев в документах... С. 178—179.
- ²¹ A l l a r d t H e l m u t. Moskauer Tagebuch. Beobachtungen, Notizen, Erlebnisse. Frankfurt, 1980. S. 361.
- ²² Moskau — Bonn. Bd. II. S. 1570. Mitteilung vom 6. November 1972 über Ausreisegenehmigungen für Deutsche aus der Sowjetunion.
- ²³ Der Spiegel. 16.09 1979. S. 98.
- ²⁴ 583 Deutsche in Kasachstan Wenden sich an die Bundesregierung um Hilfe//Deutsche Tagespost. 19.05 1976; Verzweifelter Hilferuf von 583 Deutschen an der Sowjetunion//Die Welt. 19.05.1976.
- ²⁵ Volksdeutsche Sowjetbürger hungert weiter//Süddeutsche Zeitung. 5. A. 4. 1974.
- ²⁶ История российских немцев в документах... С. 180—222.
- ²⁷ Там же. С. 182.
- ²⁸ Там же. С. 183—185.
- ²⁹ Там же. С. 188.
- ³⁰ L i n d e m a n n H. Die DDR und die Russlanddeutschen//Deutschland-Archiv. H. 7/1989. S. 793.
- ³¹ Записка группы ответственных работников ЦК КПСС «Об образовании Немецкой автономной области»//История российских немцев в документах... С. 190—192.
- ³² Там же. С. 195.
- ³³ Там же. С. 196—197.
- ³⁴ Appell Schmidts an Breshnew//Süddeutsche Zeitung. 1.07 1980. S. 2.
- ³⁵ История российских немцев в документах... С. 204.
- ³⁶ SPD: Moskau billigt 109 Fälle von Familienzusammenführung//Süddeutsche Zeitung. 31.10 1986.
- ³⁷ Antrag der Fraktionen der CDU/CSU und FDP. Lage der Russlanddeutschen//Deutscher Bundestag, 10. Wahlperiode. Drucksache 10/2100. S. 2—3.
- ³⁸ Freundschaft (Alma-Ata). 16.06 1989. S. 3.
- ³⁹ Tschernajew Anatoly. Die letzten Jahre einer Weltmacht. Der Kreml von innen. Stuttgart, 1993. S. 145.
- ⁴⁰ Auf Gromykos Liste stehen auch bereits Freigesprochene//Die Welt. 11.07 1987.
- ⁴¹ W e i z s ä c k e r R. Russlanddeutsche können Brücke der Verständigung sein//Frankfurter Allgemeine Zeitung. 11.07.1987.
- ⁴² Deutsche in Sowjetunion: eine Brücke//Die Welt. 11.07 1987.
- ⁴³ Wir wollen das deutsche Land wieder erreichen, unsere Heimat//Frankfurter Allgemeine Zeitung. 27.10 1987; Kohl weist Russlanddeutschen Brückenfunktion zu//Süddeutsche Zeitung. 27.10 1988.
- ⁴⁴ E i s f e l d A. Deutsche Autonomiebewegung//Die Russlanddeutschen. Gestern und Heute S. Meissner, H. Neubauer, A. Eisfeld (HRSG). Köln, 1992. S. 45—65.
- ⁴⁵ Presse- und Informationsdienst der Bundesregierung. Bonn. 15.11.1990. Bulletin № 133. S. 1381. November 1990.
- ⁴⁶ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 13.12 1990. № 28. С. 533.
- ⁴⁷ Deutsche Allgemeine (Alma-Ata). 9.05 1991. S. 1.
- ⁴⁸ Rede des Parlamentarischen Staatssekretärs im Bundesministerium des Innern, Dr. Horst Waffenschmidt, auf dem Kongress der Sowjetdeutschen am 19 Oktober//Neues Leben (Moskau). 30.10 1991. S. 11.
- ⁴⁹ Gemeinsame Erklärung//Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 25.11 1991. Bulletin № 133. S. 1083.
- ⁵⁰ Саратовские вести. 1992. 16 января. С. 1.

РУССКИЕ В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Как и все бывшие советские республики, государства Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркмения) обрели свою окончательную независимость в результате распада СССР. Но в отличие от стран Балтии, Закавказья, Молдавии и отчасти Украины новый статус, по существу, не был достигнут ими в результате массовых движений за суверенитет. С конца 1991 г. эти государства вели поиск форм и основ своего социально-политического и экономического развития, собственного места в постсоветском и мировом геополитическом пространстве. В связи с тем, что распад Союза произошел под лозунгами доктрины этнического национализма, стало естественным провозглашение в границах прежних союзных республик так называемых «национальных государств», прежде всего от имени титульных этносов-наций — казахов, узбеков, киргизов, туркмен и таджиков, что было в той или иной форме закреплено в декларациях о суверенитете, а позднее и в конституциях этих государств.

Центральноазиатские народы-нации, являющиеся социально-культурными образованиями, возникшими в советский период, за последние семь десятилетий XX в. прошли интенсивный путь национального строительства, в результате которого характерная для них ранее региональная и клановая разобщенность и преимущественно религиозное самоотожествление были в основном сменены этническим самоотождествлением, основанным на понятии «социалистическая нация»¹. Эта новая самоидентификация складывалась главным образом в рамках впервые созданных в 20-х гг. государств, возникших в итоге в значительной мере верхушечно сконструированного и проведенного национально-государственного размежевания.

Процесс строительства этих государств и наций сопровождался модернизацией экономики, индустриальный сектор которой был создан в основном с помощью русской рабочей силы, а также работников из числа представителей других восточнославянских и прочих нетитульных этносов. Большие социальные-этнические перемены были связаны и с развитием массового образования, подготовившего почву для возникновения мощного слоя управленческой, творческой и научной, прежде всего гуманитарной, интеллигенции из представителей титульных этносов. Формирование этнических элит было стимулировано созданием престижных институтов «национальной государственности» — управленческого аппарата, творческих союзов и Академий наук, системы высшего образования, средств массовой информации и т. д. Параллельно этому начиная с 60-х гг. происходило заметное усиление демографического потенциала титульных национальностей, которые во всех республиках, кроме Казахстана, были преобладающим большинством². Материальной основой для всех этих перемен, помимо экономической базы самих республик, являлось в значительной мере и перераспределение общественного богатства, созданного в основном в России, а также на Украине, через общесоюзный центр³.

Все эти «достижения» национальной политики явились базой для подспудного

* Савоскул Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук. Заведующий группой по изучению этнополитических ситуаций Института этнологии и антропологии РАН.

вызревания в недрах титульных сообществ республик Центральной Азии, прежде всего их этнических элит, стремления к выходу из-под жесткого централизованного правления союзных органов власти, обретению большей самостоятельности. На этой основе формировались предпосылки для заметного подъема этнического самосознания титульного населения государств Центральной Азии, достаточно заметной частью которого в последние два-три десятилетия стали и антирусские настроения. Объективной почвой для возникновения до определенного времени скрытого конфликта между титульными этносами и русским, а также другим близким ему по языку и культуре населением явились иной социальный статус, преимущественно современный урбанизированный образ жизни русских, их слабая адаптация к образу жизни, языкам и культуре титульных народов, принадлежность (пусть по большей части и формальная) к иной конфессии. На основе культурных и социальных различий у части русскоязычного населения сформировалось пренебрежительно-покровительственное отношение к представителям титульных этносов, а по мере активного социального роста последних, в значительной мере связанного с политикой этнического протекционизма, росло недовольство ограничениями собственной социальной мобильности, связанными с этой политикой.

Сложившаяся на основе взаимных претензий и предубеждений этноконфликтная ситуация послужила одним из истоков (в том числе и духовным) происшедшего на наших глазах обретения национальной независимости центральноазиатскими государствами. Можно сказать, что, если радикальная суверенизация республик Центральной Азии явилась итогом распада СССР, то подготовлена она была в данном регионе бывшего Союза советской национальной политикой, основанной на доктрине марксистско-ленинской теории нации, и решения национального вопроса. На местной (как и в целом на советской) почве эта теория достаточно тесно и органично вобрала в себя старую, живучую доктрину этнического национализма, суть которого в идее «своей» или «не своей» государственности в зависимости от этнического происхождения граждан⁴. Эта доктрина, утвердившаяся в сознании большинства населения СССР, а тем более этнических элит союзных и автономных республик, которые использовали ее с большой выгодой для себя, породила одну из главных трудностей на пути становления новых независимых государств — проблему статуса и дальнейшей судьбы в этих странах нетитульного населения. Понятно, что в центре этой проблемы — судьба русских⁵.

* * *

Источниковой основой для настоящей работы явились статистические данные, в том числе итоги переписей населения и его текущего учета, материалы периодики, а также результаты этносоциологического исследования в Киргизии и Узбекистане, осуществленного группой по изучению этнополитических ситуаций Института этнологии и антропологии РАН под руководством автора этих строк. Массовый, представительный для основных социально-демографических и региональных групп населения Киргизии опрос был проведен во второй половине 1992 г. Им было охвачено свыше 500 русских и около 400 киргизов, проживавших в городах Бишкек, Каракола (Пржевальск) и Ош, а также в ряде близлежащих к ним сел. В Ташкенте в декабре 1991 г. было опрошено около 200 человек, которые представляли основные социально-демографические группы русских⁶. Нами использованы некоторые данные международного исследования по проекту «Языки и нации в бывшем СССР» (руководитель российской части проекта М. Н. Губогло), проведенного в городах четырех областей Казахстана (Алма-Атинской, Чимкентской, Кустанайской и Гурьевской), в том числе в Алма-Ате в конце 1994 г., а также итоги ряда других исследований в странах Центральной Азии.

1. Демографический потенциал русских в странах Центральной Азии

Русское население стран Центральной Азии, по данным Всесоюзной переписи 1989 г., насчитывало в общей сложности 9526,6 тыс. человек, что составляло 6,56% всех русских в СССР и 37,7% русского населения остальных (помимо России) союзных республик⁷. Количественное распределение русских в регионе представлено в таблице.

Наиболее значительной была их численность в Казахстане. Они составляли здесь наибольшую долю населения, выделяясь в этом отношении не только в своем регионе, но и среди остальных бывших союзных республик вне России. Половина русских, проживавших в Средней Азии, приходится на Узбекистан, но наибольшей их долей в составе населения отличалась Киргизия.

Рост численности русских в трех среднеазиатских республиках (за исключением Киргизии), судя по четырем послевоенным переписям населения, продолжался до конца 1970-х гг.

В 80-х гг. в Узбекистане и Туркмении их количество начало медленно убывать, в Таджикистане оставалось на прежнем уровне, в Казахстане замедлился рост их численности, хотя и не так резко, как в Киргизии⁸.

Вместе с тем в республиках Центральной Азии вследствие высокого естественного прироста численность титульного населения увеличивалась более быстрыми темпами, чем русского. На протяжении 1959—1989 гг. удельный вес русских в населении всех стран региона неуклонно сокращался. В результате всех этих изменений представители титульных этносов во всех республиках Средней Азии составляют сейчас большинство (наименее значительное в Киргизии) населения. В Казахстане, где до 1979 г. доля русских была выше доли казахов, в 1989 г. соотношение стало обратным — 39,7% казахов и 37,8% русских. Однако в этой центральноазиатской стране русские и другие русскоязычные вместе взятые пока еще превосходят по своей доле казахов.

Для сравнения заметим, что снижение удельного веса русских более значительными темпами шло в Закавказье, особенно в Азербайджане, в отличие от Украины, Белоруссии, Молдавии и республик Прибалтики, где и абсолютная численность, и доля этой части населения в 1959—1989 гг. росли⁹ быстрее, чем у титульного населения¹⁰.

Во всех бывших республиках СССР, особенно центральноазиатских, русские по сравнению с титульным населением были наиболее урбанизированной этнической группой¹¹. Самой высокой доля горожан среди русских этого региона была в 1989 г. в Туркмении (97%), Узбекистане (95%) и Таджикистане (94%), заметно ниже — в Киргизии (70%) и Казахстане (77%), что связано с историей заселения русскими этих двух регионов, первоначально носившего преимущественно аграрный характер, а в Казахстане — и с освоением целинных земель¹². В среднем в Центральной Азии горожане составляли 81,1% среди русского населения.

В республиках Средней Азии значительная доля городского, а значит, и всего местного русского населения, проживает в столицах. В 1989 г. в Ашхабаде проживало 50% всех местных русских, в Ташкенте — 42,3%, в столицах Киргизии и Таджикистана соответственно 37,2 и 38,8%, тогда как в Алма-Ате — около 10%¹³. Преимущественно городской, и в значительной мере столичный, т. е. очаговый, характер расселения русских в этом регионе — показатель их относительно малой связи со всей его территорией, важный фактор их слабой аккультурации в местную этническую среду. На наш взгляд, в нынешней этнополитической ситуации это — один из важных факторов, способствующих возможному массовому их исходу из среднеазиатских государств. В отличие от Средней Азии в Казахстане русские расселены на большей части территории, что при создании всех необходимых, в том числе политических, условий могло бы стать основой наименее конфликтного демократического вхождения их в казахстанское общество.

Русские не только в своей значительной части живут в столицах стран Цент-

Количественное распределение русских в советских республиках Центральной Азии (по Переписи 1989 г.)

Республика	Всего русских (тыс. чел.)	% от численности		
		русских всего СССР	русских СССР вне России	населения республики
Казахстан	6227,5	4,29	24,6	37,8
Узбекистан	1653,5	1,44	6,5	8,4
Киргизия	916,6	0,63	3,6	21,5
Таджикистан	395,1	0,27	1,6	7,6
Туркмения	333,9	0,23	1,3	9,5

ральной Азии, но и составляют весьма заметную долю их столичного населения. Переписи 1959, 1970 и 1979 гг. показали, что они были в составе последнего либо этническим большинством (в Алма-Ате и Бишкеке), либо наиболее значительной этнической группой (в Ташкенте, Душанбе и Ашхабаде). Лишь в 1989 г. титульное население по абсолютной численности стало превосходить русских в Ташкенте, Душанбе и Ашхабаде. В целом же русскоязычное население превосходит по численности представителей титульного этноса в Ташкенте и Душанбе; в Ашхабаде доли этих двух групп населения примерно одинаковы¹⁴.

Геополитически значимо компактное, резко преобладающее большинство русских среди всего населения северных областей Казахстана — наиболее урбанизированных и освоенных районов республики. Удельный вес казахов не превышает здесь 20—30%¹⁵. Правда, в последние годы делается попытка изменить этнодемографическую ситуацию в этом регионе, переселяя в него казахов из других частей республики, а также из Синцзяня и Монголии¹⁶. Однако это, кажется, пока не привело к сколько-нибудь значительным результатам, хотя, по словам русских старожилов Северного Казахстана (например, кустанайцев), в последние годы ситуация заметно меняется.

Вместе с тем подобные попытки скорректировать этнодемографический состав жителей традиционно русских областей Казахстана способны, на наш взгляд, усилить сепаратистские и ирредентистские настроения среди части местного русского населения. А о том, что подобные настроения существуют, свидетельствуют результаты социологических исследований. В ходе одного из них, проведенного в конце 1994 г. и охватившего 1000 человек, проживавших в 57 населенных пунктах республики, свыше четверти опрошенных полагали, что ее северные области должны войти в состав России, а 14% считали что им должна быть предоставлена административная автономия. И лишь 36% местных русских ответили, что эти области — такая же часть территории Казахстана, как и все остальные¹⁷. В этой связи, как отмечают некоторые казахские исследователи, решение национального вопроса в республике возможно только при условии отказа от политики сегрегации и апартеида: «это единственная гарантия сохранения целостности Казахстана»¹⁸.

Необходимость более тесной интеграции в казахстанскую государственность окраинных, прежде всего северных, преимущественно русских и русскоязычных по составу населения территорий, хорошо осознают не только отдельные казахские эксперты, но и политические лидеры республики. По-видимому, в значительной мере этим вызвана инициатива Н. Назарбаева перенести столицу Казахстана в Акмалу (бывший Целиноград). Правда, по некоторым оценкам, интеграция северных областей вряд ли достижима с помощью подобной административной меры¹⁹. Судя по итогам международного исследования «Языки и нации в бывшем СССР», проведенного в четырех регионах республики в конце 1994 г., инициативу о переносе столицы не поддерживает большинство населения Казахстана. В той или иной мере высказались за нее 32% казахов и лишь 11% русских, а против — соответственно 46 и 62%.

2. Миграция, ее причины и последствия

Миграционный отток нетитульного населения является весьма четким индикатором неблагополучия его социально-экономического, этнополитического и этнокультурного положения в той или иной стране, возникшей на месте бывшего СССР.

Убыль русского населения из среднеазиатских республик (как и из республик Закавказья) началась уже в конце 70-х — начале 80-х гг.²⁰ Она была вызвана множеством факторов, среди которых важное место занимали постепенная урбанизация титульного населения, рост его социального, в том числе образовательного и профессионального, статуса, обостривший конкурентную ситуацию для нетитульного, прежде всего русского, населения, а также сосредоточение властных полномочий всех уровней в руках представителей титульных этносов, что не могло не задевать права и интересы нетитульного населения.

В последнее пятилетие (с 1989 по 1993 г.) по уровню миграции русского населения страны среднеазиатского региона уступают лишь бывшим союзным республикам Закавказья, отличающимся острыми и продолжительными межэтническими конфликтами, экономической и социально-политической нестабильностью.

В значительной мере сходная с Закавказьем социально-политическая и экономическая ситуация в Таджикистане обусловила самый значительный на территории бывшего СССР поток беженцев, в котором русские и другие русскоязычные преобладают. Судя по данным российской статистики, в 1989—1993 гг. покинуло Таджикистан и переехало в Россию более трети его русского населения (исходя из численности на 1989 г.). Поскольку русская миграция из республики продолжалась и в дальнейшем, можно предположить, что к настоящему времени в Таджикистане осталось менее половины русского населения, проживавшего там в конце 1980-х гг. А некоторые авторы полагают, что «русский вопрос» в Таджикистане уже «решен» и в ближайшие год-два русских в республике практически не останется²¹.

Отток русских из других среднеазиатских государств был заметно меньше. Судя по материалам российской государственной статистики, чистая убыль их в итоге миграции в Россию из Узбекистана составляла в 1989—1993 гг. свыше 10% его русского населения на 1989 г., из Туркмении — менее 10%²², из Киргизии — около 16%²³. После 1993 г. миграция русских отсюда продолжалась довольно интенсивно и, судя по ее размерам²⁴, к 1995 г. эту страну покинуло не менее четверти численности ее русского населения. При этом значительную часть оставшихся русских составляют люди пожилые или не имеющие никаких связей с Россией и другими странами²⁵. Правда, недавно президент А. Акаев заявил, что по мере реализации Договора о дружбе и сотрудничестве между Киргизией и Россией выезд русских из республики приостановился и даже началось их возвращение²⁶.

Наиболее стабильным среди государств центральноазиатского региона в 1989—1993 гг. было положение русских в Казахстане. По относительному весу их чистой убыли в Россию Казахстан занимал одно из последних мест среди остальных бывших союзных республик, опережая лишь Украину, Молдавию и Белоруссию. Однако уже в 1994 г. приток населения из Казахстана в Россию вырос на 77% и составил 346,4 тыс. человек, или почти треть от общего числа прибывших из стран нового зарубежья. Русские среди этих мигрантов составляли три четверти²⁷. На конец 1995 г. Казахстан покинуло, видимо, не менее десятой части его русского населения.

Как и президент Киргизии, Н. Назарбаев во время своего недавнего визита в Москву заявил, что началась реэмиграция русских²⁸. Эти заявления, видимо, свидетельствуют об озабоченности руководителей этих стран Центральной Азии как самим усилением русской миграции, так и возможностью осложнения в этой связи отношений их государств с Россией.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что с 1989 г. страны Центральной Азии покинуло и переехало в Россию не менее 1,5 млн. русских, т. е. немногим менее пятой части их недавней численности. В итоге, по-видимому, в регионе осталось не более 8 млн. русских. Учитывая же несовершенство нынеш-

ней статистики, а также то, что часть русского населения уехала не в Россию, а в другие страны, можно полагать, что реальная численность русских в Центральной Азии стала еще меньше.

Социальные последствия роста русской эмиграции из стран центральноазиатского региона усугубляются тем, что уезжают в первую очередь высококвалифицированные специалисты. Так, в 1994 г. почти каждый пятый эмигрировавший из Казахстана имел высшее образование, 36% — среднее специальное, 5% незаконченное высшее. При этом встречный, численно значительно меньший поток мигрантов имел более низкий образовательный уровень. В итоге на 10 русских с высшим образованием, выезжающих из Казахстана, приходился лишь один с таким же образовательным уровнем, въезжающий в него. Русская эмиграция из республики оголила целые отрасли производства, прежде всего промышленные предприятия и зерновые хозяйства²⁹.

Как отмечалось выше, абсолютная убыль русского населения Средней Азии началась еще в конце 70-х — начале 80-х гг. Но в последние годы возникли совершенно новые факторы выталкивания русских. Либерализация эпохи «перестройки», сопровождавшаяся ослаблением государственного контроля, создала благоприятные условия для открытого проявления накопившихся социально-этнических противоречий. Межэтнические столкновения в Узбекистане (Фергане), Киргизии (Оше), Казахстане, не говоря уже о гражданской войне в Таджикистане, хотя и не имели прямой антирусской направленности, однако свидетельствовали о незащитности русского и другого нетитульного населения в подобных ситуациях, о неспособности республиканских властей противостоять экстремизму. Эти события послужили дополнительным сильным толчком к эмиграции русского и другого русскоязычного населения.

Авторитарные режимы национальных элит, утвердившиеся после распада СССР, сделали все возможное, чтобы снизить общественно-политическую активность населения, в том числе титульного, своих стран. Лучше всего это удалось, кажется, в Туркмении и в Узбекистане, в меньшей мере — в Казахстане. Это загнало межэтнические противоречия вглубь, дало надежду некоторым группам русского населения на то, что власти не дадут вспыхнуть межэтническим конфликтам, несколько затормозило эмиграцию. В Киргизии режим, в определенной мере отошедший от характерного для региона авторитаризма, не смог справиться с радикально-националистическим движением, антирусские настроения вылились наружу, миграция русских начала нарастать. Но и во внешне более стабильных Узбекистане и Казахстане продолжающийся и все более обостряющийся экономический кризис, крепнущий этнократизм, разочарование русских в способности и желании властных элит защищать права и интересы нетитульного населения, понижение социального статуса русских и других русскоязычных, отсутствие социальных перспектив для себя и особенно для своих детей, незащитность и страх перед возможными конфликтами неизбежно ведут к нарастанию эмиграции.

Два обстоятельства позволяют рассматривать миграцию как важный показатель той или иной степени негативных изменений положения русских в странах нового зарубежья — резко усилившийся в последние годы отток русского населения из ряда государств и вынужденный характер миграции большей доли населения. О ее вынужденности мы можем судить по преобладанию в мотивах миграции «выталкивающих» факторов: роста межнациональной напряженности и этнических конфликтов, изменения этнополитической ситуации, ведущих к конфронтации значительной доли русских с властными институтами и титульным населением и т. п.³⁰

3. Социально-экономический статус русских

В центральноазиатском регионе благодаря особой приверженности титульных народов традиционным, в первую очередь сельскохозяйственным, занятиям было резко выражено этническое размежевание в занятости населения. Как отмечают исследователи, в тяжелой промышленности, машиностроении и металлообработ-

ке во всех республиках Центральной Азии не только по относительным, но и по абсолютным показателям большинство работающих составляли русские, а в сельском хозяйстве и торговле преобладали представители титульных этносов. Особенно отчетливо подобный характер этнического разделения труда был выражен в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении. В результате такой специализации в отдельных группах профессий уровень представительства русских по сравнению с титульным населением отличался на несколько порядков. Так, например, в городах Киргизии среди инженеров доля русских (в 1989 г.) составляла 60%, среди токарей — 57%, среди работников литературы и печати — 29%, среди продавцов — 26%³¹.

Протекционистская кадровая политика, лежавшая в основе советской национальной доктрины, принесла свои полноценные плоды к 60-м гг., когда вузовские дипломы получили представители поколения, родившегося в предвоенные и военные годы. Не говоря уже о занятии ключевых ролей во властных структурах всех уровней, в которых коренизация проходила раньше всего, уже во второй половине 60-х — начале 70-х гг. представители титульных этносов стали все больше теснить лиц нетитульных национальностей в других престижных сферах — образовании, в том числе высшем, медицине, культуре и искусстве, науке, прежде всего гуманитарных ее отраслях. Социальная ниша русского и другого русскоязычного населения, естественно, все более сужалась³².

Эти процессы не могли не оказать влияния на социально-психологический тонус титульного и нетитульного, в том числе русского населения. Этносоциологические исследования, проведенные в регионе (прежде всего в Узбекистане) в 70—80-х гг., показали, что для титульного населения в заметно большей мере, чем для русских, был характерен социальный оптимизм³³.

Изменения в социальном статусе населения, достаточно очевидные, и вызывавшие уже и раньше определенную межнациональную напряженность, все же почти до конца 80-х гг., т. е. до начала распада СССР, проходили относительно плавно, так что те из русских и другого нетитульного населения, кто решил остаться в республике своего проживания, успевали к ним адаптироваться прежде всего благодаря сознательному социальному самоограничению, поиску своей социальной ниши. Те же, кого складывавшееся социальное неравенство не устраивало, могли без особых трудностей уехать в регионы Союза, где этнический фактор играл гораздо меньшую роль в социальном росте, — в Россию, Украину, Белоруссию. Надо сказать, что уже сама реальная возможность такого решения проблемы в значительной мере сдерживала миграцию.

Между странами региона существовали заметные различия в социальном статусе русских. В Узбекистане, Таджикистане и Туркмении (как и в Белоруссии, Молдавии) он был относительно высоким за счет значительного числа специалистов, занятых умственным трудом, в том числе высококвалифицированным, и меньшего, чем в других республиках СССР удельного веса работников неквалифицированного и малоквалифицированного труда³⁴. В 1989 г. интеллигенция составляла около трети русских горожан названных среднеазиатских стран, что было выше, чем в самой России в 1,3 раза³⁵.

Заметно иной была ситуация в Казахстане и Киргизии. Их русское население имеет большую долю занятых в сельском хозяйстве, в число его горожан входила большая группа работников физического труда, в том числе малоквалифицированного. Казахи же и киргизы заметно опережали не только титульные национальности других стран региона, но и русское население своих республик по доле занятых квалифицированным трудом, в том числе умственным. Доля казахской и киргизской интеллигенции в составе титульного населения в последние годы оставалась более высокой, чем у местных русских, и в числе всей интеллигенции представительство русских было гораздо скромнее, чем в трех других республиках региона³⁶.

Эти особенности этнических различий в социальном статусе, социальной структуре населения сыграли огромную роль в развернувшемся в конце 80-х — начале 90-х гг. процессе подъема национального самосознания, суверенизации республик. Выросшая за годы советской власти этноэлита (политическая, интел-

лектуальная, художественно-творческая) смогла обеспечить переход власти от партийно-советской интернационалистской по декларируемой идеологии элиты к элите националистической.

Это было закономерным следствием советской национальной политики, одной из основ которой было часто искусственное (что особенно наглядно проявилось в советских республиках Центральной Азии) формирование государственности того или иного народа, за которым закреплялась определенная территория, хотя в подавляющем большинстве случаев она имела многонациональный состав населения. В силу такого способа создания государства национальная элита была в значительной мере привязана к данной территории и чем дальше, тем больше считала контроль над ней, ее населением и ресурсами своим неотъемлемым правом. Идея о естественности и закономерности подобной закреплённости территорий тех или иных республик за титульными этносами и их властными элитами прочно вошла в сознание советских людей, в том числе русских. Во многом из-за этого титульное население уже с самого начала имело почти неоспоримое преимущество в «своих» республиках, что и подготовило вполне закономерный переход после распада Союза всех властных полномочий в бывших его республиках вне России к элитам их титульных народов.

С распадом СССР рухнула и система реализации советской национальной доктрины, имевшей своей опорой, с одной стороны, существование национально-государственных и национально-административных территориальных образований, а с другой — общесоюзную экономику, в которой не было такого же жесткого, как по отношению к территории в политико-государственной сфере, закрепления за этносами части общественного продукта, произведенного их представителями. Всему этому в идеологической сфере соответствовала интернационалистская идея, идея дружбы народов, идея помощи русского народа другим, менее развитым в социально-экономическом отношении этносам.

С политической дезинтеграцией Союза, резким сужением экономических связей между его бывшими республиками, переходом в идеологии к доктрине этнического национализма и традиционализма, политические элиты новых независимых государств региона столкнулись с проблемой социально-экономической опоры своих режимов. Понятно, что политика этнического национализма встретила определенную поддержку у представителей титульного населения. Но в условиях кризиса традиционного сельского хозяйства, в котором занято большинство титульного населения, и при его относительно меньшей, чем у русских, ориентации на включение в индустриальное производство и процесс модернизации, какой-либо прогресс этих государств в ближайшее время вряд ли возможен. Опираясь же на идеи этнического популизма, руководители стран региона с неизбежностью вступают в скрытый или открытый конфликт с русским и другим русскоязычным населением, зачастую вносящим решающий вклад в экономику республик и тем самым обеспечивающим материальную базу их суверенитета. Это противоречие сознается руководителями всех новых центрально-азиатских государств. К примеру, А. Акаев, обеспокоенный усилившейся миграцией русских, отметил ухудшение в этой связи качества жизни всего населения Киргизии³⁷. Участие русских специалистов и рабочих в развитии газового комплекса Туркмении обеспечивает, по существу, экономическую (а значит, и в целом социально-политическую) стабильность этого государства³⁸. Но, пожалуй, наиболее жизненно важно разрешение этого противоречия для Казахстана³⁹.

Первым сигналом обострения социально-этнической ситуации в этих странах для русского и другого нетитульного населения послужило принятие в 1989 г. (в Туркмении в 1990 г.) законов о государственном языке. И хотя почти во всех этих законах декларировалось признание русского языка в качестве средства межнационального общения⁴⁰, основной их смысл сводился к резкому повышению роли языков титульных этносов и понижению статуса русского языка, а тем самым и статуса основного его носителя, в подавляющем большинстве не владеющего титульными языками. Законами требовалось в тот или иной, но достаточно

короткий срок перевести на государственный язык делопроизводство как в государственном аппарате, так и в экономике, образовании, здравоохранении, в сферах общественной жизни, резко расширить его употребление в средствах массовой информации, предприятиях обслуживания, ввести в квалификационные требования для многих категорий работников и т. д.

Естественно, что в массе своей двуязычное титульное городское население, особенно крупных городов, в результате принятия языковых законов получило дополнительные социальные преимущества, для русских же они обернулись угрозой, а часто и реальным понижением социального статуса⁴¹. Так, около четверти опрошенных русских горожан Киргизии полагали, что в результате этого законодательного акта для русских будет затруднено поступление в вузы, 17% ожидали возможных осложнений при приеме на работу, 16% — при продвижении по службе, 12% опасались увольнения. При оценке приведенных данных следует учесть, что они относятся ко второй половине 1992 г., когда действие языкового закона еще не проявилось с достаточной очевидностью, а многие русские по инерции продолжали надеяться, что этнополитическая ситуация вряд ли радикально изменится. Однако уже вскоре местные русские от этих иллюзий освободились⁴².

Законы о государственных языках были очень важной, но лишь одной из составных частей проведения в жизнь этнократической доктрины, в конечном итоге победившей в политике всех новых суверенных стран Центральной Азии. Влияние этой политики на свою жизнь русское население ощутило уже на самом начальном этапе становления их суверенитета, но по мере ее осуществления возрастали ожидания ими негативных перемен. Так, в Киргизии 60% русских горожан отрицали негативную роль своей национальности в продвижении по службе в прошлом. Но уверенность в том, что этого не случится в будущем, высказали лишь 12%. Половина опрошенных русских оценила свою национальную принадлежность как фактор, отрицательно влияющий на служебную карьеру, и лишь десятая часть — как положительно влияющий. Показательно, что в этом плане только 12% киргизов высказались негативно о своей национальной принадлежности.

Ответы русских свидетельствуют об осознании ими растущей конкуренции со стороны представителей титульных народов. Так, 48% из числа опрошенных русских горожан Киргизии отметили рост конкуренции киргизов, при этом 23% чувствовали ее уже достаточно остро. Среди киргизов конкуренцию русских отметила лишь треть опрошенных, а ее особую остроту — чуть более 10%.

Материалы нашего исследования свидетельствуют о том, что значительная часть титульного населения настроена на процесс дальнейшего понижения социального статуса русских. Например, на вопрос: в каких профессиях наиболее перспективно использовать труд русских? — киргизы примерно вдвое чаще отводили им роль работников физического труда и вдвое реже — высококвалифицированных специалистов и руководителей.

Эти настроения титульного населения в отношении местных русских опираются на реальную кадровую политику этнического протекционизма. Даже в Казахстане, где казахи не составляют большинства населения, им отдается явный приоритет при заполнении управленческих (как представительных, так и исполнительских) структур, которые формируются как преимущественно моноэтнические⁴³. Такая же тенденция характерна для кадровой политики в Киргизии⁴⁴ и тем более в других среднеазиатских странах, где русские составляют менее значительную, чем в Казахстане и Киргизии, часть населения.

Что касается отношения к социально-экономическим переменам последних лет всего русского населения, то исследование в Киргизии показало, что в 1992 г., когда проходил опрос, значительная его часть была еще сравнительно мало ориентирована на кардинальные изменения своего профессионального и социального статуса, неизбежность чего возникает перед многими в случае радикальных социально-экономических перемен, и в большинстве своем русские с недоверием относились к изменениям форм собственности и другим новациям в социально-экономической сфере⁴⁵.

В то же время вряд ли есть основания говорить о социально-экономическом консерватизме местных русских, поскольку их ожидания и поведение находятся в сильной зависимости от неблагоприятной для них этнополитической ситуации. Так, около четверти русских горожан Киргизии полагали, что будут иметь меньшие по сравнению с киргизами шансы в начавшемся процессе приватизации. В свете этого понятны различия в ориентациях на владение частной собственностью. Хотели бы стать собственниками земли 30% киргизов-горожан и 16% русских; примерно таким же было среди опрошенных и отношение к владению предприятиями. Приватизировать жилье были намерены более трети киргизов и почти вдвое меньшая доля русских. Вообще ничего не намеревались приобретать 31% опрошенных в городах русских и только 9% киргизов. Наиболее распространенными мотивами такой позиции у русских были: недостаток материальных средств (48%), возможный отъезд из республики (25%), отсутствие в Киргизии условий для приватизации (17%).

4. Языковые и этнокультурные проблемы

Важнейшие изменения в положении русских в странах Центральной Азии, как и в остальных регионах бывшего Союза за пределами России, связаны со значительными переменами в этноязыковой и этнокультурной ситуации последних лет. В условиях единого союзного государства русский язык и общесоюзная (по происхождению в значительной мере также русская и русскоязычная) культура, широко распространяемые через систему образования, средства массовой информации, а также через непосредственное общение людей, с течением времени становились достоянием все более широкого круга представителей нерусских народов. Этот процесс достаточно активно охватил и титульное население республик Центральной Азии, прежде всего городское, а тем более столичное, с которыми в первую очередь и общалось большинство местных русских. В наибольшей мере национально-русское двуязычие характерно для казахов, среди которых в 1989 г., по их самооценке, почти две трети свободно говорили по-русски или считали русский язык родным (1,4%). Среди киргизов свободно владели им 37,2%, среди узбеков — 22,8%, таджиков — 30,5%, туркмен — 28,3%⁴⁶. В то же время у титульных народов республик азиатской части Союза (как и среди азербайджанцев) были значительные различия в уровне национально-русского двуязычия у городского (особенно столичного) и сельского коренного населения. Эта разница достигала от 3 до 4,6 раз⁴⁷. Понятно, что при таких обстоятельствах у местных русских не было сколько-нибудь значительных стимулов к овладению языками титульных наций. Итоги последней переписи населения СССР показали, что, по сравнению с русскими, проживавшими в других союзных республиках вне России, они владели этими языками в наименьшей мере. Лишь около 4,5% живущих в этом регионе русских ответили, что свободно владеют языками титульных этносов республик своего проживания, из них 0,1% считают их родными⁴⁸.

Сложившаяся модель межэтнического культурно-языкового взаимодействия, при котором титульное население в большей степени осваивало русский язык и культуру, чем русские его язык и культуру, была предопределена позицией этнических групп в модернизационном процессе, который в нашем обществе был связан прежде всего с русской культурой и ее основным носителем — русским этносом. И чем более те или иные индивиды или социальные группы из среды нерусского населения были вовлечены в процесс модернизации, тем активнее они приобщались к русскому языку и культуре.

Эта ситуация, на наш взгляд, и в настоящее время имеет место в большинстве стран нового российского зарубежья, за исключением, пожалуй, Прибалтики. Более того, ее осознает и принимает значительная часть титульного населения бывших союзных республик вне России. Так, судя по нашему исследованию, 70% киргизского городского и 80% сельского населения полагали, что киргизам необ-

ходимо знание русского языка. В Казахстане с этим согласно также подавляющее большинство (82%) казахов⁴⁹.

Вместе с тем сильное давление на сложившуюся культурно-языковую ситуацию оказывают в наши дни этнополитические обстоятельства, в первую очередь законы о государственных языках. Хотя реализация этих законов и не может в одночасье сузить сферу применения русского языка, однако она безусловно резко повышает социальный потенциал носителей государственных языков. Именно поэтому принятие данных законов болезненно сказалось на самоощущении местного русского населения, ратующего за введение в странах своего проживания двух государственных языков — титульного и русского. Например, в ходе экспериментального опроса, проведенного нами в конце 1991 г. в Ташкенте, за это высказалось 79% русских; 12% считали, что закон о госязыке вообще не нужен; 68% русских горожан Киргизии высказали мнение о значительном, чаще всего отрицательном влиянии закона о государственном языке на положение местных русских. В какой-то мере положительно оценили этот закон лишь 15% респондентов, полагая, что в итоге его принятия русские осознали необходимость изучения киргизского языка.

Показательно, что среди киргизского населения заметно большей, чем у русских, была доля тех, кто полагал, что закон о государственном языке не оказал влияния на статус русского населения. Киргизы также в несколько раз меньше, чем русские, оценивали его отрицательные социальные последствия для нетитульного населения.

Введение государственных языков вызвало самые большие расхождения между русскими и титульным населением. В Казахстане около двух третей опрошенных казахов считали, что живущие в республике русские обязаны знать казахский язык. Самыми яркими приверженцами этой идеи были представители казахской бюрократии, сельское титульное население и казахи юга республики⁵⁰. Среди русских около двух третей респондентов имели противоположное мнение. Требование знания государственного языка всеми жителями Казахстана, в том числе русскими, приобрело для значительной части казахов принципиальное значение, символизирующее окончательную смену социальных ролей двух крупнейших этнических групп республики.

Опрос показал, что как у русских Ташкента, так и у русских горожан Киргизии особое беспокойство вызвало сужение использования русского языка в сфере массовой информации и образования. 42% русских горожан Киргизии заявили, что в случае полного вытеснения русского языка из большинства сфер общественной жизни они уедут из республики. Тех же, кто предпочел бы остаться и выучить киргизский язык, было гораздо меньше (27%).

Озабоченность понижением статуса русского языка, ведущим к информационной, социальной и культурной изоляции русских, подталкивает часть из них к мысли о необходимости более глубокого овладения языками титульных народов. Так, отвечая на вопрос, что, на их взгляд, в нынешних условиях предпочтительнее — чтобы русские выучили узбекский язык или узбеки активнее овладевали русским, доля русских ташкентцев, выбравших первый вариант (36%), была в два раза больше выбравших второй. Правда, более трети не смогли отдать предпочтение ни одному из ответов. В Киргизии лишь немногим больше четверти опрошенных или затруднились в ответе на этот вопрос, или полагали, что им не нужно знание титульного языка. Остальные назвали те или иные трудности, связанные со слабым владением узбекским или киргизским языками — осложнения в сфере труда, при получении образования, в бытовом общении, в пользовании сферой услуг, при вхождении в местную культуру и т. д. Таким образом, наиболее значительными аргументами в пользу владения титульными языками выступают, с одной стороны, негативные последствия их незнания для социального статуса респондентов, а с другой — возможные трудности в культурно-бытовой адаптации.

Однако мы не можем сказать, что осознание этих трудностей стало для

большинства опрошенных стимулом к практическим шагам для изменения ситуации. Немногим более пятой части русских горожан Киргизии ответили, что изучают киргизский язык самостоятельно (14%) или на курсах (9%). Кроме того, каждый десятый считает, что он хорошо знает этот язык. Две же трети опрошенных не изучают киргизский язык по тем или иным причинам: 11% — собираются уехать из республики, 9% — из-за материальных затруднений, 16% — из-за возраста, 20% — не видят в этом необходимости.

Немалую роль в таком отношении к государственному языку сыграла слабая организационно-материальная подкрепленность продекларированной необходимости более широкого овладения им нетитульным населением, что не удивительно в условиях глубокого экономического, а зачастую и социально-политического кризиса⁵¹, сохраняющееся широкое национально-русское двуязычие титульных этносов, реальное двуязычие в городской среде, где в основном и живут русские, а также преимущественно русскоязычная среда трудовых коллективов, где они работают. Так, 85% респондентов Киргизии говорят на работе только по-русски. Еще шире степень функционирования русского языка в трудовой сфере у русских в Казахстане⁵². Возможность сохранения привычного одноязычия облегчается для русских и пока еще сохраняющимся, хотя и в сильно суженном виде, функционировании на их родном языке средств массовой информации, в том числе российских, а также школ и некоторых специальных, в том числе высших, учебных заведений.

Выход из создавшегося противоречивого положения русское население видит в переносе культурно-языковых перемен, уже в значительной мере осознанных как необходимые, на будущее поколение. Именно поэтому около половины опрошенных русских горожан высказываются за преподавание в русских школах не только киргизского языка, но и основ культуры титульного народа и истории республики. Еще четверть — за преподавание в первую очередь киргизского языка. Гораздо меньшей была доля (16%) полагающих возможным обойтись без его изучения из-за перегрузки школьных программ.

Вместе с тем большинство респондентов не были склонны преувеличивать социальную эффективность для себя этих знаний в новой этнополитической ситуации, видимо, не без оснований полагая, что в случае преодоления языкового минимума перед ними поставят новые барьеры, например, в виде не менее дискриминационного, чем языковой, закона о праве на земельную собственность и иную недвижимость, тех или иных ограничений в социальном росте, при приватизации и т. п. Возможно, именно по этим соображениям на вопрос о том, какой путь они посоветовали бы избрать русской молодежи, вариант ответа: «активно изучать киргизский язык и культуру с тем, чтобы иметь равные возможности с киргизами на жизненном пути» (30%) — ненамного превысил среди них другие варианты: «осваивать рабочие профессии, не требующие хорошего знания киргизского языка» (25%) и «организовать собственное дело, ориентируясь на партнеров вне Киргизии» (21%). В то же время показательно, что среди киргизов первый из названных выше советов русской молодежи набрал почти вдвое большую долю сторонников, чем среди русских.

5. Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения

Значительная часть современных проблем русских в бывших союзных республиках вне России связана с их статусом этнического большинства в СССР, чем во многом определялись их социальные интересы и политические ориентации. Среди последних, в частности, преимущественное предпочтение сохранению единого социально-политического, экономического и культурно-языкового пространства, существовавшего в Союзе. Естественно, что стремление политических элит титульных этносов к радикальной суверенизации «своих» республик встретило у значительной части (можно полагать, что у большинства) русского и

другого русскоязычного населения негативное отношение, а частично вызвало в их среде и открытое сопротивление. Такая позиция русских вполне понятна, поскольку новая этнополитическая ситуация, определяемая реализацией доктрины этнического национализма, обернулась неожиданно для них резким превращением в этническое меньшинство — статус, мало соответствующий и еще менее привычный представителям самого большого народа еще недавно единой страны.

В результате этнополитическая ситуация в последние два года перед распадом СССР и особенно в период после его развала в большинстве бывших союзных республик характеризовалась той или иной степенью противостояния русского населения и властных институтов новых суверенных государств и в известной степени русских и представителей титульных этносов. В целом такое положение характерно и для новых суверенных государств Центральной Азии, где обострение противоречий вызвано в первую очередь этнократическим характером власти в новых государствах, нашедшим отражение в правовых новациях (в частности, в законах о государственном языке и конституциях⁵³), но чаще проявляющимся в политической практике, нацеленной на достижение доминирования титульного этноса в политической, социально-экономической, идеологической, культурно-языковой сферах, невзирая на часто весьма значительную долю нетитульного населения.

Положение русского и другого русскоязычного населения в каждом из государств центральноазиатского региона было не во всем одинаково. К тому же оно не оставалось неизменным. Так, Киргизия долгое время являлась одной из самых бесконфликтных республик бывшего Союза. Имидж наиболее демократической из всех стран Центральной Азии в какой-то мере сохранился за ней до сих пор. Однако все растущий в последние годы поток русских и русскоязычных эмигрантов позволяет считать, что в ее внутренней политике возобладали этнократические тенденции, что вынужден признать и сам президент А. Акаев⁵⁴. Об этом же свидетельствуют и итоги последних выборов в парламент этой страны, среди депутатов которого оказалось свыше 80% киргизов, в то время как в населении их доля немногим превышает половину⁵⁵, русских же и других представителей российской диаспоры в этом органе было в три раза меньше их доли в населении страны⁵⁶. Правда, такой итог выборов, возможно, в какой-то мере связан с политической апатией, охватившей русскоязычное население республики, уже мало надеющееся на политическое решение своих проблем и в значительной части настроенное на эмиграцию.

Этноконфликтную ситуацию, сложившуюся вокруг русского населения, отразили итоги нашего исследования в Узбекистане и Киргизии. С точки зрения большинства русских горожан, русский народ всегда играл прогрессивную роль во взаимоотношениях народов СССР, способствовал их экономическому и социально-культурному развитию. Среди горожан-киргизов так считает лишь третья часть. С другой стороны, с мнением о том, что русские всегда стремились к господству над другими народами, были согласны лишь 3% русских и почти в десять раз большая доля киргизов. Заметны были различия между ними и в ответах на вопрос — проводилась ли в республике политика русификации. Согласны с этим 31% русских и 49% киргизов, не согласны 43% русских и 17% киргизов. И русские, и киргизы основное содержание русификаторской политики видели в различных формах социального и культурно-языкового доминирования русских. При этом и русские, и особенно киргизы указывали на психологические, бытовые стороны проявления прошлой культурно-языковой политики, развившиеся в пренебрежении части русских к киргизской культуре и языку. Заметно ущемляло киргизов и социальное доминирование русских на властном партийно-государственном уровне.

Негативные изменения в положении нетитульного населения стран Центральной Азии связаны с ухудшением отношения к нему со стороны властных институтов всех уровней. В Ташкенте более двух третей опрошенных русских указали на

эту причину. Лишь менее десятой части (7%) полагали, что это отношение улучшилось, а 12% — что оно осталось неизменным. В городах Киргизии такие ответы дали соответственно 48, 11 и 33% русских. Очевидные различия на сей счет во мнениях русских в Узбекистане и Киргизии связаны, на наш взгляд, с тогдашними (напомним, что опрос в Ташкенте проходил в декабре 1991 г., а в Киргизии во второй половине 1992 г.) существенными различиями в общем политическом курсе этих республик (более демократическом, по крайней мере на уровне деклараций, в Киргизии и более авторитарном в Узбекистане), в том числе и в их политике по отношению к нетитульному населению.

В Киргизии при всем разнообразии общественных движений, включая наиболее радикально-националистические⁵⁷, русское население тогда все же надеялось на благоразумие властей. Определенные надежды в этом отношении давали выступления и инициативы А. Акаева. Возможно, что в этих своих надеждах русское и близкое к нему по языку и культуре население Киргизии в какой-то мере полагалось на свой значительный демографический потенциал, фактор, который в других странах Средней Азии должен был играть заметно меньшую роль. Однако со временем нетитульное население убедилось, что этнократические тенденции во внутренней политике республиканских властей взяли верх.

В Узбекистане авторитарной режим И. Каримова не давал возможности активно проявиться ни радикально-националистическим силам титульного населения, ни иным не организованным с благословения властей политическим движениям этнической или какой-либо иной окраски. К организациям русских в начальный период суверенизации Узбекистана было особенно настороженное отношение. Это проявилось, например, в том, что в отличие от других этнических групп нетитульного населения русским не разрешали создавать свои культурные общества, центры и т. п. Антироссийские, антирусские тенденции в политике Узбекистана проявлялись тогда в резком сокращении телевизионного вещания из Москвы, не говоря уже о местных телевизионных программах на русском языке. Но по мере укрепления суверенитета республики и миграции из нее значительного числа социально наиболее активных представителей русской и русскоязычной диаспоры власти поняли, что большинство русских и другого русскоязычного населения уже примирились с ролью этнического меньшинства и в силу этого не представляют серьезной опасности для утвердившегося этнократического режима. Было разрешено и создание русских культурных обществ и центров⁵⁸. В какой-то мере пассивностью местного русского населения, видимо, объясняется возможность для узбекского руководства на переговорах летом 1995 г. с российской делегацией, возглавляемой В. С. Черномырдиным, уйти от обсуждения вопросов о миграции и статусе российских граждан⁵⁹.

Ухудшение межнациональных отношений на личностном уровне русским населением Ташкента оценено более негативно, чем русскими в Киргизии. При этом положительных оценок в их характеристике было еще меньше, чем в суждениях об отношениях с властями. Показательно также, что и в Узбекистане, и особенно в Киргизии наиболее значимыми причинами, заставлявшими людей думать об отъезде, были названы именно ухудшение межнациональных отношений, ущемление прав и достоинства русских.

Для понимания новых тенденций в межэтнических отношениях важным представляется принципиально иная их оценка титульным населением, гораздо чаще русских подчеркивающим их неизменность, особенно на бытовом, межличностном уровне, чаще находящим в них улучшение и реже ухудшение. Лишь незначительная доля опрошенных русских (10% в Ташкенте и 17% в городах Киргизии) надеялась на улучшение межнациональных отношений в республиках своего проживания. Более же половины (56% в Ташкенте и 52% в городах Киргизии) считали, что эти отношения будут ухудшаться. Доля пессимистически настроенных на сей счет среди русских Казахстана была заметно ниже (33%), хотя оптимистов среди них было примерно столько же (18%)⁶⁰.

На большую адекватность оценки русскими межэтнической ситуации указывает, например, отношение киргизов к проблеме массового выезда русского населения из Киргизии. Среди киргизов вдвое больше, чем среди русских, доля тех, кто положительно оценил последствия этого выезда для республики, и, наоборот, вдвое меньше тех, кто считает, что это отрицательно отразится на ее жизни. Киргизы гораздо чаще (от полутора до 5—6 раз) называли положительные последствия массовой русской эмиграции — появление дополнительных рабочих мест, освобождение части жилищного фонда, улучшение снабжения товарами, уменьшение числа конфликтов на национальной основе и т. д. — и в 2—4 раза реже указывали на отрицательные последствия этого процесса — потерю квалифицированной рабочей силы, сокращение строительства, ослабление культурных и иных связей с Россией и возможные осложнения отношений с ней.

Сказанное не исключает того, что под влиянием отрицательного воздействия массовой эмиграции нетитульного, в первую очередь, русского населения на социально-экономическое развитие «своих» стран, ведущей к ухудшению качества жизни всего населения последних, часть представителей титульных этносов могла изменить отношение к эмиграции русских. Возможно, именно поэтому итоги массового опроса, проведенного в Казахстане Институтом Гиллера в конце 1994 г., показали, что подавляющее число казахов (72%) отрицательно отнеслись к этому явлению⁶¹.

Понятно, что в сложившихся условиях русское население в той или иной мере испытывает необходимость в защите своих прав и интересов. Среди русских горожан Киргизии об этом заявили 72% опрошенных. При этом более половины из них полагают, что защищать их должны властные институты республики. На защиту властей России было ориентировано менее трети. 17% рассчитывают в этом вопросе на самоорганизацию русского населения в виде тех или иных общественных движений, а 13% — и на помощь общественных движений России. 15% русских надеются на помощь со стороны мирового сообщества (прежде всего ООН). Как показал опрос, в Казахстане 63% русских рассчитывают на помощь властей республики, 13% — на помощь России и каждый четвертый — на самоорганизацию русского населения⁶².

Надо сказать, что исследователи уже обращали внимание на то, что русские в защите своих прав и интересов рассчитывают преимущественно на властные структуры. При этом (в отличие от того, что показали наши данные) имелась в виду помощь со стороны властей России⁶³. Слабая самоорганизация этой части населения стран Центральной Азии связана, на наш взгляд, не только с длительным воспитанием его в школе государственного патернализма и другими приводимыми О. И. Брусиной факторами⁶⁴, но и с отмеченными выше особенностями внутренней политики этих государств, мало способствующими самоорганизации русских диаспор. Показательно, что в новых независимых государствах с более демократичным и правовым характером политического строя (странах Балтии, Украине, Молдавии) самоорганизация русского населения на этнической почве произошла раньше и успешнее, чем в центрально-азиатском регионе. Да и в несколько более демократичных Казахстане и Киргизии процесс этнической мобилизации русских для защиты своих прав и интересов происходит активнее, чем в других странах региона. Немалую роль в этом сыграл и демографический фактор — значительная доля здесь русского населения. В этой связи понятно, что именно в этих странах русское общественное движение имеет более широкую социальную базу. Так, на вопрос о том, как поведут себя русские в ближайшие годы, четверть опрошенных в Киргизии ответила: останутся и будут бороться за свои права, в то же время уже тогда около 40% полагали, что выход для них один — эмиграция. И все же русское движение Киргизии, начатое «Славянским фондом» и родственными ему общественными организациями, а позднее продолженное ассоциацией «Согласие»⁶⁵, кажется, имеет перспективы. Значительный потенциал развития в Казахстане

имеют славянское движение «Лад», казацкие организации, Русская община республики, хотя они и встречают жесткое сопротивление властей⁶⁶.

Следует обратить внимание на весьма малую долю среди русских сторонников применения военной мощи России для защиты прав и интересов русского и близкого к нему населения. Это характерно для общественного мнения русских не только в Киргизии, но и в других обследованных нами бывших союзных республиках — Молдавии, Литве⁶⁷ и Эстонии. Лишь русские Приднестровья в большинстве полагаются прежде всего на помощь российской армии, что, впрочем, вполне понятно в этнополитической ситуации, сложившейся к моменту обследования в Молдавии.

Большая часть титульного населения не видит необходимости в защите прав русских вообще. Лишь 19% киргизов не были с этим согласны. Правда, ответивших на вопрос о том, кто должен защищать местных русских, было большинство; не дали ответа только 35%. При этом, как и среди русских, наиболее заметной была доля назвавших гарантом соблюдения прав и интересов этой части населения властные институты республики.

Ожидания русских в плане возможной защиты их интересов со стороны России сосредоточены прежде всего в политико-правовой и экономической сферах, а также в помощи желающим мигрировать в Россию. Так, за внесение положения о защите прав и интересов русских в двусторонние соглашения между Россией и Киргизией высказалось 47%, за оказание помощи желающим уехать из Киргизии — четверть опрошенных. Политические и экономические санкции России в случае нарушения прав и интересов русских в Киргизии одобрили 22% опрошенных.

На оценку новой русской диаспорой политики России по отношению к соплеменникам в новом зарубежье, в том числе в странах Центральной Азии, влияло и влияет множество факторов. Среди них — позиция, занятая руководством суверенной России в вопросе о судьбе СССР и его граждан. Значительная часть опрошенных негативно оценивает Беловежские соглашения, связывая с ними окончательный развал СССР, главным виновником которого в глазах русских нового зарубежья является руководство России. Этнократические тенденции, возобладавшие в политике новых суверенных государств, действуют в том же направлении. Неспособность России в силу экономических причин достойно принять соотечественников, приезжающих из стран нового зарубежья или желающих их покинуть, также работает на закрепление в массовом сознании новой русской диаспоры стереотипного мнения о том, что Россия их предала.

Подобными настроениями можно, на наш взгляд, объяснить низкий по сравнению с А. Акаевым и И. Каримовым, а тем более Н. Назарбаевым рейтинг Б. Н. Ельцина среди наших соотечественников в обследованных странах, в том числе в Центральной Азии. По степени доверия Ельцину уступал лишь Л. Кравчук. Негативное отношение большинства русских в странах нового зарубежья к президенту суверенной России сложилось уже в первый период формирования самостоятельной российской политики, основным выразителем которой и стал Ельцин.

Феномен высокого рейтинга Назарбаева в значительной мере связан с его многократными и настойчивыми инициативами по сближению бывших союзных республик, созданию Евразийского союза.

Вместе с тем в самом Казахстане степень доверия русских к Назарбаеву и его инициативам ниже, чем в других государствах нового зарубежья, доля доверяющих ему несколько ниже доли недоверяющих⁶⁸.

Приведенная выше информация об этнополитических ориентациях русского населения стран Центральной Азии свидетельствует, что безусловную его поддержку встретит политика на сохранение в той или иной форме связей между бывшими союзными республиками как многосторонних, в виде СНГ, так и двусторонних. 96% русских Ташкента высказались за вхождение Узбекистана в состав СНГ. Треть из них ждала от этого акта улучшения своего положения, а более половины считали, что оно хотя бы останется неизменным. В противном случае,

по мнению трех четвертей опрошенных, положение русских в Узбекистане ухудшится, и лишь 18% считали, что в этом случае оно существенно не изменится.

За внешнеполитическое развитие Киргизии прежде всего в рамках СНГ высказалось 44% русских респондентов, за ориентацию преимущественно на Россию — пятая часть и за трехсторонний союз России Киргизии и Казахстана — 14%. Среди киргизов такого явного перевеса сторонников вхождения в СНГ не было, хотя этот вариант ответа набрал также относительно наибольшее число сторонников. Однако примерно столько же было и тех, кто ориентировался на развитие отношений прежде всего с мусульманскими странами, в том числе с бывшими республиками Среднеазиатского региона. Среди русских же доля ориентированных на эти страны была в 4 с лишним раза меньше, чем отдавших предпочтение вхождению Киргизии в СНГ.

В Казахстане за интеграцию республики в СНГ высказались 48% опрошенных там русских, за объединение с Россией — 34%, за восстановление СССР — 10%⁶⁹. Характерно, что и большинство казахов в ходе этого опроса также высказалось за ту или иную форму интеграции Казахстана в постсоветское пространство в отличие от титульных этносов, например, Молдавии и Литвы, ориентированных прежде всего на развитие своих стран в качестве суверенных республик⁷⁰.

Одним из возможных путей стабилизации своего положения русское и другое русскоязычное население обследованных стран Центральной Азии считает введение двойного гражданства. Так, в Ташкенте 74% опрошенных русских предпочли двойное гражданство гражданству одной из стран — Узбекистана или России, только российское выбрали 10%, только узбекское — 5%. В случае невозможности получить двойное гражданство 42% респондентов предпочли российское и 47% — узбекистанское. В Киргизии двойное гражданство предпочли 58% респондентов, только России или только Киргизии — по 15%. В Казахстане (в конце 1994 г.) двойное гражданство также предпочли 41% русских, а только казахстанское или российское выбрали соответственно 24 и 17%⁷¹.

Соглашение о двойном гражданстве заключено Россией пока только с Туркменией и Таджикистаном⁷², где проживает сравнительно небольшое по численности русское население. Принятие же российского гражданства в последнее время активизировалось. В Казахстане, например, в 1994 г. гражданство России приняли 53 тыс. человек, что почти в 10 раз больше, чем в предыдущем году (5,4 тыс. человек)⁷³. По-видимому, этот процесс станет еще активнее после того, как в северных областях республики будут открыты российские консульства⁷⁴.

Оформлению российского гражданства препятствуют слабая информированность населения о возможности его получения, определенное давление со стороны властных, в том числе силовых структур. Кроме того, принятие российского гражданства означает отказ от гражданства страны проживания, что связано с рядом ограничений экономических, социальных и гражданских прав для лиц, решивших остаться на прежнем месте жительства. Так, в Узбекистане принявшие российское гражданство лишены ряда существенных льгот в приватизации, т. е. не могут получить часть общественного богатства, в создании которого они участвовали⁷⁵. Принятие российского гражданства в Казахстане и Киргизии осложняется необходимостью официального письменного отказа от гражданства страны проживания⁷⁶. Поскольку подобный шаг неизбежно воспринимается как проявление нелояльности к правящему в стране режиму, решаются на него прежде всего те, кто собрался переезжать в Россию. Из 53 тыс. человек, принявших в 1994 г. через посольство России в Казахстане российское гражданство, на консульский учет в качестве постоянно проживающих в республике российских граждан встали за этот год всего 3,3 тыс. человек⁷⁷.

Об этнополитических ориентациях русских в странах Центральной Азии в известной мере можно судить и по тому, что они подразумевают под понятием Родина — бывший Союз в целом, республика проживания или Россия. Выбравшие тот или иной вариант ответа распределялись следующим образом: в Ташкенте —

соответственно 50, 20 и 15% (остальные не ответили или затруднились с ответом); в городах Киргизии — 52, 28 и 12%. Таким образом, половина или несколько большая часть русского населения обследованных стран Центральной Азии считала своей родиной уже ушедший в историю СССР. Ясно, что подобные этнополитические ориентации русского и, вероятно, другого русскоязычного населения в условиях этнократических режимов не могут не порождать этноконфликтных ситуаций, пусть и не всегда открытых. Возможность их станет тем более очевидной, если сравнить ответы русских и титульного населения. Например, среди киргизов в отличие от местных русских большинство (60%) считало своей родиной Киргизию. Советский Союз в этом качестве назвало немногим более пятой части киргизов.

* * *

Распад единого союзного государства и последовавшая за этим радикальная этнократизация власти в бывших союзных республиках Центральной Азии, как и в большинстве других стран нового российского зарубежья, а также растущая экономическая дестабилизация, в значительной мере вызванная нарушением хозяйственных связей между бывшими республиками Союза, предопределили обострение этнополитических, социально-экономических, культурно-языковых и социально-психологических проблем их русского и другого нетитульного населения. В условиях единого СССР для русского населения региона было характерно относительно благополучное и в определенной мере комфортное положение, основанное на сравнительно высоком социально-экономическом статусе русских, а также на самом широком функционировании русского языка и культуры во всех сферах общественной жизни. Правда, все это сопровождалось явно выраженным социально-политическим протекционизмом в отношении титульных этносов, заставлявшим русских сознательно ограничивать свои социальные притязания рамками определенной социально-профессиональной ниши, впрочем, достаточно широкой и престижной.

Ныне представители наиболее многочисленного и доминировавшего в Союзе народа, недавние граждане единого государства не по своей воле оказались разобщены границами суверенных «национальных» государств, в которых господствующее положение заняла идеология этнического национализма. Применительно к русскому и другому русскоязычному населению этот поворот обернулся резким ограничением общественных функций русского языка, радикальным вытеснением русских, в том числе с помощью законов о госязыках, с наиболее значимых и престижных социальных ролей, отстранением их от принятия решений, в том числе затрагивающих их положение и судьбы, ростом бытового национализма титульного населения, зачастую провоцируемым этническим популизмом части политических лидеров.

В то же время в каждой из бывших союзных республик Центральной Азии названные общие тенденции проявляются далеко не одинаково. Различия определяются множеством факторов, среди которых важную роль играют демографический потенциал русского населения, особенности его расселения, большая или меньшая этнократичность господствующих режимов, глубина политической и социально-экономической дестабилизации страны.

Общим важным фактором, определяющим судьбу русского населения в Центральной Азии, является значительная культурная дистанция между русскими и титульным населением региона, гораздо более выраженная, чем в других союзных республиках вне России. Это проявляется в слабой адаптации русских к языкам, культуре и образу жизни титульных этносов региона и, с другой стороны, не столь же однозначно выраженной, но все же относительно малой адаптации титульных народов Центральной Азии к русскому языку, культуре и современному урбанизированному образу жизни.

Проблемы русских в центральноазиатских государствах, несомненно, сохра-

няться надолго. Часть русского населения уже решила их, уехав в основном в Россию, а отчасти в другие республики бывшего СССР и за его пределы. Этот процесс будет развиваться и может приобрести лавинообразный характер в случае расширения в регионе зон с нестабильным политическим режимом, как это уже произошло в Таджикистане.

Однако в любом случае в Центральной Азии останется какая-то часть (и, скорее всего, значительная) русского и другого русскоязычного населения. В интересах как России, так и государств региона стабилизировать ее положение. Исходя из того, что та или иная форма реинтеграции евразийского пространства бывшего СССР является наиболее оптимальным способом решения проблем русского населения прежнего Союза, проживающего вне России, и в то же время сознавая, что этот путь — долговременная и в значительной мере проблематичная перспектива, в нынешних условиях необходимо ориентироваться на интеграцию на основе двусторонних и многосторонних соглашений Российской Федерации с государствами Центральной Азии, как и с другими странами нового зарубежья. В этих соглашениях должны быть ясно и твердо зафиксированы положения о реальной стабилизации и улучшении политико-правового, социально-экономического, этноязыкового и этнокультурного статуса русского и другого тяготеющего к России населения данных государств. В них должна быть предусмотрена и помощь переселенцам в Россию, включая компенсацию государством выезда за оставляемое последними жилье и другое имущество или возможность беспрепятственной продажи недвижимости по реальным ценам и вывоза без ограничений личного имущества. В зависимости от соблюдения достигнутых соглашений должна находиться степень благоприятности экономических, политических, военных и т. п. отношений России с этими странами.

Поддержка социально-экономического, а в конечном счете и политического статуса русского населения в Центральной Азии, как и в других странах нового зарубежья, возможна и путем кредитования тех предприятий, на которых занято в основном русское население, а также выкупа этих предприятий в российскую собственность, через поддержку предпринимательства местного русского населения и пр. Необходимо также сохранение культурных, научных, информационных связей России с русской диаспорой. В этом плане важную роль может сыграть солидная российская помощь достаточно представительным, конструктивным русским организациям, общинам, культурным центрам в странах Центральной Азии. Одной из главных целей такой поддержки должна стать консолидация этих самостоятельных русских организаций, которая послужит залогом превращения последних в важный фактор решения «русского вопроса» в бывших союзных республиках вне России.

Примечания

¹ Тишков В. А. Русские в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Док. № 51. М., ИЭиА РАН, 1993. С. 3.

² Там же.

³ Чеботарева В. Г. Россия: донор или метрополия? // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Вып. 2. М., 1995.

⁴ Тишков В. А. Русские вне России: мифы и политика (вместо вступления) // Русские в новом зарубежье: Средняя Азия: Этносоциологический очерк. М., 1993. С. 5.

⁵ Тишков В. А. Русские в Средней Азии и Казахстане, С. 3—4.

⁶ О программе и некоторых итогах этого исследования см.: Русские в новом зарубежье. Средняя Азия; Русские в новом зарубежье: Программа этносоциологических исследований. М.: ИЭиА РАН, 1994. Русские в новом зарубежье. Киргизия: Этносоциологические очерки. М., ИЭиА РАН, 1995; Савоскул С. С. Русские нового зарубежья // Общественные науки и современность. 1994. № 5; Савоскул С. С., Гинзбург А. И. Россия и русские нового зарубежья // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Вып. II; Остапенко Л. В., Субботина И. А. Некоторые проблемы русских в ближнем зарубежье: миграция, занятость, конфликты // Российский этнограф. Вып. 2. М., 1993; Субботина И. А. Русские: Миграционные процессы накануне и после распада СССР // Среда и культура в условиях трансформации. М., 1995 и др.

⁷ Русские: этносоциологические очерки / Отв. ред. Арутюнян Ю. В. М., 1992. С. 19. Табл. 1.

- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 19, 21.
- ¹⁰ Численность и социально-демографические характеристики русского населения в республиках бывшего СССР. М.: Гос. Комитет Российской Федерации по статистике, 1994. С. 5—6; Социально-культурный облик советских наций/Отв. ред. Ю. В. Арутюнян, Ю. В. Бромлей. М., 1986. С. 123.
- ¹¹ Русские: этносоциологические очерки. С. 25. Табл. 6.
- ¹² Там же.
- ¹³ Подсчитано по: Губогло М. Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959—1989 гг. (по материалам переписей населения СССР)//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Док. № 32. М.: ИЭиА РАН, 1992. С. 37. Табл. 5; Русские: этносоциологические очерки. С. 19. Табл. 1.
- ¹⁴ Губогло М. Н. Указ. соч. С. 25—37. Табл. 1—5.
- ¹⁵ Амрекулов Н. А., Масанов Н. Э. Казахстан между прошлым и будущим. Алматы, 1994. С. 124—125.
- ¹⁶ См., напр.: Аргументы и факты. 1994. № 45; Независимая газета. 1994. 15 ноября.
- ¹⁷ Гудков Л. Д. Русские в Казахстане: Доклад Центра исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья/Рук. проекта Б. А. Грушин, А. Т. Сенченко. М., 1995. С. 31.
- ¹⁸ Амрекулов Н. А., Масанов Н. Э. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁹ Там же. С. 123—124.
- ²⁰ Русские: Этносоциологические очерки. С. 36.
- ²¹ Бушков В. И., Миккульский В. Д. «Таджикская революция» и гражданская война (1989—1994 гг.). М., 1995. С. 59.
- ²² Численность и социально-демографические характеристики... С. 30—37. Расчеты автора.
- ²³ Там же. С. 31, 35.
- ²⁴ Информационно-аналитический бюллетень. № 7. М.; ФМСР, 1995. С. 69.
- ²⁵ Там же. С. 70.
- ²⁶ Сегодня. 1995. 22 декабря.
- ²⁷ Информационно-аналитический бюллетень. № 7. С. 54.
- ²⁸ Независимая газета. 1995. 15 ноября.
- ²⁹ Информационно-аналитический бюллетень. № 7. С. 56.
- ³⁰ Витковская Г. С. Вынужденная миграция: проблемы и перспективы. М., 1993. С. 117; Суботина И. А. Русские: миграционные процессы... С. 127—130.
- ³¹ Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. С. 32—34.
- ³² Там же. С. 34—35, 41.
- ³³ Социально-культурный облик. С. 93—101, 358—362.
- ³⁴ Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. С. 30—31.
- ³⁵ Там же. С. 30.
- ³⁶ Там же. С. 31—32.
- ³⁷ Слово Кыргызстана [Бишкек]. 1994. 15 июня.
- ³⁸ Мухаметбердыев О. Б., Реджепова О. С. Русские в современном Туркменистане: аспекты социального самочувствия//Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II. М., 1993. С. 362; Поляков С. П. Нужны ли России среднеазиатские русские//Там же. С. 381.
- ³⁹ Поляков С. П. Указ. соч. С. 379—380; Амрекулов Н. А., Масанов Н. Э. Указ. соч. С. 119—136.
- ⁴⁰ Губогло М. Н. Переломные годы. Т. 2. Языковая реформа. 1989: Документы и материалы. М., 1994. С. 46, 63, 68—69, 75, 100.
- ⁴¹ См., напр.: Независимая газета. 1994. 22 октября; Известия. 1995. 8 апреля.
- ⁴² Назаров А. Д., Николаев С. И. Русские в Киргизии: есть ли альтернатива исходу?//Русские в новом зарубежье: Киргизия: Этносоциологические очерки. С. 26—28, 32.
- ⁴³ Независимая газета. 1994 г. 8 апреля; Информационно-аналитический бюллетень. № 7. С. 53—54, 58—59.
- ⁴⁴ Назаров А. Д., Николаев С. И. Указ. соч. С. 23—25; Информационно-аналитический бюллетень. № 7. С. 73.
- ⁴⁵ Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. С. 45—50.
- ⁴⁶ Численность и социально-демографические характеристики... С. 10—11.
- ⁴⁷ Губогло М. Н. Изменение этнодемографической ситуации... С. 20—21.
- ⁴⁸ Русские: этносоциологические очерки. С. 295. Табл. 17.
- ⁴⁹ Русские в Казахстане. С. 17.
- ⁵⁰ Там же. С. 17—18.
- ⁵¹ Кадыров Ш. Некоторые замечания к вопросу о социальном самочувствии русских в Туркменистане//Россия и Восток..., ч. II, С. 349; Назаров А. Д., Николаев С. И. Указ. соч. С. 19.
- ⁵² Русские в Казахстане. С. 15.
- ⁵³ См., напр.: Лафитский В. Этнократизация власти. Русские за пределами России — каковы перспективы?//Независимая газета. 1995. 7 апреля.
- ⁵⁴ Слово Кыргызстана. 1994. 15 июня.
- ⁵⁵ Ибраев М. Трудные уроки выборов//Слово Кыргызстана. 1995. 28 марта.
- ⁵⁶ Информационно-аналитический бюллетень № 7. С. 77.
- ⁵⁷ Назаров А. Д., Николаев С. И. Указ. соч. С. 22—23.
- ⁵⁸ Гинзбург А. И. Узбекистан: этнополитическая панорама: Очерки. Документы. Материалы. Т. II. Национально-культурные общества. М.: ИЭиА РАН, 1995. С. 242—259.

- ⁵⁹ Сегодня. 1995. 25 июля, 1 августа.
- ⁶⁰ Русские в Казахстане. С. 22.
- ⁶¹ Информационно-аналитический бюллетень № 7. С. 60.
- ⁶² Русские в Казахстане. С. 23.
- ⁶³ Б р у с и н а О. И. Русские в Средней Азии и Казахстане: национальное меньшинство с прошлым «старшего брата» // Россия и Восток... Ч. II. С. 320.
- ⁶⁴ Там же. С. 320—321.
- ⁶⁵ Информационно-аналитический бюллетень. № 7. С. 75—76.
- ⁶⁶ См., напр.: Независимая газета. 1994. 31 марта, 8 апреля, 3, 11, 22 ноября.
- ⁶⁷ Русские в новом зарубежье: Программа этносоциологических исследований. С. 128.
- ⁶⁸ Русские в Казахстане. С. 27.
- ⁶⁹ Там же. С. 26.
- ⁷⁰ Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований. С. 126.
- ⁷¹ Русские в Казахстане. С. 5.
- ⁷² Российская газета. 1993. 24 декабря; Независимая газета. 1995. 19 мая.
- ⁷³ Информационно-аналитический бюллетень. № 7. С. 55.
- ⁷⁴ О планах на сей счет см.: Известия. 1995. 15 июля.
- ⁷⁵ Российская газета. 1993. 11 сентября.
- ⁷⁶ Ф и л и п п о в а Е. И. Социальные последствия неурегулированности проблем гражданства: Доклад в Фонде Карнеги. С. 4.
- ⁷⁷ Информационно-аналитический бюллетень. № 7. С. 55.

СООБЩЕНИЯ

© 1996 г. Н. С. КИНЯПИНА *

БАЛКАНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ В ПЛАНАХ ВОЕННОГО МИНИСТРА РОССИИ Д. А. МИЛЮТИНА

Восточный вопрос, один из центральных во внешней политике России, на протяжении XIX в., прошел несколько этапов своего разрешения. Но Россия всегда при этом учитывала помимо национальных интересов государства расстановку сил в Европе.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг., вызвавшая кардинальные изменения в судьбах народов Балканского полуострова, сказалась на политике России и других европейских стран.

После постановлений Берлинского конгресса восточный вопрос вступил в новую фазу своего развития. Турция была ослаблена, утратив власть над большей частью территорий Балканского полуострова и Средиземноморья.

Известно, сколь разочаровали русское общество принятые в Берлине решения. Славянофильские круги и их лидер И. С. Аксаков говорили даже о «предательстве в поведении русской дипломатии на конгрессе», о добровольном ее отказе от успехов, добытых кровью солдат¹. Канцлер А. М. Горчаков, глава российской делегации на Берлинском конгрессе, в письме к Александру II, как бы оправдываясь перед ним за неудачу, замечал: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере...» «И в моей тоже»², — записал царь. Историки, часто приводя эту цитату как подтверждение неудовлетворенности не только общества, но и правительства результатами войны, забывают о другой оценке того же события, высказанной императором в те же годы. Я имею в виду его отзыв на статью Б. Н. Чичерина «Берлинский конгресс перед русским общественным мнением», лишь частично опубликованную автором³. Видный ученый в отличие от критиков трактата весьма убедительно обосновал целесообразность компромиссов, на которые вынуждена была пойти российская делегация во избежание новой войны. Чичерин считал, что, исходя из общей обстановки (внутренней и международной), подписанный мир был благоразумен. Возражая сторонникам активных действий на Востоке, он говорил об опасности для России захвата Константинополя, что не усилило, а ослабило бы ее: «Центр тяжести перенесся бы на юг, и Россия перестала бы быть Россией»⁴. Александр II, читая статью, подчеркнул эту последнюю мысль, заметив: «Совершенно справедливо»⁵. Иными словами, царь разделял и суждения противников подписанного в Берлине соглашения, и его сторонников, что характерно для поведения и действий императора: колебания и сомнения были свойственны его натуре.

Оценку результатов войны, высказанную Б. Н. Чичериным, поддерживали такие российские газеты, как «Голос», «Биржевые ведомости»; ее разделял и военный министр Д. А. Милютин. «Если достигли хоть только того, что теперь уже конгрессом постановлено, — записал он в дневнике, — то и в таком случае огромный шаг будет сделан в историческом ходе восточного вопроса. Начатое нами дело несомненно довершится самою силою вещей»⁶.

Этот взгляд на итоги войны как на успех России, изменивший ситуацию на Балканах, он пытался отстаивать в своей практической деятельности. Милютин, как и многие политики, сознавая несовершенство Берлинского трактата, считал необходимым выполнение его условий как Портой, европейскими правительствами, так и независимыми Балканскими государствами.

После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Д. А. Милютин отвергал усилия сторонников «радикального» решения восточного вопроса, отстаивая необходимость поддержания статус-кво на Балканах. Исходя из реалий внутренней и международной жизни, он ратовал за улучшение отношений с Турцией, что нашло отражение в подписанном в 1878 г. русско-турецком договоре⁷. Не без участия Милютина в 1879 г. в Константинополь была направлена миссия генерала Н. Н. Обручева с письмом

* Киняпина Нина Степановна, доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Александра II к султану, в котором содержалась просьба императора содействовать утверждению мира на Балканах и не держать турецкие гарнизоны в Румелии после вывода оттуда российских войск. По оценке болгарского историка Б. Самарджиева, миссия Н. Н. Обручева явилась одной из причин решения Абдула Хамида II не вводить турецкие войска в эту провинцию. Султан опасался, полагал ученый, конфликтовать с болгарским населением Восточной Румелии, за спиной которого стояла Россия⁸.

Александр II выделял Д. А. Милютина среди своих министров, ценил его ум и дельные предложения. Как военный министр тот был постоянным участником межведомственных совещаний, где нередко обсуждались внешнеполитические вопросы. Глубоко аргументированные высказывания Милютина нередко определяли ход дискуссий и влияли на принятие окончательных решений. Роль военного министра при рассмотрении внешнеполитических вопросов возросла с конца 1870-х — начала 1880-х гг., когда А. М. Горчаков отошел от дел и уехал на лечение за границу. Фактическое руководство министерством иностранных дел осуществляли Н. К. Гирс, помощник канцлера, дипломат трезвый и достаточно гибкий, и Д. А. Милютин.

Балканы и Ближний Восток в эти годы привлекали особое внимание Милютина. После оккупации Англией Кипра и Египта она становилась серьезной соперницей России в районе Проливов и Средиземноморья, а на Балканах с оккупацией Боснии и Герцеговины наиболее сильным конкурентом выступала Австро-Венгрия. «Австро-Венгрия старается подчинить себе Сербию и Черногорию... вообще она претендует на Балканы»⁹, — считал Д. А. Милютин.

Естественно, что Россия собственными силами при слабом флоте и отсутствии крупных капиталов не могла противостоять натиску Великобритании и Австро-Венгрии. Позиция Франции в эти годы, хотя и не по всем вопросам, была ближе к государствам англо-австрийского блока, чем к России. Державой, способной нейтрализовать западноевропейские правительства, несмотря на разочарование, вызванное поведением Бисмарка на Конгрессе, в Петербурге по-прежнему считали Германию.

Взгляды на восстановление Союза трех императоров, созданного в 1872—1873 гг., в правительстве России разделяли Н. К. Гирс, Д. А. Милютин, министр финансов Н. Х. Бунге, многие политические деятели государства. Им противостояли прежде всего славянофильские круги, порицавшие действия Германии и Австро-Венгрии; долгое время противником сближения с Германией был наследник престола, будущий император Александр III.

Необходимость выхода из политической изоляции, важность решения торгово-экономических вопросов заставили российское правительство пойти на переговоры с Германией (первоначально без участия Австро-Венгрии), которые велись в Берлине в 1879—1881 гг. между канцлером О. Бисмарком и русским послом в Германии П. А. Сабуровым. Филлигранный анализ переговоров и русско-германо-австрийского договора, подписанного 18 июня 1881 г., дан в книге С. Д. Сказкина¹⁰. Его условия и длительные, предшествовавшие заключению союза споры доказывают, что наиболее существенными для России вопросами на переговорах были: Черноморские проливы и балканская проблема¹¹. С точки зрения Д. А. Милютина, внимательно следившего за переговорами, «ограждение Черного моря от вторжения английских эскадр» было главным вопросом в русско-германских переговорах¹².

К этому времени относится «Записка» Д. А. Милютина, озаглавленная «Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распада Османской империи». Она была составлена автором 5 октября 1880 г. и передана Александру II¹³. О важности этого документа для внешней политики России свидетельствует тот факт, что император распорядился передать «Записку» Н. К. Гирсу, активному участнику русско-германских переговоров и послу в Берлине П. А. Сабурову, т. е. дипломатам, которые непосредственно готовили соглашение и были знакомы со всеми тонкостями проводившихся тогда переговоров. Горчаков как противник русско-германского союза и старый человек — ему шел 82-й год — не был посвящен в русско-германские переговоры.

Суждения, изложенные в «Записке», хотя и были обращены в будущее, должны были помочь России в настоящем ее положении избежать неожиданностей, могущих произойти в случае распада Османской империи. Милютину, как и многим его современникам, окончательный распад владений Турции казался делом недалекого будущего. Сходные мысли о скором падении Османской империи как естественном процессе излагал еще в 1871 г. русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев¹⁴.

«Записка» Д. А. Милютина, представляющая собой рукопись на 6 листах, открывается рассуждениями автора о современном состоянии Османской империи и естественности ее ухода из Европы. Милютин не соглашается с утвердившимся мнением, что существование целостности владений Турции является условием европейского равновесия, а ее распад «как бы событием катастрофы». При этом он отмечает, что Россия не стремится к ускорению этого процесса. Но если это произойдет, то место Османской империи в Европе должна занять Конфедерация нескольких самостоятельных Балканских

государств, под общим покровительством Европы. В балканскую конфедерацию Милютин включал Румынию, Сербию, Черногорию, Болгарию, Албанию и Грецию. В состав конфедерации могли быть включены также Босния и Герцеговина с оставлением их под властью Австрии¹⁵. Что же касается самой Турции, то ее владения, по мнению Милютина, могут ограничиться Азиатским материком, а на Европейском континенте она удерживала бы за собой только Константинополь с прилегающей к нему территорией (Адрианонопольский вилайет), которая также входила бы в балканскую конфедерацию.

Разграничения между вновь образованными государствами должны были определяться этнографическими условиями данной страны. Каждое из государств конфедерации должно было иметь свою армию, конституцию и сохранять полную автономию в делах внутреннего управления¹⁶. В круг общих вопросов, объединявших конфедерацию, входили: а) меры охраны целостности и безопасности всех союзных государств, в том числе определение общих военных и политических мер; б) взаимные отношения между членами конфедерации; в) вопросы финансовые, экономические и юридические, решения которых члены конфедерации посчитают необходимыми и полезными.

Решение этих общих вопросов возлагалось совместно на Постоянный совет и на временно собираемый общий Союзный сейм. Постоянный совет предполагалось составить из членов, назначаемых от союзных правительств, по одному от каждого. Председатель избирался самими членами совета из своей среды. Союзный сейм составлялся из представителей, избираемых народными собраниями каждой страны в определенном числе, соразмерном с народонаселением каждого государства. Председателем сейма являлся председатель Союзного совета. Сейм собирался ежегодно для обсуждения и решения предложения Союзного совета.

Помимо перечня вопросов, входивших в компетенцию конфедерации, в «Записке» говорилось о ее взаимоотношениях с европейскими государствами, опекавшими Балканские страны. Контроль за этими отношениями призвана была осуществлять международная комиссия, состоявшая из представителей шести великих держав, которая должна была находиться в Константинополе. В случае недоразумений как между странами, входившими в конфедерацию, так и европейскими государствами, ни одна из сторон (конфедерация или Европа) «не может сама принимать никаких мер без соглашения с прочими великими державами». Внесение этой статьи в документ должно было помешать одной из европейских стран (вероятнее всего, Австро-Венгрии) оказывать исключительное воздействие на политику Балканских государств. Антиавстрийская направленность данного положения «Записки» подтверждается многочисленными пометами в дневнике Д. А. Милютина¹⁷, хотя в самом документе не содержится упоминания об этой стране.

Переходя к военным вопросам, автор отмечал, что вооруженные силы конфедерации должны соответствовать внутренним потребностям охраны спокойствия и порядка. «Поэтому военные меры во всех государствах Союза подчиняются прямому контролю международной комиссии в Константинополе».

Мраморное море и Проливы признавались нейтральной территорией под непосредственным наблюдением международной комиссии. «Насильственное вступление в эту территорию всякого военного судна, без особого пропускного билета от международной комиссии, считается нарушением общеевропейского права», — говорилось в документе. «Для наблюдения за неприкосновенностью Проливов постоянно находится в означенных водах союзная эскадра из определенного числа военных судов каждой из шести великих держав. Береговые же укрепления Босфора и Дарданелл будут разоружены и скрыты»¹⁸.

Таково основное содержание «Записки», в которой из множества вопросов, связанных с восточной политикой России, избираются два первоочередных — вопрос о проливах и балканский. По первому Милютин предлагает сохранение прежнего режима закрытия Проливов, создание условий по недопущению его пересмотра. «Для нас желательно лишь одно, — писал он, — чтобы ни одна из европейских держав не присвоила себе преобладание на Балканском полуострове и в особенности не захватила в свои руки входа в Черное море»¹⁹. Эта позиция военного министра отражала реальную расстановку сил в Европе и внутреннее положение России, диктовавшее осторожную политику. После Крымской и последней русско-турецкой войны многие крупные политические деятели государства, к которым, бесспорно, принадлежал и Д. А. Милютин, не разделяли предложений части российских и иностранных дипломатов (в частности, А. И. Нелидова, П. А. Сабурова, О. Бисмарка), полагавших, что присоединение Россией Константинополя и Проливов вполне реальное дело. На подобные суждения Бисмарка, высказанные в ходе русско-германских переговоров 1879—1881 гг. (возможно, с провокационной целью), Д. А. Милютин заметил: «Это было бы неосуществимой мечтой, оно не было бы допущено ни Англией, ни другими морскими державами. Превращение Константинополя в вольный город есть также миф неосу-

ществимый: это было бы равносильно передаче мнимого вольного города в руки Англии. Следовательно, остается одно возможное и вместе с тем наименьшее для нас невыгодное решение — оставление Константинополя во власти турок, но под контролем общеевропейской дипломатии и как составная часть Балканской конфедерации». Поэтому ближайшая задача России в отношении Проливов сводилась к стабилизации обстановки в регионе, которая не позволила бы одной из вырвавшихся вперед держав (имелась в виду Англия) овладеть ими.

Дружественная по отношению к России политика Балканских стран, прежде всего Болгарии, должна была содействовать реализации замыслов Петербурга. Не случайно решению балканской проблемы Д. А. Милютин уделяет преимущественное внимание.

Эта часть «Записки» военного министра вызвала критику С. Д. Сказкина, который находил единственным достоинством всего документа его «умеренность»²⁰. Рассуждение Милютина по устройству балканской конфедерации (у С. Д. Сказкина говорится о федерации), по мнению ученого, «исполнено было того политического прекраснотушия, той непрошенной заботы о судьбе других народов и государств, которые чаще всего являются основой для плохой политики»²¹. Проект Милютина историк считает нереальным, поскольку европейские державы, прежде всего Австрия, окажут противодействие созданию конфедерации, ибо для Вены единственно приемлемой формой существования балканских народов является «бесформенная куча мелких государств». План Д. А. Милютина оценивался С. Д. Сказкиным как «политический романтизм», корни которого он усматривал в московском славянофильстве и панславизме, далеко от петербургского бюрократизма²².

Представляется, что проект создания балканской конфедерации (не федерации) не такой уж «прекраснотушный». Он имел давнюю традицию, пользовался поддержкой балканской общественности, хотя обещал при реализации немалые трудности. Это доказывается существованием балканских союзов в XIX—XX вв., каждый из которых имел внутренние причины как для образования, так и распада. При этом, думается, политика европейских стран, хотя и влияла на деятельность союзов, не определяла ее. Кроме того, вряд ли справедливо усматривать в идеях Милютина отклики «московского славянофильства и панславизма». Д. А. Милютин был самостоятельным политиком. Его суждения по восточному вопросу в конце 70-х гг. XIX в. были схожи с западником Б. Н. Чичериным и расходились в оценке результатов войны с близким ему ранее по взглядам Н. П. Игнатьевым.

Важнее другое — что план образования балканской конфедерации, изложенный в «Записке» Милютина, был внутренне противоречив. Автор ее одновременно выступал сторонником самостоятельности Балканских стран, предлагая ввести там конституционный строй, считаться с интересами балканских народов, и вместе с тем говорил об их «хаотическом состоянии», разрозненности и вражде между собой, что вызывало, с его точки зрения, необходимость при создании конфедерации «прямого и активного участия» европейских государств, не исключая даже временной оккупации.

Появление трактата Милютина следует связывать не только с русско-германо-австрийскими переговорами по восстановлению Союза трех императоров, где главным образом был восточный, но и с событиями на Балканах, беспокоившими Россию. После утраты Портой власти над большей частью балканских народов, правящие круги Турции усилили националистическую пропаганду среди мусульманского населения Османской империи. В результате этих действий произошли выступления мусульман против христиан в Восточной Румелии, на границах Македонии и в Константинополе²³. Англия и Австро-Венгрия поддерживали эту нестабильность на Балканах, рассматривая ее как лишнее доказательство слабости позиций России в регионе. В 1880 г. осложнились греко-турецкие отношения по пограничным вопросам. Территориальные претензии Греции на Эпир, Фессалию, часть территории Македонии, обсуждавшиеся в греко-турецкой комиссии, не дали положительных результатов. Но Греция не отказалась от своих требований: ею закупалось оружие, создавались добровольные отряды. Некоторое время эти действия не беспокоили Порту, которая считала их «чистейшей демонстрацией»²⁴. Положение Турции осложнилось приходом в апреле 1880 г. к власти в Англии либерального правительства Гладстона, поддерживавшего многие требования греков, а также македонских болгар. Эти обстоятельства ускорили решение султана о передаче Фессалии Греции. В это время Черногория, которая по условиям Берлинского договора должна была получить земли в сторону албанской границы, заявила Турции о своих правах. Новое столкновение Балканских государств с Портой казалось вполне вероятным. Об этом сообщал из Афин русский поверенный в делах Данзас: «Кажется по одному сигналу афиняне, сербы, черногорцы и болгары бросятся на турок, каждый со своей стороны, расколов, таким образом, турецкие силы, что будет способствовать успехам греческой армии»²⁵. Но Балканские страны в этой ситуации не столько стремились к единству действий, направленных против Порты, сколько отстаивали свои государственные интересы, которые нередко противоречили друг другу. Так, болгарский князь, в частности, пытался осуществить идею болгар по

объединению Восточной Румелии с Княжеством. Но болгарское правительство и европейские страны в 1880 г. посчитали этот акт преждевременным²⁶.

В обстановке возможного столкновения балканских армий с турками, а также противостояния между балканскими правительствами «Записка» военного министра, признанная Александром II выражением официального общественного мнения по восточному вопросу²⁷, предлагала один из возможных вариантов нового устройства Балканских стран.

Сам факт появления обстоятельного документа по восточному вопросу, составленного не дипломатом, а военным министром и переданного Александром II крупным чинам министерства иностранных дел, — свидетельство не только высокого авторитета Д. А. Милютина в российских правящих кругах, но и показатель напряженности в международных отношениях на Балканах и в районе Проливов. Российское правительство, считавшее эти вопросы для себя ключевыми, высказывало через Милютина свои суждения на этот счет. Они отличались умеренностью, соответствовавшей положению России и ее планам в те годы. Уязвимость конкретных предложений Милютина, прежде всего по балканскому вопросу, отражала в значительной степени внутреннюю противоречивость правительственной программы в восточном вопросе, направленную на сохранение статус-кво в регионе. Реализации этой программы были подчинены конкретные предложения Милютина. Они были направлены на объединение усилий всех европейских правительств и балканских народов по восстановлению мира. Ради решения этой задачи, думается, Милютин не выделял ни одну из великих держав, когда писал о покровительстве Балканским странам «всей Европы». То же относится к самой конфедерации, где предполагалось равенство всех ее субъектов, их взаимосвязь и взаимозависимость. Но осуществить разумный проект Милютина при остроте противоречий между Балканскими странами и великими державами в 1880-х гг. не удалось. Однако идеи по созданию балканской конфедерации не были забыты. В 90-х гг. XIX в. — начале XX в. они, хотя и в суженном виде, вновь обрели жизнь.

Примечания

¹ А к с а к о в И. С. Собр. соч. Т. 1. М., 1886. С. 300—301.

² Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах о прошлом // Русская старина. 1883. № 10. С. 179.

³ Ч и ч е р и н Б. Н. Воспоминания. Т. IV. Земство и Московская дума, М., 1934. С. 81—82.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ С к а з к и н С. Д. Дипломатия А. М. Горчакова в последние годы его канцлерства. Международные отношения. Политика. Дипломатия. М., 1964. С. 419. Ученый предположительно считал автором статьи или А. М. Горчакова или кого-то из его окружения.

⁶ М и л ю т и н Д. А. Дневник. Т. III. М., 1950. С. 69—70.

⁷ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 207—210.

⁸ С а м а р д ж и е в Б. Някои аспекти на турската политика в Княжество България. Национално-освободителни движения на Балканите в края на XIX в. София, 1976. С. 10—11.

⁹ М и л ю т и н Д. А. Указ. соч. С. 261.

¹⁰ С к а з к и н С. Д. Конец австро-русско-германского Союза. Изд. 2. М., 1974.

¹¹ См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. С. 128—133.

¹² М и л ю т и н Д. А. Указ. соч. С. 188.

¹³ Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки (далее — РО РГБ), ф. 169 (Д. А. Милютин) картон 38/49. На эту «Записку», не рассматривая ее обстоятельно, обратил внимание П. А. Зайончковский во вводной статье к первому тому «Дневника» Д. А. Милютина.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 730, д. 538, 1871 г., л. 16. Оба автора считали, что «уход» Турции из Европы не потребует усилий держав, а будет естественным процессом. Такого же мнения придерживался и новый глава английского либерального правительства Гладстон, утверждавший, что Турцию надо вернуть в Азию. (См.: Ра д е в С. Строителите на съвременна България. Т. 1. София, 1973. С. 213.)

¹⁵ РО РГБ, ф. 169, картон 38/49, л. 4.

¹⁶ Там же, л. 4 об.

¹⁷ М и л ю т и н Д. А. Указ. соч. С. 252, 276—280.

¹⁸ РО РГБ, ф. 169, картон 38/49, л. 6—6 об.

¹⁹ Там же, л. 2 об.

²⁰ С к а з к и н С. Д. Конец австро-русско-германского союза. С. 166.

²¹ Там же. С. 167.

²² Там же.

²³ АВПРИ, ф. Отчеты МИД, 1879 г., л. 14—24 об.

²⁴ АВПРИ, ф. Главный архив V — А2, 1880, оп. 181, д. 910, л. 161.

²⁵ Там же, д. 91, л. 69.

²⁶ Ра д е в С. Указ. соч. 213—216; АВПРИ, ф. Главный архив, 1880, д. 915, ч. 1, л. 57, 72.

²⁷ См.: С к а з к и н С. Д. Конец австро-русско-германского союза. С. 164.

«КРЕПИТЬ ОБОРОНУ СТРАНЫ СОВЕТОВ» («Военная тревога» 1927 года и ее последствия)

Система международных отношений, сложившаяся в 20-х гг. на основе Версальского мира и деятельности Лиги Наций, предохраняла СССР, хотя и не слишком надежно, от военного столкновения с Западом. Укреплению безопасности СССР способствовал и выход из внешнеполитической изоляции посредством установления дипломатических и консульских отношений со всеми европейскими странами, в том числе с теми, где обосновалась русская белогвардейская эмиграция. Промышленно-финансовые круги Запада были заинтересованы в освоении необъятного российского рынка и потому сквозь пальцы смотрели на подрывную деятельность Коминтерна, морально и материально поощрявшего деятельность экстремистских политических группировок во всем мире, на несущиеся из Москвы призывы к мировой пролетарской революции, международной солидарности трудящихся и т. п. Вовсе не коммунистический характер советского политического режима (ибо с этим на Западе почти смирились и, учитывая опыт Великой Французской революции, ждали наступления часа «русского термидора»), а именно попытки СССР вмешиваться во внутренние дела колониальных и зависимых стран осложняли его международное положение. Особенно раздражала (в первую очередь Англию и Японию) поддержка СССР национально-демократической революции в Китае.

По мере восстановления в СССР разрушенной мировой и гражданской войнами экономики и, следовательно, оборонно-промышленного потенциала, Запад начал предпринимать усилия по укреплению обороноспособности граничащих с СССР государств. Не остались на Западе незамеченными и лихорадочные приготовления Советского правительства к вооруженному выступлению в поддержку «германской социалистической революции» в октябре 1923 г. Так или иначе, в середине 20-х гг. против СССР начал формироваться военно-политический блок, названный большевиками «Малой Антантой» (Польша, государства Прибалтики, Румыния, Финляндия). При условии поддержки этого блока в случае пограничного или иного конфликта «Большой Антантой» (Англией, Францией и США), СССР, действительно, попадал в чрезвычайную военно-политическую ситуацию, многократно осложненную возрастающей вероятностью возобновления при затяжной или неблагоприятной внешней войне внутренней гражданской войны.

В настоящее время историки-международники убедительно доказали, что ни в середине, ни в конце 20-х гг. на СССР никто не собирался нападать¹. Общественное мнение в странах — победительницах в Первой мировой войне было, в общем, пацифистским. Германия, где возникли сильные реваншистские настроения, не имела в соответствии с условиями Версальского мирного договора вооруженных сил, способных вести наступательную войну. У ближайших соседей СССР отсутствовали согласованные на уровне генеральных штабов стратегические и оперативные планы внезапного нападения и разгрома «первого в мире социалистического государства». У Великобритании, консервативное правительство которой было готово в 1927 г. разорвать с СССР дипломатические отношения, не было общей с СССР сухопутной границы. Может быть, несколько сложнее обстояло дело на Дальнем Востоке, в районе КВЖД, но назревающий вооруженный конфликт с Маньчжурией носил сугубо локальный характер. На основании данных посылок историки-международники сделали вывод о том, что тревога партийно-государственного руководства СССР по поводу скорого начала большой внешней войны была совершенно напрасной и преследовала либо чисто пропагандистские цели, либо являлась отголоском «психологической травмы», например, связанной с воспоминаниями об иностранной военной интервенции 1918—1920 гг.

Ничуть не приумалывая значение названных факторов, их все же следовало бы отнести в разряд второстепенных. Принципиальное значение для партийно-государственного руководства СССР в вопросе о возрастании угрозы войны имели: состояние вооруженных сил, мобилизационная готовность экономики и политические настроения основной массы населения страны — крестьянства. Рассмотрим эту гипотезу подробнее.

30 марта 1925 г. Председатель Реввоенсовета, нарком по военным и морским делам М. В. Фрунзе представил в Политбюро ЦК РКП(б) доклад о состоянии вооруженных сил СССР в связи с усилением военно-политического и военно-экономического влияния Великобритании в Польше, Румынии и Прибалтике. В докладе обращалось внимание на неблагоприятное материальное положение Красной Армии, на устаревшее и изношенное вооружение. Впервые наряду с положительным значением

* Симонов Николай Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

территориальной системы комплектования вооруженных сил (экономия расходов на содержание личного состава армии, численность которой в противном случае пришлось бы доводить до 1,2 млн. человек) были отмечены и ее коренные недостатки: слабая подготовка призывных контингентов, «крестьянские настроения» в среде военнослужащих, удлинение сроков всеобщей мобилизации и т. д. М. В. Фрунзе предлагал довести численность вооруженных сил СССР до 700 тыс. человек, чтобы на этой основе, в случае войны, своевременно развернуть армию численностью в 2,5 млн. человек, — что было бы даже несколько меньше величины развернутых армий ближайших соседей СССР на Западе. Для осуществления неотложных мероприятий по улучшению материального положения Красной Армии и развития военной промышленности М. В. Фрунзе просил руководство партии увеличить бюджет военного ведомства с 412 млн. руб. в 1924/25 г. до 656 млн. руб. в 1925/26 г.²

Вооруженные силы СССР не были, конечно, настолько слабы, чтобы не выполнить задачи стратегического сдерживания вероятного противника. В составе Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) по состоянию на 1 января 1926 г. насчитывалось 70 стрелковых дивизий, 22 скрытые кадровые стрелковые дивизии и 7 территориальных стрелковых резервных полков, 11 кавалерийских дивизий и 8 кавалерийских бригад общей численностью 610 тыс. человек. На вооружении РККА имелось 6987 орудий всех калибров, 30 162 пулемета, 60 танков, 99 броневых автомобилей, 42 бронепоезда и 694 боевых самолета. Военно-морские силы СССР на Балтийском море представляли 3 линкора, 2 крейсера, 8 эсминцев, 9 подводных лодок, 12 сторожевых катеров. На Черном море имелось 2 крейсера, 4 эсминец, 6 подводных лодок, 21 сторожевой катер³.

Для непосредственного военного противостояния вооруженные силы СССР оказывались уже менее сильными, т. к. в этом случае вступал в действие фактор мобилизационной готовности: темпы и сроки мобилизационного развертывания вооруженных сил и военной промышленности. Оценивая с этой точки зрения состояние обороноспособности СССР, начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский имел основания заявить в своем докладе в Политбюро ЦК ВКП(б) 26 декабря 1926 г.: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы. наших скудных материальных боевых мобилизационных запасов едва хватит на первый период войны. В дальнейшем наше положение будет ухудшаться (особенно в условиях блокады)»⁴. В заявке Народного комиссариата по военным и морским делам (НКВМ), составленной на случай войны, на первый год ведения боевых действий требовалось 32 млн. снарядов и 3,25 млрд. винтовочных патронов. Однако, начнись война, Красная Армия получила бы от тогдашней советской военной промышленности 29% потребности в патронах и 8,2% снарядов⁵. Причем, составляя данную заявку, НКВМ исходил из весьма скромного подсчета: что боевые операции будут вестись не более 6 месяцев в году, что нормы расхода боеприпасов останутся на уровне последнего года Гражданской войны⁶.

По мере уточнения военно-промышленного потенциала вероятного противника, бюджетных и ресурсных возможностей страны, НКВМ становился более требовательным к материально-финансовому обеспечению своих оперативных и мобилизационных планов. 5 апреля 1927 г. Президиум ВСНХ докладывал: «Производственная мощность, которую имеют заводы военной промышленности в настоящий момент, находится в полном несоответствии с объемом современных мобилизационных потребностей Военвеха (военного ведомства — Н. С.). По большинству основных предметов вооружения заводы военной промышленности при полном их напряжении могут покрывать лишь известную долю потребностей, заявленных Военведом. В некоторых случаях эта доля весьма низка и определяется лишь 10—15%. Больше половины изделий дают процент не более 50-ти»⁷.

Наиболее слабым звеном обеспечения потребностей НКВМ оставалось производство боеприпасов и сложной военной техники (авто-бронетанковая и авиационная промышленность находились в зачаточном состоянии).

Низкая мобилизационная готовность военной промышленности была, однако, не самым большим местом в планах подготовки СССР к обороне. Партийно-государственное руководство страны не могло не беспокоить общее состояние тыла, особенно морально-политические настроения. Получить кроме фронта внешней войны фронт внутренней, гражданской войны, например, в результате неизбежного возврата к системе реквизиций и разверсток в деревне, значило бы поставить под угрозу само существование советского коммунистического режима. Потенциальными носителями этой угрозы объективно становились все частные собственники, которым советская власть, даже при эне, не дала возможности в полной мере обогатиться. И не только они. Достаточно обескураживающими для власти, именующей себя «пролетарской», были пораженческие настроения в сугубо пролетарской среде. Так, в сводке ОГПУ от 20 августа 1927 г. содержался весьма показательный перечень негативных мнений рабочих на этот счет.

«В случае войны, — говорилось в сводке, — рабочие на такую не пойдут, т. к. они убедились в

«прелести» советской власти, которая сама стремится затеять войну, видя безвыходность своего положения... Нам угрожает война из-за коммунистической пропаганды за границей...

Защищать [советскую власть], как и многие другие, не буду. Нет больше дураков, довольно позацищали и хватит, а что за это получили? Ничего. Много хуже, чем при царском режиме стал жить рабочий... Пусть воюют те, кому лучше живется, а нам все равно... Перебить всех коммунистов и комсомольцев, которые хотят войны...

Если война, то будем сначала бить администрацию, а потом уже воевать...

Даешь войну, получим оружие и будем проводить вторую революцию...»⁸.

Данный перечень мнений, конечно, нельзя абсолютизировать в смысле отсутствия «советского патриотизма», ибо подобное качество определяется на деле, а не на словах. Теперь о деле. 15 февраля 1927 г. Информотдел ОГПУ сообщал в ЦК ВКП(б):

«После опубликования в прессе речей тт. Ворошилова и Бухарина на XV Московской губпартконференции среди городского и сельского населения распространились по многим районам Союза слухи о близкой войне. На этой почве в отдельных местностях среди некоторой части городского и сельского населения создалось паническое настроение. Местами население старалось запастись предметами первой необходимости: солью, керосином, мукой и т. п. Иногда частичный недостаток некоторых наиболее ходовых товаров расценивался населением как признак приближающейся войны. Крестьяне пограничных районов стараются обменять советские деньги на золото. Местами золотая пятирублевка ходит за 10—12 червонных рублей. Отмечаются случаи отказа крестьян продавать хлеб и скот на советские деньги, благодаря чему сокращается подвоз этих товаров на рынок»⁹.

В конце 1927 г. положение на потребительском рынке стало уже отчаянным. В центр пачками поступали из различных районов страны телеграммы и сообщения о том, что «обыватель буквально ошалел и стал тащить из кооперативных лавок не только хлебобудовые продукты, но и все — макаронны, муку, соль, сахар и т. д.» «Подготовка населения к войне» совпала с очередным витком инфляции. Червонный рубль, стоивший 1 января 1923 г. 89,4 коп. в ценах розничного индекса Конъюнктурного института Наркомфина, 1 января 1927 г. стоил 40,2 коп.¹⁰; сколько давали за червонный рубль в конце 1927 г., неизвестно, потому что Конъюнктурный институт в 1928 г. был закрыт за ненадобностью.

В октябре — ноябре 1927 г. в промышленных центрах страны вводится нормированное распределение товаров первой необходимости, что еще больше озлобляет население. Сводка Информотдела ОГПУ от 29 октября 1927 г., в частности, сообщает: «На почве недостатка хлеба антисоветски настроенные лица среди рабочих распространяют слухи о приближении войны, об отправке хлеба за границу в уплату долгов, разжигают недовольство работой кооперативных и советских органов, указывая при этом, что „муки нет из-за того, что коммунисты не умеют вести хозяйство“ (Ярославская губерния), что „соввласть и партия доведет своей политикой рабочих до восстания“, ведут агитацию за объявление всеобщей забастовки (фабрика „Пролетарка“ Тверской губернии), большое недовольство среди рабочих вызывает необходимость стоять за хлебом в очередях. У ларька ЦКР (Сормово, Нижегородской губернии) очереди выстраиваются с вечера. Из-за недостатка хлеба были случаи невыхода на работу (Луганский округ), отмечены случаи угроз по адресу администрации»¹¹.

Дефицит хлебобудовых продуктов на рынке осенью — зимой 1926/27 г. кроме ажиотажного спроса был вызван и слабым его поступлением из деревни по сравнению с предыдущими годами. Крестьяне, похоже, также «готовились к войне», но в еще большей степени выражали своим отказом продавать хлеб недовольство низкими заготовительными ценами и дороговизной промышленных товаров.

Таким образом, судя по характеру поведения населения, страна оказалась в своеобразных условиях имитации внешней войны.

В свете явной экономической отсталости СССР, начавшегося экономического кризиса и социально-политической непрочности правящего режима становится понятной тревога партийно-государственного руководства по поводу ухудшавшегося на протяжении 1927 г. международного положения страны, апофеозом которого стал разрыв дипломатических отношений с Великобританией. «Война неизбежна, — утверждал в июле 1927 г. Г. Е. Зиновьев, — вероятность войны была ясна и три года назад, теперь надо сказать — неизбежность»¹².

Эти два слова — «вероятность» и «неизбежность», обыгрываемые на разные лады как в обывательской, так и партийной среде при обсуждении международного положения, отражали тревогу одних за военно-экономическую неподготовленность СССР к обороне и надежду других на то, чтобы разом, благодаря внешней войне, разрешить противоречия социалистического строительства в одной стране (т. е. вызвать к жизни мировую революцию и покончить с остатками капитализма внутри страны). Официальное руководство партии во главе со Сталиным решительно отмежевывалось как от поражен-

ческих настроений, так и от настроений коммунистической воинственности. «Война неизбежна, — говорил И. В. Сталин в июле 1927 г., — это не подлежит сомнению. Но значит ли это, что ее нельзя оттянуть хотя бы на несколько лет? Нет, не значит. Отсюда задача: оттянуть войну против СССР либо до момента вызревания революции на Западе, либо до момента, пока империализм получит более мощные удары со стороны колониальных стран (Китая, Индии)»¹³.

Рассуждая *post factum*, можно было бы упрекнуть Сталина, Зиновьева и им подобных в недостатке проницательности (в конце 20-х гг. для СССР внешняя война не состоялась) или даже обвинить в использовании фактора «военной тревоги» в собственных политических интересах (борьба за власть). Важно не это, а то, что облеченные властью люди делали для «укрепления обороны Страны Советов». Есть все основания утверждать, что фактически с 1928 г. партия и правительство ввели страну в «подготовительный к войне период». О том, что это означает, достаточно внятно объяснял в Политбюро ЦК РКП(б) в мае 1925 г. М. В. Фрунзе:

«Подготовка к быстрому и планомерному переходу страны и ее вооруженных сил от положения мирного к военному — составляет одну из самых сложных и ответственных задач руководящего аппарата страны и армии. Та из воюющих сторон, которая с этой задачей справится лучше, приобретает огромные преимущества перед стороной отстающей. Этим объясняется стремление генштабов всех стран по мере возможностей сократить сроки мобилизации и развертывания вооруженных сил в боевую готовность.

Перед Первой мировой войной в ряде европейских государств это стремление вылилось в проведение некоторых весьма серьезных мобилизационных мероприятий еще до фактического объявления мобилизации.

Идея установления особого подготовительного периода полностью себя оправдала.

Заблаговременное и постепенное проведение подготовительных к войне мероприятий облегчает сохранение секретности при осуществлении мобилизационных работ, не нарушает нормальной работы государственного аппарата. Внезапный же переход к работам по подготовке к войне, как это было осенью 1923 г., не дает ничего, кроме результатов сомнительного свойства, давая вероятным противникам четкое представление о происходящем.

Все сказанное распространяется не только на вооруженные силы, но и на всю страну в целом»¹⁴.

Еще в 1925 г. НКВМ разработал проект «Положения о подготовительном к войне периоде», разбив этот период на два этапа: 1) с момента осложнения международных отношений до момента выявления возможности вооруженного столкновения и 2) от момента выявления возможности вооруженного столкновения до объявления мобилизации. Полагая, что 1-й этап подготовительного к войне периода стал реальностью Политбюро ЦК ВКП(б) в постановлении от 27 июня 1927 г. поручило А. И. Рыкову «в закрытых заседаниях Совнаркома СССР и РСФСР поставить вопрос о немедленной разработке в наркоматах (каждому по своей линии) мероприятий, способствующих поднятию обороны страны, и мероприятий, обеспечивающих усиленный темп всей работы и быстрое устранение наиболее существенных недочетов, особенно нетерпимых в настоящих условиях»¹⁵. Государственным органом, направляющим и координирующим мобилизационную работу, стал Совет Труда и Оборона (СТО), его Распорядительные заседания (РЗ СТО). Основными рабочими аппаратами РЗ СТО, согласно постановлению от 25 июня 1927 г., являлись Реввоенсовет СССР (РВС) и Госплан СССР. На эти органы помимо обычных возлагались совершенно новые функции. Так, на РВС было возложено решение вопросов разработки плана ведения войны, подготовки заданий всем наркоматам по обеспечению мобилизации РККА, увязки и объединения мобилизационных планов административных (НКВД, НКпрос, НКЮ, НКИД, НКздрав) и хозяйственных (ВСНХ, НКПС, НКторг, НКФ, НКПиТ, НКтруд, НКзем) наркоматов. Ведению Госплана СССР подлежали вопросы увязки перспективных планов развития вооруженных сил СССР с общим перспективным планом развития народного хозяйства, разработки контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на случай войны, увязки и объединения (совместно с РВС и НКВМ) мобилизационных планов наркоматов в единый мобилизационный план СССР¹⁶.

В конце 1927 г. приказами по наркоматам в их составе формируются мобилизационные отделы или мобилизационные бюро. Персональная ответственность за их работу возлагается непосредственно на наркомов. В республиках, краях и областях в аппаратах правительств союзных республик, исполкомов краевых, областных и даже части районных советов создаются мобилизационные управления и отделы. К 1931 г. общая численность работников мобилизационных органов в центре и на местах составляет 31 858 человек¹⁷.

В июле — августе 1927 г. руководство наркоматов докладывает РЗ СТО о своих планах осуществления мобилизационных работ. По линии НКПС это — повышение пропускной способности железных дорог, проектировка строительства стратегических железнодорожных магистралей, проверка (совме-

Планы заказов Наркомата обороны по основным видам вооружения и их выполнение советской промышленностью за период с 1928 по 1932 г.*

Вид вооружения	1929/30 г.		1930/31 г.		1931 г.		1932 г.	
	заказ	выполнение	заказ	выполнение	заказ	выполнение	заказ	выполнение
Артиллерия(шт.)	999	952	3577	1911	8017	2574	4870	4638
в том числе:								
мелкокалиберная	—	344	1546	1040	5375	972	2720	2884
среднекалиберная	987	600	1965	870	2492	1576	2074	1703
крупнокалиберная	12	8	66	1	150	26	76	51
Минометы	—	—	500	55	—	—	—	—
Артснаряды (тыс. шт.)	2365	790	1690	751	7296	1224	5016	2135
Авиабомбы (тыс. шт.)	220	14	460	316	300	147	314	317
Винтовки (тыс. шт.)	150	126	305	174	385	224	375	241
Пулеметы (тыс. шт.)	26,5	9,6	49,5	40,9	75,8	45,0	61,6	32,6
Винтпатроны (млн. шт.)	251	235	410	234	666	260	800	311
Самолеты(шт.)	1232	899	2024	860	3496	1734	3332	2952
в том числе:								
бомбардировщики	48	—	149	100	349	72	307	291
истребители	448	—	376	120	510	74	455	336
Танки(шт.)	340	170	1288	740	3400	3038	7000	3509
в том числе тяжелые	—	—	—	—	—	—	100	1

* Таблица составлена по справкам Комитета Обороны при СНК СССР от 28 апреля 1941 г. ГА РФ, ф. 8418, оп. 25, д. 14, л. 2—3.

стно с ОГПУ) личного состава и увольнение политически неблагонадежных работников¹⁸. По линии НКТорга это — создание государственного продовольственного фонда для обеспечения мобилизационных потребностей РККА и снабжения важнейших городских центров, а также запасов сельскохозяйственного сырья и импортных товаров «до размеров потребности в них всей промышленности в течение года ведения войны»¹⁹. По линии НКПиТ это — разработка плана передачи телеграмм с оповещением о мобилизации, строительство стратегических телефонно-телеграфных линий и оперативных узлов связи, организация полевой почты и создание запасов линейного имущества²⁰. По линии НКФ это — осуществление финансово-организационных мероприятий, обеспечивающих бесперебойное приведение в действие системы государственной обороны²¹. По линии НКВД это — организация конспиративных каналов зарубежных связей²². Необходимость и целесообразность мобилизационной работы была признана даже в таких звеньях госаппарата, как Маслотрест, Главлён, Скотовод, Овцевод, Семеновод (в системе Наркомата земледелия), Пушносиндикат, Плодоэкспорт (в системе Наркомата внешней торговли), Союзмолоко, Союзмасло, Всекомпромрыбасоюз (в системе Наркомата снабжения)²³.

В 1928—1929 гг., несмотря на улучшение международной обстановки, мобилизационная работа не затихает. НКВМ заканчивает разработку пятилетнего плана строительства вооруженных сил и пятилетнюю программу заказов на предметы вооружения (см. табл.).

Программа оказалась нереалистичной, ибо на практике была выполнена промышленностью СССР едва наполовину²⁴. Однако сам приступ к ее выполнению означал утрату, казалось бы, найденной в конце 1927 г. после колоссальных трудов по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства плановой перспективы. Неправильно было бы считать, что в утвержденном правительством первом пятилетнем плане развития народного хозяйства потребности обороны были учтены недостаточно. Общая сумма расходов на оборону (ассигнования на содержание армии и развитие военной промышленности) составляла в плане 6415 млн. руб.²⁵ Удельный вес потребностей военной промышленности по отношению ко всему объему промышленной продукции составлял на конец

пятилетки: по металлу (прокат) — 36,2%, по химии — 62,4%, по хлопку — 12%. Неблагоприятным, но только в случае войны, а не по выполнению программы заказов НКВМ мирного времени, являлся баланс качественной стали и ферросплавов (половина мобилизационной потребности), цветных металлов (треть потребности), хлора, азотной кислоты, искусственного волокна²⁶. Руководство НКВМ, однако, усматривало в подобных дисбалансах подрыв обороноспособности страны, ибо имело в виду не один, а два плана строительства вооруженных сил: мирный и мобилизационный (на случай войны) и, постоянно смешивая их, добивалось от ВСНХ развития мощностей по мобилизационному плану. ВСНХ оказывался в сложном положении: ему приходилось планировать избыточные производственные мощности для военной продукции в ущерб возможностям производства потребительских товаров, за количество и качество которых он также нес ответственность.

Апогеем ведомственной борьбы между НКВМ и ВСНХ стали разработка и утверждение мобилизационного плана «С»30. ВСНХ предложил следующие размеры подачи продукции: винтовочных патронов — 2,2 млрд., артиллерийских выстрелов (всех калибров) — 11 млн. НКВМ заявил, что спроектированное ВСНХ количество военной продукции даже ниже того, что было получено с заводов царской России в 1915 г. В основу мобилизационного плана «С»30 НКВМ предложил следующие показатели: «подать армии в течение первого года войны выстрелов 19 млн., винтпатронов — 3 млрд., пулеметов — 53 500»²⁷. Президиуму ВСНХ пришлось уступить и тем самым невольно признать, что решающим условием выполнения первой пятилетки является не сбалансированное развитие отраслей экономики, а полное забвение ее первоначальных параметров в интересах удовлетворения амбиций нарождающегося советского военно-бюрократического империализма. Позже, в 1932 г., чтобы скрыть этот общий перекос отечественной промышленности в сторону военных производств, Политбюро ЦК ВКП(б) совершенно секретным постановлением приказало сведения о военной промышленности по всем основным показателям включать в общие итоги всей промышленности Советского Союза²⁸.

15 июля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило весьма знаменательное постановление «О состоянии обороны СССР», которое, во-первых, подвело итоги двухлетней работы государственного аппарата в условиях официально никем не объявленного, но фактически осуществляющегося подготовительного к войне периода, и, во-вторых, наметило перспективы дальнейшего развития вооруженных сил и военной промышленности. Политбюро констатировало, что: а) техническая база вооруженных сил все еще очень слаба и далеко отстает от техники современных буржуазных армий; б) материальное обеспечение мобилизуемой армии по действующему мобилизационному плану все еще неудовлетворительно; в) материальные резервы обороны совершенно недостаточны; г) подготовка всей промышленности, в том числе и военной, к выполнению требований вооруженного фронта совершенно неудовлетворительна. Президиуму ВСНХ вменялись в вину следующие недостатки в работе: «До сих пор нет планов мобилизации промышленности для обслуживания войны. Существующие частично сроки развертывания отдельных производств чрезвычайно длительны и ни в какой мере не обеспечивают потребности армии. Отсутствует план комплектования технической и рабочей силы мобилизованной промышленности. Внутри промышленности по-прежнему имеет место ряд резких расхождений между потребностями обороны и производственно-техническими возможностями. Наличные технические кадры всей промышленности, и особенно военной, совершенно не обеспечивают удовлетворение потребностей Красной Армии в технике (конструирование и выполнение новых образцов вооружения). Эти отрицательные явления в военной промышленности за истекший период усугублялись длительным и систематическим вредительством со стороны старых специалистов»²⁹.

Политбюро одобрило разработанный НКВМ пятилетний план строительства вооруженных сил и признало правильными его основные установки: не уступать по численности вероятным противникам на главнейшем театре войны, а по технике — быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружения (артиллерия, самолеты, танки). В соответствии с этой доктриной Политбюро определило на конец пятилетки численность полностью отмобилизованной армии в 3 млн. человек. Количество боевых самолетов на вооружении армии должно было составить 3000, танков — 3000, легких пушек — 3759, тяжелых пушек — 798, зенитных орудий среднего калибра — 1218, зенитных орудий малого калибра — 712, орудий большой мощности — 120. РККА также предписывалось иметь не менее 150—180 тыс. автомобилей и необходимое количество тракторов³⁰.

Политбюро разрешало РЗ СТО устанавливать размеры ассигнований на оборону страны не ниже уровня оптимального варианта первой пятилетки, а в случае необходимости — с превышением этих пределов. Наряду с этим Политбюро предложило правительству ускорить в первые три года пятилетки темпы строительства во всех отраслях, имеющих оборонное значение. В постановлении также особо была отмечена необходимость создания материальных резервов обороны: двухмесячный запас продо-

вольствия для Красной Армии «на мобилизационный период и первый период войны», запасы топлива и переходящие запасы сельскохозяйственного сырья, запасы импортных товаров³¹.

Столь внушительные и спешные приготовления партийно-государственного руководства СССР к войне (которые, естественно, максимально засекречивались и в полном их объеме были известны только самой «верхушке») не могут не наводить на мысль о том, что между ними и начавшейся в конце 1929 г. массовой коллективизацией в деревне существует непосредственная связь. Коллективизация крестьянского сельского хозяйства, принимая во внимание ее сжатые сроки и жестокие методы, вполне укладывается в рамки «подготовительного к войне периода». Неслучайно, анализируя степень учета интересов обороны в пятилетнем плане развития народного хозяйства, сектор обороны Госплана СССР в записке от 5 апреля 1929 г. констатировал: «В плане развития сельского хозяйства крупнейшим фактором оборонного значения является значительный рост обобщественного сектора. Не приходится сомневаться, что в условиях войны, когда особенно важно сохранение возможностей регулирования, обобщественный сектор будет иметь исключительное значение. Не менее важно наличие крупных производственных единиц, легче поддающихся плановому воздействию, чем многомиллионная масса мелких, распыленных хозяйств. Удельный вес обобщественного сектора в товарной продукции зерновых в конце пятилетки составит 39%, что соотносится с полной годовой потребности Красной Армии в военное время»³².

Итак, «военная тревога» 1927 г. была далеко не напрасной. Она продемонстрировала слабость правящего в СССР режима партийно-государственной номенклатуры как с точки зрения военной, так и с точки зрения социально-политической. Из этой вполне осознанной слабости правящий режим делал правильные для себя выводы, а именно: что военно-экономическая отсталость чревата подрывающими авторитет власти международными осложнениями, что эти международные осложнения при малейшей угрозе перерастания в большую внешнюю войну обнажат серьезные внутренние проблемы, и прежде всего по линии взаимоотношений власти и крестьянства, составляющего основной костяк от мобилизованной армии. На основании этих выводов партийно-государственное руководство СССР приняло принципиальное решение в кратчайшие сроки ликвидировать военно-экономическую отсталость страны, а для этого — перевести государственный аппарат управления в условия «подготовительного к войне периода», с учетом возможностей использования военно-мобилизационных методов управления, даже в ущерб сбалансированному экономическому планированию.

Примечания

¹ См.: Нежинский Л. Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х — начале 30-х годов? // История СССР, 1990. № 6.

² ГА РФ, ф. 8418, оп. 16, д. 1, л. 24—33.

³ Там же, д. 3, л. 434.

⁴ Там же, л. 435.

⁵ Там же, л. 432.

⁶ Там же, оп. 1, д. 13, л. 71.

⁷ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 85, д. 213, л. 10—11.

⁸ Там же, д. 159, л. 158—159.

⁹ Там же, оп. 2, д. 317 (в-11), л. 8.

¹⁰ Там же, оп. 85, д. 147, л. 2.

¹¹ Там же, оп. 2, д. 317, (в-1), л. 45.

¹² Там же, л. 123.

¹³ ГА РФ, ф. 8418, оп. 16, д. 1, л. 82—84.

¹⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 5, л. 52—53.

¹⁵ ГА РФ, ф. 8418, оп. 8, д. 157, л. 95—96.

¹⁶ Там же, оп. 5, д. 86, л. 43.

¹⁷ Там же, оп. 1, д. 76, л. 3—4.

¹⁸ Там же, л. 6—9.

¹⁹ Там же, л. 22—29.

²⁰ Там же, л. 10—18.

²¹ Там же, л. 2.

²² ГА РФ, ф. 8418, оп. 5, д. 86, л. 43.

²³ Там же, оп. 25, д. 14, л. 2—3.

²⁴ Там же, оп. 3, д. 53, л. 20.

²⁵ Там же, л. 9—12.

²⁶ РГВА, ф. 40442, оп. 1, д. 38, л. 73—74.

²⁷ РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 120, л. 37.

²⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 7, л. 102—103.

²⁹ Там же, л. 107—109.

³⁰ Там же, л. 111—112.

³¹ ГА РФ, ф. 8418, оп. 3, д. 52, л. 17—19.

³² Там же.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КНИГА ПАМЯТИ. 1941—1945. Обзорный том. М. Воениздат, 1995. 544 с. Тир. 25000 экз.

Вышедший к полувековому юбилею Победы обзорный том «Всероссийской книги памяти» дает широкое представление о большой работе, проделанной редколлекцией (председатель Е. М. Чехарин) и Методическим центром (начальник Н. А. Неелов) по подготовке к изданию в Российской Федерации поименных «Книг памяти» защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны. В него включены также исторические очерки, показывающие вклад России в общую борьбу всех народов СССР с фашистскими агрессорами.

«Книги памяти» содержат фамилии погибших в ходе войны и краткие данные о них, наглядно и убедительно свидетельствуют о всенародном характере Великой Отечественной войны. Этот новый создаваемый усилиями историков и представителей общественности уникальный источник имеет большое значение для возрождения в значительной мере утраченных сегодня патриотических традиций, для осознания живой связи между различными поколениями россиян.

25 апреля 1995 г., накануне празднования 50-летия Победы, в торжественной обстановке в Москве на Поклонной горе в Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. было передано на вечное хранение 450 «Книг памяти» по Российской Федерации (по первоначальному плану их должно было быть 750).

Особенно успешно ведется работа по подготовке к изданию «Книг памяти» в Карелии, Коми, Удмуртии, в Приморском, Ставропольском и Хабаровском краях, во Владимирской, Калининградской, Кировской, Нижегородской, Пермской, Пензенской, Самарской, Ульяновской областях и в городе Москве. К числу отстающих следует отнести Ленинградскую, Орловскую, Московскую, Рязанскую, Смоленскую области и город Санкт-Петербург.

Из стран СНГ поступили 120 из 360 запланированных томов «Книг памяти». К сожалению, пока еще не издано ни одной «Книги

памяти» в Азербайджане, Армении, Молдове и Таджикистане, странах Прибалтики.

В обзорном томе приводятся сведения о погибших и пропавших без вести по республикам, краям и областям Российской Федерации, что дает наглядное представление о вкладе России в целом и ее отдельных регионов в общее дело Победы в годы Великой Отечественной войны. В нем приводятся также многочисленные сведения о наградах погибших героев, зачислении их навечно в списки личного состава воинских частей; том содержит фотографии мемориалов, памятников и обелисков, воздвигнутых в их честь.

Обзорный том, по существу, является кратким очерком истории войны. В него включены главы: «Священная война», «Основные вехи Великой Отечественной», «Победа одна на всех», «Боевой союз», «На алтарь Отечества», «Гимн подвигу», «Честь и слава на все времена». В их написании приняли участие такие видные историки, как А. С. Князьков, Г. Ф. Кривошеев, Г. А. Куманев, А. С. Орлов, Л. В. Поздеева, О. А. Ржешевский, А. М. Соколов, С. А. Тюшкевич и др.

В главе «Священная война» показаны причины Второй мировой войны, раскрыты расстановка сил и позиции различных стран и блоков, агрессивные замыслы и преступные цели фашистской Германии и ее союзников в войне против СССР. В главе освещается справедливый народный и освободительный характер войны Советского Союза против фашистской Германии и ее сателлитов, убедительно показывается огромный вклад СССР в разгром фашизма во Второй мировой войне.

В главе «Основные вехи Великой Отечественной» обстоятельно рассказывается об ожесточенных сражениях с фашистскими захватчиками, о массовом героизме воинов Красной Армии, показывается трагизм начального периода войны, политические и военные просчеты советского руководства в это время. Вместе с тем необходимо отметить, что роль генерала

армии Г. К. Жукова в разгроме вражеских войск под Ельней, организации обороны Ленинграда и битве под Москвой не нашла здесь должного отражения. Следует сказать и о том, что деятельность ГКО, Ставки, Генштаба по руководству вооруженной борьбой заслуживали бы, на наш взгляд, большего внимания авторов этого раздела. Недостаточно полно говорится о взаимосвязи партизанского движения с боевыми операциями действующей армии, мало уделено внимания созданию и боевым действиям ополченческих формирований. Напомним, что в тяжелейшие дни лета и осени 1941 г., когда смертельная опасность нависла над нашей страной, 4 млн. советских патриотов, не подлежавших призыву, вступили в добровольческие формирования, половина из которых влилась в действующую армию.

В главе «Победа одна на всех» раскрыты огромная роль тыла в войне, влияние экономического фактора на исход вооруженного противоборства между Советским Союзом и фашистской Германией. В книге приводятся многочисленные имена передовиков промышленного и сельскохозяйственного производства, деятелей науки и культуры. Не обойден стороной и такой важный вопрос, как повседневная жизнь народа в тяжелых условиях войны с ее мизерными пайками, страшной бытовой неустроенностью, практически ненормированным рабочим днем, нарушениями законности и репрессиями. Вместе с тем, на наш взгляд, не получила должного освещения роль Госплана СССР во главе с Н. А. Вознесенским, больше следовало бы сказать о деятельности ряда наркомов.

В ключевых по значению главах — «Основные вехи Великой Отечественной» и «Победа одна на всех», несмотря на высказанные замечания, обстоятельно прослеживается единство фронта и тыла, Красной Армии и советского народа, что сыграло большую роль в разгроме фашистских захватчиков. Вместе с тем не менее важным было духовное единение многонационального советского народа на социальной, гражданской и нравственной основе, его ратный и трудовой патриотизм во имя защиты Отечества. К сожалению, эта тема не нашла должного освещения в разделе «Духовное сплочение». Попытка автора раскрыть ее только на материалах деятельности антифашистских комитетов и Православной Церкви с привлечением отдельных фактов из истории киноискусства, литературы, печати и радио явно не удалась. Практически не освещенной осталась огромная работа государственных,

партийных, общественных органов и организаций по мобилизации и сплочению духовных сил народа в условиях войны. Лозунг, выдвинутый Коммунистической партией, — «Все для фронта, все для победы!», сыгравший огромную роль в патриотическом воспитании советского народа, оказался забытым авторами. Между тем механически вычеркивать из истории войны роль коммунистов и Советского государства в угоду нынешней конъюнктуре нельзя, ибо это ведет к утрате чувства историзма и замене одной полуправды другой.

Частично указанный пробел восполнен, правда, в главе «Гимн подвигу». Нам представляется, однако, что было бы целесообразно объединить материалы по этой актуальной теме в одной главе с тем, чтобы всесторонне и исторически объективно осветить ее на страницах рецензируемой книги.

В главе «Боевой союз» охарактеризован вклад вооруженных сил союзников в общую Победу, рассматривается движение Сопротивления в Западной Европе и национально-освободительное антифашистское движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, участие в этой борьбе наших соотечественников. Показано здесь и военно-экономическое сотрудничество СССР с западными союзниками. Однако было бы уместно сравнить данные о производстве основных видов вооружения в СССР и поставках его из США и Англии. Это помогло бы избежать многих кривотолков, имеющих в исторической литературе на этот счет.

В главе «На алтарь Отечества» на основе анализа широкого круга архивного и опубликованного документального материала при продуманной методике в изучении имеющихся учетно-статистических данных определены потери личного состава Вооруженных Сил Советского Союза и путем демографического балансового сопоставления возрастной структуры населения СССР на начало и конец Великой Отечественной войны установлены потери гражданского населения в годы военного лихолетья.

В параграфе «Вечная боль России» сказано суровая правда о потерях в этой войне гражданского населения СССР, в том числе по Российской Федерации. Общие безвозвратные потери гражданского населения Советского Союза составили 18 млн. человек, из них по России — более 6 млн. На захваченной гитлеровцами территории преднамеренно было истреблено 7 420 135 человек, от жестоких условий фашистского режима погибло 4100 тыс. человек. Кроме того, на принудительных работах в Германии скончалось 2 164 313 советских граждан и

450 тыс. стали эмигрантами. Остальные погибли в результате боевых действий немецко-фашистских войск в прифронтовых районах, блокадных и осажденных городах. Помимо прямых людских потерь в войне, косвенные потери для СССР составили 23 млн. человек, из них по России — 14 млн.

Потери гражданского населения рейха за время войны от бомбежек, авиации, в основном союзнической, и в зоне фронтовых действий на территории Германии составили 3,3 млн. человек.

В результате варварского ведения войны фашистской Германией против Советского Союза и длительного затягивания с открытием второго фронта, помимо больших людских потерь, СССР был нанесен огромный материальный ущерб: было уничтожено 30% национального богатства страны. Общий ущерб народному хозяйству Советского Союза составил 679 млрд. руб., в том числе Российской Федерации — 249 млрд. руб.

В разделе «Цена поражений и побед» на основе исследования широких пластов статистических документов раскрываются потери воинов Вооруженных Сил Советского Союза, в том числе России, за годы Великой Отечественной войны. В войне с фашистскими агрессорами сражалось 34,5 млн. советских воинов, из них было мобилизовано за годы войны в СССР 29 574 900 человек, в России 21 187 600 человек, т. е. 71,6% из общего числа призванных в вооруженные силы. Общее число безвозвратных людских потерь Вооруженных Сил СССР за годы Второй мировой войны составило 11 944 100 человек, в том числе по России — 7 922 500 воинов. Исключив количество вернувшихся из плена и вторично мобилизованных в армию на освобожденной от врага территории, а также призванных, но не зачисленных в войска в результате пленения в начальный период войны, авторы, на наш взгляд, правильно определяют общее число демографических безвозвратных потерь списочного состава Вооруженных Сил СССР в 8 668 400 военнослужащих, из них по Российской Федерации — 6 537 100 человек, или 71,3% общих потерь.

В таблицах, приводимых в томе, находим данные о потерях военнослужащих по годам войны, по возрасту, по национальному составу.

Ожесточенность сражений, их продолжительность и масштабность привели к огромным санитарным потерям, которые с учетом повторных увечий составили 15 205 600 раненых, контуженных и обожженных. Кроме того, за годы войны было 3048 тыс. заболевших и 91 тыс.

обмороженных. К сожалению, данные о потерях противника по отдельным операциям и периодам войны на советско-германском фронте не приводятся.

В томе есть подробные сведения и о потерях Красной Армии при выполнении освободительной миссии в странах Европы и Азии, которые составили 3 889 686 воинов, из них 1 099 465 — безвозвратные. В освобожденных странах захоронено более 600 тыс. россиян.

В разделе «Трагедия плена» раскрывается страшная картина преднамеренного уничтожения фашистами советских военнослужащих, попавших в плен. Всего находилось в плену около 5 млн. наших воинов, из которых 3,3 млн. было истреблено.

В разделе «Бесславный конец агрессии» приводятся общие безвозвратные людские потери на советско-германском фронте: фашистской Германии — 6 923 700 человек, ее союзников — 1 725 800 человек. Это были самые большие и тяжелые боевые людские потери блока фашистских государств за время Второй мировой войны. Если учесть разгром советскими войсками в августе — сентябре 1945 г. Квантунской армии, безвозвратные потери которой составили 723 800 человек (83 700 убитыми и 640 100 пленными), то это наглядно подтверждает решающий вклад СССР в разгром вооруженных сил фашистской Германии и ее сателлитов, а также ускорение капитуляции милитаристской Японии.

Участвуя в двух мировых войнах XX столетия, Россия и Советский Союз принесли во имя спасения мировой цивилизации огромные жертвы. Первая мировая война длилась с 1 августа 1914 г. до 11 ноября 1918 г. Участвовавшие в ней страны поставили под ружье 73,5 млн. человек, из них Россия — около 16 млн. Общие потери в войне составили 10 млн. убитыми и 20 млн. ранеными. Россия в этом скорбном списке заняла первое место: 2,3 млн. погибших, 3,6 млн. плененных, 5 млн. искалеченных. Гражданская война добавила к демографическим потерям населения нашей страны еще 8 млн. человек. Во Второй мировой войне с обеих сторон участвовало 110 млн. военнослужащих, из них со стороны СССР — 34,5 млн. Список потерь возрос до 60 млн. человек, в том числе около 8,7 млн. военнослужащих и 18 млн. гражданских лиц из СССР.

Как в 1914—1918-м, так и в 1941—1945 гг., основные людские потери понесло славянское, и прежде всего русское, население нашего государства. Это скашивало его основной генофонд, приводило к тяжелым демографическим, социальным и политическим последствиям.

Среди погибших воинов русские составляли 5 747 100 человек (66,3%), украинцы — 1 376 500 (15,9%), белорусы — 251 400 (2,9%). Таким образом, на долю славян приходится около 85% всех погибших военнослужащих.

Изданная к 50-летию Победы «Всероссийская книга памяти 1941—1945. Обзорный том» является первым обобщающим трудом, раскрывающим ход создания «Книг памяти» в Российской Федерации и показывающим в исторических очерках-главах вклад России в разгром фашистских агрессоров в годы Великой Отечественной войны. Нам представляется необходимым сделать все возможное для завершения работы по созданию и публикации «Книг памяти», а затем на базе этого уникального источника подготовить и опубликовать специальную фундаментальную обобщающую книгу. При дальнейшей работе и переиздании этого труда необходимо более тщательно продумать его структуру: сократить количество глав и показать основные периоды истории Великой Отечественной войны через крупные проблемы: вооруженная борьба, деятельность тыла, духовное сплочение советского народа, союзнические отношения в общей борьбе против фашизма. Это позволило бы сократить многочисленные повторения, изложить исторический материал более насыщенно, компактно, взаимосвязанно и по-

следовательно. Необходимо также пополнить книгу научно-справочным материалом, который в данной работе отсутствует.

Л. М. Гаврилов
(Институт российской истории РАН)

Примечание

* Нами уже поднимался вопрос о необходимости более тщательного и комплексного научного изучения наших потерь в годы Великой Отечественной войны (История СССР, 1988. № 4. С. 38). За последнее время исследователи этой актуальной проблемы проделали значительную работу по уточнению данных о потерях Красной Армии в годы Второй мировой войны. Наиболее полно и обоснованно они представлены в книге «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование» (М., 1993. Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева). Имеются и другие сведения в советской и зарубежной историографии о людских потерях СССР в годы Второй мировой войны, которые, на наш взгляд, завышены и носят конъюнктурный характер. Публикация документов статистических служб Российской Федерации, занимающихся учетом народонаселения страны и завершение издания «Книг памяти» может снять многие спорные вопросы о потерях народонаселения СССР и Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны.

Е. С. С Е Н Я В С К А Я. 1941—1945. ФРОНТОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ: Историко-психологическое исследование. М., 1995. 220 с. Тир. 300

Существуют два основных типа монографических работ: первый — как бы исчерпывающий тему, второй — открывающий ее в качестве единого комплекса проблем, вопросов, исследовательских методов, дающий толчок углубленному изучению в обозначенных направлениях. Книга Е. С. Сеньявской принадлежит ко второму типу. Этим во многом определена специфика работы: очерченные задачи, исследовательские подходы, сложности, возникавшие перед автором, степень погружения в материал. В исторической литературе более или менее (со множеством лагун!) освещена событийная история войны. Но такая тонкая, трудно уловимая материя, игравшая подчас решающую роль, как психология фронтовиков, почти не

разработана как собственно научная историческая проблематика.

Автор рецензируемого труда оказался в числе ее первопроходцев. Е. С. Сеньявская поставила перед собой очень нелегкую цель — исследовать психологическую составляющую войны. Разумеется, в столь широкой постановке сложнейшая тема едва ли могла быть обстоятельно рассмотрена в небольшой книге. Задача автора скромнее: во-первых, ограничен круг участников войны комбатантами, бойцами переднего края, сражавшимися в регулярной армии; во-вторых, и он рассматривается не в целом, а преимущественно в определенной его части. Е. С. Сеньявская следующим образом обосновывает выделение «фронтвого поколения»: «Для младшего поколения, начиная с 1923 г.

рождения, именно война стала временем личностного становления, главным фактором, формировавшим его гражданскую зрелость. За плечами мальчишек 1923—1926 гг. рождения не было большого личного социального опыта, а потому меньшее значение имело социальное происхождение, меньшим был и разрыв в уровне образования, большее влияние на мировоззрение оказали идеологические установки сталинского режима, при котором они родились и выросли. Именно те, кто родился за 18—15 лет до войны, составили основу „фронтového поколения“ (с. 77). И в принципе это правильно, потому что в главном именно война определила общность их исторической судьбы (при всех особенностях индивидуального опыта и пути каждого!). Об этих людях одной судьбы и ведет речь Е. С. Сенявская, дочь фронтовика, в книге, посвященной его памяти.

Одна из «сквозных» проблем монографии — само понятие исследуемой «эпохи» или «периода» и эволюция представлений об этом времени. А «лицом» эпохи, ее портретом были сражавшиеся люди.

Выделение «военного поколения» (1923—1926 гг.) кажется вполне обоснованным и с другой точки зрения: воспитанные в духе романтической революционности, юноши этого поколения в большинстве своем готовы были положить жизнь на алтарь не только Отечества, но и коммунистических идеалов. Вместе с тем такую однородность поколения не стоит переоценивать. Ведь молодой человек, накануне или в начале войны окончивший школу или только успевший поступить в институт, иначе воспринимал войну и мир, нежели колхозник с 3—4 классами за спиной, а тот, в свою очередь, иначе видел события, чем городской рабочий. Нужно отметить и следующее: колхозник, ребенком переживший коллективизацию, раскулачивание, тем более голодомор начала 30-х гг., не так относился к официальной пропаганде, как романтически настроенный городской юноша, который, впрочем, тоже был нередко если не жертвой, то свидетелем репрессий против интеллигенции 30-х гг. И это обстоятельство также учитывает автор книги.

Психология военного поколения уже давно стала предметом описания и художественного исследования под пером мемуаристов, писателей. Но созданный ими «обобщающий образ» не может подменить аналитическое исследование историка. Поэтому среди задач, стоящих перед автором, ориентированным на системное видение малоразработанной проблемы, неизбежно на первый план выдвигается прояс-

нение методологических вопросов. Е. С. Сенявская вполне обоснованно начинает с выяснения содержания исходных фундаментальных понятий: «поколение», «психология поколения», «духовный облик», за которыми — необозначенность, «непроявленность» в историографии предмета изучения.

И здесь возникает принципиальный вопрос: возможна ли и в какой мере обобщенная характеристика психологии поколения, пусть даже определенной его части, непосредственно участвовавшей в боях? Достоинство работы Е. С. Сенявской состоит в том, что она избрала верный ключ к проблеме — способ «групповых» характеристик.

Психология войны была очень разная. Она определялась ситуацией на данном участке фронта в конкретный период, жизненным опытом и социальными характеристиками ее участников. В монографии показано, что война по-разному воспринималась и переживалась мужчинами и женщинами, людьми разной национальности, солдатами и офицерами, представителями разных военных специальностей. Все это «интегрировалось» и «дифференцировалось». Выделение в психологическом плане отдельных категорий и групп, например, профессиональных, уже намечено в специальной литературе. Заслуга Е. С. Сенявской в том, что она рассматривает целый комплекс таких параметров и на общем, «доминирующем» фоне выявляет различия по максимальному числу показателей. Например, в зависимости от рода войск. Цитируя «Солдатские мемуары» К. М. Симонова, автор подчеркивает, что пехотинец не может долго находиться в танке (своеобразная клаустрофобия), говорит, что в окопе «вернее». Танкист же, наоборот, без защиты брони чувствует себя беспомощным и «голым» (с. 116—117). И другой случай: офицер-пехотинец оказался в кают-компании корабля, восхитился комфортом, позавидовал морякам. Но после похода сказал: «...Лучше два года в окопе сидеть, чем две ночи такого похода» (с. 119).

Один из главных параметров «психологического измерения» войны, использованных в книге, — деление ее на «психологические периоды». Действительно, невозможно сравнить человека в 1941—1942-м, даже в 43-м гг., с состоянием солдата в 44—45-м. Е. С. Сенявская справедливо полагает, что в первый период войны главным было «выстоять». Однако такой героический мотив был «доминантным» не для всех. В первые годы несколько миллионов солдат оказались в плену, немалое их число пошло в полицию, служило в РОА и т. п. Цитирую А. И.

Солженицына — «Архипелаг ГУлаг»: «Сколько войн вела Россия...— и много ли изменников знали во всех тех войнах? Замечено не было, чтобы измена коренилась в духе русского солдата? Но вот при справедливейшем в мире строе наступила справедливейшая война — и вдруг миллионы изменников из самого простого народа. Как понять? Чем объяснить?.. Да ведь страшно рот развязать, а может быть, дело все-таки в государственном строе?..»

Конечно, Е. С. Сениявская не могла пройти мимо фактов массовой сдачи в плен в 1941—1942 гг. Однако в отличие от «социально-политической» интерпретации, предложенной А. И. Солженицыным, она дала иное — «психологическое» — объяснение этому явлению: «психологический шок» начала войны, «вызванный резким контрастом между довоенными представлениями о будущей войне и войной реальной, внезапно обрушившейся на советских людей посреди мирной жизни, успокаивающих заявлений средств массовой информации, пропаганды мощи и непобедимости Советской Армии и дружелюбности фашистского соседа» (с. 78—79). И только после его преодоления удалось достичь равновесия, стабилизации массового сознания, а затем и перелома в самой войне.

Мне думается, что шок внезапности, конечно, присутствовал — и не только на уровне солдат и офицеров, но и выше. Но им едва ли можно объяснить истоки и причины катастрофы. Они существенно глубже. Отзвуки Гражданской войны проявлялись лишь локально (казачьи формирования Краснова, например). Вероятно, более непосредственное влияние на психологическую ситуацию в армии оказала коллективизация (раскулачивание, люмпенизация значительной части крестьянства). Наконец, самое прямое воздействие на психологию солдат и офицеров имели массовые предвоенные (1937—1938 гг.) и более ранние репрессии. Их следствием часто было взаимное недоверие сослуживцев, недостаточный профессионализм состава, боязнь ответственности и отсюда — бездеятельность, нерешительность в критических обстоятельствах.

Саму войну в психологическом отношении автор в основном делит на период первоначальных неудач и поражений и период побед (хотя внутри каждого из этих этапов приводит более детальную периодизацию). И все же, думаю, такое деление слишком акцентированно. Ведь и после Сталинграда было время накопления опыта наступательных операций — «период глубокой войны», по выражению И. Эренбурга, когда пос-

тепенно крепла уверенность в своих силах, в конечной победе.

Ход войны изменял многие общие психологические параметры. Так, автор прослеживает переход от «интернационализма» — в тогдашнем его «сталинско-коминтерновском» наполнении — к патриотизму в его реальном значении военных лет, очень быструю замену понятия «братья по классу» на собирательное «немцы». Это такой же перелом мировоззрения и мироощущения, какой произошел в представлении о войне, — от пропагандистского («будем бить врага малой кровью, на чужой территории») к реалистическому («война тяжелая и долгая»). По мере того, как война становится бытом, меняется и ее ощущение.

Е. С. Сениявская сосредоточила внимание на «положительных» факторах «военной психологии». В самом деле, без массового, преобладающего стремления отстоять Отечество победа была бы невозможна. Наверное, поэтому в человеческой и профессиональной задаче автора преобладала невольная (и более чем закономерная) установка — понять психологию победителей. Хотя в таком подходе неизбежно присутствуют элементы «героической концепции», ведущей начало от психологического наследия Великой Отечественной — черно-белого восприятия войны, которое в какой-то мере сохраняется в нашем сознании и теперь.

Требует пояснения и само ключевое понятие — «психология военного времени». На уровне интуиции оно, кажется, не нуждается в расшифровке. Исследователь придерживается иного мнения (и вполне справедливо), показывая, сколь многое вкладывается в это понятие разными авторами. Часто психология отождествлялась с идеологией, прежде всего официальной или официозной, особенно в литературе 1940-х — середины 80-х гг. Е. С. Сениявская четко формулирует свое понимание предмета. То, что эти понятия — взаимопроницающие, очевидно: идеология, открытая и «серая» пропаганда — одно из оснований фронтового поведения. Но они далеко не тождественны. Правда, разделить их порой, а тем более выразить соотношение «в процентах» невозможно. Вопрос о том, каков «механизм» взаимодействия идеологии и психологии, что из них «первично», а что «вторично» в поведении бойцов, — представляет собой сложную научную проблему. Несомненно и то, что система пропаганды не могла не учитывать восприятие многомиллионной аудитории. Именно поэтому вскоре после начала войны прежние интернационалистские и классовые установки были заменены национально-

патриотическими. Многие из этих проблем обрисованы или проработаны в книге, в том числе и резкий поворот в пропаганде.

Если говорить об общей, фронтовой психологии, нельзя не отметить еще один фактор — страх. Вместе с национально-патриотической и государственно-большевистской идеями это был важнейший фактор психологического состояния армии. В этой связи можно вспомнить приказы № 270 и 227, заградотряды, штрафбаты и военную цензуру, материалы которой Е. С. Сеньявская очень эффектно показала в работе — и в основном тексте, и в приложениях. Старинное правило военного воспитания: «Солдат должен бояться своего ефрейтора больше, чем противника», был доведен в Красной Армии до некоего всеобъемлющего принципа, только теперь вместо ефрейтора «пугалом» был «особист» из СМЕРШа. Можно лишь добавить, что по фронтам и армиям издавались специальные приказы на тему «О чем запрещено писать». Фактически под запретом оказалось всё, кроме «жив, здоров, люблю и помню». Вспомним также и запрещение дневников. Излишняя откровенность в переписке, как у Солженицына, оказывалась прямой дорогой в лагерь.

Очень важен вопрос о психологической природе массового героизма. Проблема сложна и требует специального изучения, в частности, выявления соотношения таких факторов, как традиции, воспитание и множества других. В монографии нетривиально раскрывается один весьма значимый и малоизученный аспект — роль в войне героических символов.

Монография представляет интерес и в источниковедческом отношении. Широко используются мемуары, в том числе неопубликованные. Наряду с ними автор активно привлекает фронтовые письма. И хотя это, казалось бы, традиционный источник для характеристики «морально-политического состояния» войск, новизна исследования в том, что многие из писем взяты Е. С. Сеньявской из ранее недоступных фондов военной цензуры. А это уже иной психологический (и политический) ракурс: рассмотрение их в комплексе вместе с «сопроводилками» позволяет говорить не о случайной, а о вполне целенаправленной выборке, отражающей определенную направленность интересов «органов».

В книге весьма удачно демонстрируются возможности фронтового фольклора, в том числе разнообразных «переделок» известных стихов и песен, которые «на слуху», так называемые песни-«перевертыши». И, что совсем нетрадиционно, так это применение автором, причем очень уместное и эффективное, произведений художественной литературы, в том числе поэзии.

Таким образом, не только в теоретическом и конкретно-историческом, но и в источниковедческом отношении работа заслуживает самого пристального внимания.

А. А. Курносов
(Институт славяноведения
и балканистики РАН)

А. П. БОГДАНОВ. ЛЕТОПИСЕЦ И ИСТОРИК КОНЦА XVII ВЕКА:

Очерки исторической мысли «переходного времени». М.: Государственная публичная историческая библиотека, 1994. 144 с. Тир. 300

Хотя в подзаголовке новой книги А. П. Богданова тема исследования заявлена достаточно широко, в сущности она посвящена анализу двух исторических памятников конца XVII в. Это Мазуринский летописец и «Созерцание краткое» — источники, давно введенные в научный оборот и неоднократно бывшие предметом исследования. А. П. Богданов, однако, подходит к ним по-новому, пытаясь на основе анализа текста установить личности авторов этих сочинений, обрисовать систему их представлений и авторских приемов. Отсюда — названия двух глав

работы: «Летописец Исидор Сназин» и «Историк Сильвестр Медведев». Но структура этих глав и подход автора к памятникам совершенно различны. В первой главе автор фактически проводит общее источниковедческое исследование Мазуринского летописца. Эта глава представляет собой расширенный вариант ранее опубликованного текста¹. Во второй он анализирует текст «Созерцания краткого» с точки зрения исторических воззрений его предполагаемого автора — Сильвестра Медведева. Ничем, кроме названий, главы эти не связаны.

Их легко представить себе в виде отдельных работ. Предисловие (а по существу это эссе, содержащее мысли исследователя по поводу ситуации с изучением исторических памятников XVII в.) также не собирает книгу воедино. Таким образом, рецензируемое исследование — своего рода сборник трех работ, объединенных лишь общим периодом — концом XVII в.

В книге содержится много конкретного материала по текстологии Мазуринского летописца, Свода 1652 г., Забелинской рукописи, Новгородской Забелинской летописи. Автор вводит в оборот новые источники — Синодик Чудова монастыря; сборник, составленный Иваном Нестеровым Кичигиным. В этом смысле книга окажется полезной всем, кто занимается историей позднего летописания и вообще источниковедением XVII в. Что же касается выводов исследователя относительно автора Мазуринского летописца, а также связи некоторых упомянутых памятников друг с другом, то они представляются прямолинейными и не всегда корректными.

Наиболее показательна в этом плане глава, посвященная Мазуринскому летописцу и его предполагаемому автору. Как известно, в литературе существуют две точки зрения на позднее летописание. Я. С. Лурье считает, что общерусское летописание прекратило существование в середине XVI в.² Противоположный взгляд нашел наиболее полное воплощение в книге В. И. Корецкого³, который полагал, что в XVII в., как и в конце XVI в., летописание испытывало подъем. Автор рецензии разделяет первую точку зрения, будучи убежден, что летописцы XVII в., несмотря на их большое количество, нельзя объединять с летописанием предшествующей эпохи (XV—XVI вв.), что они являются в основном компилятивными сочинениями и демонстрируют постепенное, растянувшееся во времени вырождение жанра⁴. А. П. Богданов же в этой работе, как, впрочем, и во всех других, защищает позицию В. И. Корецкого, развивая мысли последнего по поводу особой роли патриаршего летописания XVII в. Он полагает, что именно патриаршее летописание в этот период представляло основное направление в летописании, и считает Мазуринский летописец наиболее ярким произведением, вышедшим из стен патриаршего двора. В связи с этим он ставит своей задачей проанализировать методы работы летописного скриптория патриарха Иоакима в 80-х гг. XVII в.

В отличие от своих предшественников — М. Н. Тихомирова, впервые обратившего внимание на Мазуринский летописец, В. И. Корецкого

и Ф. А. Грекула, которые подготовили издание этого памятника в «Полном собрании русских летописей»⁵, А. П. Богданов рассматривает его как «авторское произведение» (с. 16) и ставит задачу изучить взгляды его составителя, которого он считает «автором». В связи с этим резонно спросить: что понимает автор книги под «авторским произведением» и отличается ли с этой точки зрения Мазуринский летописец от современных ему летописных сочинений? К сожалению, ответа на этот вопрос в книге А. П. Богданова нет. Лишь в одном месте он мимоходом отмечает, что «имя подразумевает личное авторство» (с. 58). С этим утверждением по целому ряду причин трудно согласиться. Вслед за В. И. Корецким А. П. Богданов обратил внимание на одну из статей памятника, в которой говорится о нашествии Батые и упоминается, что о том же событии более подробно написано «в другом летописце, в моем же, Сидора Сназина»⁶. А. П. Богданов считает, что здесь мы имеем указание на «автора». Но в этом конкретном примере имя возникает случайно и в строго определенном контексте, а не в заголовке и не в конце труда. Кроме того, однозначно нельзя сказать, кем в данном случае выступает его носитель. В. И. Корецкий трактовал это место в том смысле, что в распоряжении составителя Мазуринского летописца находился еще один летописец, составленный Сидором Сназиным⁷. Напрашивается и другое предположение. Возможно, речь идет о переписчике рукописи или о ее владельце, поскольку фигурирует слово «мое». Люди XVII столетия имели четкое представление о собственности материальной, в том числе о собственности на рукопись как материальный предмет, но понятие собственности интеллектуальной тогда еще не сложилось. Владелец мог написать «моя» о принадлежавшей ему рукописи, но не о своем труде составителя. В литературе уже не раз высказывались мнения о том, что некоторые памятники, известные нам лишь по ссылкам, возможно, лишь принадлежали лицам, упоминаемым в этих ссылках, а вовсе не были составлены ими⁸. Это особенно важно иметь в виду, когда речь заходит о летописных сочинениях, принципиально анонимных. Их составители не осознавали себя «авторами» и, если и указывали иногда свои имена, то случайно, с иными целями, и слово «написал» в основном подразумевало переписывание. Различия между «чужим» и «своим» текстом не существовало, а значит, не могло быть и самой проблемы «авторства» в современном понимании.

Из пояснений А. П. Богданова не совсем ясно, считает ли он, что Сидор Сназин написал не

только Мазуринский летописец, но и «другой», повествующий о нашествии Батяга более подробно. Правда, последнее кажется тем более маловероятным: чтобы один и тот же составитель делал две работы, совпадающие по хронологии, да еще при этом ссылался на свой же предыдущий труд, как это делают современные исследователи. Отличительной чертой летописного жанра (и, может быть, это особенно характерно для грандиозных компиляций XVII в.) является стремление к абсолюту — дать исчерпывающую картину «от Адама» до современных летописцу дней, а потому предлагать несколько версий одного и того же периода было бы бессмысленно.

Таким образом, предположение А. П. Богданова о Сидоре Сназине как «авторе» Мазуринского летописца лишь одна из возможных трактовок указанного выше отрывка. Заметим (и это важно для сути вопроса): о Сназине или его родственниках нигде в тексте Мазуринского летописца больше не говорится. Но как же дальше рассуждает автор книги и какие выводы делает, основываясь на этом якобы доказанном своем предположении?

А. П. Богданов пытается найти Сидора Сназина среди новгородских детей боярских Сназиных. Однако ни Сидора, ни даже Сидоровичей, как он сам отмечает, обнаружить ему не удается. Как считает А. П. Богданов, это позволяет утверждать, что «автор» изучаемого памятника не мог быть служилым человеком («Не припомню случая, чтобы служилого человека в XVII в. совсем не удавалось найти!» — с. 20), а следовательно, он «избрал духовную карьеру». Однако на этом цепочка умозаключений не обрывается. Поскольку ни в новгородских синодиках, ни среди служащих московских патриарших приказов и печатного двора Сидора Сназина также не оказывается, то, по мнению автора книги, на основании того, что патриаршие приходо-расходные книги не фиксировали только монахов и священников, «остаётся заключить, что Сназин был одним из них» (с. 21). Конечно, в источниковедческом исследовании, как и в любом другом, всякого рода предположения и догадки вполне допустимы. Но строить исследование на одних догадках нельзя, иначе оно неизбежно предстанет колоссом на глиняных ногах, с правдоподобным и складным на поверхностный взгляд завершением, но шатким основанием. Так и у А. П. Богданова — из одного неясного упоминания в тексте памятника возникает целая биография, все более зримый и красочный образ «автора».

Если Сназин написал Мазуринский летописец, то следы его деятельности «должны

были сохраниться в рукописной книжности» (с. 21). Ну, а раз «должны», естественно, автор эти следы находит. В одном из московских синодиков он обнаруживает нескольких Сназиных. По мнению А. П. Богданова, этот синодик принадлежал Чудову монастырю, поскольку в нем приведены две анафемы за проступки, совершенные в стенах монастыря. Об этом в книге мы читаем под специальным заголовком: «Свидетельствуют рукописи». Сам заголовок характерен для стиля А. П. Богданова, который неоднократно подчеркивает в книге: он дает лишь «позитивное» изложение фактов. Однако сами по себе рукописи ни о чем свидетельствовать не могут, это исследователь составляет их «говорить» и затем интерпретирует на свой лад «услышанное». Автор, таким образом, даже в заглавии совершает определенную подмену, выдавая свои умозаключения за «свидетельства» источника. Далее он замечает, что почерк синодика оказался ему «весьма знакомым» (с. 22). Однако не поясняет, каковы критерии, по которым это «знакомство» (термин, не известный науке) определяется. У читателя возникает впечатление, что, очевидно, почерк близок к тому, которым написана рукопись Мазуринского летописца. Но об этом прямо не говорится, а сообщается лишь, что почерк писца Мазуринского летописца «весьма схож (! — В. В.) с почерком, ким (так в тексте. — В. В.) сделаны дополнения» в другой рукописи, которую автор именуется «Чудовским церковно-историческим справочником». Далее следуют анализ бумаги указанного ранее синодика и вывод, что он «имел отношение к работе патриаршего летописного скриптория, хотя бы с точки зрения материала, на котором он был написан» (с. 24), а именно один из видов бумаги Мазуринского летописца был использован также в одном из списков патриаршего свода 1670-х гг. и в одном из списков Хронографа III редакции, составленном «предположительно в 1680-х гг. в патриаршем скриптории», а также в списке Хронографа II редакции, который автор считает «связанным» (опять непонятный термин!) на основе сходства бумаги «приписанного позже» оглавления с «чудовской компиляцией 1680-х гг.» (с. 25). Это еще одна цепочка нанизанных одно на другое предположений.

Но далее эти предположения просто обрушиваются на читателя: Сназины упомянуты в синодике, возможно, принадлежавшем Чудову монастырю; почерк синодика «знаком» автору, а бумага частично (!) совпадает с той, на которой написаны, возможно, связанные с патриаршим двором сочинения. И отсюда — вывод: «Логично

предположить, что до лета 1682 г. Сидор Сназин... участвовал в составлении чудовского Синодика, внеся туда своих родичей» (с. 24). Действительно, исходя из системы догадок А. П. Богданова, это выглядит «логично». Наши умозаключения вообще, как правило, логичнее тех часто обрывочных, трудно увязываемых друг с другом и иногда не поддающихся однозначной интерпретации фактов, с которыми мы обычно имеем дело. Но история только тогда может считаться наукой, когда мы четко разделяем реальные показания источников и наши собственные мысли по их поводу. В книге А. П. Богданова грань между ними стерта, что очень затрудняет оценку аргументированности каждого из его предположений. Подобная недостаточно корректная обработка материала, как и серия «логичных предположений», к которым исследователь имеет склонность, компрометирует в ряде случаев сами источники и заставляет усомниться в некоторых наблюдениях исследователя, к которым в другой ситуации можно было бы отнестись с большим доверием и которые сами по себе важны.

В свое время Я. С. Лурье, полемизируя с А. Г. Кузьминым по вопросам летописания, подверг критике систему аргументации последнего по принципу «почему бы и нет». Он писал о том, что «возможность не есть еще научная необходимость»⁹. Развивая эту мысль, можно было бы сказать, что и «логичные» с точки зрения исследователя предположения не есть еще научно необходимые, и что нельзя умозрительной логикой подменять недостаток реальных фактов.

Применительно к книге А. П. Богданова эта проблема имеет еще одну сторону. Это — вопрос об авторстве летописных сочинений. Для А. П. Богданова данный момент имеет принципиальное значение. Еще в одной из своих ранних статей он писал, что вопрос об авторстве является «кардинальным вопросом источниковедческого анализа»¹⁰. Думается, что и это неверно. Как уже говорилось выше, вопрос об «авторстве» в современном понимании не стоял для литературы XVII в., да и вообще для древнерусской литературы. Кроме того, как быть, когда в подавляющем большинстве случаев никакого намека на предполагаемого «автора» в тексте памятника не имеется? Нужно ли считать, что полноценный источниковедческий анализ таких памятников невозможен? А ведь, как правило, исследователям приходится ограничиваться предположениями о том, из каких кругов вышла та или иная летопись. В последнее время на основании изучения бумаги часто довольно точ-

но восстанавливается деятельность летописного скриптория.

Очевидно, А. П. Богданов слишком увлекся «поисками исчезнувшего дворянина». Последний стал уже казаться ему «опытным летописцем», которому было присуще «тонкое понимание законов именно летописного жанра» (с. 36). При этом научное исследование порой обретает явные признаки детективного жанра, а у читателя возникает «эффект присутствия»: «Сназин разрезал здесь текст»; «такое соседство не устраивало Сназина»; «Сназин забыл упомянуть»; «Сназин старался припомнить»; «Сназин был не чужд и, наконец, «...упрямый Сназин в борьбе за чистоту летописного метода...» (см. с. 37—51). А в тех случаях, когда исследователь наталкивается в рукописи на некоторые «нелогичные» места, то рискует поправить летописца: «Сназин ошибался», Сназин хотел заклеить одну из статей, но не сделал этого, хотя, разумеется, «видел хронологические несоответствия» (с. 51). И, наконец, Сназин «решил... что комкать такой материал нельзя» (с. 50).

Следует отметить еще одну особенность работы А. П. Богданова. Он в ряде случаев считает возможным произвольно изменять установившиеся в литературе названия памятников. Так, Мазуринский летописец — это название, под которым памятник издан и известен ученым. Автор же рецензируемой работы упоминает его нередко под «своим» названием — «Летописец Сидора Сназина». Помимо того, что подобный подход порождает путаницу, давать летописи название по имени предполагаемого автора вообще рискованно, поскольку при изучении памятника всегда возникают новые и новые версии, а значит, и все новые «претенденты» на «авторство». Тогда у многих памятников пришлось бы регулярно менять названия. Именно поэтому рукописи чаще всего называют по тому рукописному собранию, где они были найдены, а иногда по имени одного из владельцев (Никоновская летопись, Пискаревский летописец). Между тем автор рецензируемой книги пренебрегает этим негласным правилом, и не только в данной работе. Так, к примеру, в одной из своих предшествующих статей, характеризуя одну из редакций Сибирского летописного свода, А. П. Богданов называет ее по предполагаемому ее составителю Романовской¹¹. Между тем списки этой редакции, в том числе те, о которых пишет А. П. Богданов, учтены при издании Сибирского летописного свода в «Полном собрании русских летописей» как Головинская редакция памятника¹². Так же они обозначены и в монографии Н. А. Дворецкой¹³.

Поскольку А. П. Богданов не ссылается ни на собрание летописей, ни на упомянутое исследование, у читателя создается впечатление, что данную редакцию впервые вычленил именно он.

В рецензируемой книге подобная тенденция имеет место, когда автор обращается к начальным статьям Мазуринского летописца, который, как и целый ряд летописных компиляций XVII в., начинается с «Повести о Словене и Русе». Подробно анализируя текст «Повести» в составе Мазуринского летописца, А. П. Богданов не упоминает единственную специальную работу, посвященную «Повести», — исследование А. Л. Гольдберга, в котором, в частности, разбираются редакции памятника и его бытование в составе других сочинений¹⁴. Когда же, исследуя источники своего памятника, А. П. Богданов обращается к Своду 1652 г., то, упомянув, что его «текстология еще не вполне разработана», он предлагает вести сравнение по наиболее полным и ранним спискам: РГБ, Больш. 423 и РНБ, Пог. 1406 (с. 26). Возникает впечатление, что данные списки определены как таковые именно им. Между тем эти два списка выделил как лучшие по сохранности и один из самых ранних исследователь Свода 1652 г. А. В. Лаврентьев¹⁵, работы которого А. П. Богданову, видимо, известны, так как он ссылается на одну из них в другом контексте.

Мы не останавливаемся подробно на второй главе книги, посвященной Сильвестру Медведеву. Это не первая работа А. П. Богданова на данную тему. Фактически она представляет собой развернутый комментарий, сопровождающий изложение текста «Созерцания краткого». В нем использованы выводы и наблюдения, к которым исследователь пришел уже ранее в целом ряде своих работ, посвященных событиям царствования Федора Алексеевича, стрелецкого бунта 1682 г., правления Софьи Алексеевны. А. П. Богданов стремится показать, что сочинение Медведева представляет новое слово в развитии исторической мысли, а его автор является уже не летописцем, а ученым. Но, что характерно, для этого автору непременно потребовалось унижить противников Медведева с их «теологическим ханжеством» (правда, не поясняется, в чем оно заключалось). По мнению автора, пояснения не нужны. Сильвестр Медведев, «вооруженный единой силой разума», изначально прав, и его полемика с «мудроборцами» по вопросу о пресуществлении святых даров доказала «насущность освобождения научной... мысли от гнета церковного мракобесия» (с. 72). При этом опять же характерно, что по убеждению исследователя, «богословское содержание спора нас в данном слу-

чае не интересует». Главным является «отражение в этом споре рационалистической мысли Медведева, его борьба за право разума...» В общем, остается недоумевать, каким образом, не вдаваясь в существо спора, А. П. Богданов смог опять-таки догадаться о том, что Медведев выступает в нем как ученый, а его противники — как «церковные мракобесы», если аргументы ни той, ни другой стороны не раскрываются.

Но автор «строг» не только по отношению к оппонентам Сильвестра Медведева, но и к своим собственным предшественникам. Стоит посмотреть в этой связи на первую небольшую главу книги (фактически ее предисловие), названную «Тайна „переходного“ времени». При чтении ее создается впечатление, что главным достоинством всякого научного труда автор, не вдаваясь в конкретное рассмотрение содержания исследования, считает его «оригинальность». Слово это вообще часто употребляется в книге в самом похвальном контексте. Привлекает внимание и один из двух эпиграфов к книге — из Анатоля Франса: «оригинально мыслящий историк вызывает всеобщее недоверие, презрение и отвращение». Непонятно, правда, к кому следует этот эпиграф относить: к Сназину и Медведеву или к самому А. П. Богданову? В любом случае автор, очевидно, не понимает, что столь понравившееся ему высказывание отнюдь не подразумевает, что непонимание коллег является доказательством «оригинальности» и (что гораздо важнее) убедительности научного построения.

В предисловии автор с иронией критикует тех «коллег-историков», которые в допетровской Руси видят «темную, непросвещенную страну, отсталую в экономическом и военном отношении, государство патриархального застоя в управлении и всей организации». Правда, нельзя сказать, что это весьма «оригинальный» прием — смоделировать в своем воображении и представить читателю очень глупого противника с тем, чтобы затем доблестно разбить его. На самом деле ни историки, ни филологи давно уже не стоят (а точнее, никогда полностью не стояли) на подобной позиции. Об этом красноречиво свидетельствуют работы последних десятилетий — достаточно упомянуть исследования Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Е. В. Анисимова и др. В этом смысле А. П. Богданов в некотором роде «ломится в открытую дверь». Пытаясь же полемизировать с работами более ранними, в том числе с учебными пособиями (а в них нередко целый ряд положений обусловлен временем и обстоятельствами, при которых они составлялись), автор как будто не замечает, что

научная мысль давно уже вышла на качественно иной уровень осмысления проблемы соотношения культуры допетровской и послепетровской Руси.

А. П. Богданов не видит в литературе первой четверти XVIII в. («убогие потуги Петровского времени») шага вперед по сравнению со второй половиной XVII в., т. е. тем периодом, которым автор занимается. Он считает, что никакого разрыва с традициями русской исторической мысли при Петре не произошло, мимоходом характеризуя труды Федора Поликарпова, Дмитрия Ростовского и Михаила Ломоносова как ненноваторские по форме и содержанию даже для XVII в. По его мнению, термин «переходный период» по отношению к культуре второй половины XVII в. лишен основания. Реальный расцвет русской культуры, включая и русскую историческую мысль, наблюдался якобы во второй половине XVII в. Тогда же осуществился процесс перехода русской исторической мысли от летописания к исследованию (с. 11). Так одним махом, на нескольких страницах, т. е. фактически голословно, А. П. Богданов отвергает результаты исследований нескольких поколений ученых — русских и иностранных, историков, филологов, философов и др., — которые в совокупности показывают, что именно в Петровское время в России произошел культурный перелом, обеспечивший постепенный переход к новому типу сознания, в том числе к осознанию своего прошлого и себя во времени. Именно в этом, а не в простом накоплении «нововведений» и «прогрессивных перемен», как полагает А. П. Богданов, состояла суть трагедии, переживаемой Россией. И дело совсем не в том, где нужно искать «расцвет», а что являлось «шагом назад», а в том, что эпоха Софьи Алексеевны и Петровская — принципиально разнонаправленны, противоположны в своих приоритетах.

Подход А. П. Богданова вызывает ряд возражений и с другой стороны. Всякие оценочные подходы типа «выше — ниже», «лучше — хуже» по отношению к культуре довольно сомнительны. А. П. Богданов, конечно, должен знать, что иногда именно сочинения рядовые оказываются наиболее интересными для исследователя, выявляя не единичные, а массовые представления, средний уровень культуры общества. В этом смысле его пренебрежительное отношение к «ненноваторским» памятникам с профессиональной точки зрения лишено всякого основания.

Мысль о подъеме отдельных сторон русской культуры в последней четверти XVII в. не является вполне «оригинальной». Но аргументы,

приводимые А. П. Богдановым для ее обоснования, неубедительны. Существование в XVII в. «обширного комплекса памятников общерусского патриаршего и монастырского, дворянского, всесословного краткого (? — В. В.) городского и провинциального летописания» (с. 6) еще не доказывает, что все эти сочинения представляют новый шаг в развитии исторической мысли. Во всяком случае автору не удалось продемонстрировать, что таким шагом являлся исследованный им Мазуринский летописец, равно как и то, что «автор» его был «человеком нового времени» (с. 58). Наличие новых редакций Хронографа, Степенной книги и других сочинений, а также создание «летописных сказаний» и временников, как и исторических повестей Смутного времени, «новейших форм сочинений» типа Синопсиса и «свежайших, злободневных сочинений иноземцев» не дает еще основания полагать, что все это — «историческая литература» такого рода, которая «с лихвой» заполняет «пропасть» между допетровской и послепетровской культурой и служит «основой развития отечественной историографии» в лице Куракина, Манкиева, Татищева и Миллера (с. 7). Автору необходимо было бы раскрыть, в чем собственно состоит отличие летописания от «исторической литературы», сравнить в этом отношении сочинения XVII и начала XVIII в. Кстати, в Петровское время продолжали составляться летописи, делались новые редакции тех сочинений, о которых упоминает А. П. Богданов. В любом случае это — довольно сложный комплекс вопросов, а не просто картина, которую, согласно мнению А. П. Богданова, легко увидеть «невооруженным глазом» и без «значительных умственных усилий». В том-то и дело, что усилия нужны, а глаз должен быть вооружен, прежде всего определенной методикой, без которой всякие, даже «оригинальные», как у автора, построения выглядят голословными и некорректными.

Стиль книги, особенно ее первой части (введения) стоит отдельного упоминания. Достаточно сказать, что те ученые, с которыми автор как бы вступает в полемику, часто не называются им, являясь анонимами, как, например, некие «коллеги-историки», продолжающие «пользоваться» (так в тексте) «миф о преобразовании отсталой Московской Руси „Петром Великим“», ученые, любящие Запад («излюбленный учеными Запад» — с. 5); и, наконец, «группа современных нам специалистов», численность и состав которой не определяется, но познания которой в истории, музыке, античной и др. литературе не превосходят эрудиции одного,

жившего в XVII в. Игнатия Римского-Корсакова, который «доказал происхождение своего рода от Геракла» (с. 10). Неясно, наконец, кого конкретно подразумевает автор под «современной историографией», напоминающей ему «Буриданова осла, застывшего в решении мучительной проблемы выбора между очевидными фактами и привычным миром великопетровской мифологеми» (с. 8). Подобного рода безымянная «полемика» при всем «очаровании» использованных в ней образов не может считаться приемлемой в научном, да и не только в научном сочинении. В некоторых случаях оппоненты автором называются, как, например, Д. С. Лихачев, «обладающий отличной от коллег степенью свободы», или «историограф А. М. Сахаров», «филолог Г. Н. Моисеева» и т. п. в стиле, который нельзя не определить иначе, как фамильярный. Но и те, кого «историк А. П. Богданов» похвалил, вряд ли обрадуются этому обстоятельству, как, например, А. С. Демин, который «презрел историко-мифологические представления о должных стадиях развития Отечества», или А. Н. Робинсон, «не остановившийся перед параллелями с самой Францией» (с. 10), или Е. В. Чистякова, «почти четверть столетия... печатно убеждающая публику» (I — В. В.) в том, что определяющие перемены в русской исторической мысли произошли еще до Петра (с. 8).

Конечно, можно возразить, что стиль — это дело автора, и показывает лишь уровень его вкуса. Но в работе А. П. Богданова некоторая литературная игривость кажется нарочитой и наводит на мысль, что допущена она сознательно. Стоит вернуться к эпиграфу книги. А. П. Богданов стремится отмежеваться от всех или почти всех своих коллег, изучающих XVII—XVIII вв., и даже заранее соглашается на негативную реакцию с их стороны. Ему важно «печатно убедить публику» в исключительности собственного научного творчества, так сказать, в своем «происхождении от Геракла». А для этого, конечно, необходимо «низложить» оппонентов.

Но ниспровергать в науке сложнее, чем в политике. Смысл научного творчества в том, что каждый из нас стоит на плечах своих предшественников, даже когда не согласен с ними. Уже по одному этому уважительное отношение к ним — обязательное условие всякой научной работы. Образно говоря, нужно разбирать аргументы, а не просто обвинять в «церковном мракобесии». И тогда обязательно выяснится, что собственная

«оригинальность» несколько преувеличена. А. П. Богданов, как мы видим, пошел по иному пути. Но цели своей он все-таки не достиг, т. е. «публику не убедил». Хотя вызывает все это не «презрение и отвращение», а скорее грусть и сожаление.

В. Г. Вовина
(Санкт-Петербургский филиал
Института российской истории РАН)

Примечания

¹ Богданов А. П. «Без гнева и пристрастия» (Исидор Сназин и патриаршие летописи)//Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...». М., 1988. С. 60—75.

² Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 260.

³ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 5—10 и др.

⁴ Вовина В. Г. Позднее летописание и проблемы его изучения//Отечественная история. 1992. № 2. С. 117—130.

⁵ ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 11—179.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Корецкий В. И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени//Славяне и Русь. М., 1968. С. 282—290; Егуже. История русского летописания... С. 108.

⁸ Примером может послужить так называемая Летопись Станкевича. См.: Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод. Вторая половина XVII в. Новосибирск, 1984. С. 6—7.

⁹ Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей//ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 35—36.

¹⁰ Богданов А. П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве»//Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 115.

¹¹ Егуже. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И. А. Забелина//Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 203—204.

¹² Сибирские летописи. Часть 1. Группа Есиповской летописи//ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 21—23.

¹³ Дворецкая Н. А. Указ. соч. С. 42—52.

¹⁴ Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси//Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 13. Л., 1982. С. 50—63.

¹⁵ Лаврентьев А. В. Списки и редакции летописного свода 1652 года//Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 68.

Д. БРАНДЕС. ПРИГЛАШЕННЫЕ ЦАРЯМИ. НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ С БАЛКАН В НОВОРОССИИ И БЕССАРАБИИ. 1751—1914. Мюнхен, 1993. 549 с. *

Исследования по истории немецких колонистов в России уже не редкость ни для германской, ни для российской историографии **. Однако среди них книга Детлефа Брандеса — явление неординарное прежде всего с точки зрения предмета исследования. Автор поставил своей задачей изучение полуторавековой истории иностранной — немецкой и балканской — колонизации российского Причерноморья. Уже одно это сопоставление двух колонизационных потоков свидетельствует о том, что автор решил преодолеть ограниченность традиционных исследований, посвященных отдельным этносам, однако предпринятый им анализ опирается также на сравнение хозяйства, социального строя и сословного положения колонистов-переселенцев с положением государственных и помещичьих крестьян юга России. Таким образом, книга Д. Брандеса дает богатый материал для анализа социально-экономического развития Причерноморья в целом, не только раскрывает динамику развития немецких колоний с 1751 по 1914 г., но позволяет проследить ее в сравнении с другими группами населения Новороссии. Такое исследование предпринимается впервые. Рассматриваемая монография основана на весьма обширной источниковой базе. Автором были изучены фонды восьми архивов Молдавии, России, Украины. Наиболее фундаментальные из них — 12 фондов РГИА в Санкт-Петербурге, в том числе фонды министерств финансов, государственных имуществ, внутренних дел, просвещения и других государственных учреждений, ведавших в той или иной степени управлением Новороссией. В работе широко использованы материалы законодательства и учреждений, определявших переселенческую политику правительства и осуществлявших «опеку» и надзор за переселенцами в XVIII и XIX вв., материалы статистического и географического характера, включая особенно ценные по информативности и достоверности материалы военно-учетного архива Главного штаба. К сожалению, в книге нет специального источниковедческого раздела, и читателю трудно понять, чем руководствовался автор при систематизации источников, — их происхождением, тематической принадлежностью или эвристической ценностью.

Книга состоит из восьми глав, в которых пос-

ледовательно рассмотрены историография проблемы, процесс иммиграции, экономическое развитие колоний, конфессии и школы, социальный состав и реформы управления колоний, дочерние колонии и имения, основы хозяйственных успехов колонистов, отношение колонистов к другим этническим группам и к государству.

Исследование открывает обстоятельный историографический обзор. Д. Брандес учел не только работы по истории Новороссии, населявших ее отдельных этнических групп, но и, что весьма примечательно, обобщающие труды по истории России конца XVIII — начала XX в. Они стали тем необходимым историческим фундаментом исследования, который позволил раскрыть поставленную проблему на широком историческом фоне. Сама библиография по истории Новороссии (с. 490—515) не только важное приложение к книге, но это и самостоятельный ценный вклад автора в исследование истории южных районов России. К достоинствам историографического раздела монографии следует также отнести и анализ особенностей освещения поставленной проблемы в историографии России и Украины после 1991 г.

Вторая глава посвящена истории переселений и анализу правительственной политики в отношении переселенцев в Новороссии с 1751 г. вплоть до 1880-х гг., причем автор рассмотрел историю не только каждой переселенческой акции, но и эволюцию правительственной политики в области иммиграции, и не только историю немецких переселенцев, но и других этнических групп. Историю переселения иностранцев на юг России Д. Брандес начинает с образования Новой Сербии в 50-х гг. XVIII в., однако отмечает, что основные принципы политики в отношении иностранных колонистов были определены лишь в царствование Екатерины II. Он приводит и обобщает весьма ценный материал, который свидетельствует о том, что заселение Новороссии в большей степени, чем, например, Поволжья, диктовалось не соображениями филантропической политики и просвещенного абсолютизма, характерными для 1760—1780-х гг., а в первую очередь военно-стратегическими интересами, связанными как с внешней экспансией на Балканы и в Польшу, так и с потребностью сохранить завоеванные территории, поскольку ресурсы помещичьей колонизации уже

не хватало, а эффективная крестьянская колонизация в условиях крепостничества была невозможна. Это заставило правительство, с одной стороны, пойти на определенные ограничения крепостничества (невыдача беглых из Новороссии), а с другой — на допущение элементов буржуазного уклада и права частной собственности на землю при определении условий поселения иммигрантов. Эта линия, несмотря на стремление Павла I к «изгнанию потемкинского духа» и определенному усилению административного контроля над переселенцами, была продолжена и в первой половине XIX в., особенно в царствование Александра I, когда российское правительство увеличило льготы и преимущества, предоставляемые переселенцам, чтобы способствовать укреплению собственного авторитета в Европе и обеспечить более привлекательные условия для иммигрантов из Германии по сравнению с Пруссией, также проводившей активную колонизационную политику. Естественно, что при этом развитие буржуазных элементов в колонистской среде шло опережающим темпом по сравнению с российским крестьянством.

Рассматривая итоги столетней переселенческой политики русского правительства в Причерноморье (с. 147—151), Д. Брандес подчеркивает, что в ней было более импровизации, нежели планирования, что Екатерина II и ее преемники ставили целью образование «государственного класса» землевладельцев и чиновников, тесно связанных с Российской империей, а также развитие сельского хозяйства и промышленности южных областей, распространение там передовой агротехники и технологии. Автор констатирует, что при определении объектов переселенческой политики русское правительство главным образом ориентировалось на православное население Балканского полуострова и выходцев из Германии. Он делает также обоснованный вывод о неэффективности мер царской администрации в ходе переселенческого процесса, о нечеткости и непродуманности ее действий в короткие перерывы между войнами, о недостаточности помощи, оказанной колонистам, что повлекло за собой рост задолженности переселенцев и притормозило становление хозяйства колоний. В этом отношении иностранные переселенцы юга России повторили судьбу немецких колонистов Поволжья.

Следует также подчеркнуть, что в целом переселенческая политика того периода внешне была подчинена задачам военной экспансии России в Причерноморье и на Балканах. Активизация этой политики совпала с подготовкой очередной войны и сопровождала закрепление за Россией

завоеванных в ходе ее территорий. Не случайно, что переселения прекратились вскоре после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда коренным образом изменилась военно-стратегическая ситуация в Центральной и Юго-Восточной Европе, а в связи с ней и роль Причерноморья в военных планах России. Разумеется, прекращение иностранной колонизации было обусловлено не только внешним фактором, но и характером социально-экономического развития Новороссии и Бессарабии в последней трети XIX в.

В четвертой главе Д. Брандес рассматривает географические и климатические условия в крае, анализирует экономическое развитие колоний, и в частности сельского хозяйства (структуру севооборота, особенности технологии возделывания отдельных культур, развитие скотоводства, садоводства, огородничества, виноградарства). Большое внимание в главе уделяется характеристике земельных отношений и форм управления государственными колониями, а также вопросу налогообложения и другим повинностям, лежавшим на колонистах. Следует заметить, что автор не ограничивается анализом развития колоний как аграрных корпораций, что характерно для большинства подобных исследований, а показывает складывание ремесленного производства в колониях, предпринимательства, формирование частного капитала и промышленности.

Однако первостепенное внимание он уделяет характеристике аграрного строя немецких колоний, их общинного уклада и его эволюции. В рамках общего комплекса немецких колоний он выделяет общины меннонитов, которые в своей внутренней организации имели существенные отличия от других объединений колонистов. Д. Брандес отмечает, что поземельные отношения в общинах строились на сочетании общинного и частного землевладения и землепользования. Угодья общего пользования, например, выгон, формировались из долей, вносимых каждым «хозяином» (*der Wirt* — хозяин, полноправный общинник), остальные же земли находились в переделе, который, однако, осуществлялся значительно реже, чем у других категорий крестьянства Новороссии, и постепенно был заменен на подворное владение. Колонисты получали возможность выкупать чересполосные владения, что в определенной мере способствовало складыванию зажиточных «хозяев» (*die Grosswirten*). В 80-х гг. XIX в. их собственные земли составили от 10 до 43 дес. на одного владельца, что значительно превышало аналогичные показатели у балканских колонистов и российских крестьян Причерноморья. Если же учесть, что на долю каждого владельца

приходилось еще 30 дес. общинной земли, то можно сказать, что такие хозяйства имели достаточные возможности для развития эффективного товарного производства фермерского типа.

Указывая на более благоприятные условия обеспечения землей немецких колонистов по сравнению с другими категориями населения, автор вместе с тем подчеркивает, что различия между системой землепользования колонистов и государственных крестьян было меньшим, чем прежде оно представлялось исследователям. Большая часть украинских и русских общин, где существовал передел земли, после реформы 1861 г. также перешла к подворному владению (с. 157). Таким образом, богатый фактический материал, приведенный Д. Брандесом, определенно свидетельствует о том, что характерная для Новороссии в целом тенденция развития фермерского капитализма в сельском хозяйстве была присуща хозяйству как колонистов, так и российского крестьянства, однако в немецких колониях она проявилась значительно раньше, в 30—40-х гг. XIX в. В пореформенное время это привело к формированию в колониях переселенцев из Германии не только сугубо аграрного предпринимательства, как это было характерно для русского и украинского населения, а также для выходцев с Балкан, но и к интенсивному развитию торговли и промышленности, что и определило заметную роль немецких колонистов в области промышленного производства на юге России (так, в сельскохозяйственном машиностроении они занимали ведущее место по стране в целом, производя 49,2% всех сельскохозяйственных машин в России /с.263/).

Обособленность немецких колонистов от других категорий населения России во многом объяснялась не только спецификой хозяйственного и социального типа немецких колоний. Эти различия, как показал Д. Брандес, были не столь значительны и, скорее, носили региональный, нежели этнический характер. В основе их обособленности лежали сословный статус немецких переселенцев, поддерживавшийся в первую очередь направленностью культурного развития, которое не только отличалось от общероссийского процесса, но и от культурного развития немецкого населения России, не относившегося к колонистам как Поволжья, так и юга России. Более того, эта культурная традиция после отмены привилегий стала, пожалуй, одним из главных факторов сохранения этнической и социальной замкнутости немецких колоний.

Обращаясь к рассмотрению вопроса о развитии культуры и общественного сознания колонистов Новороссии, автор исследует только два, но

принципиально важных фактора: религиозную жизнь немецких колонистов, прежде всего с точки зрения взаимодействия церковной и социальной сфер, а также школьное дело. Этому посвящена четвертая глава монографии — «Конфессии и школы». Следует подчеркнуть, что в ней Д. Брандес не изменяет сравнительному принципу анализа, сопоставляя развитие немецких колоний с процессами, протекавшими среди выходцев с Балкан и российского крестьянства. В главе дается характеристика основным конфессиональным направлениям в немецких колониях Новороссии: лютеранам, католикам, «новой церкви», сепаратистам, баптистам, менонитам, штундистам; показывается, как религиозная и сектантская замкнутость усугубляла сословную обособленность немецких колоний. Последнее во многом сказалось в развитии школьного дела. Несмотря на широкий охват немецкого населения начальным образованием, состояние начальной школы характеризовалось рядом негативных тенденций: низким качеством обучения, слабой подготовкой учительских кадров, отсталой методикой преподавания, нехваткой учебников и учебных пособий, отсутствием школьных библиотек. В этом отношении школы колонистов существенно отставали от других немецких и русских школ в России. Особенно слабо велось преподавание русского языка. Все это в сочетании с оторванностью немецких колонистов от городов отразилось на формировании интеллигенции колонии, которую представляли писари, учителя и позднее врачи. В целом это усугубляло культурную замкнутость немецких колонистов, которая преодолевалась в определенной степени посредством связей со средней и высшей школами в России и Германии. Но эти связи получили развитие лишь после реформ 1860-х гг., позволивших постепенно отказаться от строгой сословности образования. Однако именно на это время приходится наибольшие усилия русского правительства, направленные на русификацию системы образования в стране, что, как показал Д. Брандес, в сочетании с социальными и правовыми факторами препятствовало после отмены привилегий органичному включению немецких колонистов в российское общество.

Сословная и культурная изоляция не могла не повлиять на социальное развитие колоний. Представляется весьма интересным вопрос, в какой мере социальные процессы в колониях были связаны с аналогичными изменениями в России? Социальным вопросам и реформам управления автор посвящает пятую главу. Он выделяет два основных этапа жизнедеятельности

колоний, гранью которых стала реформа 1871 г. На первом этапе социальные процессы протекали в обстановке сословной замкнутости колоний, которые практически никто не покидал, несмотря на разрешение властей от 1799 г. переселяться из колоний после расчета по задолженности. Уже в первой половине XIX в. в колониях, как показал Д. Брандес, шел процесс социального расслоения населения, в первую очередь крестьянского. Он значительно опережал аналогичные процессы в колониях балканских переселенцев и среди российских крестьян. Об этом свидетельствует доля безземельных крестьян среди колонистов (с. 336—337). Данные эти по различным округам трудно сопоставимы, однако нередко число безземельных превосходило число «хозяев». Естественно, что это стимулировало применение наемной рабочей силы, причем вопреки бытующему в нашей историографии представлению большинство батраков в хозяйствах колонистов были немцами.

Таким образом, уже в первой половине XIX в. у немецких колонистов в Новороссии активно протекали процессы имущественного расслоения крестьянства, которые в России в целом получили свое развитие после 1861 г. В связи с этим возникает вопрос, каков же был характер реформы 1871 г. в немецких колониях юга России? Как показал Д. Брандес, она практически не отразилась на поземельных отношениях, а на социальном устройстве сказалась лишь в той мере, в какой изменила систему правительственного управления колониями и, главное, их сословный статус. В результате реформы немецкие колонисты были уравнены в правах с другими российскими подданными, вернее, на них были возложены повинности, от которых они раньше были освобождены. Усиление налогового гнета и введение воинской повинности повлекли за собой различные формы пассивного социального протеста, в том числе выезд колонистов из России, причем преимущественно не в Германию, а в США.

Столыпинская аграрная политика, усилившая процесс раскрестьянивания и капиталистической мобилизации земли, затронула и немецкие колонии, сказавшись на дальнейшей консервации их замкнутости из-за опасения в условиях малоземелья проникновения земледельцев извне и распространения земельных спекуляций.

Проблеме обеспечения колонистов землей и связанным с ней социальным процессам посвящена шестая глава о дочерних колониях и владениях. Автор детально исследует источники и

способы накопления средств для приобретения земель под дочерние колонии, их хозяйственную деятельность, взаимоотношения с колониями-основателями. Результаты предпринятого исследования Д. Брандес обобщил в седьмой главе — «Факторы хозяйственного успеха колонистов». Автор подчеркивает, что хозяйство колоний развивалось успешно благодаря привилегиям и поддержке, полученным от государства, и во многом благодаря собственным знаниям и опыту, приобретенным на родине (с. 400). Он пишет, что переселение в Россию не в полной мере выровняло продолжавшийся процесс социальной и профессиональной дифференциации. На протяжении XIX в. общество колонистов дифференцировалось вновь. Одни безземельные крестьяне работали на полях «хозяев» или занимались ремеслом, другие обрабатывали арендуемую в окрестностях землю. Часть из них переселялась в дочерние колонии или в города. Некоторым ремесленникам удалось основать фабрики и купить имения. Новая интеллигенция (учительство, писари, а позже и врачи) поставила вопрос о господстве «хозяев». Богатые землевладельцы наслаждались своим богатством и независимостью от ограничений сельской общины, покупали или строили роскошные двухэтажные дома и комфортабельно их обставляли, ездили в экипажах на чистокровных лошадях и с кучерами. Перед 1914 г. некоторые из них покупали автомобили. Они совершали путешествия в Западную Европу и Америку, где посещали фабрики и выставки сельскохозяйственных машин. Некоторые землевладельцы и предприниматели жертвовали большие суммы на школы, больницы и социальные учреждения в колониях. Только малая часть колонистов переселилась в города Новороссии и Бессарабии (с. 448—449).

В последней, восьмой главе — «Отношение колонистов к другим этническим группам и к государству» — автор, по нашему мнению, верно отразил две тенденции — стремление колонистов к самоизоляции и к сотрудничеству с соседями, к взаимопомощи и взаимовыручке (например, помощь во время неурожая и голода). Отношение немецких колонистов к государству определялось полной лояльностью их как подданных Российской империи и вместе с тем пассивным протестом, выразившимся, в частности, в эмиграции из России.

Б. В. Носов
(Институт славяноведения
и балканистики РАН)

Примечания

* B r a n d e s Detlef. Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751—1914. München: R. Oldenburg Verlag, 1993. 549 S.

Об этом свидетельствует хотя бы избран-

ная библиография, помещенная в публикациях Института культуры и истории немцев в Восточной Европе. См.: Zwischen Reform und Revolution. Die Deutschen an der Wolga 1860—1917 (Hrsg. von D. Dahlmann und R. Tuchtenhagen. Essen: Klartext Verlag, 1994. S. 380—386).

С Т И В Е Н Л И Х О К. КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ.

Петровское, село Тамбовской губернии/Пер. с англ. М.: «Прогресс-Академия», 1993. 192 с.

В исследовательской литературе, в первую очередь российской, давно и плодотворно разрабатывается большая и сложная по содержанию тема истории крестьянства и крепостного хозяйства феодальной России. При этом основное внимание исследователей было обращено на экономику феодального хозяйства и борьбу крепостного крестьянства.

Американский ученый, профессор Университета штата Айова Стивен Ли Хок предпринял иной подход к изучению этой темы. В центре этого исследования, как указывает автор, «находится вопрос о тех специфических способах, которыми может контролироваться труд и извлекаться излишек у зависимого населения» (с. 5). «Мне хотелось бы, — пишет он в предисловии к русскому читателю, — выйдя за рамки общих терминов „феодализм“ и „капитализм“, глубже разобраться в механизмах контроля, используемых государством и помещиком. Слишком часто этими понятиями („феодализм“ и „капитализм“) злоупотребляли, особенно советские историки, чтобы объяснить крестьянскую зависимость как абстрактное, как общее, автоматически возникающее, неизбежное явление» (с. 5). Он ставит себе целью выяснить: «Каким же образом помещики Российской империи добивались того, чтобы крепостные трудились и вели себя „желательным образом“?» (с. 7). Иначе говоря, речь идет о том, чтобы «понять структуру эксплуатации крестьян», которая, в представлении автора, «детерминирована биологическими и экологическими (совокупностью географических, природных и климатических условий для данной местности) факторами, менталитетом помещиков и нормами культуры всего общества в целом». Проблема эксплуатации крестьянского труда в крепостной вотчине, подчеркивает

автор, «по сути своей, проблема социальная, а не политическая или экономическая: для того, чтобы эксплуатировать, надо применять власть» (с. 7).

Автор особое значение придает вопросу изучения окружающей среды, демографии, считая, что «экология и география в большей степени определяли жизнь русского крестьянина в XIX веке, чем аграрные классовые взаимоотношения» (с. 5). От них зависела не только «жизнь крестьянина», но сам характер и эффективность «социального контроля» за поведением крестьян, исправным исполнением ими повинностей, поддержания дисциплины в крепостной вотчине. В осуществлении «социального контроля» в деревне, по мнению автора, огромную роль играли общинные институты и сами патриархальные отношения в крестьянской семье: помещики и управляющие для поддержания дисциплины в вотчине опирались на влияние главы патриархальной семьи. Хотя государство, указывает автор, «являлось инициатором института крепостного права и много выигрывало от него», в действительности оно «играло незначительную роль в поддержании этого института...» «Деревенская Россия первой половины XIX в. не просто „недоуправлялась“ правительством, а по большей части не управлялась. Государство могло собирать налоги и забирать в солдаты, войско — подавлять местные беспорядки и ловить многочисленных беглецов, но на этом эффективное участие правительства в жизни деревни заканчивалось» (с. 7). Государство не вмешивалось в жизнь крепостной вотчины, взаимоотношения между помещиками и их крестьянами; «социальный контроль», который исследует автор, осуществлялся в пределах вотчины как самодовлеющей социальной и хозяйственной единицы.

Проблема «социального контроля» в русской крепостной деревне исследуется С. Хоком на

примере жизни тамбовского имения Гагариных — села Петровского с деревнями, в котором в первой половине XIX в. насчитывалось около 3500 крестьян. Это было крупное барщинное имение в Центрально-Черноземном центре России. Оно имело налаженный аппарат управления. В основе монографии — хорошо сохранившаяся разнообразная документация по этому имению.

Петровское имение Гагариных в Тамбовской губернии уже было предметом монографического исследования И. Д. Ковальченко¹. Его труд, как и работы других советских исследователей крепостной деревни хорошо известны С. Хоку. Не вдаваясь в идеологическую полемику с советскими историками, в том числе и с И. Д. Ковальченко, относительно концепции закономерностей исторического процесса, автор подчеркивает, что его как исследователя интересуют конкретный вопрос — «жизнь крепостного». И в этом плане у него два «принципиально важных» расхождения с И. Д. Ковальченко: в оценке уровня жизни крепостного крестьянина той эпохи и в правомерности тезиса о социально-экономическом расслоении деревни. С. Хок критически относится «как к методу измерений Ковальченко, так и к его интерпретации данных».

Первая глава под названием «Материальная база» и вторая — «Демографические рамки», составляющие половину монографии, посвящены вопросам материального положения, быта и демографических процессов в русской крепостной деревне. «Материальная база», в понимании Хока, «не марксистский экономический базис, который определяет способ производства». Он стремится выйти, по его словам, «за узкие границы экономических отношений в более широкий социальный мир крестьянина». Это отнюдь не значит, что автор абстрагируется от вопросов экономики крепостной деревни. Им довольно подробно, на основе обработки первичных статистических данных вотчинного архива Гагариных, исследовано хозяйство крепостного крестьянина и его взаимоотношения с помещиком: обеспеченность крестьян надельной землей, тягловым и продуктивным скотом, размеры посевов и урожаев, отбываемые повинности в пользу помещика и государства.

В тему «Материальная база» автор включает описание быта крестьян и крестьянского двора, сведения о пище и одежде крестьян, о натуральном и денежном довольствии дворовых, приводит цифровые показатели о составных частях «рациона» питания крестьян. Отмечаются особенности материального положения и «правового статуса» различных категорий крепост-

ных: крестьян на барщине и небольшой их части на оброке, освобожденных от феодальных повинностей престарелых и не способных к работе инвалидов, вдов, солдаток, дворовых (не только используемых в качестве прислуги, но и в производственной сфере, в качестве плотников, каменщиков, кузнецов, ткачей, портных, шорников, «лекарей», исполняющих низшие административные должности по вотчине и т. д. — более полутора десятков специальностей). Автор приводит интересные данные о наделении дворовых не только усадебной, но и пахотной землей, скотом и птицей, выплате им денежного жалованья (в добавление к натуральным выдачам).

С. Хок ставит целью дать объективную картину уровня жизни крепостного крестьянина в России, подчеркивая, что, хотя он и далек от идеализации, но не разделяет мнения И. Д. Ковальченко по Петровскому имению и других советских историков по иным регионам страны о тяжелом и «ухудшающемся» уровне жизни этой категории крестьянства в предреформенный период. По его данным, размеры наделов в Петровском в расчете на тягло (6—7 дес.) при тогдашнем уровне агротехники были вполне достаточными для нормального ведения крестьянского хозяйства. Этот надел не менялся вплоть до отмены крепостного права, так что, утверждает автор, не могло быть и речи о процессе «обезземливания» крестьян. Он также считает неверным вывод советских историков о том, что Россия «страдала от низкой производительности в сельском хозяйстве» с уровнем средних урожаев сам-3,5, т. е. «более низким, чем где бы то ни было в Европе». Этот показатель, основывавшийся на губернаторских отчетах, он считает заниженным примерно в два раза, при этом ссылается на данные военно-статистических обозрений и хозяйственных описаний Вольного экономического общества, материалов Министерства государственных имуществ, а также «специалистов-аграриев» того времени (с. 33). Сравнивая эти данные с показателями некоторых европейских стран, автор приходит к выводу, что урожайность в России была примерно такой же, как в Дании и во Франции в конце XVIII в. и в Германии в начале XIX в. (с. 31—32).

«По меркам доиндустриального общества», как пишет автор, крестьяне Петровского жили «вполне состоятельно», если не считать преходящее влияние стихийных бедствий (неурожаев, эпидемий и эпизоотий). Сравнивая показатели некоторых европейских стран в «доиндустриальную» эпоху, автор приходит к выводу: «За исключением отдельных лет сельскохозяй-

ственных кризисов, крестьяне села Петровское в итоге питались лучше, чем их французские или бельгийские собратья на рубеже XVIII и XIX вв., и, разумеется, лучше, чем большинство населения сегодняшних развивающихся стран». Русский крепостной, предполагает автор, «потреблял мяса в три раза больше, чем его современник на Западе» (с. 47). Правда, автор оговаривает, что это «благоприятное продовольственное положение относительно и его не следует идеализировать», а в неурожайные годы «существование этих крестьян становилось безотрадным и жалким».

Этот вывод автора об относительном материальном «благополучии» крепостных крестьян тамбовского имения Гагариных не следует распространять на все крепостное крестьянство России. Здесь были более благоприятные условия для ведения сельского хозяйства (многоземельное имение с достаточным надельным обеспечением крестьян, богатые черноземы). Заметим также, что сам крепостной гнет в различных помещичьих имениях давил на крестьян далеко не одинаково. В крупных, «заглазных» имениях, каковым было Петровское Гагариных, не было той жестокой эксплуатации и вездесущей мелочной опеки за жизнью и бытом крестьян, каким подвергались крестьяне во множестве других помещичьих имений. Более того, по приказу владельца приказчики следили за тем, чтобы ради сохранения доходности имения не отягощать крестьян. В монографии приводятся интересные сведения о том, как приказчики, чтобы поддерживать в «рабочем состоянии» обедневшие дворы, снабжали их семенами, скотом, освобождали на год-два от барщины и других повинностей, запрещали им сдавать свои наделы более состоятельным крестьянам.

С. Хок отрицает наличие социального расслоения среди крепостного крестьянства, считая правомерным говорить лишь об имущественном неравенстве. Степень этого неравенства, указывает он, следует определять по размерам и количеству земли, скота и пр. не в расчете на двор, а на душу населения. Собственно, к этому ранее призывал и Б. Г. Литвак², к которому апеллирует автор, и таковые расчеты привели его к выводу, что за исследуемый им более чем полувекковой предреформенный период состояние имущественного неравенства в Петровском практически не изменилось.

Историческая демография наименее разработана в нашей литературе. Имеющиеся пока немногие работы рассматривают эту тему в пределах страны или отдельных ее регионов. С. Хок исследует ее в рамках одной вотчины, что имеет

свои плюсы и минусы. Плюсы в том, что в данном случае он смог рассмотреть вопрос «вглубь» и всесторонне, на основании первичных данных подворных описей, ревизских сказок, собираемых вотчинной конторой посемейных данных, месячных сведений о рождениях, смертях, «миграциях», сдаче в рекруты, отдаче в замужество в другие вотчины и т. п., что позволило ему детально проследить демографические процессы, учитывая судьбы конкретных семей более чем за полвека. В этом плане его данные и наблюдения представляют несомненный интерес. Но недостатком такого подхода является то, что автор ограничивается рамками одного помещичьего имения, а точнее, части его — собственно одного села Петровское, составлявшего ¹/₇ тамбовского имения Гагариных. Автор стремится преодолеть ограниченность такого подхода привлекая некоторые сравнительные данные, как российские, так и европейские.

Рассматривая вопрос о росте численности крестьянского населения, С. Хок отмечает, что в связи с высокой детской смертностью (из 100 родившихся до 5 лет доживали только 45 детей), средняя продолжительность жизни крестьян с. Петровского составляла в начале XIX в. 27,3 года, причем она медленно возрастала. То же было и «почти во всех странах доиндустриальной Европы», пишет автор. В конце XVIII в. продолжительность жизни во Франции составляла 28,8, а в Англии — 31,5 лет, и лишь к середине XIX в. она поднялась до 41,6 лет (с. 68). Он считает неверным вывод И. Д. Ковальченко о том, что «крепостные из Петровского испытывали отрицательный прирост» (с. 10, указав, что ученый не принял во внимание сокращения населения вследствие рекрутчины, выхода замуж и др. «Нет оснований полагать, — пишет Хок, — что крепостной строй оказывал какое-либо особое воздействие на смертность» (с. 68). Он констатирует преобладание в Петровском больших патриархальных семей, дававших основу хозяйственной стабильности крестьянского двора, гарантировавших от нищеты и препятствовавших процессу имущественного расслоения крестьян. Вотчинная администрация путем запрета семейных разделов преследовала цель сохранить такие семьи. Автор отмечает стабильность и долголетие таких семей, указывает, что практически не было фактов слияния или выморочности крестьянских дворов.

Тема крепостного права и «социального контроля» в крепостной деревне России на примере Петровского имения Гагариных рассматривается в остальных трех главах монографии: «Приказчики, старейшины: совпадение интере-

сов», «Функции общины и контроль с ее стороны» и «Наказания, страх и контроль».

Крепостное право, в понимании автора, «представляло собой нечто большее, чем правовой и экономический институт. Короче говоря, крепостное право являлось высокоинтегрированной, хотя и достойной презрения социальной системой, точным, но шатким равновесием экологических, демографических, экономических, социальных и политических сил». И хотя «крепостничество и насаждалось сверху, оно должно было поддерживаться и снизу» (с. 18). Собственно, в поддержке его «снизу» и заключались сущность и назначение «социального контроля» в вотчине. В поддержании этого контроля, по мнению автора, решающую роль играло «сопряжение интересов» вотчинной администрации («приказчиков») и «старейшин» общины, а также и глав патриархальных крестьянских семей. «Социальный контроль», как подробно повествует о нем Хок, охватывал все стороны крестьянской жизни и быта — от обеспечения исправного отбывания повинностей до регулирования внутрисемейных отношений; он же выполнял и функции поддержания дисциплины, суда и расправы над провинившимися крестьянами. В этих главах читатель найдет интересный материал о сельской общине и об общинных институтах, о крестьянской семье и внутрисемейных отношениях, о массовых, повседневных формах и проявлениях крестьянского протеста против вотчинной администрации и общинных патриархальных учреждений. Он приходит к выводу, что не было социального мира и эффективного «социального контроля» в Петровском имении. Интересный материал об этом ему дали «штрафные книги» о проступках и наказаниях крестьян. «Анализ различных аспектов власти в Петровском, — пишет он, — власти [старшего] крестьянского двора, общины, приказчика, показывают, что те средства, с помощью которых крепостного заставляли работать и вести себя положенным образом, были далеки от совершенства» (с. 150). Таким образом, приходит к выводу автор, «полного подчинения крепостных не наблюдалось» (с. 170). Однако, как он отмечает, «мало проявлялось групповой солидарности, организованного протеста» у крестьян. Он объясняет этот факт следующим обстоятельством: «Трещина между рядовыми крестьянами, с одной стороны, и крестьянскими должностными

лицами, главами дворов и старейшинами, облеченными властью общины, с другой стороны, затрудняла организацию бунтов» (с. 168). Все это так. Однако в нашей литературе приводится масса фактов о том, что община с ее коллективистским началом и ее «лидеры» выступали в качестве «организующего» фактора в крестьянском движении³.

В итоге С. Хок приходит к выводу: «Конечно, крепостное право было эксплуататорским в смысле экономики строем, но гораздо более тяжелым, чем его экономические тяготы, оказался социальный гнет» (с. 173). Сравнивая жизнь русской крепостной деревни и плантаторское рабовладельческое хозяйство США, автор находит между ними много сходного и справедливо замечает: «Принуждение — существенно неэффективный и опасный путь достижения повиновения» (с. 174).

В последнее время в англо-американской исследовательской литературе значительно возрос интерес к изучению социальной истории. Монография С. Хока — в числе серии работ, посвященных этой проблематике. Хотя некоторые положения и выводы этой монографии можно оспаривать, тем не менее оригинальные подходы и богатый конкретный материал представят интерес не только для наших историков-«аграрников», но и для широкого читателя.

В. А. Федоров
(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Примечания

* Н о с h Steven L. Serfdom and Social Control in Russia. Petrovskoe, a Village in Tambov Province. The University of Chicago Press. Chicago and London, 1986. X + 220 p.

¹ К о в а л ь ч е н к о И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959.

² Л и т в а к Б. Г. Очерки источниковедения и массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 90—92.

³ Ф е д о р о в В. А. Крестьянское движение в Центральной России 1800—1860 гг. (по материалам центральнопромышленных губерний). М., 1980; Р а х м а т у л л и н М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М., 1990. С. 102—120.

1857—1861. ПЕРЕПИСКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ КОНСТАНТИНОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ. Дневник Великого князя Константина Николаевича. М.: Terra-Terra, 1994. 384 с. Тир. 10000

Ценность рецензируемого издания состоит не только в том, что стали доступны читающей публике дневник великого князя Константина Николаевича и его переписка с братом, императором Александром II, но еще и в том, что эти уникальные источники относятся к очень важному в истории России периоду подготовки и начала реформ, оказавших огромное влияние на все последующее развитие российской государственности. Читателю дается возможность взглянуть глазами царствующего императора и его ближайшего сподвижника на события 1857—1861 гг., получить представление о мотивах поведения и образе мыслей людей, от решений и поступков которых во многом зависело определение политического курса страны.

Книга распадается на две как бы самостоятельные части — переписку и дневник. Однако их объединение в общий том глубоко оправдано: они составляют гармоничное целое, дополняя друг друга. В дневнике упоминаются письма, полные оценки; письма великого князя — это зачастую обобщенная или, напротив, развернутая редакция дневниковой записи. Словом, обращение к одной из частей тома неизбежно влечет за собой прочтение другой.

В переписке отразилась повседневная жизнь и быт российского императора Александра II и его многочисленные государственные заботы, среди которых и необходимость гасить светские скандалы. Опубликованные документы выразительно свидетельствуют об особом положении императора даже в кругу царствующей фамилии. Каждый ее член независимо от близости к императору — все же только подданный, не свободный в своем житейском поведении. Поистине удивительно, что Константин Николаевич вынужден испрашивать у брата разрешение на изменение маршрута своего заграничного путешествия или позволить выписать к проживавшей в Западной Европе жене своего маленького сына Николая, находившегося под присмотром императорской четы, и т. п. В частных письмах, содержащих и всякого рода подробности о семейных делах, Константин Николаевич, человек независимого характера, нередко называет себя «верным слугой» и «верным подданным» Александра II.

Если в переписке центральное место занимают общегосударственные проблемы, то в дневнике Константина Николаевича кроме граничных впечатлений и размышлений о внешнеполитических делах (великий князь тогда много разъезжал по европейским странам) многие страницы посвящены его ведомственным заботам, связанным с Морским министерством, которое, с одной стороны, требовало немедленных преобразований по модернизации российского флота, с другой, — согласно замыслу Константина Николаевича, поддерживаемому его царствующим братом, должно было превратиться в образец для остальных отраслей управления. Для общественного мнения, в глазах которого престиж самодержавия резко упал, интенсивная работа ведомства великого князя, генерал-адмирала, должна была стать знаком дееспособности династии и ее готовности пойти на преобразования. Движение крестьянского дела от замысла к Закону 19 февраля, обострение в связи с готовящейся отменой крепостного права отношений власти и поместного дворянства, финансовый кризис при сильно возросшей потребности в средствах, Кавказская война, длительная и дорогостоящая, — вот круг повседневных проблем в этих личных документах. Поражает множество занимаемых Константином Николаевичем должностей: Александр II пытался старыми способами осуществлять управление страной, не выпуская высшие посты из рук императорской фамилии. И он, и Константин всячески пытались привлечь к государственным делам и третьего брата, великого князя Михаила Николаевича, но безуспешно.

Переписка между двумя братьями не была регулярной. Пребывая в столице или ее пригородах, они виделись почти ежедневно; все их встречи и разговоры обычно фиксировались великим князем в дневнике. Но в 1857—1861 гг. они, бывало, надолго разлучались. Константин Николаевич уходил в плаванья, предпринимал вояжи, преследовавшие научные и дипломатические цели; Александр II выезжал на всякого рода встречи с коронованными особами, совершал инспекционные поездки по стране или просто отправлялся на отдых. Покидая Петербург, император оставлял вместо себя особую секретную комиссию во главе с Константином Николаевичем, которая должна была решать

наиболее неотложные дела текущей политики. Естественно, об этом неоднократно говорится в переписке. (Надо заметить, что тем не менее все важные государственные дела все равно решались самим императором, которому, где бы он ни находился, направлялись на ознакомление и подпись соответствующие документы.) Значительное место в этой части их переписки занимают внешнеполитические темы, что объясняется и временем, и характером поручений, возлагавшихся на великого князя. После заключения Парижского мира (1856 г.), перед Россией встала задача восстановления международных отношений с бывшими противниками, в том числе с Францией. С ее помощью Россия надеялась вернуть утраченное в результате Крымской войны место в концерте европейских держав. В этом отношении переписка между братьями является уникальным источником: только из нее можно почерпнуть секретные наставления Александра II и узнать о конфиденциальных разговорах великого князя с Наполеоном III. Ряд писем Константина Николаевича вообще носит характер официальных отчетов о переговорах с Наполеоном III (с. 47—58).

Вряд ли подобное издание могло появиться еще несколько лет тому назад. Оно несет на себе отпечаток благотворных перемен, происходящих в нашей науке в подходе к источнику подобного рода, и отчасти восстанавливает, отчасти продолжает и развивает лучшие традиции отечественной историографии.

В 1920-х гг., когда историкам стали доступны документы из дворцов и ведомств, началась научная публикация переписки российских императоров и лиц из их окружения. Эпоха реформ, естественно, привлекла особое внимание исследователей. И в 1920—1922 гг. в петроградском журнале «Дела и дни» впервые были напечатаны фрагменты переписки императора Александра II и Константина Николаевича, относящиеся к 1862 г.— начальному периоду пребывания великого князя в Варшаве в должности наместника. Публикация делалась поспешно, что оговаривалось во введении к ней: она была сделана с копий (местонахождение подлинников тогда оставалось неизвестным), причем точность копий характеризовалась как «весьма неопределенная». Вслед за ней в 1925 г. в журнале «Красный архив» увидел свет и дневник Константина Николаевича за апрель—декабрь 1862 г.¹ Но на этот раз публикатор (Д. Горбов) даже не упомянул о том, какие оригиналы легли в основу этого издания. Комментарии к обеим публикациям были предель-

но краткими. Несомненно, предполагались новые публикации дневника, подготавливаемые при участии А. Ф. Кони, чем объясняется нахождение в его архиве, хранящемся в Пушкинском Доме, копий выдержек из дневниковых записей Константина Николаевича за 1859—1861 гг.

Наметившаяся было традиция издания переписки, дневников, воспоминаний крупных государственных деятелей дореволюционной России, великих князей и императоров была прервана в 1930—1950-х гг. Только в послевоенное время во многом благодаря П. А. Зайончковскому и его школе появились отдельные сразу же ставшие событием в интеллектуальной жизни страны публикации.

П. А. Зайончковский, всю свою жизнь посвятивший изучению внутренней политики России второй половины XIX в., работы ее государственного аппарата, реформ и реформаторских проектов, армии и чиновничества, в полной мере понимал значение документов мемуарного и эпистолярного характера, принадлежащих первым лицам империи. Преодолевая огромные трудности, он подготовил и опубликовал первоклассные источники: дневники военного министра Д. А. Милютина, внутренних дел П. А. Валуева, государственного секретаря А. А. Половцова². И немедленно сведения и оценки из дневниковых записей этих деятелей стали входить составной частью буквально во все исследования по этому периоду российской истории. Сам же П. А. Зайончковский в своих работах щедро характеризовал, упоминал и цитировал документы из личных фондов императорской фамилии, продолжавшие лежать в архивах.

Рецензируемый том следует рассматривать как прямое продолжение серии публикаций, осуществленных П. А. Зайончковским. Прекрасная полиграфия, высокий уровень подготовки текста, емкие и содержательные комментарии — все это выгодно отличает данную работу от публикаций 1920-х гг., несших на себе отпечаток торопливости. Книга напечатана на хорошей бумаге, отлично иллюстрирована (многочисленные фотографии, явно извлеченные из семейных альбомов, рассказывают о скрытой от посторонних глаз жизни семьи Романовых, о которой широкий читатель мало что знает) — она вполне может быть подарочным изданием. Сочетая в себе достоинства научного и популярного издания, книга бесспорно найдет своего читателя и среди непрофессионалов.

Упреки же рецензентов могут свестись лишь к

мелочам. Например, почему в именной указатель не попал Ив. Барсуков, чья книга неоднократно фигурирует в комментариях, а П. И. Бартнев, лишь однажды упомянутый, туда включен; на стр. 357 — явная опечатка: том Полного собрания законов за 1862 г. обозначен как 31-й, хотя это 37-й том.

В связи с выходом данного тома нельзя не сказать, что он ставит на реальную почву вопрос о неотложности дела серийной публикации подобного рода источников, все еще лежащих на архивных полках. Хочется думать, что время дилетантских коммерческих переизданий позади. Серьезная археографическая работа ждет профессионалов.

Академик РАН Б. В. Ананьич, В. Г. Чернуха
(Санкт-Петербургский филиал
Института российской истории РАН)

Примечания

¹ Дела и дни. Кн. 1. Пг., 1920. С. 122—162; Кн. 2. Пг., 1921. С. 134—151; Кн. 3. Пг., 1922. С. 64—98; Красный архив. 1925. № 3. С. 217—260.

² М и л ю т и н Д. А. Дневник. Т. 1—4. М., 1947—1950; В а л у е в П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1—2. М., 1961; П о л о в ц о в А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1—2. М., 1966.

Среди зарубежных значительных изданий документов, относящихся к эпохе реформ, нельзя не отметить опубликованную А. Рибером переписку Александра II с князем А. И. Барятинским (*The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A. I. Bariatsinskii. 1857—1864. Edited with an historical essey by Alfred J. Rieber. Paris, 1966*).

РАБОЧИЕ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. Вторая половина XIX — начало XX века. Сборник статей и материалов, посвященный памяти О. Н. Знаменского. Санкт-Петербург: «Глагол», 1994. 276 с.

Эта книга печалит и радует. Горестно от того, что уже нет с нами О. Н. Знаменского, которому она посвящена, нет Э. Э. Крузе и Н. А. Поссе — их некрологи также включены в этот сборник статей и материалов; в траурной рамке и фамилия рецензента книги В. С. Дякина. Большую потерю понесла историческая наука, лишившись этих выдающихся специалистов и просто глубоко порядочных, принципиальных людей, каждый из которых был неординарной, яркой личностью. Но радует то, что их товарищи, коллеги, друзья в наше очень не простое время сумели увековечить их светлую память, издав этот коллективный труд.

Самое его появление можно считать приятным сюрпризом для ученых: «огонек» исследований по истории рабочих в России едва теплится — так редки публикации по этой важной теме. Между тем, судя по литературе, и в частности по материалам международных конференций 1980—1990-х гг. по истории рабочего движения в странах Европы и США конца XIX — начала XX в., на которых «русская тема» доминировала, исследования российского рабочего класса за рубежом идут полным ходом.

Иностранцы пытаются понять феномен российских рабочих, сыгравших решающую роль не только в развитии собственной страны, но и своим примером способствовавших радикализации рабочего движения далеко за ее пределами. В известной степени благодаря этому обстоятельству рецензируемая книга и увидела свет — в начале ее сказано, что «редакция и авторы сборника считают своим приятным долгом выразить благодарность профессору Л. Хэймсону из Института А. Гарримана при Колумбийском университете (США) и Санкт-Петербургскому фонду им. М. В. Ломоносова, оказавшим организационную и финансовую поддержку настоящему изданию» (с. 7).

Изучение истории рабочего класса в нашей стране сейчас почти замерло, и не столько из-за финансовых затруднений, сколько из-за беспрецедентных изменений во всех сферах жизни общества и связанной с этим «деидеологизацией» отечественной историографии, расставшейся со многими традиционными представлениями, в том числе и с одним из основополагающих — гегемонией пролетариата в рево-

люционном движении. И требуется время, чтобы полнее оценить, а порой и переосмыслить с высоты исторического опыта и современных знаний наше былое. На некоторые причины сокращения числа исследований указывается и в сборнике: для нашей историографии характерен был «несколько упрощенный подход к изучению роли и места рабочих в обществе, когда исследования важных проблем становления и развития рабочего класса, его места в производственном и общественном процессах подменялись облегченными и стереотипными моделями и идеологизированными схемами, недооценивались серьезные достижения зарубежных историков и социологов» (с. 5).

Но авторы далеки от того, чтобы распространять эту негативную констатацию на всю отечественную историографию. Собственно, в ней всегда были «инакомыслящие», и сборник «Российский пролетариат. Облик, борьба, гегемония» (М., 1970) — известный и красноречивый тому пример. Не так уж мало было историков (и в их числе О. Н. Знаменский, В. С. Дякин, Э. Э. Крузе), отнюдь не всегда шагавших в ногу со всей «ротой». В книге нет историографического нигилизма, отрешивания от нашей историографии. При этом в ней совершенно отчетливо проводится мысль о необходимости поисков новых подходов к проблемам истории рабочего класса, иных ракурсов при освещении старых, а также только что вводимых в научный обиход источников, толерантного, уважительного отношения к мнениям своих оппонентов. Можно сказать, что все это реализуется и в самом сборнике. В нем по-новому интерпретируется процесс формирования рабочего класса, его самоидентификация, роль и место в российском обществе периода становления капитализма, в перипетиях революционной поры и в становлении советской государственности. Кроме того, в работе впервые публикуется статья известного журналиста и общественного деятеля В. А. Поссе, написанная в 1919 г.

Основная идея сборника — выяснение вопроса о том, почему рабочему классу выпало сыграть значительную и даже первостепенную роль в эпохальных событиях нашей истории. Этот вопрос — стержневой для материалов сборника. И, самое главное, в книге содержится убедительный ответ на этот действительно глобальный вопрос с его драматическим подтекстом: почему рабочие России повели себя так, что стала возможной победа большевиков и переход страны к «социалистическому эксперименту»? Поскольку цитаделью революции был именно Петро-

град, то оправдано и особо пристальное внимание авторов к истории петербургских рабочих при показе развития рабочего класса страны.

Открывается сборник статьей Т. М. Китаниной о «шестидесятниках» и движении за воскресные школы для рабочих в 1850—1862 гг. В ней не только представлен облик тогдашнего рабочего, но и раскрыто отношение к нему со стороны правительственных сфер, предпринимателей, широких кругов общественности. Воскресные школы, популярные в России (к началу 1862 г. их действовало более 300) главным образом из-за стремления фабричных к грамотности, служили для демократов легальным прикрытием для революционной агитации. Бюрократия противилась самому открытию школ. Не мирволила им и часть либеральной интеллигенции. Революционно-демократическое движение 1860-х гг., как пишет Т. М. Китанина, не оказало существенного влияния на формирование мировоззрения рабочих (из-за устойчивого сохранения в рабочей среде царистских иллюзий и других причин). В 1862 г. последовал «Высочайший» манифест о повсеместном закрытии воскресных школ. Однако некоторые из них еще долго продолжали функционировать. Несомненно, что их существование после 1862 г. вызывалось и усилением роли в стране рабочего класса. Статья А. Ф. Ворончихина о численности рабочих на Ижевском и Воткинском заводах в 1861—1900 гг., которая заметно возрастала в тот период (а это была в целом общероссийская тенденция), опубликована в сборнике второй, что логически оправдано, поскольку она касается важных аспектов процесса формирования рабочего класса, его экономического положения и участия в революционном движении.

Центральное место в книге занимают материалы об участии рабочих в российских революциях: три статьи — в революции 1905—1907 гг., пять — в революциях 1917 г. Рабочие в этих статьях предстают в необычном свете. И прежде всего потому, что авторы не используют той жесткой «связки» рабочие — большевики, которая еще совсем недавно была привычно-обязательным атрибутом нашей историографии. Размежевание с прежней литературой усиливается и тем, что первая из серии этих статей принадлежит американскому историку. Д. Сур, давно работающий над темой о петербургских рабочих в начале XX в., неизменно подчеркивает их самостоятельность, стремление объединиться и утвердиться в качестве специфической социальной группы со своими собственными интересами и политическим лицом. В статье

«Рабочая демократия в Петербурге и Совет рабочих депутатов в 1905 г.» он пишет, что это стремление рабочих «нашло свое окончательное и наиболее совершенное воплощение в Петербургском совете» (с. 52).

Путь к такому воплощению, как представляется автору, начался на исходе 1904 г. пропагандой рабочих, — последователей Гапона в «Собрании русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга». И хотя верны многие суждения Д. Сура, в том числе о давлении рабочих на руководителей «Собрания» и о том, что «не столько руководство священника сбило рабочих с пути, сколько сила энергии борьбы рабочих, подчинив себе организацию Гапона, использовала ее в своих целях», все же в статье, вследствие особого акцента на «специфичность» рабочих, происходит некоторая абберрация исторической действительности. Это проявляется в противоречии положения о «специфичности» рабочих, их самостоятельности в выборе политических идей и программ с сентенциями о том, что рабочие в массе своей «были склонны к установлению большего контакта с либералами в 1905 году и только слабость либералов и в особенности недостаток студентов-агитаторов не позволили им оказать большее воздействие на развитие рабочего движения» (с. 47), хотя рабочие и так следовали «за руководством либеральной интеллигенции» (с. 45). Социалистов, судя по статье Д. Сура, рабочие не жаловали: часто «рабочие шли своим путем и социалисты оставались в изоляции» (с. 49).

Но чем же тогда отличаются рабочие гапоновского периода от рабочих, переживших потрясение Кровавого воскресенья? Д. Сур, конечно, отмечает 9 Января как важную веху в развитии рабочего движения, но отнюдь не как его поворотный пункт, небывало резкий перелом в психологии и политическом сознании рабочих. А. М. Горький, например, выразил эту метаморфозу афористически точно и емко: 8 января народ был верноподданным, 9-го — революционным. В этот день массы перешли свой Рубикон и от жалоб и просьб обратились к оружию. Не случайно, что рабочие в конце 1905 г. «не поняли» вернувшегося из эмиграции героя 9 Января Георгия Гапона, растерявшего там свой революционный пыл. Либералы же в конце 1904 — начале 1905 г. пугливо отшатнулись от рабочих, ожидая от них верноподданнического взрыва, угрожающего «освободительному движению», а в ходе революции были уже для рабочих «лишними».

«Кровавое воскресенье» явилось трагедией не только в смысле гибели сотен мирных людей, но

и трагедией, спровоцировавшей череду революционных потрясений XX в. мирового масштаба. Вот почему так важно понять то, что произошло в первой российской революции. Материалы рецензируемого сборника дают богатую пищу для размышлений. Некоторые статьи опосредованно корректируют пассажи Д. Сура. Собственно, если суммировать все, что сказано в книге, то истоки трагедии следует усматривать в том, что у российского общества, и в первую очередь у рабочего класса, не оставалось иного выбора, как встать на путь ожесточенных классовых столкновений.

Взрывоподобный рост этого радикализма отражен в статье Н. В. Михайлова «Вожаки фабрично-заводских рабочих Петербурга в 1905—1907». В ней приведены уникальные таблицы, учитывающие персональный состав рабочих-активистов (руководящих органов Советов, выборщиков и уполномоченных — в комиссию Шидловского, Совет безработных, на выборах во II Государственную думу), которые свидетельствуют: 64,9% их принадлежало к социал-демократам или им сочувствующим, 17,5% — к эсерам, 17,5% — к беспартийным (с. 56). Разительный контраст с привычным тезисом об изгнании социалистов из гапоновского «Собрания» еще накануне шествия к Зимнему дворцу! А, учитывая вывод Н. В. Михайлова о том, что часть активистов «на протяжении достаточно длительного времени сохраняла положение заводских вожаков» (с. 57), следует признать, что перелом в настроении массы рабочих после 9 Января проявился и в их поддержке тех из своих прежних лидеров, которые придавали рабочему движению «социалистическую окраску» (В. А. Творогов, А. К. Кондратьев, И. М. Харитонов и др.).

Как убедительно показано в статье С. И. Потолова «Царизм, буржуазия и рабочий вопрос в первой русской революции (Бакинская совещательная кампания 1906—1908 гг.)», и в сравнительно благоприятных условиях, какие были в 1906—1908 гг. на Кавказе (во многом благодаря деятельности Н. Ф. Джунковского и Н. Л. Петерсона, наличию шендриковских профсоюзов), «либерально-реформистское решение рабочего вопроса, даже весьма умеренное по своим масштабам, оказывалось невозможным при самодержавном строе и неспособности промышленной буржуазии на какие-либо социальные компромиссы» (с. 137). Предприниматели не шли на уступки рабочим и вместе с правительством стремились «к быстрейшему силовому подавлению рабочих выступлений» (с. 107). И абсолютно прав С. И. Потолов, делая обобща-

ющий вывод, что в России «фактически было предопределено революционное решение рабочего вопроса» (с. 137).

Это важное положение не имеет ничего общего с историческим фатализмом — альтернативный путь решения рабочего вопроса не был заказан в России. Основные причины роста социальной напряженности в стране и всех трех революций — это условия капиталистического общества, затянутого в самодержавно-помещичий «корсет», и неспособность правящих верхов пойти на реформы своевременно. Запас прочности у российского капитализма оказался недостаточным для того, чтобы проскочить революционную опасность, которую в более ранние времена преодолел его собрат на Западе. Ускоренная модернизация экономики имела массу издержек, самой серьезной из которых был рост недовольства низших слоев населения. В самом начале века путь реформам еще не был закрыт, но уже в 1905 г. этот шанс был почти утрачен. В сущности, С. И. Потолов и проследил на местном материале агонию этой реформистской возможности — попытки перевести решение рабочего вопроса в России на западноевропейские рельсы, использовать опыт буржуазного и мелкобуржуазного реформизма и тредюнионизма в качестве антитезы революции. Крушение всех этих проектов, как детально выясняется в статье, произошло не только в результате активного противодействия революционной социал-демократии, но и сложной борьбы в «верхах», бюрократических сферах и среди промышленников.

«Главнупорствующим» был Николай II. Первый премьер России С. Ю. Витте порой испытывал приступы злости против Николая II за то, что «царь губит себя, свой дом и наносит раны России, тогда как все это могло быть устранено, всего этого могло бы не быть»¹. Но 9 Января окончательно порвалась нравственная связь между царем и народом. Насилие породило насилие. Обращение рабочих к «силе» — массовым революционным выступлениям — оказалось эффективным: у самодержца был «исторгнут» Манифест 17 октября и ряд других уступок. Это закрепило в сознании рабочих высокую действенность использования силы против царского режима. С течением времени это сознание аргумента силы еще более окрепло, и в 1917 г. россиянин был уже «человеком с ружьем».

В заключительных статьях сборника и освещается ряд важных сюжетов истории российского общества «на переломе» революций 1917 г. и последующих лет. В целом они дают представ-

ление об этом обществе как о не готовом к социалистической революции. В книге приводится мысль О. Н. Знаменского о том, что накануне Февраля, даже ощущая признаки грядущего переворота, российская интеллигенция не сознавала его истинного социального содержания, не предвидела его масштабов, не оценивала реально его ближайшие и более отдаленные последствия (с. 139). В отношении сознательности рабочих России цитируются слова В. И. Ленина: «Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть, очень короткое время застрельщиком революционного пролетариата всего мира» (с. 174). В 1918 г. пролетариату России, в сущности, схожую оценку, которая, как сказано в книге, подтвердилась на практике, давал и А. М. Горький: «Я думаю, что нельзя серьезно говорить о всей массе пролетариата как о силе культурной, интеллектуальной... Пролетариат в массе его — только физическая сила, не более» (с. 222—223). А несколько позднее, обращаясь к А. В. Луначарскому, большевикам, В. Г. Короленко писал: «Самая легкость, с которой вам удалось повести за собой наши народные массы, указывает не на нашу готовность к социалистическому строю, а на незрелость нашего народа... Не всякое отсутствие навыков буржуазного общества знаменует готовность к социализму»².

После Февральской революции большевики спешили использовать созданное войной и революцией своеобразие исторического момента: широчайшие свободы и двоевластие — «неустойчивое, неопределенно переходное состояние власти» ((с. 174—175). И хотя многие в столичном комитете большевиков, как явствует из статьи Т. А. Абросимова «Заседание ПК РСДРП(б) 15 октября 1917 г.», «сомневались в готовности рабочих к выступлению», все же большинство членов комитета «стояло за немедленное проведение восстания» (с. 181).

Авторы статей вносят существенные коррективы в историографическое панно 1917 г. Так, Н. Н. Смирнов в работе «Учительство и общественно-политическое движение России в 1917 г.» подчеркивает, что «настала пора отказаться от традиционных представлений о педагогах как одной из сил, ставивших препоны на пути развития революции в стране, контрреволюционерах, беспрекословно выполнявших волю неких прокадетских руководителей» (с. 146). Учительство активно включилось в обществен-

но-политическую жизнь страны, однако истинным его *credo* было реальное профессиональное дело. И когда к власти пришли большевики, учительство впервые взбунтовалось. Причина — насильственный характер действий большевиков, опасения ликвидации всего того, что уже было сделано в области просвещения. Новая власть «без особых на то оснований обвинила педагогов, их центральные организации в развязывании клеветы на большевиков, антисоветизма, попытках организации саботажа в области просвещения. Во многом эти обвинения несостоятельны» (с. 148—149).

В статье Б. И. Колоницкого «Советы и контроль над печатью (март — октябрь 1917 г.)» сделан нетривиальный вывод: контроль Советов над печатью «был одним из наиболее ярких проявлений двоевластия» (с. 156), после Февраля Советы подавляли враждебную печать не менее активно, чем правительство и его агенты. Контроль над печатью «был не только показателем наличия власти, но и средством усиления власти Советов». Благодаря ему в стране возникло множество периодических изданий Советов, издательств, что «оказало немалое влияние на ход российской революции» (с. 163).

Пожалуй, даже большее воздействие на этот ход оказала практика рабочего контроля в России. Именно рабочему контролю и альтернативам его развития в 1917 г. посвящена статья В. Ю. Черняева — одна из центральных в рецензируемом сборнике. Автор считает, что контроль имел реформистскую и революционную альтернативы. Как эффективная форма регулирования отношений на предприятии, рабочий контроль при интеграции в буржуазно-демократическую систему мог эволюционировать в социальное партнерство или в соуправление предпринимателей (или администрации) и рабочих. Однако российская буржуазия, справедливо подчеркивает автор, «по своему развитию не доросла до понимания выгод соучастия рабочих в управлении производством» (с. 171). Торгово-промышленные круги не желали контроля над собой даже государственной власти. Враждебность буржуазии и правительства рабочему контролю, а также недоверие и неприязнь рабочих к опытным специалистам лишали реформистскую альтернативу жизнеспособности. В том же направлении действовал отказ в признании рабочего контроля меньшевиками и эсерами — правящими партиями в Советах. Большевики заняли иную позицию. Здесь мнение В. Ю. Черняева резко расходится с общепринятым в советской историографии. Как он пишет, партия

Ленина нашла политический путь к захвату власти в завоевании большинства в Советах. Рабочий контроль был ценен для большевиков как экономическая «диктатура пролетариата», полезная в борьбе за политическую власть. Разжигание классового противоборства свело на нет потенциальные возможности рабочего контроля как социального амортизатора.

Нарастание ожесточения в российском обществе, попытки разрушения традиционных норм морали, навязывание марксистской идеологии в ходе борьбы за «диктатуру пролетариата» отражены в статьях А. Н. Чистикова («„Классовый паек“ в революции 1917 г.»), С. В. Ярова («Политические настроения масс в 1918 г. По материалам 5-го съезда Совета рабочих и крестьянских депутатов Петербургской губернии»), Е. М. Балашова («Участие рабочих в жизни петроградских школ в первые послереволюционные годы»). Весьма интересны многие наблюдения авторов этих статей. В частности, А. Н. Чистиков отмечает, что «классовый паек» имел «главным образом политическое, пропагандистское значение» (с. 195); С. В. Яров пишет о наличии «определенного глухого сопротивления масс террору» (с. 205), об отсутствии на съезде «сколь-нибудь широкой характеристики» социализма (с. 199); Е. М. Балашов — о переоценке возможностей пролетариата: «не только всестороннего контроля над школой, но и вообще реальных результатов добиться не удалось, если не считать пропагандистского значения этой кампании» (с. 222).

В приложении к сборнику публикуются рукописи энтузиаста этического коммунизма В. А. Поссе «Этический коммунизм эпохи Гражданской войны: ранее неизвестные материалы из архива В. А. Поссе», подготовленные к печати и прокомментированные Н. А. Поссе (вдова В. А. Поссе) и В. Ю. Черняевым.

В рукописи статьи «Четыре пути в коммунистический строй» В. А. Поссе подметил, что существующее в России «государственно-коммунистическое движение» развивается «в интересах вооруженного меньшинства новой советской бюрократии» (с. 246). Война и революция, как показывает в своих работах автор, обесценили жизнь человека, притупили его нравственные чувства. Революционная этика большевиков служила интересам классовой борьбы. В. А. Поссе видел задачу в том, чтобы создать в несовершенном обществе совершенного человека, соединить разум с совестью для достижения всеобщей справедливости. Идеалом для него был «свободный труд свободного народа на свободной земле», а средством раскрепощения производителя и повышения производитель-

ности труда — общественная кооперация, которая «может спокойно терпеть около себя и частных собственников, даже оказывать им услуги, насколько их собственность не служит средством угнетения и подчинения» (с. 255). Когда кооперация охватит все общество, начнется небывалое до тех пор соревнование всех трудящихся, всех производителей «во имя развития человеческой личности, во имя прогресса человечества, во имя идеала» (с. 237).

Рецензируемая книга дает возможность лучше понять, что за последнее столетие путь России не был бы столь трагичен, если бы общество, и прежде всего власти предрешающие, умело

и стремилось бы читать знамения времени и проводить, не опаздывая, полномасштабные реформы, исключая исторический цейтнот, чрезвычайный социальной катастрофой.

В. М. Шевырин
(Институт научной информации РАН)

Примечания

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 330.

² Короленко В. Г. Записки очевидца. М., 1990. С. 602—604.

«К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИСТИНЕ — ЧЕРЕЗ ИСТОЧНИК» РОССИЯ 1913 год: статистико-документальный справочник/Отв. ред. А. П. Корелин. СПб., 1995. Российская академия наук. Институт российской истории. 415 с. Тир. 5000

Найти путь к достижению истинного исторического знания — вечная задача историка. Как писал Л. Февр, историческая наука «отлично сознает, что ей никогда не удастся найти и включить волшебный аппарат... который донес бы до нее живой голос минувшего, записанный с расчетом на целую вечность», однако при этом историку надо «увидеть то, что должен описывать»¹. Эту задачу, заостренную избранным конкретно-историческим контекстом «рубежного» периода российской истории — предвоенным пятилетием, принимаемого историками за эталон при сравнительном измерении прогресса общества эпох «имперской» и советской России, помогает решить издание «Россия 1913 год». Цель этого издания, как она заявлена во введении: «... собрать воедино статистические и справочные материалы, характеризующие важнейшие аспекты жизни русского общества кануна Первой мировой войны и дать, таким образом, возможность читателям, интересующимся отечественной историей этого периода, самим составить представление об уровне социально-экономического, политического и культурного развития страны, а также — по возможности — динамику этого развития в начале XX века» (с. 5).

Рецензируемое издание — это взгляд на Россию через источник, реконструкция истории

русского общества на основе аутентичного знания о прошлом. И это важно сегодня, особенно потому, что нередко попытки «открыть историю России для массового читателя путем ее популяризации с помощью „сенсаций“ и увлекательности», создания авторских версий, «не отягощенных историческими источниками».

Данное издание — это не просто коллекция документов о разных сторонах жизни русского общества, а концепция видения России в эпоху «мирной модернизации». Эта концепция проявляется в методологии выявления, отбора, критики и обработки исторических данных, в авторских комментариях оценки отдельных сфер развития русского общества кануна Первой мировой войны. Концепцией издания продиктованы и некоторые хронологические отступления, что допустимо и оправдано прежде всего возможностями имеющейся в распоряжении исследователей документальной основы и вместе с тем единством исторического содержания эпохи «мирной модернизации» России. Издание включает сюжеты экономической и социальной истории, просвещению и образованию, политическому устройству, социальным движениям и др. (Всего издание содержит восемнадцать предметных разделов, каждый из которых имеет еще и внутреннюю рубрикацию.)

Среди современных публикаций справочно-

информационного характера по отечественной истории преобладают в основном переиздания дореволюционных энциклопедий (как, например, Энциклопедический словарь «Россия» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898), либо издания библиографических материалов об изучении дореволюционной России (например, «Справочник по истории дореволюционной России» под ред. П. А. Зайончковского/М., Книга, 1978/).

Надо отметить источниковедческую культуру издания, в котором использован опыт отечественной и зарубежной историографии, предложены и авторские источниковедческие разыскания и реконструкция данных.

Несмотря на явную предпочтительность источников такой видовой принадлежности, как статистика (что понятно в контексте заявленной задачи издания — показать общие тенденции развития российского общества), авторам удалось обеспечить широкую панораму исторического обзора. Более того, издание отличает отход от историографических стереотипов в раскрытии, например, таких традиционных тем, как «Экономика». Этот раздел является одним из наиболее фундаментальных (с. 27—100), в нем — семь рубрик, среди которых такие комплексные характеристики экономики, как «Сельское хозяйство» и др. Характерной чертой издания является то, что рубрики «приближены» к источнику, а источниковое знание позволяет развивать исторические интерпретации и, на наш взгляд, является более адекватным и расширяет возможности для сравнительно-исторического анализа. Так, раздел «Экономика» предваряет фрагмент из «Докладной записки Совета съездов представителей промышленности и торговли...» от 12 июля 1914 г., передающий аутентичную описательную характеристику экономического положения России. (Такого рода прелюдии открывают почти все разделы.) Далее следует рубрика «Народное богатство и народный доход России» (автор В. И. Бовыкин), в которой раскрыто многообразие трактовок названных понятий, являющихся обобщенным измерителем, критерием состояния экономики в стране как в западной, так и в отечественной литературе и источниках. Тем самым читателю вручен ключ к прочтению последующих таблиц статистических данных, составленных отечественными историками-экономистами (А. Л. Ванштейн, С. Г. Струмилин) и современными западными россиеведами (П. Грегори, А. Каган). Далее раздел «Экономика» продолжен статистическими данными по фабрично-заводской промышленности России,

мелкой промышленности и др. Особенно интересным представляется раздел А. М. Анфимова и А. П. Корелина, посвященный характеристике сельского хозяйства России — вечной и всегда острой для России аграрной проблеме. К сожалению, эта работа была одной из последних для Андрея Матвеевича Анфимова, оставившего богатое творческое наследие, прежде всего в области аграрной истории, и свое оригинальное видение аграрного строя России, с его особым вниманием к историческому источнику. И здесь присутствуют его авторские разработки различных источников по истории сельского хозяйства, в том числе дворянского землевладения (с. 71), обеспеченности деревни сельскохозяйственными машинами, развития отдельных отраслей сельскохозяйственного производства (см. «Сельское хозяйство»).

К числу представительных разделов публикации «Россия 1913 год» следует также отнести и «Финансы. Кредит. Денежное обращение» (авторы Ю. А. Петров, А. П. Корелин, В. И. Бовыкин), а также «Торговля» и «Транспорт», в которых приведены дополненные данные по России, а также по ряду европейских стран и США. К сожалению, такого рода данных нет в разделе «Уровень жизни населения (потребление, заработная плата, цены)», который сам по себе очень важен.

С особой остротой вопросы методологии стоят применительно к источниковедению изучения социальной структуры российского общества, которые позволили бы расширить возможности в том числе и для компаративного анализа социальной структуры российского общества с другими странами в период модернизации и индустриализации (начало XX в.). Здесь, на наш взгляд, весьма интересными являются попытки создания различного рода классификаций российского общества на локальном материале прежде всего Москвы и центральных губерний, предпринятые, в частности, американским россиеведом Джозефом Брэдли в его работе «Мужик и москвич»².

Безусловно, идеальной модели, соединяющей в себе богатые аналитические и источниковедческие авторские разработки, аккумулирующие мировой историографический опыт и содержащие основу как для конкретно-исторических исследований по истории российского общества, так и для компаративного анализа, соответствующих далеко не все разделы издания. Это объяснимо и характером источников и историографической разработкой отдельных проблем. Интересным для читателей будет и пропущенный в оглавлении раздел «Уголовной

статистики». Заметим, что отечественная историография «не переступает» границы такой бурно развивающейся в Европе предметной области, как криминальная история, имеющей свое институциональное оформление ИАНССИ — в Международной ассоциации по криминальной истории (президент — известный профессор Ляйденского университета /Нидерланды/ Герман Дидерикс), выпускающей свое периодическое издание «Бюллетень по криминальной истории» — IANCCJ Bulletin и регулярно проводящей конференции. Новым для подобного издания следует считать раздел «Здравоохранение»; в рамках этой области успешно разрабатываются международные проекты, готовятся и издаются энциклопедические издания о национальных диетах, заболеваниях и др.

Нет сомнения, что «Россия, 1913 год» —

издание, весьма полезное и нужное как для историков-профессионалов по отечественной истории, так и для широкого массового читателя. Хочется выразить благодарность авторам и создателям этого издания вместе с уверенностью на продолжение работы их творческого коллектива.

Н. Б. Селунская
(Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова)

Примечания

¹ Февр Люсьен. Бой за историю. М., Наука, 1991. С. 22, 69.

² Bradley Joseph. Muzhik and Mouscovite. Urbanization in Late Imperial Russia. Univ. of California, 1985.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В ИНСТИТУТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Международная научная конференция

Конференция на эту тему состоялась 14—15 марта 1995 г. в Институте российской истории РАН. В ней приняли участие представители академических институтов России и ближнего зарубежья, Академии военных наук, Историко-архивного и Военно-мемориального центров Генштаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Института военной истории, Отделения демографии Института статистико-экономических исследований Госкомстата России, центральных государственных архивов, различных вузов. В 26 докладах и сообщениях обсуждался широкий спектр проблем методологического, источниковедческого, методического, а также конкретно-исторического и демографического характера, отражающих современные научные оценки в исчислении людских потерь во Второй мировой войне.

Открывая конференцию, директор Института российской истории РАН член-корреспондент РАН А. Н. Сахаров отметил важность поставленной темы. Изучаемое явление — поле сложных пропагандистских баталий в отечественной и зарубежной публицике. Научно обоснованные факты, оценки исчисления людских потерь, представленные на конференции, позволяют углубить исследования истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Вопросам методологии, методики, источниковой базе исчислений людских потерь был посвящен первый блок обсуждаемых проблем.

В настоящее время появились публикации, исчисляющие людские потери в Великой Отечественной войне в 40 млн. и даже в 50 млн. человек. Согласно специальному расчету, сделанному Управлением демографической статистики Госкомстата СССР по результатам работы Комплексной комиссии, занимавшейся в 1980-х гг. уточнением числа людских потерь СССР, их численность составила около 27 млн. человек. Приведенные цифры по сегодняшний день остаются дискуссионными. Оспариваются объективность и полнота источников, применяемые методы расчетов, слагаемые людских потерь. Рассматривая эту проблему, член-корреспондент РАН, академик РАЕН Ю. А. Поляков отметил, что определение численности погибших в годы ВОВ — одна из самых трудных задач нашей истории. Силами отечественных исследователей были восстановлены основные параметры потерь. Однако проведенная работа недостаточна. Ее продолжение связано с изучением основных исследовательских массивов: потери вооруженных сил; убыль населения в районах, не подвергшихся оккупации; убыль населения в оккупированных районах; потери мирного населения в зоне боевых действий, а также в результате репрессий и депортаций.

В докладе М. А. Гарева (Академия военных наук) «Факторы, определяющие масштабы людских потерь в Великой Отечественной войне» были рассмотрены наиболее важные из них: нерациональное использование экономического и военного потенциала страны; многочисленные просчеты командования; неверное представление Генштаба о характере предстоящей войны, о подготовленности к ней Германии; потери квалифицированных военных кадров в результате репрессий 1930—1940-х гг. Длительное отсутствие второго фронта союзников Советского Союза в наиболее напряженные годы войны также ощутимо влияло на потери.

В докладе о методологических основах исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны А. К. Соколов (ИРИ РАН) отметил наблюдающееся в настоящее время смешение двух подходов к изучению потерь населения — демографического и военно-патриотического, что приводит к путанице многих категорий и понятий в статистике. Необходим тщательный источниковедческий анализ материалов Переписи 1939 г., а также численности населения СССР к концу 1945 г. Много неясного остается при оценке динамики населения страны в послевоенный период.

М. В. Коваль (Институт истории НАН Украины) в выступлении «Людские потери Украины во

Второй мировой войне: современные взгляды и оценки» отметил огромные трудности изучения проблемы: качество первоисточников, наличие противоречивых цифровых данных, отсутствие полной ясности в исчислении людских потерь в масштабах СССР. Был поднят вопрос об исследовании морально-психологического аспекта войны, влияющего на масштабы людских потерь.

Новый метод исчисления людских потерь предложила группа исследователей — Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова (Отдел демографии ИСЭИ Госкомстата России) в докладе «Людские потери СССР во Второй мировой войне». Полная оценка людских потерь может быть получена методом демографического баланса — путем сопоставления численности и половозрастного состава населения на начало и на момент окончания войны, а также выделения из общей убыли населения компонента, составляющего людские потери военного времени (без учета демографических последствий войны). Предложенный метод включает подсчет всех погибших в результате военных и иных действий противника, в том числе умерших в тылу, на прифронтовых и оккупированных территориях; покинувших СССР в период войны и не вернувшихся до ее окончания (кроме военнослужащих, дислоцированных за пределами СССР, граждан, работавших за границей и членов их семей). В результате применения этого метода общие потери населения СССР составили около 26,6 млн. человек (без учета смертей репрессированных).

Процесс создания Централизованного автоматизированного банка данных (ЦБД) о людских потерях Вооруженных Сил СССР освещался в выступлении М. В. Ларина и В. Д. Банасюкевича (ВНИИДАД). Основная задача проводимой работы — поименное установление и увековечение памяти погибших. Исходная информация вводилась в ЦБД из архивных материалов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны (Подольск), Центральном архиве Военно-Морского Флота (Гатчина), Военно-медицинском архиве (Санкт-Петербург) и др. Документы состоят из донесений и списков погибших, пропавших без вести и попавших в плен из действующих войсковых частей, журналов регистрации смертей от ран в госпиталях, сведений из картотек фашистских лагерей об умерших военнопленных, копий извещений о гибели и т. д. Введенные в информационный массив записи сортировались по месту призыва или месту рождения военнослужащих. Распечатки этих сведений рассылались в областные военкоматы для сверки, а затем возвращались в компьютерный центр ВНИИДАДа, где корректировалась информация.

Проблемы особенностей учета национального состава населения Украины в годы войны рассматривались в докладе А. Л. Перковского (Институт экономики НАН Украины). Автор исследовал сохранившийся учетный материал общевенгерской переписи населения (31 января 1941 г.), проанализировал данные общерумынской переписи населения (август 1941 г.), а также сведения германской государственной статистики за 1941—1943 гг., переписи населения 1943 г., проведенной райхскомиссариатом Украины с целью размещения немецких колонистов. Докладчик показал также специфику советского учета национального состава населения освобожденных областей Украины (сентябрь — октябрь 1944 г.).

Одной из наиболее актуальных проблем истории Второй мировой и Великой Отечественной войн стало изучение потерь советских вооруженных сил, а также Германии и ее союзников.

В докладе Г. Ф. Кривошеина (МО РФ) «Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне» был дан анализ масштабов и стратегического значения советско-германского фронта в истории Второй мировой войны, где советские войска разгромили, уничтожили, пленили, принудили к капитуляции около 72% вооруженных сил Германии, более 60% соединений, армий ее союзников. На основе разнообразных источников — статистических материалов Генштаба, донесений фронтов, флотов, армий, соединений, военных округов, отчетов военно-медицинских учреждений, книг военкоматов, архивных данных Министерства обороны СССР, центральных архивов — докладчик показал, что за годы войны, включая кампанию на Дальнем Востоке, фактическое число безвозвратных потерь Вооруженных Сил СССР (убитые, умершие по различным причинам, пропавшие без вести, попавшие в плен) вместе с 500 тыс. военнообязанных составили 9 млн. 168 тыс. 400 человек, из них военнослужащих списочного состава — 8 млн. 668 тыс. 400 человек. Безвозвратные военно-оперативные потери (всякое выбытие из строя, исключение из списков, в том числе попавшие в плен и пропавшие без вести) достигли 11,4 млн. человек, включая потери личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота на советско-германском фронте — 11,3 млн. человек (99,9% от безвозвратных потерь армии и флота с 22 июня 1941 г. по 2 сентября 1945 г.).

В выступлении В. В. Гуркина (МО РФ) «О людских потерях вермахта на советско-германском фронте и во Второй мировой войне» рассматривались данные отечественных и зарубежных архивов, западные публикации о людских потерях, сведения о численности вооруженных сил Германии и ее

союзников, поступавшем пополнении, числе военнослужащих, призванных в вооруженные силы в ходе войны. Их изучение показало, что до конца 1944 г. донесения о людских потерях вооруженных сил Германии, поступавшие из оперативных штабов, медико-санитарной службы и кадровых органов, были объективными. Потери же последних месяцев войны не документированы. Совокупность всех данных позволила определить безвозвратные военно-оперативные потери вооруженных сил государств фашистского блока на советско-германском фронте — 8 млн. 18 тыс. 101 человек (вооруженные силы вермахта и войск «СС» — 6 млн. 549 тыс. 956 человек, союзников Германии — 1 млн. 468 тыс. 145), без учета войск, капитулировавших после войны. Соотношение потерь войск Советского Союза и войск противника — 11,3 млн.: 8,0 млн. человек.

Иная оценка людских потерь СССР в войне прозвучала в докладе С. Н. Михалева (Институт военной истории МО РФ) «Новые статистические данные о людских потерях в Великой Отечественной войне». Анализ статистических источников (численность населения страны к началу войны, оценка ожидаемой, а также реальной численности к концу войны, данные естественного прироста за 1941—1945 гг.) позволил автору назвать цифру прямых людских потерь Советского Союза в ходе войны — 21,2 млн. человек (35,8 млн. человек — демографические потери, 14,6 млн. человек — нереализованный естественный прирост 1941—1945 гг.). Расхождение с официально признанной в последнее время оценкой — 5,8 млн. человек. На основе сопоставлений данных численности войск вермахта на советско-германском фронте к началу и в конце войны, анализа архивных документов, в том числе фонда трофейных немецких и румынских документов, а также зарубежных публикаций докладчик оценил безвозвратные военно-оперативные потери вермахта на советско-германском фронте в 5 млн. человек, союзников Германии — в 900 тыс. человек. Соотношение потерь вооруженных сил СССР и государств фашистского блока — 11,3 млн.: 6 млн. человек.

Н. М. Алещенко (ИРИ РАН) в докладе «Потери москвичей на фронтах Отечественной войны» отметил, что, по уточненным данным (документы, личные дела, учетные карточки призванных в действующую армию москвичей), на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в годы войны Москва мобилизовала более 1 млн. 100 тыс. человек, в том числе в народное ополчение и в другие формирования — около 300 тыс. человек. По неполным данным, погибло в боевых действиях около 597 тыс. москвичей (на полях сражений — более 378 тыс. человек, пропали без вести 180 тыс., умерли от ран и болезней около 39 тыс.). Наибольшие потери приходятся на рожденных в 1922—1923 гг. В результате бомбежек, на строительстве оборонительных сооружений от пуль, осколков, разорвавшихся бомб погибло 1335 человек.

Малоисследованной проблеме исчислений людских потерь мирного населения на оккупированной территории были посвящены выступления М. В. Филимошина (МО РФ) и А. А. Шевякова (ИРИ РАН).

М. В. Филимошин рассмотрел имеющиеся на сегодняшний день данные о числе безвозвратных потерь гражданского населения на оккупированной территории Советского Союза. Они составили 13,7 млн. человек (преднамеренно истреблено по плану «Ост» 7,4 млн. человек; погибло от жестоких условий оккупационного режима — голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т. п. — 4,1 млн. человек; погибло на принудительных работах в Германии 2,2 млн. человек). К числу общих потерь гражданского населения следует также отнести не возвратившихся на родину и ставших эмигрантами — 451 тыс. человек. Гражданское население СССР несло большие потери от боевых действий противника в прифронтовых районах, блокадных и осажденных городах. Указанные потери относятся к разряду «неучтенных», их расчетная численность (примерно 3,7 млн. человек) определена автором путем вычитания из числа общих людских потерь СССР в годы Великой Отечественной войны (26,6 млн. человек) всех ныне известных составляющих: безвозвратных демографических потерь военнослужащих списочного состава (8,7 млн.); потерь армейского маршевого пополнения, захваченного немцами до его прибытия в свои части и считающегося погибшим (0,5 млн.); убыль гражданского населения на оккупированной территории в результате гитлеровского геноцида (13,7 млн.). Безвозвратные потери гражданского населения РСФСР достигли 6,1 млн. человек (включая погибших партизан и подпольщиков, а также погибших от бомбежек, обстрелов в прифронтовой полосе).

На основе материалов Госплана СССР, Чрезвычайной Государственной Комиссии (о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков), а также Управления по проведению репатриации при СНК СССР А. А. Шевяков делает вывод, что наибольшие потери населения Советский Союз понес не в ходе военных действий, а в результате гитлеровского геноцида на оккупированных советских территориях, где было уничтожено, по мнению автора, 20,8 млн. мирных граждан (расстреляно, сожжено, задушено в

газокамерах — 11,3 млн. человек; умерло от голода — 6,5 млн.; погибло среди угнанных в Германию — 3 млн. человек).

Проблема эвакуации людей в годы войны была освещена в докладе Г. А. К у м а н е в а (ИРИ РАН) «Эвакуация населения СССР 1941—1942 гг.: достигнутые результаты и потери». Автор отметил оперативность проведения эвакуации, ее организованность, продуманную систему обслуживания населения в пути — бесперебойное отправление поездов, питание, медицинская помощь, в результате которой удалось избежать массовых эпидемий и смертей. Одной из форм эвакуации, получившей наибольшее распространение, стала эвакуация рабочих и служащих и их семей вместе с теми организациями и предприятиями, где они работали. Всего было эвакуировано около 17 млн. человек (все формы эвакуации, включая отселения из мест боевых действий).

Изучению характера смертности мирного населения на неоккупированной территории была посвящена серия докладов и выступлений.

О. М. В е р б и ц к а я (ИРИ РАН), сопоставив материалы Всесоюзных переписей населения 1939 г. и 1959 г., текущего учета военных лет, рассмотрела специфику демографических процессов в России — снижение рождаемости, значительный рост смертности в первые военные годы, сокращение уровня брачности, особенно в сельской местности, а также естественного прироста населения. Результатами отмеченных явлений в послевоенный период стало сокращение численности городского и особенно сельского населения, увеличение числа женщин и пожилых людей в половозрастном составе Российской Федерации. 9 г.

Н. А. А р а л о в е ц (ИРИ РАН) на основе анализа материалов текущего учета ЗАГСов российских городов показала динамику смертности горожан в 1941—1945 гг., ее характер, половозрастной состав умерших, специфику заболеваний, демографические и социальные факторы, влияющие на резкое увеличение смертности в первые годы войны и на ее сокращение в последующие военные годы.

Новые данные о людских потерях в блокадном Ленинграде привел В. М. Ковальчук (СПб. филиал ИРИ РАН). Первоначальная цифра погибших в блокаду — 632 тыс. 253 человека — была получена в 1945 г. на основе сведений, поступивших от районных городских комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, а также данных централизованного учета отдела кадров гражданского состояния Ленинграда. Впоследствии эта цифра была уточнена по архивным материалам, данным кладбищ, треста «Похоронное дело», опубликованным сведениям о динамике смертности в Ленинграде за годы войны. По расчетам исследователей Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР она достигла 800 тыс. Рассекреченные документы позволили скорректировать названные ранее цифры потерь блокадного Ленинграда — 754 тыс. человек (без эвакуированных и убитых во время бомбардировок и обстрелов). Работа по выявлению жертв блокады не закончена и будет продолжаться.

В. Ф. З и м а (ИРИ РАН), исследуя документы союзных органов Наркомздрава, НКВД, показал, что имел место значительный рост смертности сельского населения тыла России уже в первые месяцы войны, связав его с резким и длительным ухудшением условий жизни сельчан.

Изучение архивных данных НКВД МВД СССР позволило М. А. В ы л ц а н у (ИРИ РАН) отметить резкое ухудшение питания большинства людей в условиях войны. По всей стране фиксировались сотни тысяч больных дистрофией, количество учтенных местными органами НКВД смертельных случаев от голода определялось трехзначными цифрами. Вместе с тем точно определить смертность от голода сложно из-за погрешностей в учете (в целом ряде случаев было трудно выявить действительную причину смерти, которая могла произойти от голода, болезней, связанных с голодом или по другим причинам).

Определению потерь среди заключенных было посвящено выступление В. Н. З е м с к о в а (ИРИ РАН), рассмотревшего данные о смертности заключенных всех подразделений ГУлага. Особенно высокая смертность наблюдалась среди заключенных лагерей в 1941—1943 гг., она составляла 83,2% от общего числа заключенных, скончавшихся в 1941—1945 гг. (в 1944—1945 гг. — 16,8%). Сведения о смертности в колониях и тюрьмах менее полны и нуждаются в уточнении. В общей сложности за годы войны в лагерях, колониях и тюрьмах ГУлага умерло предположительно около миллиона заключенных.

Проблемы демографического развития Поволжья в послевоенных условиях затрагивались в докладе А. И. Р е п и н е ц к о г о (Самарский пед. ин-т), который остановился на таких явлениях, как рост городского населения, сокращение сельского за счет ухода наиболее трудоспособных людей из деревень в города, преобладание женщин в половозрастной структуре изучаемого региона, отметил увеличение заболеваемости людей желудочно-кишечными и легочными болезнями, рост смертности.

В развернувшейся дискуссии были заслушаны сообщения Г. Д. А л е к с е в о й (ИРИ РАН),

А. И. Круглова (МО РФ), А. Г. Кавтарадзе (ИРИ РАН), Г. П. Лежавы (Институт этнологии и антропологии РАН), Н. К. Петровой (ИРИ РАН), А. А. Печенина (Вятский гос. технологический ун-т). В них поднимались наиболее сложные проблемы, связанные с определением людских потерь: противоречия в первоисточниках, адекватность отражения в них сведений о людских потерях; оценка численности населения СССР по Всесоюзной переписи населения 1939 г. к началу и в конце войны; причины больших потерь Вооруженных Сил Советского Союза в первом периоде войны; влияние морально-психологического фактора на размеры людских потерь; потери советского генералитета в Отечественной войне; геноцид на оккупированных Германией и ее союзниками территориях европейских государств, СССР в ходе Второй мировой войны и др.

Конференция показала наличие разных подходов и методов исчисления людских потерь, основанных на разных источниках. Часть исследователей считают потери в 26—27 млн. человек научно обоснованными и близкими к реальным, другие называют цифру — менее 27 млн. человек. При этом отдельные ученые пришли к выводу, что дальнейший поиск истины надо сосредоточить в интервале 22—26 млн. человеческих жертв. Соотношение безвозвратных военно-оперативных потерь вооруженных сил СССР и Германии (с союзниками) на советско-германском фронте, по одним оценкам, составили 11,3 : 6, по другим — 11,3 : 8 (млн. человек). Изучение проблемы, таким образом, нуждается в дальнейшем исследовании, что красноречиво подтвердила проведенная конференция.

Н. А. Араловец
(Институт российской истории РАН)

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ

12—15 июня 1995 г. в Санкт-Петербурге состоялся Третий международный коллоквиум «Рабочие России во второй половине XIX — начале XX в.: облик, менталитет; рабочие и общество; рабочие и интеллигенция»*. Он был организован Отделением истории Российской академии наук, С.-Петербургским филиалом Института российской истории РАН, Калифорнийским университетом в Беркли (США), Институтом А. Гарримана при Колумбийском университете в Нью-Йорке (США) и Домом наук о человеке в Париже (Франция). Среди участников были ученые из России, США и ряда европейских стран. Было представлено 24 доклада по трем проблемам, внесенным в название коллоквиума.

По первой проблеме — «Рабочие России во второй половине XIX — начале XX в.: самоопределение, облик, менталитет» — было подготовлено 8 докладов. Наибольшую дискуссию вызвали доклады, посвященные рабочей интеллигенции. С первым из них — «Представление о „личности“ в среде рабочих интеллигентов» — выступил М. Д. Стейнберг (США). Он рассмотрел социально-этические представления рабочих-интеллигентов на примере группы рабочих-писателей. Маргинальность этого слоя могла стимулировать рост классового сознания среди рабочих, способствовать пониманию представителями этого слоя своего долга — нести просвещение и «сознательность» в рабочую среду. Произведения рабочих-писателей, обличая социальную дискриминацию, проникнуты чувством протеста против бедствий, приносимых человеку классовым устройством общества. Они утверждают идею общечеловеческого достоинства, прав униженной, гордой и страдающей личности. Писатели подвергали критике нравственные аномалии в среде самих рабочих: пьянство, хулиганство, сквернословие и др., призывая рабочих стать «культурнее», совершенствовать себя. Автор второго доклада — «Формирование рабочей интеллигенции в России в конце XIX — начале XX в.» — Е. Р. Ольховский (С.-Петербург) отметил отсутствие удовлетворительного определения понятия «рабочая интеллигенция» в отечественной литературе. Он понимает под этим термином слой рабочих, которые уже не могут ограничиться физическим трудом и включаются в духовный процесс, участвуя в распространении знаний и культуры.

* Два предыдущих коллоквиума проходили там же в 1990 и 1993 г., их материалы см.: Реформы или революция? Россия 1861—1917. СПб.: Наука, 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: Глаголь, 1994.

Докладчик полагает, что зарождение рабочей интеллигенции началось не в 90-х гг. XIX в., как это считает, например, Л. М. Клейнборг, а значительно раньше. Е. Р. Ольховский показывает деятельность основных очагов культуры, посредством которых рабочие приобщались к духовным ценностям: воскресных школ, библиотек, народных домов и театров. Э. С в и ф т (Великобритания) в докладе «Рабочий театр и „пролетарская культура“ в предреволюционной России. 1905—1917» рассмотрел любительские рабочие театры как зародыш будущего Пролеткульта и воплощение стремления рабочей интеллигенции к альтернативной культуре. «Пролетарская культура» в большинстве случаев понималась как синоним рабочей художественной самодеятельности. Часть рабочих считала свой театр орудием политической пропаганды, другая — видела в нем главным образом способ приобщения к элитарной культуре. Хотя в рабочем театре ставились пьесы в основном традиционного репертуара, интерпретация их текста нередко придавала спектаклям антирежимную направленность.

Полемику открыла Л. Э н г е л с т а й н (США), заметившая, что в стремлении рабочих к самоутверждению есть определенная доля буржуазности, индивидуализма, хотя М. Стейнберг это отрицает, преувеличивая бунтарскую значимость рабочей индивидуальности. Возражая ей, М. Стейнберг подчеркнул: даже буржуазное представление о правах личности в условиях бесправия несет в себе бунтарский дух, а противопоставление какого-то якобы единого пролетарского и буржуазного сознания является упрощением проблемы. По мнению Л. М а к р е й н о л д с (США), тот факт, что рабочие тянутся к знаниям, еще не означает, что они стали политически активными, многие рабочие интеллигенты предпочитали существующую «буржуазную» культуру политизированной пролетарской культуре. Е. Л. В а р у с т и н а (С.-Петербург) отметила, что М. Стейнберг затронул только морально-этическую проблему литературного творчества рабочих, оставив без ответа вопрос о тесной связи этого творчества с политикой. Так же не рассмотрена проблема таланта: почему никто из рабочих не вырос в большого писателя. Э. К е т о л а (Финляндия) высказал мнение, что феномен «рабочей культуры» легче понять, если рассматривать это явление как разновидность религии. Финский социализм был, по сути, религиозным движением. А. П. К у п а й г о р о д с к а я (С.-Петербург) поставила вопрос о том, как рабочая интеллигенция оценивала умственный труд. Она не понимала его широко, считая, например, управляющего фабрикой, предпринимателя, бездельником.

Большие споры вызвала проблема терминологии. Б. И. К о л о н и ц к и й (С.-Петербург) заметил, что дискуссия о содержании термина «рабочая интеллигенция» так же продолжительна, как и дискуссия относительно термина «интеллигенция». Прослеживая развитие представлений о сути понятия «рабочая интеллигенция», нельзя обойтись без учета социал-демократической традиции, которая подразумевала под этим «передовой слой» рабочих. Ю. И. К и р ь я н о в (Москва) склонен считать термин «рабочая интеллигенция» пропагандистским, не имеющим научного содержания. Может быть, более адекватно определение «интеллигентные рабочие», но применимо ли оно к тем, кто получил «образование» в воскресной школе? Р. Ш. Г а н е л и н (С.-Петербург) отметил некоторую парадоксальность обсуждаемого термина, поскольку в рабочей среде слово «интеллигенция» иногда бывает ругательством. И. С. Р о з е н т а л ь (Москва) подчеркнул, что термин выдуман не рабочими, так как сами они себя с интеллигенцией никогда не идентифицировали. «Рабочая интеллигенция» — нечто неустоявшееся не только в реальности, но и в сознании. По мнению Н. В. М и х а й л о в а (С.-Петербург), рабочая интеллигенция — это те рабочие, которые освободились от моральной зависимости по отношению к коллективу, стали личностью. Е. Р. Ольховский, отвечая оппонентам, заявил, что рабочая интеллигенция никогда не совпадала со слоем передовых рабочих социал-демократов. Определение этого термина может быть спорным, но само явление существовало.

Л. Х э й м с о н (США) выступил с докладом «К вопросу о процессе политического и социального определения и самоопределения рабочих России в конце XIX — начале XX в.», выделив два момента, учет которых важен для анализа проблемы: 1) вербальные и другие формы поведения индивидуумов и групп, 2) высказывания людей, характеризующие их представления о себе и о других. В русле этих положений он проанализировал различные формы «представлений» (representations) и символические аспекты поведения рабочих (например, строгая одежда рабочих — депутатов Государственной думы), которые необходимо учитывать при анализе процесса самоопределения рабочего движения. Автор рассмотрел влияние поведения рабочих на процесс разработки тактики социал-демократов по развитию массового рабочего движения и реакцию рабочих на эту тактику. Доклад вызвал большой интерес. В. М. Ш е в ы р и н (Москва), А. Ф. В о р о н ч и х и н (С.-Петербург), Э. Кетола и др. подчеркнули оригинальность и глубину интерпретации символического поведения и внешности рабочих.

Ю. И. Кирьянов в докладе «Менталитет рабочих России на рубеже XIX—XX вв.» отметил многообразие толкований термина «менталитет». Он склоняется к пониманию его как образа мышления и

поведения различных групп населения на определенном этапе социально-политического развития. Проанализировав события 9 Января 1905 г., начавшиеся с мирного шествия с петицией к царю, докладчик показал, что менталитет большей части российских рабочих определялся религиозными, монархическими и патриотическими чертами, хотя в то время они уже пришли в противоречие с тяжкими условиями жизни. За рамками этой характеристики остался лишь небольшой слой социально активных рабочих. В целом менталитет рабочих в данный период находился в стадии формирования: ломки старых и утверждения новых представлений. Революция 1905—1907 гг. ускорила этот процесс. Большинство выступавших положительно оценили доклад. В. Ю. Черняев (С.-Петербург) не согласился с автором в том, что жалобы рабочих выражают их менталитет. Материальное, социальное и правовое положение, по его мнению, лишь часть формообразующих основ менталитета, а религиозность как норма общества не отличала рабочих от других социальных групп. На это Ю. И. Кирьянов заметил, что он также видит в жалобах и письмах рабочих одно из проявлений менталитета. Б. Н. Мионов (С.-Петербург) в качестве возражения на замечание В. Ю. Черняева сослался на то, что все изданные на Западе словари подчеркивают неопределенность понятия «менталитет», следовательно, докладчик вправе придерживаться какого-либо из толкований.

Внимание участников коллоквиума привлек доклад Н. В. Михайлова «Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в.», затронувший ряд полемических вопросов. Автор доклада считает, что беспрецедентная организованность рабочего движения в начале XX в. являлась не столько заслугой революционных партий, сколько результатом творчества самих рабочих, опиравшегося на многовековой опыт общинного самоуправления. Общинные традиции проявлялись в стремлении рабочих к учреждению выборного представительства, в предпочтении коллективной формы членства индивидуальной, в попытках установить рабочий контроль и ввести самоуправление на производстве. Вмешательство рабочих в управление трудовым процессом могло сказаться на производстве не только разрушительным, но и созидательным образом. Неприятие предпринимателями рабочих организаций способствовало преобладанию в рабочем движении разрушительной тенденции и росту антибуржуазных настроений. Основным оппонентом по докладу выступил Р. Зелник (США). Согласившись с автором в том, что влияние крестьянской общинной традиции было положительно, он находит неубедительным утверждение, что эта традиция играла главную роль в развитии коллективизма. В одном цехе могли работать рабочие разных национальностей, не имевших общинной традиции, что не мешало им проявлять стремление к коллективизму. Те же явления существовали в странах Запада, где не было общины. Чтобы доказать влияние общины, необходимо детально исследовать специфические связи между общинным опытом крестьян и поведением рабочих. В. М. Шевырин выразил мнение, что коллективизм рабочих идет не только от влияния крестьянской общины, но и от коллективного производства, откуда его проявление в других странах. В дискуссии по этому вопросу приняли участие также А. П. Купайгородская, Б. Н. Мионов, А. Б. Николеев (С.-Петербург), Е. Р. Ольховский и др.

П. А. Аханчи (Баку) представила доклад «Этно-религиозные группы нефтепромышленных рабочих г. Баку, их экономическое положение и взаимоотношения в конце XIX — начале XX в.», подготовленный на широкой базе источников. Анализируя массив демографических, профессиональных и других характеристик рабочих, автор заключает, что различия в экономическом положении не являлись причиной межэтнических конфликтов. Эти конфликты, по мнению П. А. Аханчи, коренятся в религиозно-историческом факторе, что требует специального исследования. Обсуждая доклад, Т. М. Китанна (С.-Петербург) подчеркнула, что его материалы представляют проблему в неожиданном ракурсе: так называемая национально-социальная политика администрации фирмы «Бр. Нобель» определялась не столько этническими пристрастиями, сколько экономической целесообразностью.

Уникальный этнографический материал представила Н. С. Полищук (Москва) в докладе «Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX — начало XX в.)», показав, что многие обычаи и нравы фабрично-заводских рабочих были восприняты ими от представителей иных сословий, влиявших в рабочую среду, и явились своеобразной трансформацией старых крестьянско-ремесленных традиций. Кроме того, в конце XIX в. возникли новые обряды и традиции: вывоз на тачке администраторов, демонстрации, «рабочие панихиды», митинги. Главным фактором их появления автор считает пробуждение классового самосознания. Доклад вызвал полемику, повод к которой дала Л. Энгелстайн, заявившая, что материалы Н. С. Полищук и других исследователей убедительно свидетельствуют о пестроте социального, политического и культурного состава трудящихся. Зачем же нужны термины «рабочий класс» и «классовое сознание», обслуживающие старую историографическую традицию, если этот класс так разнороден? На каком основании можно говорить о наличии у него какого-либо последо-

вательного политического сознания? Только интеллигенция, далекая от быта фабричного населения, могла создать идею «пролетариата», не соответствующую реальному состоянию рабочей среды. В ответ на это Р. Зелник заметил, что значение термина «рабочий класс» зависит от того, какой смысл мы ему придаем: объективно социологический или идеологический. В первом значении он вполне употребим и полезен. В полемике приняли участие Ю. И. Кирьянов, Л. Хэймсон, У. Розенберг (США), А. В. Ольховский. П. В. Волобуев (Москва) подчеркнул, что российский пролетариат не был исконно революционным, но его сделали таким обстоятельства. Интеллигенция сыграла решающую роль по внесению социалистических идей в рабочий класс, но его политическому созреванию способствовала приверженность к коллективным формам организации. Сейчас наша публицистика склонна видеть в рабочем классе того времени лишь маргиналов и люмпенов, из-за которых мы потеряли Россию. В действительности Россию перевернули три силы: рабочие, крестьяне и революционная интеллигенция. С точки зрения И. П. Лейбекова (С.-Петербург), в докладах слишком много внимания уделяется таким явлениям в рабочей среде, как пьянство, хулиганство и т. п. В качестве доказательства высокого морального уровня этой среды он привел примеры борьбы рабочих с воровством на Путиловском заводе. Б. В. Ананьич (С.-Петербург) высказал мнение, что, конечно, рабочие не были социальным монолитом, но сложным сообществом с лево- и праворадикальным крылом при полном отсутствии либеральной рабочей интеллигенции. Поздняя модернизация страны породила поздние революции с характерным для них радикализмом, которому способствовал низкий уровень правовой, политической и предпринимательской культуры.

В заключение Л. Энгелстайн пояснила, что отрицать наличие людей, занимающихся фабрично-заводским трудом, было бы нелепостью, поэтому она имела в виду только политическую сторону проблемы, а не социологическую.

По второй проблеме — «Рабочие в российском общественном движении» — было подготовлено 9 докладов. Г. И. Королев (Москва) в докладе «Представления о социализме у рабочих и интеллигентов в России в конце XIX — начале XX в.» рассмотрел, как определяли социализм руководители и приверженцы различных политических направлений, как представления о социализме наполнялись конкретным содержанием применительно к российским условиям и формировались в зависимости от политических взглядов.

Дж. Ньюбергер (США) в докладе «Сила слова: рабочие против работодателей в мировых судах» проанализировала основные виды трудовых споров рабочих с работодателями: по выполнению договоров о найме, относительно условий труда и неподобающего обращения и т. п. Хотя мировые суды никогда не были главной ареной споров по поводу трудовых проблем, они все же давали возможность отдельным рабочим (в суд обращались главным образом не фабричные рабочие, а члены таких социальных групп как подмастерья, слуги, кучера, строительные и железнодорожные рабочие) бросить вызов своим работодателям. Б. Н. Миронов пояснил, что аналогичные явления наблюдались в деревенских волостных судах, но все же в докладе несколько преувеличена степень стремления рабочих к утверждению своего достоинства.

Доклад «„Народная воля“ и рабочие» был представлен Д. Перл (США), которая отметила, что в историографии есть несколько ошибочных представлений о «Народной воле», одно из которых — игнорирование масштабов революционной пропаганды, проводимой этой организацией среди рабочих с 80-х по начало 90-х гг. XIX в. «Народная воля» уже с первых дней уделяла значительное внимание пропаганде среди городских рабочих, все более отличая их от крестьян, хотя и продолжая считать их лишь частью трудового народа в целом. Рабочие-народовольцы играли важную роль в революционном движении 80-х гг., особенно в южных районах Российской империи.

Как бы продолжением этой темы явился доклад М. Хильдермайера (ФРГ) «Представления партии социалистов-революционеров о рабочем классе, 1900—1914». Автор поставил цель пересмотреть представление о партии эсеров (ПСР) как о крестьянской партии. Он пришел к выводу, что ПСР стремилась быть надклассовой партией и соединить все эксплуатируемые слои населения, хотя и хотела революционизировать в первую очередь крестьян, составляющих большинство народа. Однако разбросанность и разобщенность крестьянского населения не позволили ей осуществить этот замысел. ПСР считала себя открытой демократической партией и не имела строго установленных правил членства; поэтому сложно определить ее состав (для разработки этого вопроса много сделал самарский исследователь М. И. Леонов). ПСР пустила глубокие корни на больших предприятиях среди образованных, развитых рабочих. Это опровергает мнение о ее влиянии только среди наиболее темных слоев рабочих. Открывая дискуссию, В. Н. Гинев (СПб) заявил о своем несогласии с выводами доклада немецкого историка. Для эсеров идти к рабочим и крестьянам было одинаково естественно. Отличало их от

социал-демократов то, что они не признавали рабочих руководящей силой революции. Эти вопросы давно решены в отечественной историографии. Недоумение В. Н. Гинева вызвал и вывод Д. Перл о том, что российская историография представляет «Народную волю» как сугубо террористическую организацию, — эти представления были опровергнуты еще в ходе дискуссии 1930-х гг. По мнению Ф. М. Сусловой (СПб), выводы Д. Перл не новы, в трактовке темы она напрасно игнорирует публикации источников, а также работы С. С. Волка, В. А. Твардовской и др.

Еще два доклада были довольно тесно связаны тематически. У. Розенберг в докладе «Представления либералов о рабочих и главные сценарии модернизации в конце старого режима» утверждает, что определяющим элементом политических взглядов кадетов в 1905—1914 гг. был индивидуум, личность, органически связанная с идеей о необходимости модернизации России. Рабочие, в их представлениях, выступали как компонент индустриализации, поэтому интересы рабочих были важным моментом во взглядах русских либералов, хотя в понимании термина «рабочий класс» они, как и социалисты, следовали определению, предполагавшему приоритет классовых интересов над индивидуальными. Либеральная печать создавала образ рационально мыслящего рабочего, не склонного следовать за стихией «радикализма». Содействовать привлечению рабочих к процессу модернизации должно было оптимальное трудовое законодательство: свобода профсоюзов, право на забастовку и т. д. Р. Ш. Ганелин в докладе «Рабочее и социалистическое движение в представлениях российских сановников-реформаторов начала XX в.» доказывал, что среди реформаторов царило убеждение о том, что либерализация режима есть средство раскола оппозиционных и революционных сил. Оценить подлинную опасность рабочего движения сановникам мешала традиция патриархального попечительства в рабочем вопросе и пример западного тред-юнионизма. В отношении революционеров к либерализму преобладала непримиримость: одни признавали его лишь как буржуазно-демократическую стадию на пути к социализму, другие, используя конституционализм для развития революции, считали его едва ли не большим препятствием реализации своих целей, чем монархический строй. Так что процесс, в котором реформаторы видели альтернативу революции, должен был стать прологом к ней. Непоследовательность реформаторства из-за засилья охранительной идеологии стала причиной победы левого радикализма в рабочем движении. З. Галли (США) по поводу доклада У. Розенберга заметила, что с началом войны другая категория либералов — прогрессисты, деятели военно-промышленных комитетов обрели новые силы в попытке либерализации общества. Им казалось, что они смогут организовать взаимоотношения рабочих с предпринимателями. Эти иллюзии поддерживали и укрепляли представители технической интеллигенции и рабочих групп ВПК.

С. Л. Фирсов (С.-Петербург) выступил с докладом по малоисследованной теме «Рабочие и Православная Церковь в России в начале XX в.». Официальная церковь в России, по его мнению, не имела собственной социальной политики, являясь всего лишь ведомством православного вероисповедания. В начале века она оказалась оторванной от социального движения. В советской историографии принято было считать, что атеизм распространялся среди рабочих по мере развития их классового самосознания, но при этом игнорировался такой фактор, как полупросвещение, не учитывалась проблема хулиганства, обострившаяся в рабочей среде после 1905 г. и связывавшаяся с атеизмом. Рабочие воспринимались властями, как наименее верующая часть российского общества. Даже у верующих рабочих (гапоновцев и др.) наблюдалось отчуждение от ортодоксальной Церкви. Возражая докладчику, Б. Н. Миронов сослался на исследования Г. Фриза, согласно которым Церковь в России обладала и социальной программой, и определенной автономией, а также привел церковные данные о числе неисповедовавшихся среди городского населения, которое составляло не более 5—6%. Отвечая ему, С. Л. Фирсов отметил, что Русская Православная Церковь не была автономна, церковная статистика стремилась представить состояние православия в лучшем виде, чем это было в действительности. Утверждать, что в Церкви все было хорошо — значит игнорировать церковную трагедию после 1917 г. И. С. Розенталь (Москва) отметил, что слабо выраженный в России «христианский социализм» складывался в виде сект, объединявших революционно настроенных рабочих; при этом более ошутим был интерес к ним интеллигенции, нежели рабочих.

Автор доклада «Деятельность черносотенных организаций среди рабочих России» С. А. Степанов (Москва) избрал темой одно из самых своеобразных и наименее изученных политических течений. Он отмечает его противоречивость: с одной стороны, оно было типичной реакцией на революцию консервативной части общества, с другой — в нем проявились тенденции, характерные для последующей эпохи, что позволило некоторым исследователям (без достаточных оснований) называть черносотенцев предшественниками фашистов. Автор делает следующие выводы: черносотенцы вели активную деятельность среди рабочих, хотя эта социальная группа не была для них приоритетной; они использовали гибкие методы, включая создание профсоюзов и артелей; попытки черносотенцев закрепиться на

предприятиях привели к вооруженным столкновениям с социал-демократами, которые сумели потеснить их, но не смогли изгнать; распад черносотенных рабочих организаций явился следствием разочарования рабочих в готовности крайне правых защищать их интересы. Ю. И. Кирьянов подчеркнул, что необходимо более строгое использование в научных работах таких терминов как «черносотенцы». Сами правые под черносотенцами подразумевали защитников самодержавных устоев и царя, в то время как радикальная и самодержавная печать — погромщиков. В этой связи Р. Ш. Ганелин указал на целесообразность использования термина «крайне правые».

Основной тезис автора доклада «Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война» Г. Яна (ФРГ) — различные, даже противоречивые взгляды могли сосуществовать в сознании одного и того же пролетария, его подлинная сущность представляла собой многослойное целое, зависимое не только от идеологической доктрины и социально-экономических факторов, но и от уровня урбанизации, образования, профессиональных навыков и др. Он проанализировал материал о распространении ура-патриотической пропаганды в России в начале мировой войны посредством массового искусства: лубочных изданий, цирка, народного театра, кинематографа, которое формировало образ врага. При этом с середины 1915 г. волна ура-патриотизма заметно спадает под влиянием реальности войны. П. В. Волобуев отметил, что автор доклада прав, — известно, что в начале войны даже среди большевиков было движение за добровольное вступление в армию. Но патриотический угар начал проходить в России быстрее, чем в других странах. После Февраля 1917 г. начался новый всплеск патриотизма, более осознанного, однако социально-политическая база под ним быстро таяла. Б. И. Колоницкий согласился с основным выводом докладчика, но подчеркнул, что именно этот вывод не вполне доказан, так как факт потребления информации не всегда свидетельствует о готовности к ее восприятию. То же мнение высказали Н. Н. Смирнов (СПб) и Н. С. Полищук. Е. Л. Варустина напомнила, что кинематограф был в то время новинкой, привлекавшей зрителей, но, поскольку всю массовую культуру пропитывал патриотизм, мы не можем судить, ходил ли рабочий в кино с целью развлечься или же специально посмотреть патриотический фильм. Ответ Г. Яна сводился к тому, что найти твердые критерии восприятия массовой культуры нельзя, но можно относительно точно установить, за что люди «голосовали ногами», платя деньги.

По третьей проблеме «Рабочие и интеллигенция» выступило 7 докладчиков. Р. Зелник в докладе «Рабочие и интеллигенция в 1870-х гг.» рассмотрел политические связи студентов и рабочих на уровне личностного общения. Он показывает процесс взаимопознания представителей различных социальных сред, их реакцию друг на друга, их взаимодействие. Хотя у них было обоюдное желание уничтожить социальные различия, их отношения не были гармоничными. Социальную дистанцию не помогли преодолеть ни идеология равноправия, ни дружеские отношения между отдельными членами различных социальных слоев. Е. Р. Ольховский выразил удивление, что автор, представив совсем иную картину, нежели Э. А. Корольчук, в свое время отказался от полемики с ней. Н. Н. Смирнов высказал мнение, что задача студентов, которые пошли к рабочим, заключалась не только в том, чтобы готовить рабочую интеллигенцию, она была более широкой и включала политические аспекты. Б. И. Колоницкий подчеркнул, что докладчик коснулся очень важной темы, так как весьма часто в основе идейных конфликтов стояли бытовые и личностные факторы. Р. Зелник не согласился с Н. Н. Смирновым в оценке задач студентов, шедших к рабочим. По его мнению, первая задача — познакомиться с народом, вторая — дать народу знания. Что же касается замечания по поводу Э. А. Корольчук, то он заметил, что полемика с кем бы то ни было не входила в задачи доклада.

Т. М. Китанина в докладе «Техническая интеллигенция и рабочие в первые пореформенные десятилетия» рассмотрела роль Русского технического общества (РТО) в решении проблемы создания системы профессионально-технического образования рабочих России с целью технического обеспечения производства и повышения конкурентоспособности страны на индустриальном рынке. Автор характеризует отношение правительственных кругов к позиции прогрессивной технической интеллигенции как двойственное, следствием чего явилась политика ограничений в деятельности РТО, стремление ввести ее в узкопрофессиональные рамки. Выступивший по докладу Е. Р. Ольховский подчеркнул, что в нем поставлена очень важная проблема: готовность правящей элиты к учету интересов и нужд промышленности, но выразил сомнение, не переоценена ли роль РТО в обществе. Р. Зелник отметил, что якобы первоначальное прохладное отношение правительства к РТО опровергается тем фактом, что уже в 60—70-х гг. почетными руководителями общества состояли члены царской фамилии и министры. Кроме того, уместен ли термин «промышленная буржуазия» применительно к концу XIX в. Т. М. Китанина, отвечая оппонентам, возразила, что в России, где не имелось общественных организаций, значение и влияние научных обществ было чрезвычайно велико. Термин «промышленная

буржуазия» вполне уместен, так как эта прослойка существовала уже в 80-х гг., что доказывалось съездами их представителей. Отношение же правительственных кругов к различным сторонам деятельности РТО действительно было неоднозначно.

Дж. Сур (США) выступил с докладом «Рабочая демократия и химера „экономизма“: Петербургская рабочая организация, 1900—1903 гг.», в котором он сформулировал альтернативную советской историографии точку зрения на «Рабочую организацию» (РО) как на «партию, контролируемую рабочими в интересах всех рабочих», а не только «авангарда». Ключевым моментом, считает он, был минимум вмешательства интеллигенции в рабочее демократическое самоуправление, что сделало РО очень популярной среди рабочих. Ориентация РО на экономические требования определялась прежде всего стремлением избежать вмешательства интеллигенции: эти требования были понятнее массе рабочих, разъяснение же политических положений нуждалось в участии интеллигентов. Автор проанализировал пропагандистские и программные документы РО, показав взаимодействие ее экономического и политического крыла и сделал вывод, что демократический идеализм РО не был политически жизнеспособным в отличие от прагматизма приверженцев ленинской «Искры». Оппонентом доклада явился Е. Р. Ольховский, отметивший, что автор нарисовал идиллическую картину рабочего самоуправления, хотя в РО как раз рабочие-то никакой роли не играли. Составление программы организации и ее руководство принадлежало не рабочим, а студентам. Дж. Сур согласился, что количество источников, доказывающих наличие рабочей демократии, невелико, но возразил, что считать доказанным ее отсутствие также неверно.

Интерес выступавших вызвал построенный на обширном комплексе новых источников, выявленных в связи с подготовкой «Хроники рабочего движения в России», доклад А. С. Касимова (Пенза) «Рабочие и демократическая интеллигенция Центрально-Черноземного района в социальных конфликтах и протестах 1895—1917 гг.». Автор рассмотрел деятельность социал-демократических кружков и групп Воронежа, Орла, Пензы и других городов, взаимоотношения интеллигенции и рабочих. Он сделал вывод, что на протяжении всего изучаемого периода имели место тесные взаимоотношения рабочих и интеллигенции в сфере экономической и политической борьбы. Решающую роль по революционизированию рабочей среды сыграла интеллигенция на рубеже веков. По мере возникновения рабочих организаций их отношения с интеллигенцией становятся более сложными: партийные группы интеллигентов пытаются вести рабочее движение в нужном для себя русле, в то же время рабочие организации проявляют самостоятельность и стараются воздействовать на разрозненные группировки интеллигенции. В годы реакции интеллигенция и рабочие вновь вынуждены были опереться друг на друга.

В докладе С. И. Потолова (С.-Петербург) «Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905—1907 гг.: „Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга“» рассматривалась деятельность легальной организации, руководимой Г. А. Гапоном. Автор на ее примере показывает характер рабочего движения в Петербурге в начале XX в.: его стихийный «экономизм», отсутствие прочной связи с радикальной интеллигенцией. П. А. Аханчи, сравнивая рабочее движение в Петербурге и Баку, заметила, что очень пестрая демографическая ситуация в нефтепромышленном центре способствовала возникновению местного варианта зубатовщины. По мнению В. М. Шейрина (Москва), нельзя однозначно уподоблять гапоновское движение зубатовщине. Гапон был личностью провидческой, талантливой. Он не был провокатором в общепринятом смысле. Он возглавлял легальное экономическое движение под прикрытием «охранки», которое имело свою собственную идею.

В докладе Ю. Шеррера (Франция) «Отношения между интеллигенцией и рабочими на примере партийных школ на Капри и в Болонье» эта проблема рассматривалась главным образом на примере партийного интеллигента А. А. Богданова и ученика каприйской школы рабочего интеллигента Н. Е. Вилонова. В школе на Капри шла яростная борьба сторонников Богданова и Ленина. Первого Вилонов считал величайшим философом большевизма, второго — величайшим организатором. В результате глубокой внутренней коллизии Вилонов-«практик» одержал верх над «рабочим-философом». Он покинул Богданова и уехал к Ленину в Париж. Н. Н. Смирнов подчеркнул, что доклад является удачной попыткой найти новый подход к, казалось бы, устоявшейся проблеме. В нем показана трагедия рабочего-интеллигента, следующим шагом которого, вероятно, если бы он не погиб, был бы разрыв с Лениным. И. С. Розенталь отметил, что в докладе исследуется альтернатива ленинскому движению в большевизме, история которой в литературе сильно искажена. В дискуссии приняли участие также историки из С.-Петербурга А. Н. Дмитриев и Л. А. Булгакова.

Последним выступил С. Смит (Великобритания) с докладом «Рабочие, интеллигенция и марксистские партии: С.-Петербург, 1895—1914 и Шанхай, 1921—1927». Автор пришел к выводу, что

в отношениях между интеллектуалами и рабочими в двух партиях большевистского типа сходство преобладало над различиями, несмотря на разный культурно-исторический контекст. Ведущими факторами этих отношений были общая идеология и организация партий. В обоих случаях отношения не были гладкими, что определялось как преимуществами социального положения интеллектуалов, так и политико-организационными принципами большевизма. Различия имели основную специфику культурно-исторических традиций. Т. А. А б р о с и м о в а (С.-Петербург) признала за автором способность делать очень тонкие наблюдения, но его вывод о каких-то невротических отношениях между рабочими и интеллигенцией показался ей слишком резким. Н. Н. Смирнов отметил, что едва ли допустимо сравнение процессов в рабочем движении и в интеллигенции таких стран, как Россия и Китай.

На заключительном заседании было выражено общее убеждение, что цель коллоквиума, заключающаяся в попытке оживить и в чем-то обновить изучение истории рабочего класса дореволюционной России, достигнута. В центре внимания участников коллоквиума оказались вопросы, касающиеся социальной психологии, идеологии, быта рабочих. Много времени уделено рассмотрению процесса взаимоотношений рабочих и интеллигенции, но при этом практически за пределами обсуждения остался широкий пласт научно-технической интеллигенции. В целом материалы коллоквиума (предполагается, что они будут изданы) существенно обогатят историографию истории рабочего класса. Б. Н. Миронов, приветствуя плюрализм мнений, характерный для коллоквиума, заметил, что, если раньше советские историки подчеркивали революционность рабочего класса, а западные — его консервативные черты, то на данном коллоквиуме наблюдается диаметрально противоположная историографическая ситуация: поисками консервативных черт занимаются россияне, а революционных — ученые с Запада. Р. Ш. Ганелин предложил присутствующим подумать над изучением темы «Человек начала XX в. в социальной среде» как одной из наиболее насущных, для того чтобы выйти из узких классовых рамок и показать социальную, психологическую и политическую реальность тогдашней России во всем ее многообразии.

С. И. Потолов от имени Оргкомитета выразил глубокую благодарность организаторам и участникам коллоквиума, всем, кто способствовал его успешному проведению. Отметив существенные результаты в обсуждении важных проблем истории рабочих России, он выразил надежду на продолжение этой совместной с зарубежными коллегами работы.

Е. М. Балашов
(Санкт-Петербургский
филиал Института
российской истории РАН)

ИСТОРИЯ РОССИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Конференция в Ярославле

С 18 по 22 сентября 1995 г. в г. Ярославле в рамках проекта «История» программы «Темпус» Европейского Сообщества проходил международный семинар «Новейшие подходы к изучению истории России и СССР в современной западноевропейской историографии». С российской стороны в работе семинара приняли участие историки из 14 педагогических университетов (в том числе из Санкт-Петербурга, Ярославля, Москвы, Калуги, Белгорода, Пскова, Новгорода и др.).

В программу семинара вошли сообщения немецких и английских исследователей, посвященные таким проблемам, как отмена крепостного права и крестьянский вопрос, природа дореволюционной экономики России, российская революция 1917 г., национальная проблема в истории России, Сталин и сталинизм, коллективизация, советская экономика и ее развитие, Хрущев и его время.

В докладе открывшего семинар Д. Б а й р а у (Университет г. Тюбингена, Германия), посвященном причинам отмены крепостного права в 1861 г., был подвергнут критическому анализу системный подход доказательств, принятый в советской историографии при анализе проблемы, в частности, аксиома «кризиса феодализма». Д. Байрау поставил под сомнение тезис о том, что из двух форм организации сельскохозяйственного производства в феодальную эпоху, а именно мелкого крестьянского и крупного помещичьего хозяйств, ведущая роль принадлежала крестьянскому хозяйству. По мнению ученого, крепостную деревню нельзя рассматривать изолированно от помещичьих хозяйств, так как в основе

системы крепостного права была взаимосвязь между помещиками и крестьянами, что делало поместье и относящиеся к нему крестьянские дворы единым взаимозависимым хозяйственным организмом. Структурирующим его элементом была единица учета труда — тягло. Поэтому крестьянское и помещичье хозяйства в России едва ли могут рассматриваться как независимые друг от друга экономические единицы, поскольку крепостное право основывалось на обеспечении крестьянами собственного существования и изъятии у них дополнительного продукта помещиками и государством. Наблюдалась значительная идентичность хозяйственного менталитета крестьян и помещиков.

Также неубедительно, полагает Д. Байрау, видеть в качестве критерия «разложения» феодальных отношений в деревне аграрный экспорт и внутреннюю торговлю зерном. Если накануне крестьянской реформы доля продажи зерна на рынок не превышала в России 18%, то в тот же период доля продажи сельскохозяйственной продукции в общей валовой продукции оценивалась для Германии в 33%, Бельгии — 59% и для Англии — 72%. Капиталистические тенденции в аграрной сфере, заключил Докладчик, как и структурные индустриально-капиталистические элементы, по сравнению с политическими факторами не сыграли столь же значительной роли в освобождении крестьян.

Предпринимательство в России с середины XIX в. до 1917 г., в том числе иностранное, было темой выступления К. Хеллера (Университет г. Гиссена, Германия). Обозначив предпринимательство нового времени как «ориентированное на сделки» (XVIII в.), «ориентированное на индустрию» (XIX в.) и «ориентированное на положение» (начало XX в., когда бизнесмен становится менеджером), К. Хеллер обратил внимание не только на роль капитала в успехе предпринимательской деятельности, но и на фактор наличия покупательной способности населения. Помимо сословных и казенных ограничений в области мобилизации земли, капитала и труда в России в середине XIX в. не было столь развитого покупательского спроса, как на Западе. Недостаточная готовность к риску российских предпринимателей объяснялась тем, что они вели себя в соответствии с потребностями рынка. Там, где не существует растущего спроса, полагает К. Хеллер, нет и повышенной готовности к инвестициям. Он согласен с тезисом, что индустриализация в России стала классическим примером успешной государственной интервенции внутри капиталистической системы с небывалыми темпами роста с середины 80-х гг. XIX в., но задается вопросом, не повлияло ли наблюдавшееся особенно между 1885 и 1900 гг. усиленное стимулирование экономического роста со стороны Российского государства при всем его положительном влиянии на рынок земли, товаров и труда на ослабление рынка в целом. К. Хеллер проследил далее, как промышленность России стала интегральной, составной частью мировой системы капитализма, участвуя в колебаниях конъюнктуры и кризисах этой системы. Характеризуя тип иностранного предпринимателя в России, К. Хеллер выделил в нем, вопреки бытующему в литературе взгляду, не столько аспект «иностранный», сколько все большую привязанность к российской среде (принятие российского гражданства, православия). Он солидарен с В. Кирхнером, показавшим на примере немецкого предпринимательства, что действительная «максимизация прибылей» могла происходить только тогда, когда предприятия иностранцев интегрировались в экономику России, а сами они находили здесь свою новую родину. В обзоре иностранного предпринимательства Хеллер выделил тех выходцев с Запада, кто привез в Россию свой капитал, а также коммерческие и технические знания, а не просто прибыл в страну в качестве представителя зарубежной фирмы и чьи коммерческие интересы и дальше определялись из-за границы. В докладе была рассмотрена специфика французского, британского и немецкого предпринимательства с начала XIX в. (в последнем случае была прослежена эволюция от торговли к банковской деятельности), а также американского и бельгийского для периода второй половины XIX — начала XX в.

Содержательный анализ новейшей западной историографии революции 1917 г. был сделан Э. Эконом (Университет Восточной Англии, Великобритания). В обзоре дискуссий, происходивших до 1980-х гг., он остановился на традиционной интерпретации революции. На протяжении семи десятилетий главным предметом обсуждения западными историками было традиционное для советской идеологии и историографии особое понимание Октября. Обосновывая свои претензии на законность власти, большевистский режим объявил революцию величайшим событием мировой истории, началом новой эры в истории человечества. С позиций марксизма-ленинизма революция рассматривалась как закономерный процесс, результат обострившейся до предела классовой борьбы под руководством ленинской партии «нового типа». Энергия историков Запада была, в свою очередь, направлена на разоблачение слабых мест этих построений. Абсолютно не будучи закономерной, утверждали они, революция стала, скорее, результатом цепи чрезвычайных событий, манипуляций легковверными массами со стороны фанатичной интеллигенции и безжалостного тайного замысла, выношенного и претворенного в жизнь Лениным. Только в 1960-х гг. значительное число зарубежных историков стало отходить от подобной концепции.

Возникло так называемое «ревизионистское» направление, когда некоторые молодые ученые отвергли тенденциозный, по их мнению, подход, считая его плодом не исторического анализа, а порожденной «холодной войной» ненависти к советской системе. Они начали рассматривать революцию «снизу», перемещая центр своего внимания от Николая II, Милюкова, Керенского, Церетели и Ленина к переживаниям и устремлениям рабочих, солдат и крестьян. Это был своего рода вызов и традиционной западной и советской концепции. Они отрицали значение революционной интеллигенции вообще и большевистского руководства в частности. Свое внимание они обратили на социальную поляризацию в предреволюционной России и объективные процессы, которые активизировали массы и привели к уничтожению царизма, русского либерализма и умеренных социалистических партий. К середине 80-х гг. «ревизионистское» направление получило поддержку у большинства западных специалистов, а защитники традиционной концепции, число которых постоянно сокращалось, заняли оборонительные позиции, рискуя окончательно лишиться аргументов.

Последовавшие затем серьезные перемены (крах КПСС, распад СССР) «перекроили» и рамки, в которых развивались дискуссии о русской революции. То, что мы имеем сейчас, заметил Э. Эктон, есть не что иное, как возвращение к традиционному западному подходу. Он выделил ряд обстоятельств, способствующих этому. Марксизм-ленинизм был отвергнут в своем отечестве, где приветствовались не ревизионистские идеи, а традиционные западные интерпретации (переводились и публиковались мемуары либералов и правых, симпатии отдавались Милюкову и даже Столыпину). Распад СССР произошел в момент, когда на Западе преобладающее политическое и идеологическое влияние имели правые силы (правительства Рейгана и Тэтчер — отражение этого преобладания). Идеи коллективного действия, коллективной собственности и государственного вмешательства отступали перед победным маршем идей, проповедующих свободный рынок и индивидуализм собственника.

Идейное отступление левых сил на Западе осложнялось и распространением постмодернистской идеологии, что оказало влияние на изучение русской революции. Приверженцы постмодернистской концепции поставили под сомнение существование какой-либо разумной, логической истории и прогресса человеческого общества. Они склонялись к традиционному на Западе взгляду на события 1917 г. как на случайные, непредсказуемые, зависевшие от обстоятельств и неадекватности политических лидеров. Историческому подходу, во главу угла ставящему анализ социально-экономических условий или деятельность социальных групп, они предпочли исследование субъективного в человеке как источник исторических изменений (разум, менталитет, язык, суждения, народные верования, голодные бунты, «черные сотни» и пр.). Бывшие ревизионисты стали пересматривать свои работы 70-х и 80-х гг. Наметилось стремление сместить акценты от «классов» и политических структур к изучению языка, индивидуальности и пр.

В сравнительном сопоставлении экономики России в предреволюционный период и в годы нэпа, представленном в докладе П. Гэтрелла (Университет г. Манчестера, Великобритания) затрагивались вопросы преемственности и прерывности развития. Частично эта концепция уже была освещена в публикациях того же П. Гэтрелла, а также Р. У. Дэвиса, Д. К. Роуни в нашей исторической периодике.

Западные подходы к проблеме «Сталин и сталинизм» были тщательно и глубоко охарактеризованы Д. Барбером (Университет г. Кембриджа, Великобритания). В частности, он остановился на рассмотрении концепции тоталитаризма, которая доминировала, да и сейчас имеет значительное влияние в западной историографии. Ее сторонники (К. Фридрих, З. Бжезинский, Р. Конквест, Р. В. Даниелс, Л. Шапиро, Р. Такер) считают, что при Сталине партия и государство пытались поставить под тотальный контроль все стороны жизни, и что путем насилия и террора они достигли этого. Эти историки выделяют решающую роль марксистско-ленинской идеологии, находясь, по мнению Д. Барбера, под влиянием сталинских пропагандистских заявлений, и считают, что существовала преемственная связь между ленинской и сталинской политикой. В то же время лично Сталину отводится решающая роль в создании советской системы. Предметом же горячих дискуссий стал вопрос, представлял ли собой сталинизм разрыв с прошлым России или же являлся его продолжением. В условиях преобладания концепции тоталитаризма в западной историографии всегда находились историки (Э. Х. Карр, И. Дойчер, А. Ноув, Р. У. Дэвис), которые уделяли внимание революционной природе изменений в советском обществе при Сталине, рассматривали влияние конъюнктурных факторов на эволюцию советской экономической и политической системы. С начала 1970-х гг. исследования Ш. Фитцпатрик, В. Андерле, Д. Филтцера, С. Коткина и особенно М. Люина показывали, что советское общество далеко не являлось пассивным исполнителем воли партии и государства, а контроль последнего над обществом, находящимся в состоянии постоянного и непрерывного изменения, был далеко не полным. В 1980—

1990-х гг. новые работы (Дж. А. Гетти, Г. Риттерспорна) отвергли взгляд на «ежовщину» как на кульминационный момент в политике ликвидации всех настоящих и потенциальных оппонентов, тщательно спланированной Сталиным и проведенной в жизнь единым репрессивно-номенклатурным аппаратом. Напротив, полагают эти историки, партийная и государственная бюрократия, раздираемая внутренними конфликтами, часто действовала неэффективно, дезорганизованно. Они рассматривают «большую чистку» как признак слабости и разобщенности режима. В заключение Д. Барбер обозначил круг проблем, являющихся ключевыми в дальнейшем развитии западной историографии проблемы. Это и влияние международной обстановки на развитие институтов сталинской политики, и степень последовательности стратегии модернизации Советского Союза, выработанной Сталиным и его окружением, и соотношение их намерений с результатами и др.

Феномен коллективизации рассмотрел на семинаре один из ведущих европейских специалистов по советской аграрной истории Ш. Мерль (Университет г. Билефельда, Германия). Освещая ряд дискуссионных моментов, он, в частности, заметил, что, по его мнению, классовой дифференциации крестьянства накануне коллективизации не существовало, скорее имелось констатируемое Чаиновым чередование относительного благосостояния с относительной бедностью в зависимости от семейного цикла и количества рабочей силы. Практически не наблюдалось и длительной занятости наемных рабочих, в деревне больше использовался труд поденщиков и сезонных рабочих. С экономической точки зрения, считает ученый, коллективизация была неудачей, она не принесла обновления отсталому сельскому хозяйству. Урожайность на гектар и производительность животноводства оставались на уровне, который государства Западной Европы оставили позади в начальную эпоху своей индустриализации. Крах аграрного рынка с 1933 г. уже не давал существенных возможностей для аграрного экспорта (кроме пакта Гитлера — Сталина). Он вызвал к жизни систему частичного самообеспечения большей части населения (на приусадебных участках). Именно эта система, по мнению Ш. Мерля, а не колхозы, предотвратила голод в годы начавшейся войны. Ш. Мерль сделал также сообщение о малоизученных вопросах уровня жизни и экономической системы в СССР.

Выступление Д. Филтца (Университет Восточного Лондона, Великобритания) было посвящено проблемам истории рабочего класса (стахановское движение, советская система и рабочие — от Хрущева до Горбачева). Анализ развития советской экономики представил в своем докладе Р. Льюис (Университет г. Эксетера, Великобритания).

Не менее важной стороной в работе семинара, собравшего университетских преподавателей истории, стало обсуждение представленной западными коллегами методики проведения практических занятий со студентами, по теме «Крестьянское хозяйство в России до 1914 г.» (семинар П. Гэтрелла), «Перспективы неревolutionного, конституционного развития в дореволюционной России» (Э. Эктон), «Репрессии 1936—1938 гг.» (Д. Барбер) и др.

Работу семинара сопровождали оживленные дискуссии и обмен мнениями между отечественными историками и западными исследователями российской истории. Заслуга в успешном проведении научной сессии в стенах Ярославского государственного педагогического университета принадлежит историческому факультету (декан А. Б. Соколов). По итогам семинара будет опубликован сборник докладов.

В рамках проекта «История» программы «Темпус» намечено проведение очередного семинара с 8 по 14 сентября 1996 г. по проблемам европейской истории. К участию в семинаре приглашаются молодые историки, в особенности специалисты, преподающие европейскую историю в университетах и педагогических институтах. Желающие могут обращаться по следующему адресу (здесь же можно заказать сборник с материалами семинара 1995 г.): 150 000, г. Ярославль. Ярославский гос. пед. университет, ул. Республиканская, 103. Декану исторического фак-та Соколову А. Б. Тел./факс: (0852) 21-31-04.

e-mail: seminar@history.yaroslavl.su

Т. А. Свиридова
(Калужский педагогический университет)

К 60-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Конференция российских историков

19—21 сентября 1995 г. в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского прошла научная конференция «Переломные эпохи в истории. Россия и Запад», посвященная 60-летию со дня восстановления исторического факультета СГУ.

В рамках конференции работало семь секций, в которых участвовали ученые Саратова, Москвы, Волгограда, Нижнего Новгорода, Самары, Белгорода, Уфы, Кустаная.

На заседаниях секции «Власть и общество в России XVIII—XIX вв.» приоритетными темами обсуждения стали проблемы развития либерализма и консерватизма в России, становления российской адвокатуры, эволюции и взаимосвязи общественного сознания и государственной политики. Работа секции стала еще одним доказательством важности и результативности исследований, посвященных персоналиям, неисчерпаемости проблематики «Личность в обществе, личность в истории».

Выступление проф. И. В. П о р о х а с докладом «Письмо Александра II папе Пию IX» убеждает в том, что архивная находка в руках опытного исследователя способна существенно дополнить политический портрет российского императора.

Личности А. С. Зарудного — министра юстиции в 1904—1917 гг. был посвящен доклад профессора, академика МАН Н. А. Т р о и ц к о г о, проанализировавшего беспримерную по своему профессионализму и благородству деятельность адвокатов кружка Зарудного — Соколова.

Были также заслушаны доклады о своеобразии развития либерализма и консерватизма в России и крупнейших идеологах двух течений общественной мысли. Это доклады О. Ю. А б а к у м о в а — «Е. И. Феокистов и либеральная идеология конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в.», М. А. А б р а м о в а — «Либерализм как этическое явление в российской истории второй половины XIX в.», А. В. Л у н о ч к и н а (Волгоград) — «Взаимоотношения А. Д. Градовского и М. Т. Лорис-Меликова», Ю. Г. С т е п а н о в а — «К. П. Победоносцев и Ф. М. Достоевский», В. В. В е д е р н и к о в а (Волгоград) — «К. П. Победоносцев в оценке В. В. Розанова». Дискуссия позволила выявить как черты расхождения, так и некоторую общность взглядов представителей обоих идеологических течений, претерпевших неизбежную эволюцию на протяжении второй половины XIX в.

В выступлениях проф. А. А. Д е м ч е н к о «Ф. К. Шлоссер „История XVIII в.“ в русском переводе 1858—1860 гг.» и С. А. М е з и н а «Об одном опыте освещения русской культуры: Андрэ Робер „Нищета и слава“» рассматривалась специфика восприятия европейскими исследователями культуры и истории России.

Проблематика эволюции российской общественной мысли была представлена в сообщениях О. В. Л ы с и к о в о й «Александр I и общественное сознание первой четверти XIX в.», В. С. Б л и н о в о й «Раннее славянофильство», В. И. Пороха «Материалы по истории общественного движения в журнале «Русская старина 1870—1892 годов». На частном примере повседневной практики Д. М. Л е г к о м у (Кустанай) в докладе «Дело тверских посредников 1862 г.» удалось проиллюстрировать отсутствие всякой защиты прав личности в период активной разработки судебной реформы. На секции выступил проф. У а л ь д м а н (Огайо, США), исследующий проблему реализации крестьянской реформы 1861 г. в российской провинции.

Завершилось секционное заседание сообщениями Ю. Л. Е п а н ч и н а «Роль седьмого корпуса русской армии в Бородинском сражении» и В. С. С а р с а м о в а «Отношение Н. С. Гумилева к советской власти».

В работе секции «Россия в XX в.: революции и реформы», также посвященной вопросам отечественной истории, полемика развернулась в рамках таких проблем, как российская интеллигенция и ее роль в истории России XX в.; менталитет российского крестьянства; духовная жизнь российского общества в преддверии XXI в.

Из выступлений по первой проблеме следует отметить доклады: Е. В. Л о б з ы — об отношении российской интеллигенции к идее мировой революции в годы Гражданской войны, С. Ш. О в р у ц к о й (Уфа) — о понимании Г. П. Федотовым трагедии русской интеллигенции, А. Н. Н и к о л а е в а — о роли технократической элиты в политической жизни России. Тон обсуждению проблемы, связанной с историей российского крестьянства, был задан в докладе проф. Г. А. Г е р а с и м е н к о (Москва) «Земство как система местного самоуправления переходного периода». Роль крестьянства в Гражданской войне с традиционных для отечественной историографии позиций рассмотрел В. В. В а с ь к и н. О

взаимодействии и конфликте в крестьянском сознании традиционных взглядов и западных ценностей, выявленных на основе социологических исследований в поволжской деревне, шла речь в выступлении Н. М. Клопыжниковой. В историко-политологическом аспекте проблемы российского крестьянства рассматривались в сообщениях проф. В. М. Долгова и А. А. Вилкова. Ряду проблем современной духовной жизни российского общества были посвящены выступления Д. А. Ванюкова «„Перелом“ и „перестройка“ в советской политической мифологии», Т. И. Кузнецовой «Становление правозащитного движения в СССР».

Научный интерес представляют сообщения проф. Ю. Г. Голуба о взаимодействии российских профсоюзов и международных профсоюзных объединений в 20-х гг. XX в., Э. В. Костяева об отношении А. Потресова к Первой мировой войне, проф. А. И. Авруса об оценке Л. Мартовым политической ситуации в Советской России в конце Гражданской войны по материалам из коллекции Б. И. Николаевского.

Научная конференция, получившая статус международной, явилась важным свидетельством плодотворной деятельности, творческого потенциала ученых саратовской исторической школы и значительным событием в жизни российской исторической науки.

О. В. Лыскова
(Саратовский государственный университет)

**ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ,
УТВЕРЖДЕННЫЕ ВАК РФ В IV КВАРТАЛЕ 1995 г.**

**(специальность 07.00.02 — Отечественная история и 07.00.09 — Историография,
источниковедение и методы исторического исследования)**

1. *Бурков Владимир Германович.* «Историографические аспекты отечественных фалеронимов и фалеристики (1710—1993 гг.)». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Санкт-Петербургском государственном университете, защищена в Российском государственном гуманитарном университете.

Работа не имеет аналогов. Объединяет уникальный массив данных по историографическим аспектам отечественных фалеронимов и фалеристики (вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю наградного дела) на протяжении трех столетий. Автором подведены итоги исследования проблем фалеристики (понятийный аппарат, расширение круга источников, их классификация, совершенствование методов изучения фалеристических материалов), определен круг вопросов, освещаемых в ней, раскрыта ее специфика.

2. *Гончаренко Лев Николаевич.* «Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века (Социально-экономическое исследование)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Чувашском государственном педагогическом институте, защищена в Казанском государственном университете.

Это — первое обобщающее исследование о статусе и занятиях всех сословных категорий населения 42 городов указанного региона в период становления и утверждения капитализма в России. На основе огромного массива источников, в значительной части архивного материала, проанализирована демография городов, динамика роста их интеллектуального потенциала, профессиональные занятия их населения. Впервые предпринята попытка рассмотреть проблемы социально-экономического развития городов через призму деятельности, правового и материального положения сословных групп городского населения.

3. *Никонов Александр Васильевич.* «Национальный фактор в социально-экономическом развитии регионов в границах отечественной государственности (90-е годы XIX в. — 20-е годы XX в.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Российской академии государственной службы при Президенте России.

Новизна работы заключается в оригинальных подходах к трактовке места и роли национального фактора в экономическом развитии регионов России на протяжении трети века и в переосмыслении исторического опыта регулирования межнациональных отношений в многонациональном государстве. В работе проанализированы взгляды имперских властей, программные документы различных политических партий, детально представлена эволюция взглядов большевистской партии и ее побудительные мотивы при выборе путей экономического развития регионов Советской России в 20-х гг. Избранный автором подход к исследованию единого национально-хозяйственного комплекса государства в заданных хронологических рамках позволяет выявить корни процесса «выравнивания уровней социально-экономического развития регионов».

4. *Смирнов Сергей Сергеевич.* «Приписные крестьяне Урала в XVIII — начале XIX в.» Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Челябинском государственном университете.

Приписная деревня Урала рассматривается как составная часть крупнейшего металлургического комплекса и как объект промышленной и социальной политики абсолютизма в условиях переходного периода от феодальных структур к рыночно-капиталистической экономике. Автор прослеживает процесс формирования института приписных крестьян на Урале, организацию принудительных заводских работ, становление и развитие рыночных связей приписной деревни с горнозаводской промышленностью.

ленностью. Диссертация опирается на широкую источниковую базу (использованы материалы 126 фондов 11 архивов).

5. *Федоров Гаджи Саидович*. «Этническая история Северо-Восточного Дагестана (проблема происхождения кумыков)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Дагестанском государственном университете, защищена в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

На основе археологических, этнографических, антропологических, лингвистических источников выявляются этапы кумыкского этногенеза, как длительного процесса культурно-исторического взаимодействия местного кавказского населения и пришлого тюркского этноса. В работе впервые полно освещена история этнополитического объединения «Джидан» (Савир) и его инкорпорирование в состав Хазарского каганата.

6. *Герман Аркадий Адольфович*. «Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918—1941 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Саратовском высшем военном командно-инженерном училище ракетных войск, защищена в Саратовском государственном университете.

Это — первая в отечественной и зарубежной историографии попытка комплексного изучения истории автономии немцев Поволжья в течение всего времени ее существования. Автором проанализированы экономическая, социальная, политическая и духовная сферы жизнедеятельности этой автономии, показано, что отношение большевиков к немцам Поволжья определялось в основном взаимоотношениями СССР и Германии.

7. *Нарский Игорь Владимирович*. «Политические партии на Урале (1901—1916)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Челябинском государственном университете.

Это — комплексное исследование истории российских политических партий на региональном уровне со времени их возникновения до момента качественного изменения расстановки политических сил в начале 1917 г. В работе прослежена динамика внутривнутрипартийной жизни, межпартийных связей, освещены взаимоотношения с государственными структурами и населением региона. Обширный источниковый массив сгруппирован и трансформирован в таблицы, имеющие самостоятельную научную ценность.

8. *Федюк Владимир Павлович*. «Белое движение на юге России. 1917—1920 гг.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Ярославском государственном университете.

В работе предпринята попытка рассмотреть белые режимы как особый вариант послереволюционного развития, выявить общее и особенное в складывании различных моделей государственного и общественного устройства в период гражданской войны на юге России. Проанализированы социальная база, идеология, психология офицерского корпуса; позиция политических сил, консолидирующихся вокруг Добровольческой армии. Исследованы структура и функционирование органов власти, политические и социально-экономические мероприятия, попытки решения национального вопроса.

9. *Хорошилов Александр Николаевич*. «Исторический опыт государственного управления народным хозяйством в условиях генезиса и эволюции республиканской формы правления в России (1917—1929 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном социальном университете.

В работе анализируется процесс синхронизации генезиса и эволюции республиканской формы правления в России с новыми формами регулирования народного хозяйства. Рассмотрена деятельность высших органов представительной и исполнительной власти по разработке форм и методов планово-государственного регулирования народного хозяйства как на стадии сохранения частной собственности, так и при многоукладной хозяйственной модели с учетом особенностей федеративного устройства республиканского государства. Автором воссоздана достоверная картина деятельности российских государственных органов управления, показаны трудности и противоречия этого процесса.

10. *Рамазанов Сергей Павлович*. «Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы». Специальность 07.00.09.

Диссертация защищена в Томском государственном университете.

Это — первое специальное исследование, посвященное теоретическому осмыслению сущности и основных этапов методологического кризиса в отечественной исторической мысли начала XX в. В работе раскрыта тесная связь историографии в России с социально-политическими процессами в стране; методологический кризис в российской историографии рассматривается как единый процесс развития исторической мысли, охватывающий дооктябрьский и послеоктябрьский периоды.

11. *Красильников Сергей Александрович*. «Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 — середине 1930-х гг.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в виде научного доклада в Институте истории Сибирского отделения РАН.

Автором привлечены материалы из рассекреченных фондов архивов и спецхранов научных библиотек; рассмотрены проблемы маргинальности интеллигенции постреволюционного периода, социальной типологии интеллигенции в первое послеоктябрьское двадцатилетие, социальной дискриминации в отношении интеллигенции в 20—30-е годы. Работа отличается взвешенным подходом к оценке исследуемых явлений, лишена политической конъюнктуры.

12. *Вдовин Александр Иванович*. «Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова в виде опубликованной монографии (М., 1995).

Основное внимание автора сосредоточено на исследовании проблем нации, национальной структуры общества и наднациональной общности людей. В диссертации предпринята попытка переосмыслить сложившиеся исторические концепции национально-политического развития нашей страны, выявить причины кризиса национальных отношений на современном этапе. Важное политическое звучание имеют сформулированные в работе конкретные предложения и рекомендации о путях разрешения кризиса в сфере национальных отношений и поиск общенациональной идеи, способной сплотить граждан России в «единую» нацию.

13. *Косых Евгений Николаевич*. «Периодическая печать Сибири (март 1917 — май 1918 гг.). Из истории идейно-политической борьбы». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Томском государственном университете в виде опубликованной монографии (Томск, 1994).

В диссертации определены роль и место периодической печати Сибири в идейно-политической борьбе за различные слои населения региона в сложное и противоречивое время. Аналитические материалы многочисленных таблиц хорошо иллюстрируют состояние и развитие прессы, политическую направленность газет и журналов Сибири. Комплексное изучение периодической печати Сибири 1917—1918 гг. позволяет понять закономерности и особенности революционного и контрреволюционного движения в России тех переломных лет.

14. *Пашков Борис Григорьевич*. «Роль государства и государственных деятелей в становлении и развитии России (Древняя Русь — Русское государство — Российская империя)». Специальность 07.00.02.

Диссертация в виде научного доклада защищена в Саратовской государственной экономической академии.

В трудах соискателя, центральное место среди которых занимает монография «Русь — Россия — Российская империя. Хроника событий 862—1917 гг.» (М., 1994), дается теоретическое освещение причин «возвышений и упадков» Российского государства, выявляются закономерности усиления и ослабления государственной власти, «движения» территории, взаимоотношений общества и государства. Автор рассматривает почти тысячелетнюю историю России как смену периодов усиления и ослабления централизованной власти и выделяет три этапа этого процесса: Киевская Русь, ее распад и завоевание монголами; Московское государство и его кризис в Смутное время; Российская империя до 1917 г. В работе впервые представлена в целостном виде родословная российских правителей с выделением основных родов, прослежены их связи с литовскими, польскими, германскими, английскими, французскими родами, с казанскими и крымскими татарами.

15. *Арсентьев Николай Михайлович*. «Замосковский горный округ конца XVIII — первой половины XIX в.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

Это — первая работа по истории горного округа в Центральном регионе России, в ней исследованы процессы формирования промышленного рабочего класса, русская модель индустриализации, российская хозяйственная этика, система государственного попечительства, феодальная христианская этика, трудовая мотивация. Используются массовые источники (подворные описи, правительственные ревизии, заводские ведомости, делопроизводство горных учреждений и заводских контор) для составления машиночитаемого банка данных.

16. *Куксанова Наталья Васильевна*. «Социально-бытовая инфраструктура Сибири (конец 1950-х — середина 1980-х гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Новосибирском государственном университете, защищена в Институте истории Сибирского отделения РАН.

Автор исследует историческую динамику количественных и качественных изменений социально-бытовой инфраструктуры как органической части повседневной деятельности людей. В работе обобщен обширный статистический материал; взвешенно оценены положительные и отрицательные результаты процесса социально-экономического развития Сибири.

17. *Сенявский Александр Спартакович*. «Российский город в 1960-е—1980-е годы». Специальность 07.00.02.

Работа выполнена и защищена в Институте российской истории РАН.

В диссертации в широком историко-теоретическом контексте проблем отечественной урбанизации проанализировано развитие российского города в 1960—1980-х гг. в территориальных рамках РСФСР; рассмотрены важнейшие сферы городской жизни в их взаимосвязи.

18. *Фомин Владимир Николаевич*. «Части особого назначения (ЧОН) на Дальнем Востоке в 1918—1925 гг.». Специальность 07.00.02.

Диссертация защищена в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

В диссертации обобщен опыт создания и практического использования территориально-милиционных коммунистических формирований в регионе. Автором дан объективный и всесторонний анализ сущности, своеобразия и функций ЧОН в условиях буржуазно-демократического государственного устройства Дальневосточной республики и японской оккупации. Исследована боевая, оперативная и политическая деятельность ЧОН по укреплению тыла и упрочению советской власти на Дальнем Востоке.

М. И. Копашева,
главный специалист ВАК России

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

(по материалам «Книжного обозрения» с 28 ноября 1995 г. по 23 января 1996 г.)

- Актуальные проблемы отечественной истории: Межвуз. сб. науч. тр./ВГТУ. Воронеж, 1995. 134 с.
- Арабески истории: Альманах. Вып. 2. Пустыня Тартари/Сост., подгот. текста А. И. Куркчин. М.: ДИ—ДИК, Танаис, 1995. 619 с. (Фонд «Мир Л. Н. Гумилева»).
- Артемьев Н. И. Салтыковка: Прошлое и настоящее. Природа и люди. М.: Отечество, 1995. 104 с.
- Аршинов П. История махновского движения. 1918—1921. Запорожье: Дикое поле, 1995. 240 с.
- Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920—1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.
- Баталин А. М. Город Воротынский и князья Воротынские в истории России. Калуга: Золотая аллея, 1995. 72 с.
- Бауэр В., Иларионова Т. Российские немцы: право на надежду: К истории нац. движения народа (1955—1993). М.: Республика, 1995. 458 с.
- Берлин А. Б. Новокузнецк в солдатской шинели: В год пятидесятилетия Великой Победы — молодому поколению новокузнецчан посвящается. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. 298 с.
- Бывшие «хозяева» Восточной Европы: Полит. портреты/Ин-т славяноведения и балканистики РАН/Отв. ред. Ю. С. Новопашин. М., 1995. 310 с.
- Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи: Т. 4. Разрыв франко-русского союза/Пер. с фр. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. 602 с.
- Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Елизавета и Петр I/ Пер. с фр. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. 570 с.
- Великий Устюг: Краевед. альманах. Вып. 1/Гл. ред. В. А. Саблин. Вологда: Русь, 1995. 464 с.
- Верт Н. История советского государства. 1900—1991/Пер. с фр. 2-е испр. изд. М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1995. 544 с.
- Вестник Сахалинского музея: Ежегодник Сахалин. обл. краевед. музея № 2/Редкол. В. М. Латышев и др. Южно-Сахалинск: Обл. тип., 1995. 360 с.
- Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем Средневековье (VII — начало XI века). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. 164 с.
- Волгогонов Д. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. В 2 кн. М.: Новости, 1995. Кн. 1. Владимир Ленин; Иосиф Сталин; Никита Хрущев. 495 с. Кн. 2. Леонид Брежнев; Юрий Андропов; Константин Черненко; Михаил Горбачев. 479 с.
- Воронкова С. В. Массовые источники по истории промышленности России конца XIX — начала XX в. М.: Изд-во МГУ, 1995. 104 с.
- Гекман Л., Миллер М. «Здесь наше начало»: Очерки истории села Красноярки Шербакульского р-на Омской обл. 1895—1995 гг. Омск: Обл. тип., 1995. 152 с.
- Гейфтер М. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос/Сост., ред. Е. Высочина. М.: Науч.-просвет. центр «Холокост», 1995. 294 с.
- Гобарев В. М. Русь от Рождества Христова/Под общ. ред. В. А. Золотарева. М.: Менеджер, 1996. 432 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и полит. отношения славянского мира к германо-романскому. 6-е изд. СПб.: Изд-во СПб. ГУ; Глаголь, 1995. 514 с.
- Дело Бейлиса: А. С. Тагер. Царская Россия и дело Бейлиса: Репринт. воспроизв. 2-го изд., 1934 г.; Исследования и материалы/Сост. Л. Кацис. Москва — Иерусалим: Геларим; Евр. ун-т в Москве, 1995. 556 с.
- Дзидзоев В. Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ: Ир, 1995. 216 с.
- Дневник русской комплексной академической экспедиции в Бразилию в 1824—1826 гг. под началом академика Г. И. Лангсдорфа/Отв. ред. С. Р. Микулинский. Сост. Н. М. Осипова. М.: Наука, 1995. 278 с.
- Дональдсон Н. Как они умерли/Пер. с англ. М.: Крон-Пресс, 1995. 358 с.
- Зайцева Л. И. Аграрная реформа П. А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX — начала XX века/Ин-т экономики РАН. М., 1995. 178 с.
- Зайцева Л. Россия Державная. Первый русский экономист и мыслитель — Иван Тихонович Посошков/Ин-т экономики РАН. М., 1995. 126 с.
- Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII—XX вв.): Сб. науч. тр./Ин-т истории РАН/Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1995. 200 с.

- Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей: Науч.-попул. статьи [Репринт. изд.]. СПб.: «Алетейя» при участии «Логос-СПб.», 1995. 464 с.
- Земское самоуправление в пореформенной России (1864—1918 гг.): Документы и материалы. Уч. пос./ГАУ им. Серго Орджоникидзе/Сост. А. Г. Бесов, Л. А. Жукова. М., 1995. 84 с.
- Иванова Н. А. Промышленный центр России. 1907—1914 гг. Стат.-экон. исслед./Ин-т рос. истории РАН/Отв. ред. П. В. Волобуев. М., 1995. 284 с.
- История казачества Азиатской России: В 3 т. Т. 3. XX век/Ин-т истории и археологии УрО РАН/Отв. ред. В. Ф. Мамонов. Екатеринбург, 1995. 268 с.
- История Второй мировой войны: проблемы преподавания в высшей школе: Тезисы докл. Междунар. науч. метод. конференции. 5—9 мая 1995 г./Рос. гос. гидрометеорол. ин-т. СПб., 1995. 158 с.
- История и культура Ростовской земли: Материалы науч. конференции, посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Титова, 26—28 окт. 1994 г. Ярославль: Фонд граждан. инициатив «Содействие», 1995. 215 с.
- История России: вторая половина XIX—XX в.: Курс лекций/Урал. ГТУ/Под ред. Б. В. Личмана. 3-е изд., доп. Екатеринбург, 1995. 352 с.
- Иоффе Г. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. 238 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского: В 4 кн. Ростов н/Д.: Феникс, 1995. Кн. 1. 510 с. Кн. 2. 606 с. Кн. 3. 544 с. Кн. 4. 542 с.
- Колесников А. Полтавка сибирская: Очерки истории р-на. Омск: ИПК «Омич», 1995. 200 с.
- Крапивин М. Ю. Большевики и сионисты: история взаимоотношений в послеоктябрьский период: Окт. 1917-го — начало 30-х гг. Волгоград: Перемена, 1995. 119 с.
- Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: Документы и материалы/Сост. Ю. Е. Рыбалко, А. А. Буданова. Самара: Самар. Дом печати, 1995. 448 с.
- Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль: В 2 т. Т. 2. 1917—1988. М.: Патриот, 1995. 248 с.
- Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: АИРО-XX. 1995. 158 с.
- Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1995. 312 с.
- Лапинский Теофил (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских/Пер. В. К. Гарданова. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 464 с. (КЛИО. Кавказский литературно-ист. Олимп. Раздел «История». Вып. 1).
- Лечуга К. В центре бури: Ф. Кастро, Н. С. Хрущев, Дж. Ф. Кеннеди и ракетный кризис/Пер. с исп. М.: Изд-во АО «Си-Мар», 1995. 200 с.
- Мальков В. Л. «Манхэттенский проект»: Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995. 272 с.
- Местр Жозеф де. Петербургские письма. 1803—1817/Сост., пер., предисл. Д. В. Соловьева. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 336 с.
- Мешалкин П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей: Вторая половина XIX — нач. XX в. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 158 с.
- Народы Сибири и сопредельных территорий: Межвед. сб. науч. ст./Отв. ред. Н. А. Томилов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 319 с.
- Нелепин Н. А. История казачества: Т. 1. СПб.: Изд-во СПб. митрополии «Православная Русь», 1995. 559 с.
- Новиков М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936—1939 гг./Ярослав. гос. пед. ун-т. Ярославль, 1995. Ч. 1. 164 с. Ч. 2. 132 с.
- Омская старина: Ист.-краевед. альманах. Вып. 4/Сост. Ю. А. Макаров, И. Ф. Петров. Омск: Русь, 1995. 284 с.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1/Редкол. Л. М. Плетнева и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 490 с.
- Памятники истории и культуры Красноярского края: Вып. 3/Сост. Г. Ф. Быконя. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 430 с.
- Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Петрозаводск: АО «Фолиум», 1995. 838 с. (Ист. мысль). По воле разума и сердца: Сб. документов. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1995. 236 с.
- Поликарпов В. С. История нравов в России. Восток или Запад? Ростов н/Д.: Феникс, 1995. 576 с.
- Прибытков В. Аппарат. СПб.: ВИС, 1995. 224 с.
- Проблемы истории казачества XVI—XX вв./Отв. ред. А. И. Козлов. Ростов н/Д.: Изд-во Рос. ун-та, 1995. 182 с.

- Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов: Межвуз. сб. науч. тр./Иванов. гос. ун-т. Иваново, 1995. 120 с.
- Прокопьевск. Вклад в Победу/Под общ. ред. А. И. Грохова. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. 304 с.
- Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X—XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX в.: Уч. пос. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. 194 с.
- Россия и Европа: Дипломатия и культура/Редкол. А. С. Намазова и др. М.: Наука, 1995. 224 с.
- Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тезисы докл. межгос. науч.-теорет. конференции Иваново, 20—21 сент. 1995 г./Иванов. гос. ун-т. Иваново, 1995. Т. 1. 284 с. Т. 2. 285—646 с.
- Русская провинция: Вып. 2/Сост. Р. В. Андреева. Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 1995. 454 с.
- Рябцевич В. Российско-«польские» монетные эмиссии эпохи Петра I. Тольятти: АвтоВАЗбанк; П/п «Современник», 1995. 310 с.
- Савв Р. Х. Тахтамукайский район в годы Великой Отечественной войны: июнь 1941—1945 гг. /Администрация Тахтамукайск. р-на республики Адыгея. Тахтамукай, 1995. Ч. 1. 175 с. Ч. 2. 181 с.
- Савченко В. Н. Восточнославянско-польское пограничье. 1918—1921 гг. Этносоциальн. ситуация и гос. полит. размежевание/Ин-т славяноведения и балканистики РАН/Отв. ред. И. И. Костюшко. М., 1995. 195 с.
- Свод древних письменных известий о славянах: Т. II. (VII—IX вв.)/Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М.: «Вост. лит.» РАН, 1995. 590 с.
- Семиряга М. И. Как мы управляли Германией: Политика и жизнь. М.: РОССПЭН, 1995. 352 с.
- Славинский Б. Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941—1945 гг. М.: ТОО «Новина», 1995. 336 с.
- Слово о людях и земле поморской: Докл. и тезисы докл. III науч.-краевед. чтений. Вып. 2/Под науч. ред. А. В. Репневского. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1995. 294 с.
- Смоленщина на связи времен героических: Материалы докл. науч. конференции, посвящ. 50-летию Великой Победы. Смоленск: Смядынь, 1995. 224 с.
- Соловьев С. М. Император Александр I. Политика и дипломатия. М.: Мысль, 1995. 638 с.
- Сообщения Ростовского музея: Вып. 7. Колокола и колокольни Ростова Великого/Гос. музей-заповедник «Рост. Кремль»; Ред.-сост. А. Г. Мельник. Ярославль: Фонд гражданских инициатив «Содействие», 1995. 248 с.
- Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917—1991 гг./Ком. по делам архивов при Правительстве Удм. Респ./Сост. О. М. Безносова и др. Ижевск: Удмуртия, 1995. 744 с.
- Средние века: Вып. 58/Редкол. Н. И. Басовская и др. М.: Наука, 1995. 298 с.
- СССР — Польша. Механизмы подчинения. 1944—1949 гг.: Сб. документов/Под ред. Г. Бордюгова, Г. Матвеева (Россия), А. Косеского, А. Пачковского (Польша). М.: АИРО-XX, 1995. 382 с.
- Старый Саратов: Летопись. Воспоминания. Факты. Сб. в 2 кн./Сост. В. Н. Панов. Саратов: Изд-во журн. «Волга», 1995. Кн. 1. 256 с. Кн. 2. 254 с.
- Страна Синей птицы. Русские в Бельгии/Под общ. ред. Э. Вагеманса; Ред. рус. изд., пер. с нидерланд., фр., подстрочные примеч. В. Ронина. М.: Наука, 1995. 378 с.
- Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. М.: Наука, 1995. 270 с.
- Труды Международной логико-исторической школы: Вып. 2. История и реальность: уроки теории и практики: Сб./Сост., ред. М. Дафермос, М. В. Максимов. М.: ТОО «СИМС», 1995. 254 с.
- Труженики тыла России в годы Великой Отечественной войны (тыл второй мировой войны): Сб. докл. и сообщений междунар. науч. конференции, 14—16 сент. 1995 г./Костром. ГТУ. Кострома, 1995. 316 с.
- Фрейнкман-Хрусталева Н. С., Новиков А. И. Эмиграция и эмигранты: История и психология/СПб. гос. акад. культуры. СПб., 1995. 154 с.
- Хроника рабочего движения в России: Апр.— дек. 1912 г. Ч. 2/Ин-т рос. истории РАН; Сост. В. П. Желтова. М.: 1995. Кн. 1. 168 с. Кн. 2. 169—318 с.
- Хронология всеобщей и русской истории/Сост. В. Л. Ранцов: По изд. 1905 г. (СПб.: Брокгауз — Ефрон). М.: РИА «Аргумент»; Калининград: ГИПП «Янтарный сказ», 1995. 160 с.
- Чекунова А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII—XVIII вв. Опыт источниковедческого анализа. М.: Рос. университет. изд-во при поддержке Моск. отд-ния Рос. науч. фонда, 1995. 136 с.

Шеремет В. Босфор: Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам рус. воен. разведки. М.: Технол. шк. бизнеса, 1995. 288 с.

Шинкарчук С. А. Общественное мнение в Советской России в 30-е годы: По материалам Северо-Запада. СПб.: СПб УЭФ, 1995. 143 с.

Шнейдер К. И. Россия. XIX век, I половина: Документы, материалы, коммент./Перм. гос. ун-т. Пермь: ЗУУНЦ, 1995. 197 с.

Щепетов К. Немцы — глазами русских. М.: Талицы, 1995. 270 с.

Эйдельман Н. Я. Вьеварум. Лунин. М.: Мысль, 1995. 590 с.

Этнические аспекты власти: Сб. ст./СПбГУ; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: Языковой центр, 1995. 240 с.

Яковлев В. Н. По мощам и елей. М.: Евразия, 1995. 192 с.

Авторы и издательства, заинтересованные в рецензировании своей продукции, могут присылать книги в редакцию.

Памяти А. А. ПУШКАРЕНКО

27 октября 1995 г. ушел из жизни Александр Анатольевич Пушкаренко. Его имя хорошо известно специалистам по аграрной истории, краеведам, педагогам. Природа-мать не поскупилась на этого человека, наделив его многими талантами, и он всю свою жизнь окупал их с той удивительной сыновней щедростью, которая позволяет всем нам гордиться своей причастностью к человеческому роду. Родился он 31 мая 1928 г. в с. Малая Девица Черниговской области в семье агронома. В страшные голодные годы семья, лишившаяся кормильца-отца, переехала в небольшой горный поселок Ростовской области (ныне г. Новошахтинск). Здесь А. А. Пушкаренко окончил школу, затем поступил на историко-филологический факультет Ростовского государственного университета, который окончил в 1952 г. с отличием.

Истинный интеллигент-подвижник, А. А. Пушкаренко умел находить талантливых людей, увлекать их своими идеями, заботиться о них. Этот дар проявился уже в бытность его в 50-х гг. директором Таганрогского краеведческого музея, в создании которого в конце XIX в. принимал участие А. П. Чехов. Загоревшись идеей превратить музей в культурный и научный центр города, А. А. Пушкаренко сумел во многом перестроить его деятельность, что существенно меняло сложившийся взгляд на провинциальные музеи. В те годы в штате такого музея обычно был всего один научный сотрудник, о средствах для научно-исследовательской, собирательской работы не приходилось и мечтать. При А. А. Пушкаренко в Таганрогском музее впервые за всю его историю развернулась бурная исследовательская деятельность: в архивах Москвы и Ленинграда, Ростова-на-Дону и Воронежа выявлялись документы по истории города и Северо-Восточного Приазовья; самостоятельно и совместно с Институтом археологии АН СССР сотрудники музея вели археологические разведки и раскопки, которые значительно пополнили фонды музея и дали материал для изучения эпохи палеолита и античности. В музее образовался крепкий научный коллектив из выпускников Ленинградского и Воронежского университетов. Молодой инициативный директор сумел организовать издание «Краеведческих записок».

Подвижничество А. А. Пушкаренко было оценено и властями — его избрали депутатом горсовета Таганрога, а затем — заведующим отделом культуры горисполкома. Ему город обязан открытием во второй половине 50-х — начале 60-х гг. новых библиотек, музыкальной школы, возведением памятника А. П. Чехову. Благодаря ему горожане увидели гастрольные спектакли МХАТа, его стараниями закипела жизнь в заводских дворцах культуры. Не без его настойчивых усилий ряд работников культуры города получили звания заслуженных работников культуры, заслуженных артистов республики. Наконец, впервые в истории города им было организовано строительство методом «самостроя» двухэтажных домов для работников культуры.

Как историка А. А. Пушкаренко особо привлекали «белые пятна», историческая целина. Его кандидатская диссертация и цикл опубликованных работ посвящены заселению, хозяйственному освоению Северо-Восточного Приазовья в XVIII в. Он один из авторов интересно исполненной книги «Таганрог». Привлечение им свежих архивных материалов позволило вписать новые страницы в начальную, скудно освещенную письменными источниками историю города, показать его роль в жизни края. Незавершенной осталась третья, значительно дополненная редакция книги, готовившаяся им к 300-летию юбилею города.

Предметом постоянных научных изысканий А. А. Пушкаренко стала история русского крестьянства XVII — первой половины XIX вв.— его правовой статус, правосознание, участие в социальных протестах. Исследовательские интересы ученого в этой области аграрной истории во многом были определены его собственными пристрастиями как историка права XVII—XX вв. и теми задачами, которые коллективно определялись в рамках деятельности Всесоюзного, а затем — Общероссийского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, в работе которого А. А. Пушкаренко активно участвовал на протяжении почти 30 лет. Его доклады, сочетавшие академическую основательность и острую полемичность, умение нестандартно подойти даже к хорошо известным проблемам, неизменно вызывали интерес аудитории. Многим, думается, памятны и его доклады и эмоциональные выступления на всесоюзных конференциях по отечественному источниковедению, историографии, на Чтениях памяти академика Л. В. Черепнина. В нем всегда привлекали черты яркого полемиста, темперамент и твердость, принципиальность и вместе с тем искреннее уважение к оппоненту, доброжелательность и полная открытость для критики в свой адрес. Как правило, под напором его аргументированных возражений быстро обнаруживались наиболее слабые пункты позиции оппонентов. И сам он всегда готов был принять весомые аргументы противостоящей стороны.

А. А. Пушкаренко много и плодотворно занимался также проблемами генезиса абсолютизма в России, в частности историей возникновения каторги в Петровское время, так органично вписавшейся в карательную систему абсолютистского государства. Другая проблема в рамках этой темы — российское законодательство XVIII в. Он входил в состав авторского коллектива, выпустившего в свет 9-томное фундаментальное академическое издание «Российское законодательство X—XX веков» (М., 1984—1994). Введения и комментарии к подготовленным им в этом издании текстам законодательных актов XVIII в. отличаются свежестью мысли, точностью и ясностью изложения, корректностью формулировок и заключений.

Для творчества А. А. Пушкаренко характерна была широта научных интересов. Его привлекали и боевое прошлое донского казачества, и вопросы культуры, и проблемы историографии и источниковедения отечественной истории. Он автор многих крупных работ по всем этим сюжетам.

Однако главным в его жизни, как он сам считал, была преподавательская работа, которую он начал в Таганрогском педагогическом институте. Затем на протяжении более 30 лет он вел курс истории государства и права СССР (ныне — история отечественного государства и права) на юридическом факультете Ростовского государственного университета. В последние годы он читал и столь актуальный в наши дни новый для вузовских программ спецкурс «Правовая охрана памятников истории и культуры», которым очень дорожил.

Его лекции для студентов были не только прекрасным образцом живого слова, высокого академического уровня, но всегда были уроком любви и боли за свое Отечество. В них А. А. Пушкаренко возродил добрые традиции, заложенные еще корифеями истории русского права — М. Ф. Владимирским-Будановым, В. И. Сергеевичем, С. В. Юшковым. Он всегда побуждал студентов размышлять, искать истину в горячих дискуссиях на семинарах о норманнах и опричнине, Петре I и суде присяжных и др.

Редкостная для нашего прагматичного времени принципиальность, самоотдача, требовательность к себе и коллегам у А. А. Пушкаренко всегда сочетались с добротой, внимательностью к студентам, их нуждам, умением прощать их слабости. С преподавательской работой А. А. Пушкаренко тесно связано его многолетнее на общественных началах руководство научным студенческим обществом РГУ.

Неизгладимые воспоминания у целого поколения студентов РГУ, его преподавательского корпуса оставили годы работы А. А. Пушкаренко деканом юридического факультета РГУ. Для него как декана было характерно умение видеть перспективы развития, многие начинания на факультете отмечены печатью его организаторского таланта. Под руководством А. А. Пушкаренко была проведена огромная работа, имевшая важное значение для факультета. Это — и строительство нового здания для юрфака, и открытие кафедры советского строительства и управления (ныне кафедра муниципального права и управления), ставшей одной из первых в стране, и кафедры хозяйственного права.

По его инициативе в рамках провозглашенного в условиях «перестройки» курса на совершенствование юридического образования был заключен комплексный договор творческого сотрудничества между РГУ и руководством Ростовской области (1986 г.). Исходя из сложности проблемы подготовки юридических кадров для государственных органов управления, невозможности ее решения на местном уровне, были подготовлены предложения в правительство РСФСР. Вскоре последовало постановление Совета Министров «О подготовке юридических кадров для советских органов», в котором в числе четырех ведущих центров был назван и юридический факультет РГУ.

Последние три года своей жизни А. А. Пушкаренко был ученым секретарем университета. Ему удалось в значительной мере перестроить работу ученого совета — был преодолен формальный характер его заседаний и налажена четкая организация, стали проводиться университетские Чтения.

Благодарная память об Александре Анатольевиче Пушкаренко — человеке кристальной чистоты, педагоге от Бога, талантливом ученом и бескомпромиссном, требовательном, справедливом руководителе — сохранится в сердцах многих поколений студентов, которых он вырастил, в памяти коллег, которым посчастливилось общаться и работать с ним, и всех, кому довелось знать его.

Группа товарищей

СОДЕРЖАНИЕ

К 850-летию Москвы

Горинов М. М. — Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей (1941—1942 гг.)	3
Гинцберг Л. И. — Советско-германский пакт: замысел и его реализация	29
Раак Р. Ч. (США) — Источник из высших кругов Коминтерна о планах Сталина, связанных со Второй мировой войной	41
Супрун М. Н. (Мурманск) — Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны	46
Невежин В. А. — Сталинский выбор 1941 года: оборона или... «лозунг наступательной войны»? (По поводу книги Г. Городецкого «Миф «Ледокола»»)	55
Горский А. А. — Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой	74
Юрганов А. Л. — Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России	93
Айсфельд А. (ФРГ) — Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях	115
Савоскул С. С. — Русские в государствах Центральной Азии: проблемы и перспективы	129

Сообщения

Киняпина Н. С. — Балканская конфедерация в планах военного министра России Д. А. Милютин	150
Симонов Н. С. — «Крепить оборону Страны Советов» («Военная тревога» 1927 года и ее последствия)	155

Критика и библиография

Книги по истории Великой Отечественной войны	
Гаврилов Л. М. — Всероссийская книга памяти. 1941—1945. Обзорный том	162
Курносоев А. А. — Е. С. Сеньевская. 1941—1945. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование	165
Вовина В. Г. (Санкт-Петербург) — А. П. Богданов. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени»	168
Носов Б. В. — Д. Брандес. Приглашенные царями. Немецкие колонисты и переселенцы с Балкан в Новороссии и Бессарабии. 1751—1914	175
Федоров В. А. — Стивен Ли Хок. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии	179
Академик РАН Ананьич Б. В., Чернуха В. Г. (Санкт-Петербург) — 1857—1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича	183
Шевырин В. М. — Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX века. Сборник статей и материалов, посвященный памяти О. Н. Знаменского	185
Селунская Н. Б. — «К исторической истине — через источник». Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник	190

Научная жизнь

В Институте российской истории РАН	
Араловец Н. А. — Людские потери во Второй мировой войне. Международная научная конференция	193

Балашов Е. М. (Санкт-Петербург) — Третий международный научный коллоквиум по истории рабочего класса России	197
Свиридова Т. А. (Калуга) — История России в зарубежной историографии. Конференция в Ярославле	204
Лысикова О. В. (Саратов) — К 60-летию исторического факультета Саратовского университета. Конференция российских историков	208
Докторские диссертации по историческим наукам (четвертый квартал 1995 г.)	210
Новая литература по отечественной истории	214
Памяти А. А. Пушкаренко	218

CONTENTS

Towards 850 Years of Moscow

Gorinov M. M. — Daily Life of the Besieged Capital: Life and Public Sentiments of the Muscovites	3
Gintsberg L. I. — The Soviet-German Pact: Its Idea and Realization	29
Raack R. C. (USA) — Stalin's Plans for the Second World War According to a Source from the Top Comintern Circles	41
Suprun M. N. — Food Supplies to the USSR within the Lend-Lease Programme During WW2	46
Nevezhin V. A. — Stalin's Choice in 1941: Defence or... «The Slogan of Offensive War»? (Concerning G. Gorodetskii's Book «The Myth of the Ice-Breaker»)	55
Gorskii A. A. — Political Struggle in Rus' at the End of the 13th Century and the Relations with the Horde	74
Iurganov A. L. — The Appanage-Patrimonial System and the Traditions of Inheriting Authority and Property in Medieval Russia	93
Icefeld A. (FRG) — Russian Germans in the Post-War Soviet-German Relations	115
Savoskul S. S. — Russians in the States of Central Asia: Problems and Prospects	129

Communications

Kiniapina N. S. — The Balkan Confederation in the Plans of Russia's War Minister D. A. Miliutin	150
Simonov N. S. — «Strengthen the Defence of the Soviet Country» («Military Alarm» of the Year 1927 and Its Consequences)	155

Book Reviews and Bibliography

Books on the History of the Great Patriotic War	
Gavrilov L. M. — The All-Russian Book of Memory. 1941—1945. The Review Volume	162
Kurnosov A. A. — E. S. Seniavskaia. 1941—1945. The Battle-Front Generation: An Historico-Psychological Research	165
Vovina V. G. (St. Petersburg) — A. P. Bogdanov. A Chronicler and an Historian of the Late 17th Century: Essays of Historical Thought of the «Time of Transition»	168

Nosov B. V. — D. Brandes. Invited by the Tsars. German Colonists and Settlers from the Balkans in New Russia and Bessarabia. 1751—1914	175
Fedorov V. A. — Stephen Lee Hoch. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov	179
Ananich B. V., Full Member of the Russian Academy of Sciences; Chernukha V. G. (St. Petersburg) — 1857—1861. Correspondence between Emperor Alexander II and the Grand Duke Constantine Nikolaevich. The Diary of Grand Duke Constantine Nikolaevich	183
Shevyrin V. M. — The Workers and Russian Society. The Second Half of 19th — Early 20th Century. The Collection of Articles and Materials Dedicated to the Memory of O. N. Znamenskii	185
Selunskaja N. B. — «To the Historic Truth by Way of Sources». Russia, 1913. A Statistical and Documentary Reference Book	190

Academic Life

At the Institute of Russian History	
Aralovets N. A. — Human Losses in the Second World War. An International Scientific Conference	193
Balashov E. M. (St. Petersburg) — <i>The Third International Scientific Symposium on the History of Russia's Working Class</i>	197
Sviridova T. A. (Kaluga) — History of Russia in the Foreign Historiography. A Conference in Jaroslavl	204
Lysikova O. V. (Saratov) — The 60th Anniversary of the History Department of Saratov University. A Conference of Russian Historians	208
Doctoral Dissertations in History, Fourth Quarter 1995	210
New Literature on Russian History	214
In Memoria of A. A. Pushkarenko	218

РЕДАКЦИЯ

Секиринский С. С.	— Отдел новейшей истории
Петров Ю. А.	— Отдел новой истории
Французова Е. Б.	— Отдел древней и средневековой истории
Костина Р. В.	— Отдел истории народов
Елисеева Н. В.	— Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Юрасовский А. В.	— Отдел истории за рубежом
Новикова М. А.	— заведующая редакцией
Полторацкая Л. Н.	— старший литературный сотрудник
Вострова А. Г.	— младший редактор

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 06.02.96. Подписано к печати 07.03.96. Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 129,4 тыс. Уч.-изд. л. 25,0 Бум. л. 7,0
Тираж 7017 экз. Заказ 3865

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
Телефон: 123-90-10
Московская типография № 2 ВО «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6